

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

*Сборник статей
к 80-летию профессора
Тамары Александровны Репиной*

Филологический факультет СПбГУ
Санкт-Петербург
2007

УДК 811.13(082)

ББК 81.471.1я43

Р 695

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук *Т. И. Зеленина* (Удм. гос. ун-т),

д-р филол. наук *М. К. Сабанеева* (СПбГУ),

д-р филол. наук *Е. М. Чекалина* (СПбГУ)

Рецензенты:

д-р филол. наук *М. А. Марусенко* (СПбГУ),

канд. филол. наук *Е. Е. Корди* (Ин-т лингвист. исследований РАН)

Романские языки в прошлом и настоящем: Сборник статей
Р 695 к 80-летию профессора Т. А. Репиной / Под ред. Т. И. Зелениной;
С.-Петерб. гос. ун-т; Удм. гос. ун-т. – СПб.: Филологический
факультет СПбГУ, 2007. – 353 с.

ISBN 978-5-8465-0675-6

Настоящий сборник – дань уважения коллег, учеников и друзей профессору С.-Петербургского государственного университета Т. А. Репиной. Статьи посвящены различным вопросам истории романских языков: французского, испанского, итальянского, румынского, современному состоянию этих языков, их типологическому сравнению, контактированию языков, а также некоторым аспектам теории и практики перевода. В сборнике представлены сведения о научном пути Т. А. Репиной и библиография ее работ.

Сборник рассчитан на филологов-романистов и широкий круг читателей, интересующихся актуальными направлениями лингвистических исследований в области романской филологии.

УДК 811.13(082)

ББК 81.471.1я43

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета*

© Филологический факультет СПбГУ, 2007

© ИИЯЛ УдГУ, 2007

© ИДМОО «Полиглот», 2007

ISBN 978-5-8465-0675-6

**К 80-летию ЮБИЛЕЮ
ПРОФЕССОРА Т. А. РЕПИНОЙ**

Наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, она всегда была и будет высшим проявлением любви, только ею одною человек победит природу и себя.

А. П. Чехов

Тамара Александровна Репина – видный филолог-романист, известный у нас в стране и за рубежом, крупный специалист в области сравнительного языкознания, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Более пятидесяти лет жизни и деятельности Т. А. Репиной отданы служению науке, подготовке педагогических и научных кадров в области романской филологии. Ею созданы многочисленные научные труды, посвященные исследованию исторического развития и современного состояния романских языков. Она автор (или один из авторов) ряда известных учебников. Получив профессиональную подготовку по французскому языку, Т. А. Репина в дальнейшем овладела румынским языком, изучила итальянский, испанский, португальский, создав труд по сравнительной типологии пяти романских языков (1996), который не имеет аналогов ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании. Ею внесен весомый вклад в разработку таких важных проблем романистики, как проблема общности структурного типа романских языков, принципиально отличающего их от языка-основы – латинского; в проблему классификации романских языков; предложено аргументированное объяснение многих произошедших в истории французского и румынского языков изменений.

Т. А. Репина подготовила четырнадцать кандидатов наук (пятнадцатая диссертация готовится к защите) по разным ро-

манским языкам и их сравнению, заново составила курсы истории румынского языка и его теоретической грамматики, снабдив их учебниками. Во втором издании практического курса румынского языка для начинающих ею разработана новая методика изложения грамматического материала: его представление и закрепление в виде «блоков» целостной системы.

В учебнике по введению в романскую филологию (1-е изд. 1982; 3-е – 2007), созданном в соавторстве с московскими коллегами Т. Б. Алисовой и М. А. Таривердиевой, Т. А. Репиной выполнены разделы, посвященные характеристике романского языкового ареала и исторических условий его образования, а также обзору истории формирования научной мысли в области изучения романских языков. Ее участие в написании практикума к этому учебнику (1987) в содружестве с теми же авторами выразилось в подборе и комментировании текстов по старофранцузскому, раннерумынскому, балкано-романским языкам / диалектам – арумынскому, менгленорумынскому, истрорумынскому, ретороманскому, далматинскому и креольским языкам. В своей докторской диссертации и монографии об аналитизме романского имени (1974) Т. А. Репина предложила решение сложного дискуссионного вопроса о причинах отмирания старофранцузского склонения и выработала критерии отнесения языков к синтетическому и аналитическому строю на основе дифференциальных признаков, противопоставляющих их друг другу.

В течение десяти лет (1983–1993) Т. А. Репина руководила кафедрой романской филологии. Она продолжила лучшие традиции, заложенные академиком В. Ф. Шишмаревым и его последователями – профессорами А. А. Касаткиным, Г. В. Степановым, О. К. Васильевой-Шведе и др., сохраняя и поддерживая на всех уровнях уникальность кафедры, объединившей подготовку специалистов по пяти романским языкам. Ученый широкого профиля, обладающий разносторонними знаниями, человек живой, активный, творческий, Т. А. Репина не только

успешно совмещала педагогическую и организационную деятельность по руководству кафедрой с собственной работой над крупными научными темами, но и сумела привлечь к научным исследованиям большой научно-педагогический коллектив. В жизни многих молодых романистов Тамара Александровна сыграла исключительную роль в определении их научной судьбы. За десятилетие ее руководства кафедрой было защищено свыше сорока диссертаций, вышли в свет два сборника научных статей серии «Древняя и Новая Романия», опубликована коллективная монография «Французский язык в свете теории речевого общения» (1992). Значимым является личный вклад Т. А. Репиной как романиста и в обеспечение учебного процесса программами по теоретическим дисциплинам.

Тамару Александровну отличают принципиальность, справедливость, необычайная работоспособность и энергия, блестящий талант организатора, чувство высокой ответственности и требовательность к себе и окружающим. Ей присущи доброта, доброжелательность, отзывчивость.

Заслуги Т. А. Репиной отмечены медалью «За трудовую доблесть» и почетным знаком «За отличные успехи в работе». Она лауреат университетского конкурса «За высокое педагогическое мастерство». В 1999 г. ей присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

В свои 80 лет Тамара Александровна сохраняет присущую ей энергию, продолжает делиться с коллегами и учениками богатым жизненным опытом и знаниями.

Дорогая Тамара Александровна, мы желаем Вам сохранения на долгие годы здоровья и присущей Вам творческой активности. Знайте, что благодарность за сделанное Вами добро всегда присутствует в наших сердцах. Оставайтесь как можно дольше с нами!

Ваши коллеги и ученики

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ **(«Исповедь» юбиляра)**

Следующие далее строки написаны мною в ответ на просьбу учеников поделиться воспоминаниями о том, как складывалась моя жизнь, какие вехи в своей биографии я считаю важными, каким принципам следую в своей научной работе. И вот вновь я прохожу мысленно путь, на который меня вывела сама жизнь.

Сразу же скажу, что я благодарна судьбе за отпущенные мне долгие годы, за то, что мне было дано познать радость творчества, счастье многолетнего общения с молодежной аудиторией, силу настоящей дружбы и многое другое. Конечно же, были в жизни и огорчения, и разочарования. Но не это было главным. Память сохранила положительные моменты и те, которые явились поворотными в «линии жизни». Вот о них я и буду говорить.

Детство, прошедшее в родном городе Ленинграде в окружении любящих родителей, заботливых учителей, соучениц и подруг, внезапно и безжалостно было прервано началом Великой Отечественной войны. Эвакуация в далекое село российской глубинки, обучение в 7-м классе сельской школы, невозможность продолжать учебу из-за отдаленности школы от места жительства. Далее работа в правлении колхоза в качестве счетовода (хотя тогда мне было лишь 15 лет), трудные полтора года, отданные этой работе, – таковы вехи раннего периода моей жизни.

Сложность обстановки тех лет известна: мужчины трудоспособного возраста на фронте, на полях работают только женщины. Трудодни не оплачиваются, лишь иногда, при хорошем урожае, часть его, весьма незначительная, с разрешения районных властей распределяется между колхозницами и их семьями. Основной урожай отправляется на заготовительные пункты. Повсюду строгий учет, ревизионные проверки. Для меня это было настоящим «боевым крещением».

Январь 1944 года. Снята блокада Ленинграда, принесшая столько горя родному городу и стоившая тысяч жизней. Открыт путь для возвращения домой. Не проходит и полгода, как я уже хожу по знакомым улицам, таким родным и близким. Разбираются завалы на месте разрушенных домов. Снова ходят трамваи и троллейбусы. Первое, что надо было сделать, – отмыть бумажные ленты с окон, которые до отъезда в эвакуацию я наклеила крест-накрест для защиты стекол от воздушной волны при взрывах. Нам повезло – дом наш сохранился, окна – в целости.

Передо мной встал вопрос: что делать? Оканчивать десятилетку? Поступить с семьей классами в техникум? Идти работать? Решаю – окончить среднюю школу. Но так хочется хотя бы частично возместить два потерянных за войну года учебы и, перешагнув через 8-й класс, сразу пойти в 9-й. Такая возможность была, но для этого надо было в месячный срок сдать 11 экзаменов по всем предметам учебного плана 8-го класса. Мужественно бросаюсь в «омут» знаний. Следует череда дней и ночей, наполненных чтением художественных произведений по программе 8-го класса, запоминанием исторических дат и событий, решением задач и изучением законов физики и математики и т. д. Наконец, десять из одиннадцати экзаменов сданы. Остался один, который, однако, в случае неудачи, может зачеркнуть все остальные – французский язык: я изучала его до войны в 5-м и 6-м классах (в 7-м классе сельской школы предмета «иностраный язык» не было). Нетрудно себе представить, что сохранилось в моей памяти после трех военных лет.

Понимаю, что выучить французский язык в объеме программы 8-го класса за несколько дней нереально, тем не менее решаю рискнуть. Выслушав прочитанные мною несколько строчек французского текста, учительница (Нина Александровна Соркина) приходит в ужас: «Ты же не знаешь даже правил чтения, детка! Я не могу дать «добро» на твое зачисление в 9-й класс». В ответ она слышит рыдания и сквозь

них: «Но Вы должны понять: я за месяц подготовилась самостоятельно к 10 экзаменам и сдала их. Неужели Вы не можете поверить мне: я выучу французский язык, обещаю Вам!». Спасибо ей, поверила! Но поставила условие: если в конце первой четверти я не сдам экзамен, она откажет мне в праве обучения в 9-м классе.

Первая четверть учебного года отводилась повторению пройденного ранее материала, который за лето обычно забывается. Сдав только что экзамены по предметам программы 8-го класса, я оказалась в выигрышном положении по сравнению с соученицами (в те годы школы делились на мужские и женские) и бросила все силы на изучение французского языка. В конце первой четверти я получила по нему оценку «отлично», и экзамен не понадобился.

Этот эпизод явился первой вехой, которая определила мою дальнейшую судьбу. Уделив много внимания изучению французского языка, я полюбила этот язык, заинтересовалась историей Франции, ее литературой и культурой. Именно тогда я твердо решила поступать в Ленинградский университет на французское отделение, что и осуществила в 1946 году по окончании средней школы и получении аттестата зрелости. Ни разу в своей жизни я не пожалела об этом.

Пять лет студенческой жизни были наполнены новыми впечатлениями, радостью дружбы с сокурсниками, гордостью за страну, успешно восстанавливающую разрушенное войной хозяйство, постоянным улучшением ее экономического положения и, следовательно, нашей собственной жизни, участием в самодеятельности, студенческими вечерами, комсомольской работой. Все это создавало благоприятную атмосферу и помогало формированию личности каждого из нас.

А далее – три года очной аспирантуры при кафедре романской филологии, поступление в которую предполагало сдачу, наряду с другими экзаменами, экзамена по специальности, который принимал заведующий кафедрой академик Владимир Федорович Шишмарев. Экзамен проходил в виде свободной

беседы на разные темы, преимущественно касающиеся истории Франции. «А Вы помните, что сказал Людовик XIII, когда...?» – спрашивал меня Владимир Федорович. Для него это было хотя и далекое, но вполне «осязаемое» время, а Людовик XIII воспринимался им как живой человек. Для меня же это было не более чем историей. Разумеется, я не знала, что сказал французский король, и не помнила той ситуации, в которой прозвучала эта фраза. Но я тут же выкладывала все, что мне было известно об этой эпохе и деятельности других королей Франции. Беседа (если это можно так назвать, поскольку больше говорил экзаменатор, чем экзаменуемая) длилась сорок минут! Аспиранты, стоявшие по ту сторону двери и ожидавшие своей очереди, страдали от неизвестности: о чем можно говорить столько времени? Все кончилось хорошо. Владимир Федорович, по-видимому, остался доволен и поставил мне отличную оценку.

Как заведующий кафедрой В. Ф. Шишмарев уделял большое внимание подготовке аспирантов. Он знал всех нас в лицо и постоянно интересовался, как идет работа над диссертациями. Память хранит воспоминание о В. Ф. Шишмареве как о человеке необъятной эрудиции, беспримерной скромности и глубокой внутренней культуры.

За аспирантурой последовали три года работы по распределению в г. Свердловске (ныне Екатеринбург) в педагогическом институте иностранных языков в должности старшего преподавателя. Для нас, ленинградцев, это была периферия, что я и озвучила, как оказалось, весьма неделикатно, студентам при первой встрече: «Всех аспирантов, – сказала я в ответ на их вопрос, что привело меня в Свердловск, – направляли на периферию, вот я и оказалась в вашем городе». На что студенты, вернее, студентки, так как группа состояла только из девушек, засмеявшись, поправили меня: «Вас направили не на периферию, а в столицу Урала». И они были правы: Свердловск был городом интенсивной хозяйственной жизни,

высокой культуры. Девушки на меня не обиделись, и мы подружились.

Мне было поручено, наряду с практическими занятиями по французскому языку, чтение двух лекционных курсов: теоретической фонетики и теоретической грамматики. Курсы были новыми для меня и требовали большой подготовки. Вместе с тем, они помогли мне расширить и углубить имеющиеся у меня знания. Я храню хорошие воспоминания о работе в Свердловском ГПИИЯ (позднее его объединили с педагогическим институтом): прекрасный дружный коллектив, сильная методическая школа, постоянный обмен опытом в виде открытых уроков с последующим обсуждением, доброжелательная обстановка. Я полюбила столицу Урала за ее зимы с ослепительно белым снегом, за богатую природу Уральских гор, за открытость людей и их гостеприимство. Я не тосковала по Ленинграду эти три года, но расстаться с ним навсегда у меня не хватило сил. И по окончании обязательного срока работы по распределению я возвратилась в родной город.

Здесь меня ожидала новая веха моей «линии жизни». Именно в год моего возвращения в Ленинград, в 1957 г., при кафедре романской филологии, в осуществление давнего желания ее заведующего академика В. Ф. Шишмарева, создается отделение румынского языка и литературы. Неожиданно для себя получаю предложение сменить специализацию, вернее, дополнить уже имеющуюся еще одной, став преподавателем румынского языка. Обо мне вспомнили потому, что в студенческие годы я изучала (вместе с другими студентами нашей группы) румынский язык в качестве второго романского языка, а в аспирантуре сдавала по нему экзамен и в течение одного учебного года даже преподавала его студентам и аспирантам, выразившим желание получить хотя бы самое общее представление об этом весьма своеобразном языке, во многом отличающемся от других языков романской группы. После некоторых колебаний, которые объяснялись тем, что за по-

следние годы я почти полностью растеряла имевшиеся у меня знания, я дала свое согласие и была зачислена в штат кафедры. По моей просьбе в течение первых двух лет в мои педагогические поручения включались в основном занятия по французскому языку. Тем временем я самостоятельно овладевала румынским языком, прежде всего в его активной форме. В дальнейшем румынский язык, его история и теория заняли важное, если не сказать первостепенное, место в моей научной и педагогической деятельности.

Следующая веха – 1967 год: получаю приглашение принять участие в романистической конференции с пожеланием подготовить доклад на материале не одного, а, как минимум, двух романских языков. Я остановилась на румынском, старофранцузском и старопровансальском: во всех трех языках были представлены системы склонения существительных. Впоследствии начатое тогда исследование вылилось в докторскую диссертацию. А за год до конференции, о которой идет речь, мне было поручено чтение лекционного курса по введению в романскую филологию всех романских отделений, что вывело меня на другие романские языки. Так определился круг моих научных интересов: французский язык – румынский язык – сравнение (системно-сопоставительное и историко-типологическое) романских языков.

Важное место в моей работе было отведено личным и научным контактам с отечественными и зарубежными учеными, опытными педагогами и научными редакторами, каждый из которых оставил в моей памяти заметный след.

Будучи студенткой французского отделения, я писала дипломную работу у Ольги Марковны Шварц, которая учила меня лаконичности изложения, умению устранять из текста научного сочинения все привходящее, затемняющее основную мысль. «Быка надо брать за рога», – говорила она и безжалостно вычеркивала целые страницы из представленного текста.

Я с благодарностью вспоминаю также Ирину Сергеевну Яворскую, которая была редактором в издательстве Ленин-

градского университета моей монографии об аналитизме романского имени. Она научила меня обходиться без фраз «предупредительного» типа: *А теперь перейдем к...* или *Если обратиться к..., то...*. «Зачем об этом говорить? – спрашивала она меня. – Вот и переходите, и рассматривайте, и обращайтесь к...». Достаточно вынесения новой мысли в абзац». Я последовала ее совету, и книга от этого только выиграла.

Многому в работе над текстом меня научили и другие опытные редакторы, с которыми мне посчастливилось работать: Лора Владимировна Кутукова (изд-во Московск. ун-та), Светлана Евгеньевна Хазанова (изд-во Ленингр., а позднее С.-Петербур. ун-та), Ирина Михайловна Полякова (изд-во «Высшая школа») и др. Всем им моя глубокая благодарность. Я сохранила также добрую память о совместной работе над вторым изданием учебника румынского языка и над учебником по истории румынского языка с ныне покойной Инной Алексеевной Сеиной (изд-во С.-Петербур. ун-та).

Руководителем моей кандидатской диссертации была Елизавета Артуровна Реферовская, которой я благодарна за научную школу, за то, что она учила меня просто говорить о сложном, находить главное и должным образом представлять, убедительно доказывая, проводимую мысль. Однажды, долго работая над какой-то трудной проблемой, я наконец-то нашла решение, которое, к моему удивлению, оказалось довольно простым. Принеся Елизавете Артуровне текст своего сочинения, я посетовала на то, что за простотой результата не видна сложность того пути, по которому я шла к нему. В ответ Елизавета Артуровна сказала: «Есть в науке такое понятие, как «дорогая простота», и это как раз Ваш случай. Читатель, если он настоящий исследователь (а ведь Вы пишете для таких читателей), знает цену такой простоте».

Не могу не вспомнить добрым словом также Нину Александровну Поссе, руководившую университетской студией художественного слова, в которой я занималась в студен-

ческие и аспирантские годы. Нина Александровна учила нас технике речи, логическому анализу художественного текста, умению держать внимание аудитории, работала над нашей дикцией. Это было хорошей школой для будущих педагогов.

Мне посчастливилось побывать несколько раз в зарубежных командировках. В Румынии я обучалась на летних международных курсах румынского языка, истории и культуры этой страны, имела возможность посетить занятия по истории французского языка у профессора Бухарестского университета Николае Кондееску, самой прочесть лекцию по истории румынского языка в Клужском университете, обменяться мнениями по разным вопросам методики преподавания иностранного языка и теории языка с преподавателями, работающими в этих университетах. Будучи командированной в Парижский университет (Сорбонну) в качестве лектора, я прочла студентам русского отделения курс лекций по ранней истории Российского государства и вела с французскими студентами занятия по переводу. Для курса введения в романскую филологию плодотворной оказалась командировка в Италию на летние курсы итальянского языка. Посещение музея в г. Губбио, где можно было ознакомиться с так называемыми Игувинскими таблицами – образцом умбрского языка, мысленно представить себя жителем древнего Рима, сидя в качестве зрителя на одном из уступов амфитеатра, сохранившегося с тех времен, под открытым ночным небом Италии с ярко сверкающими звездами, побродить по Колизею в Риме, подышать воздухом современных Рима и Флоренции, – все это произвело на меня неизгладимое впечатление и во многом облегчило работу над историческими разделами учебника по введению в романскую филологию. Зарубежные командировки открыли для меня возможность личного знакомства с такими известными учеными, как Александру Граур, Йоргу Йордан, Александру Росетти (Румыния), Марсель Коэн (Франция), Луи Мурэн (Бельгия).

Мне довелось также неоднократно выезжать в разные города Советского Союза для чтения лекций в других вузах, участия в различного рода конференциях, деловых встречах. Я посетила Иваново, Ижевск, Калинин (ныне Тверь), Киев, Кишинев, Минск, Новгород (ныне Великий Новгород), Самарканд, Ташкент. Регулярными были поездки в Москву, где я в течение нескольких лет была членом специализированного совета по защите докторских диссертаций в Московском государственном университете и где в издательстве «Высшая школа» велась подготовка к выпуску учебников, в создании которых я участвовала. Все это также способствовало повышению квалификации.

В середине 1970-х годов в мои педагогические поручения было включено руководство аспирантами, и с этого времени работа с аспирантами заняла важное место в моей жизни. Почти сразу под моим руководством оказалось пять человек – целый научный коллектив. Работали самоотверженно, увлеченно, с полной отдачей сил и времени, «болея» друг за друга. Все аспиранты (см. приводимый далее список) стали опытными специалистами, многие руководят в своих вузах подразделениями разного уровня. Двое защитили впоследствии докторские диссертации. Собираясь вместе, что в последние годы, к сожалению, происходит нечасто, мы с улыбкой вспоминаем те времена, когда диссертации представлялись к защите в машинописном виде и когда отпечатанный таким образом текст не разрешалось править чернилами. Опечатки следовало исправлять путем вклеивания правильных букв, отпечатанных на той же машинке. Иголка, ножницы и клей становились орудиями диссертанта-корректора. Когда наступал аврал в подготовке текста диссертации для представления в ученый совет, срабатывало чувство солидарности, и вся «команда» принималась за дело, вооружившись названными «орудиями производства». Воспоминание об этом сейчас вызывает у нас улыбку, но мы все, и я в том числе, с теплотой вспоминаем эти годы. К чести аспирантов того времени

следует сказать, что техника оформления диссертаций, далекая от идеала, не снижала уровня их содержания, а сделанные авторами наблюдения и выводы до сих пор не утратили своей ценности.

Что касается принципов, которыми я руководствуюсь в своей научной работе, то в общих чертах их можно сформулировать следующим образом:

1. Факты и только факты должны лежать в основе научного труда. И не надо бояться, что тебя обвинят в эмпиризме. Как пишет известный отечественный ученый Б. М. Эйхенбаум: «В научной работе считаю наиболее важным не установление схем, а умение видеть факты. Теория необходима для этого, потому что именно при ее свете факты становятся видными – то есть делаются действительно фактами. Но теории гибнут или меняются, а факты, при их помощи найденные и утвержденные, остаются»¹.

При этом следует оговорить также и то, что любой исследователь современного ему состояния языка должен иметь в своей научной памяти знание истории формирования и развития этого языка. Иначе его подстерегает опасность ложной интерпретации фактов.

2. Изучая мнения и суждения по разработанным в научном исследовании вопросам, не надо «цепляться» за ошибки и заблуждения своих предшественников, а надо стараться найти в них рациональное зерно, которое способно помочь в поисках правильного решения. Раскритиковать предшественников, писавших в разное время при разном состоянии научной мысли, нетрудно, важнее попытаться решить поставленные ими вопросы с позиций научных достижений твоего времени.

Л. В. Щерба писал в этой связи: «Я не люблю спорить с чужими мнениями, считая, что если я хорошо обосновал собственное, то через это страдают все другие, с моим не

¹ Эйхенбаум Б. О поэзии. М., 1969. С. 509. Ср.: Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 41–42.

согласные, по крайней мере элементы, противоречащие моим положениям (добросовестные научные мнения, хотя бы и неправильные в конечном счете, всегда содержат в себе зерна истины)»².

3. Научный труд, будь то книга, статья или диссертация, должен строиться в соответствии с теми же принципами, что и художественное произведение. А основной из них А. П. Чехов сформулировал так: «Если вы говорите в первой главе, что на стене висит ружье, во второй или в третьей оно должно непременно выстрелить. А если оно не будет стрелять, не должно и висеть»³.

Все эти принципы придуманы не мной, что видно из приведенных цитат, они проверены опытом не одного поколения ученых, их я и передаю своим ученикам.

А еще я учу аспирантов при написании диссертаций и в дальнейшем в своих научных публикациях реализовать себя в трех лицах: как автор, создающий текст, как редактор – по ходу изложения материала и по завершении работы, как недоброжелательный читатель, объектом критики которого может стать любая недостаточно продуманная автором мелочь.

В заключение я хочу от всей души поблагодарить кафедру романской филологии Санкт-Петербургского (ранее Ленинградского) государственного университета, ее заведующего профессора Михаила Александровича Марусенко, руководство филологического факультета, моих учеников, друзей и коллег за проявленное ко мне в связи с юбилеем внимание и выпуск этого сборника. 50 лет, отданные работе на кафедре, общение с коллегами и учениками, переросшее в многолетнюю дружбу, составляет то богатство, которым одарила меня судьба и которое, выражаясь лингвистическим термином, стало моей «неотчуждаемой собственностью». Я очень доро-

² Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 53.

³ Цит. по: Щукин С. Из воспоминаний об А. П. Чехове // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Госполитиздат, 1954. С. 540–541.

жу хорошим к себе отношением и искренне за него благодарна.

Я не могу не выразить самую глубокую признательность директору Института иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета, моей ученице и другу профессору Тамаре Ивановне Зелениной и возглавляемому ею коллективу за тот нелегкий труд, который они взяли на себя по комплектованию, технической и редакционной подготовке сборника к печати.

Моя искренняя благодарность ученикам, друзьям и коллегам по кафедре, оказавшим помощь в работе над сборником, а также коллегам из других вузов и академических учреждений, которые сочли возможным принять в нем участие.

Я желаю всем доброго здоровья, творческих успехов, радости, счастья.

С уважением Т. А. Ретина

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Т. А. РЕПИНОЙ

Авторефераты

1. Роль предлогов в грамматической системе французского языка: Предлоги *à* и *de* при дополнении к глаголу: Автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1954. 16 с.
2. Аналитизм романского имени: Склонение существительных на западе и востоке Рومании: Автореф. ... д-ра филол. наук. Л., 1973. 20 с.

Монография

3. Аналитизм романского имени: Склонение существительных на западе и востоке Румании. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 168 с.

Учебники. Учебные пособия. Учебные программы

4. Румынский язык: Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарем / Под ред. Р. А. Будагова и Н. С. Чемоданова. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1968. 189 с. (Сер. Языки мира. Вып. 5.)
5. Сборник упражнений по грамматике румынского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 127 с.
6. Введение в романскую филологию: Программа для гос. ун-тов. 4-е изд., одобренное Научно-методическим советом по высшему филологическому образованию Минвуза СССР. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1987. 27 с. [1-е изд. / Под ред. А. А. Касаткина. М., 1972; 2-е изд. 1975; 3-е изд. 1980.]
7. Учебник румынского языка для I курса филологических факультетов университетов / Заюнчковский Ю. П., Николеску Т., Репина Т. А. М.: Высш. шк., 1982. 311 с.
8. Введение в романскую филологию: Учебник. 3-е изд., испр. и доп. / Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. М.: Высш. шк., 2007. 453 с. [1-е изд. 1982; 2-е изд. 1987.]

9. Введение в романскую филологию: Практикум / Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. М.: Высш. шк., 1987. 144 с.
10. Румынский язык: Учебник для II–III курсов филологических факультетов университетов / Заюнчковский Ю. П., Репина Т. А. М.: Высш. шк., 1989. 248 с.
11. Румынский язык: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Заюнчковский Ю. П., Николеску Т., Репина Т. А. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 472 с.
12. Сравнительная типология романских языков: Французский, итальянский, испанский, португальский, румынский: Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 280 с.
13. Программы лекционных курсов: Введение в романскую филологию; Сравнительная типология романских языков; История румынского языка; Теоретическая грамматика румынского языка и спецкурсов // Учебные программы: С.-Петербургский ун-т: филологический факультет: кафедра романской филологии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000.
14. История румынского языка: Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. 204 с.
15. Теоретическая грамматика румынского языка: Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 212 с.

Статьи. Тезисы

Французский язык

16. Обогащение наречий за счет прилагательных в современном французском языке // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1958. № 232. Сер. филол. наук. Вып. 35: Романское языкознание. С. 42–55.
17. К вопросу об использовании предлогов при глагольном дополнении во французском языке: Предлог *à* при дополнении к глаголам: *prendre, enlever, emprunter, voler, ôter, arracher* и т. п. // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1961. № 299. Сер. филол. наук. Вып. 59: Романская филология. С. 172–176.

18. К вопросу о синтаксической роли предлогов во французском языке: Предлоги *à* и *de* при инфинитивном дополнении к глаголу // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1961. № 301. Сер. филол. наук. Вып. 60: Проблемы языкознания. С. 181–189.
19. К проблеме аналитизма романских языков: о причинах непродуктивности старофранцузского именного склонения // Филологические науки. 1972. № 4. С. 59–66.
20. Essai d'une typologie comparée des systèmes de la déclinaison des substantifs en latin, en ancien français et en roumain // Revue roumaine de linguistique. [Bucarest], 1990. T. XXXV. № 4–5–6. P. 371–374.
21. Французский язык в свете теории речевого общения: Науч. изд. [Коллективная монография] / Общ. ред. Т. А. Репиной. [Ею же выработана структура работы; написаны предисловие и заключение, а также составлен сводный список цитируемых авторами художественных текстов с соответствующими сокращениями.] СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. 216 с.
22. Соотношение понятий «парадигма» и «система» в истории языка // Материалы XXVI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 1: Романо-германский цикл. СПб.: [Изд-во филол. ф-та С.-Петербург. ун-та], 1997. С. 35–38.
23. Французский язык на фоне других романских языков: К проблеме универсалий романского «вербального мышления» // Романское языкознание и национальные филологии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. С. 21–30. (Сер. Древняя и Новая Романия. Вып. 6.)
24. Système casuel de l'ancien français vu à travers les systèmes analogues du latin et du roumain // Acta linguistica Petropolitana / Труды Института лингвистических исследований. Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. I. Ч. 2. СПб.: Наука, 2003. С. 90–103. [См. также в следующем разделе №№ 29; 34; 39.]

Румынский язык

25. К вопросу о происхождении союза *de* в румынском языке // *Studii și cercetări lingvistice: Omagiu lui Al. Graur cu prilejul împlinirii a 60 de ani* // *Studii și cercetări lingvistice*. [București], 1960. An. XI. № 3. P. 677–682.
26. Sur la structure de la phrase avec subordonnée consécutive en roumain contemporain // *Bulletin de la Société roumaine de linguistique romane*. I. Bucarest, 1964. P. 70–71.
27. Cu privire la structura frazei cu subordonată consecutivă în limba română contemporană // *Studii și cercetări lingvistice*. [București], 1965. An. XVI. № 3. P. 341–353.
28. О грамматических средствах выражения предположительности в современном румынском языке // *Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani*. București, 1965. P. 751–755.
29. О некоторых структурно-типологических совпадениях в системе румынского и французского языков: На материале сложноподчиненного предложения с придаточным следствия // *Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков* / Под ред. М. А. Бородиной и М. С. Гурычевой. М.: Наука, 1966. С. 121–128.
30. Некоторые трудности определения синтаксических функций союза *de* в современном румынском языке // *Учен. зап. Ленингр. ун-та*. 1966. № 332 (328). Сер. филол. наук. Вып. 70: Романская филология. С. 84–93.
31. О противопоставлении «падеж – предлог» в современном румынском языке // *Филологические науки*. 1968. № 5. С. 91–99.
32. К проблеме аналитизма романских языков: Склонение существительных в румынском // *Филологические науки*. 1969. № 6. С. 127–130.
33. О восточнороманской языковой специфике: К характеристике румынского именного склонения / *Вестн. Ленингр. ун-та*. 1970. № 14. Сер. История, язык, литература. Вып. 3. С. 137–147.

34. О формировании системы склонения существительного в румынском в сопоставлении со старофранцузским и старопровансальским // Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков: Материалы III Всесоюзного совещания по романским языкам / Под ред. М. С. Гурьчевой и др. Ч. 1. Минск: Изд-во Белорусск. ун-та, 1970. С. 177–186.
35. Les rapports de l'analyse et de la synthèse dans la déclinaison roumaine // Actele celui de-al XII-lea Congres internațional de lingvistică și filologie romanică. Vol. 2. București, 1971. P. 1429–1434.
36. Caracterul sintagmatic al declinării românești // Studii și cercetări lingvistice. [București], 1971. An. XXII. № 5. P. 459–470.
37. К проблеме аналитизма романских языков: Конструкция типа **lui** Ion vornicul**ui** в истории румынского языка // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1972. № 350. Сер. филол. наук. Вып. 75: Романское языкознание. С. 82–88.
38. Грамматическая категория соотнесенности и некоторые направления развития румынского языка: Еще раз о противопоставлении «падеж – предлог» // Общее и романское языкознание: Сб. статей к 60-летию Р. А. Будагова / Отв. ред. Ю. С. Степанов. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1972. С. 82–92.
39. Contribuții la studiul comparativ-istoric al limbilor romanice: Declinarea substantivelor în română și în vechea franceză // Studii și cercetări lingvistice. [București], 1972. An. XXIII. № 6. P. 603–613.
40. К проблеме функциональной эквивалентности глагольных форм в романских языках // Актуальные проблемы советской романистики: Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения В. Ф. Шишмарева: Тез. докл. / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. С. 76–78.

41. К проблеме периодизации истории румынского языка // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. (Баку, 1975): Тез. докл. и сообщ. М.: [Б. и.], 1975. С. 148–149.
42. О некоторых спорных вопросах типологической характеристики румынского именного склонения // Грамматический строй балканских языков: Исследования по семантике грамматических форм / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: Наука, 1976. С. 161–174.
43. Дублетные формы глаголов в румынском языке XVI–XX вв. (a găndi – a se găndi, a sui – a se sui и т. п.) // Исследования по романской филологии: Сб. статей памяти В. Ф. Шишмарева / Под ред. А. А. Касаткина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. С. 178–181. (Сер. Древняя и Новая Романия. Вып. 2.)
44. О грамматическом оформлении именной атрибутивной группы в современном румынском языке // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала / Под ред. А. В. Десницкой. Л.: Наука, 1979. С. 62–75.
45. La déclinaison roumaine comme un système d'oppositions binaires // Studii și cercetări lingvistice. [București], 1980. An. XXXI. № 5. P. 615–619.
46. О системе румынского именного склонения // Вопросы языкознания. 1981. № 4. С. 105–109.
47. К вопросу о румынском вокативе // Вопросы языка и литературы народов балканских стран / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1986. С. 78–89.
48. Румынский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 424.
49. Нормативная грамматика и языковая реальность: Об одной инновации в системе румынского склонения // Res philologica: Филологические исследования памяти Г. В. Степанова / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М; Л.: Наука, 1990. С. 216–223.

50. Cu privire la una dintre tendințele actuale ale limbii române: Anticiparea complementului-substantiv prin pronume // Studii și cercetări lingvistice. [București], 1997. An. XLVIII. № 1–4. P. 383–389.
51. Câteva considerații cu privire la analogia morfologică în domeniul declinării românești // Studii și cercetări lingvistice. [București], 1998. An. XLIX. № 1–2. P. 297–302.
52. Представление об объектах реального мира в образных сравнениях румынского языка // Вестник С.-Петербур. ун-та. 1999. № 9. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. Вып. 2. С. 52–65.
53. Еще раз о соотношении понятий «парадигма» и «система» в истории языка: Румынский в сопоставлении с западно-романскими языками // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 19: История языка: Романо-германский цикл. СПб.: [Изд-во филол. ф-та С.-Петербур. ун-та], 2001. С. 29–33.
54. Об одном процессе в грамматике румынского языка: Местоименная антиципация // Современные языковые процессы: Межвуз. сб. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 89–101.
55. Conjunția *de după* verbele de mișcare în textele din secolul al XVII-lea – începutul celui de-al XVIII-lea // Studii de gramatică și formare a cuvintelor. (În memoria Mioarei Avram.) București, 2006. P. 375–380.

***Общие вопросы романистики
и типологического сравнения романских языков***

56. К вопросу об общих тенденциях структурного развития романских языков // Проблемы диахронии в изучении романских языков: Тез. докл. Минск: [Изд-во Минск. гос. пед. ин-та иностр. яз.], 1967. С. 139–140.
57. Контекстуально-семантический анализ в сопоставительных исследованиях // Современные проблемы романисти-

- ки: Семантический аспект изучения романских языков: Тез. докл. IV Всесоюз. конф. по романскому языкознанию. Ч. 1. Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1978. С. 104–105.
58. Сравнительное изучение романских языков и контекстуально-семантический анализ // Лексическая и грамматическая семантика романских языков: Материалы IV Всесоюз. конф. по романскому языкознанию / Отв. ред. Г. В. Степанов. Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1980. С. 84–92.
59. L'autonomie syntaxique des moyens d'expression grammaticale et la typologie des langues // Revue roumaine de linguistique. [Bucarest], 1980. T. XXV. № 4. P. 385–389.
60. Артикль и типологическая характеристика языка: На романском материале // Теория языка, методы его исследования и преподавания: К 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы / Отв. ред. Р. И. Аванесов. Л.: Наука, 1981. С. 221–224.
61. Сравнительно-грамматическая типология в исследованиях диахронного плана // Вопросы сравнительной типологии: Германские, романские, русский, тюркские языки: Тез. докл. респуб. науч. конф. Ташкент: [Б. и.], 1981. С. 169–170.
62. О далматинском языке и его месте в группе романских языков. Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 91–99.
63. Семантическая структура предложения в синтаксисе родственных (романских) языков // Методические рекомендации по курсам романского языкознания: Проблемы лексико-грамматической семантики романских языков в их национальных вариантах. Ч. 1. Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1985. С. 46–47.
64. Теоретические курсы как основа филологического образования // Актуальные вопросы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков в вузе: Тез. докл. респуб. науч.-метод. конф. Самарканд: Изд-во Самаркандск. ун-та, 1988. С. 8.

65. Далматинский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 126.
66. Причина и следствие в истории языка // Современные проблемы романистики: Семантика, прагматика, синтаксис: Тез. докл. VI Всесоюз. конф. по романскому языкознанию. Т. 2. М.; Воронеж: [Б. и.], 1991. С. 30–31.
67. Западнороманские вокалические системы в историко-типологическом аспекте // Вестник С.-Петерб. ун-та. 1995. № 16. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. Вып. 3. С. 37–51.
68. Далматинский язык // Языки мира: Романские языки / Нарумов Б. П., Репина Т. А. М.: Academia, 2001. С. 681–694.
69. Cu privire la problema așa-zisei «mentalități verbale»: Studiu comparativ-tipologic privind unele limbi romanice // Omagiu lui Grigore Cincilei la 70 de ani. Chișinău: Ed. Universității de Stat din Moldova, 1997. P. 67–79.

Аналитические обзоры

70. Диссертационные исследования в СССР и их вклад в развитие романского языкознания // Филологические науки. 1979. № 3. С. 65–72.
71. Румынистика в России и СССР // Исследования по историографии славяноведения и балканистики / Отв. ред. В. А. Дьяков. М.: Наука, 1981. С. 55–70.
72. Научная конференция по вопросам сравнительной типологии // Филологические науки. 1982. № 5. С. 94.
73. Актуальные вопросы романского языкознания на страницах журнала «Филологические науки» // Филологические науки. 1983. № 2. С. 6–10.
74. Лингвистические аспекты изучения художественного текста в трудах В. Ф. Шишмарева по истории литературы: К 110-летию со дня рождения // Вопросы языкознания. 1985. № 5. С. 53–58.
75. Научная деятельность А. А. Касаткина // Вопросы теории и истории романских языков / Отв. ред. Т. А. Репина.

- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 3–10. (Сер. Древняя и Новая Романия. Вып. 3.)
76. В. Ф. Шишмарев: «Приучить к самостоятельному приобретению знаний» // Ленинградский университет. 1986. 3 янв. С. 11.
77. Вопросы сравнительного изучения романских языков в трудах Р. А. Будагова: К 90-летию со дня рождения // Филологические науки. 2000. № 4. С. 3–11.
78. Кафедра романской филологии Петербургского университета на рубеже столетий // Актуальные проблемы романистики. СПб.: Изд-во филологич. ф-та С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 3–74. (Сер. Древняя и Новая Романия. Вып. 7.)

Рецензии

79. Новый трактат по истории румынского языка: *Istoria limbii române*. Vol. I–II. București. 1965; 1969 // Филологические науки. 1971. № 2. С. 113–116.
80. С. Г. Бережан. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973 / Репина Т. А., Тимескова И. Н. // Известия Академии наук СССР. 1975. Т. XXXIV. Сер. лит. и яз. Вып. 4. С. 371–373.
81. По страницам юбилейных выпусков журнала «*Revue roumaine de linguistique*» // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 140–143.
82. Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ: Синтакса. Кишинэу, 1981 // Филологические науки. 1982. № 6. С. 82–84.
83. В. Г. Гак. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. М., 1981 // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 130–132.
84. Р. А. Будагов. Язык – реальность – язык. М., 1983 // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 129–132.
85. А. И. Чобану. Синтакса ши семантика. Кишинев, 1987 // Филологические науки. 1987. № 6. С. 86–88.

Varia

86. Франчиск Мунтяну. Статуи никогда не смеются: Предисловие к русскому переводу. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. С. 5–8.
87. Предлог // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 394–395.
88. Iiie Rad: De vorbă cu Tamara Alecsandrovna Repina: Limba română este cea care m-a ales pe mine. (Илие Рад. Беседа с Тамарой Александровной Репиной: «Меня выбрал сам румынский язык».) // Tribuna. (Cluj-Napoca. România). № 83. 16–28 februarie 2006. P. 22–23.

Научное редактирование (*Отв. ред.*)

89. Вопросы теории и истории романских языков: Памяти А. А. Касаткина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 159 с. (Сер. Древняя и Новая Романия. Вып. 3.)
90. Проблемы грамматики германских и романских языков. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 168 с.
91. Романские языки: Семантика. Прагматика. Социолингвистика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 217 с. (Сер. Древняя и Новая Романия. Вып. 4.)
92. Французский язык в свете теории речевого общения. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992. 216 с.

КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ, ВЫПОЛНЕННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ Т. А. РЕПИНОЙ

- 1979 – *Ушакова Т. М.* Существительное как коммуникативный центр оценочно-эмотивных предложений современной французской разговорной речи.
- 1980 – *Брега В. М.* Способы характеристики человека и предмета по их «неотчуждаемой собственности» во французском и молдавском языках.

- 1980 – *Исмаилов С. И.* Семантическая характеристика образных сравнений во французском языке (на материале художественных произведений XIX–XX вв.).
- 1980 – *Никольская Н. С.* Сложное предложение с придаточным относительным континуативного типа в современном французском языке.
- 1981 – *Зеленина Т. И.* Общевопросительное предложение в старофранцузском и современном французском языке. [Защитила докторскую диссертацию на тему: Русский язык как посредник при освоении иноязычной лексики удмуртским языком. Екатеринбург, 2003.]
- 1981 – *Чеснокова В. А.* Глаголы движения в современном румынском языке (Контекстуально-сопоставительный анализ).
- 1982 – *Мельничук О. А.* Функциональная соотносимость способов передачи значений «побуждение к действию» и «запрет» в современном французском языке. [Защитила докторскую диссертацию на тему: Повествование от первого лица. Интерпретация текста (на материале современной франкоязычной литературы). М., 2002.]
- 1985 – *Сикацкая Н. Ю.* Прошедшие времена глагола в структуре румынского художественного текста (сложный перфект, простой перфект, давнопрошедшее).
- 1986 – *Кушкина Э. Я.* Обобщающее временное отрицание во французском и итальянском языках (Семантико-синтаксические процессы).
- 1989 – *Гукова А. Е.* Существительное без артикля в составе прямопереходной глагольно-именной синтагмы в современном румынском языке (*are mașină, poartă palton, crează atmosferă* и т. п.).

- 1992 – *Моисеенко Л. В.* Атрибутивные словосочетания полной и неполной структуры в современном испанском языке (*un especialista universitario – un universitario* и т. п.).
- 1993 – *Попова-Велева И. Т.* Семантика и прагматика несобственно-прямой речи во французских художественных текстах.
- 1999 – *Райлян Д. Н.* Перфект конъюнктива в румынском независимом предложении и в структурах типа «модус – диктум» (Семантика. Дистрибуция).
- 2002 – *Хайдаров Я. Р.* Семантический диапазон и функциональная активность фактитивной конструкции (Французский язык в сопоставлении с итальянским, испанским и румынским).

В настоящее время готовит к защите диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук *А. О. Кубасова* на тему: Характеристика человека по ассоциации с животными в румынских художественных текстах XIX–XX веков.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Т. А. РЕПИНОЙ

- К 60-летию со дня рождения // Вестник Ленингр. ун-та. 1987. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. Вып. 3. С. 126–127.
- К 60-летию со дня рождения // Филологические науки. 1987. № 3. С. 94–95.
- К 70-летию со дня рождения // Вестник С.-Петербур. ун-та. 1997. № 9. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. Вып. 2. С. 119–120.
- Профессор Тамара Александровна Репина: Биобиблиографическое издание к 70-летию со дня рождения. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. 59 с.

- Tamara Alecsandrovna Repina // *Vințeler O.* Portrete și cărți. (Tamara Alecsandrovna Repina // Винцелер О. Портреты и книги.) Vol. I. Cluj-Napoca: Ed. Eikon, 2005. P. 256–270.
- *Ilie Rad.* Scrisori din Sankt-Petersburg: Tamara Alecsandrovna Repina – o romanistă de excepție. (Илие Рад. Письма из Петербурга: Тамара Александровна Репина – истинный романист.) // *Tribuna.* [Cluj-Napoca. România.] № 82. 1–15 februarie 2006. P. 20.

I. ИСТОРИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Т. А. Репина

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА (Иерархия падежных форм в латыни и старофранцузском языке)

В течение последних трех десятилетий много места в моей научной работе занимают вопросы, связанные с выяснением причин распада и отмирания двухпадежной системы склонения существительных, засвидетельствованной старофранцузскими текстами. Данная тема привлекает внимание исследователей разных стран. Высказано множество гипотез относительно факторов, определивших именно такую судьбу падежных форм в истории французского языка.

Среди предлагаемых объяснений можно назвать следующие: неполноту самой системы – ограниченность круга существительных, способных выражать падежные отношения формой слова (*ber – baron*) или флексией *-s*, при том, что такая возможность отсутствует у значительной группы существительных (*flog, cors* и др.); совмещение окончанием *-s* функции падежного показателя и выразителя категории числа (*tuus* прямой падеж ед. ч. и косвенный падеж мн. ч.); замолкание со временем самой падежной флексии *-s*; тенденцию к слиянию в одну форму некогда разных падежей, наметившуюся в латинский период существования индоевропейских языков и продолжившуюся в латыни; омонимию многих форм, присущую латинским падежам (*domino* – форма ед. ч. датива и аблатива) и т. п.

Широкое распространение получила точка зрения, в соответствии с которой причиной отмирания старофранцузских падежей явилось начавшееся еще в народной латыни возрастание употребительности предлогов; ср.: «... с развитием предлогов падежи становятся все менее и менее нужными,

играя как бы вспомогательную роль» [2. С. 271]. В качестве фактора, способствовавшего процессу вытеснения падежей предлогами, называется также становление порядка слов, при котором подлежащему и прямому дополнению отведено определенное место по отношению к глаголу. Ср. высказывание французского филолога М. Коэна, объединяющее большинство существующих объяснений неустойчивости системы старофранцузского склонения (здесь и далее перевод цитат и старофранцузских примеров мой. – *T. P.*): «Использование предлогов участилось от латинского языка к старофранцузскому, делая ненужными (*rendant inutiles*) часть падежных форм при обозначении функции слов... Стремление принять твердый порядок слов..., со своей стороны, также способствовало утрате склонения... Склонением не располагали многочисленные существительные женского рода. Не различали падежей и многие существительные мужского рода... Все это создавало благоприятную почву для действия аналогии... Слабость французского склонения состояла также в том, что для прямого падежа ед. числа и косвенного падежа мн. числа, с одной стороны, прямого падежа мн. числа и косвенного падежа ед. числа использовалась одна и та же форма» [9. С. 145–146].

В монографии, опубликованной мною в 1974 г. [5], и предшествующих ей (см., напр.: [6]), как и следующих за ней (см., напр.: [13]) публикациях я подробно проанализировала старофранцузскую систему склонения, сопоставила устройство этой системы с легкой в ее основу аналогичной латинской и сравнила с другой романской системой склонения существительных – румынской, развившейся на той же генетической основе. Это позволило мне изложить свое видение заинтересовавшей меня проблемы.

В настоящей статье, опираясь на ранее выполненные мною исследования и частично воспроизведя содержащийся в них языковой материал и высказанные в связи с его анализом мысли, я хотела бы вернуться к данному вопросу, осветив его

с несколько иной точки зрения, а именно с позиций **диалектики** исторических процессов и тех понятий, с которыми связано ее изучение и которые принято называть категориями. Речь идет о таких соотносительных категориях, как *причина* и *следствие*, *явление* и *сущность*, *случайность* и *необходимость*, *движение* и *развитие*. Эти категории, как известно, носят универсальный характер. Они не могут не найти своего отражения и в истории языка.

Язык как знаковая система, функционирующая в виде множества естественных языков, относится к числу образований, характеризующихся тенденцией к постоянному изменению. При этом в истории любого языка совмещаются изменения разного масштаба – как те, которые затрагивают лишь периферийные звенья системы, так и те, которые, оказавшись в центре системы, преобразуют, иногда кардинально, само ее внутреннее устройство.

Изменения в языке могут быть случайными, но чаще всего они происходят в силу действия глубоких внутренних причин, и тогда их можно рассматривать как необходимые (закономерные). Внутренние причины языковых изменений, как правило, не лежат на поверхности, их обнаружение требует специального лингвистического анализа. Причины, вызывающие изменения, неизбежно приводят к определенному следствию. При изучении языковых фактов существует опасность принять видимое за скрытое от глаз наблюдателя, то есть явление за сущность, следствие за причину, случайность за необходимость, а наблюдаемые преобразования (процесс, движение) за развитие языка. Эта опасность, естественно, возникает и при изучении языковых фактов, связанных с распадом и отмиранием системы падежных форм, которую донесли до нас старофранцузские тексты.

Во второй половине XX в. получило развитие одно из актуальных лингвистических направлений – *типологический метод сопоставления систем* разных языков и разных синхронных срезов одного и того же языка. Обязательным усло-

вием применения этого метода является единство позиции наблюдения и оценки языковых фактов. В качестве «позиции наблюдения» в проведенном мною ранее исследовании [5. С. 114–130] и в настоящей статье избрана *иерархическая структура трех падежных систем*: классической латыни, разговорной (народной) латыни и старофранцузского языка с проекцией названных систем склонения на способы передачи аналогичных синтаксических отношений в современном французском языке.

1. **Классическая латынь.** Устройство (структура, организация) падежной системы в классической латыни хорошо известна: пять типов склонения и пять падежей (не считая вокатива, который представлен особой формой только в одном типе склонения, совпадая в остальных с номинативом). Каждый из пяти падежей имел во всех пяти типах склонения присущие ему формы словоизменения. Номинатив в латинских грамматиках определялся как прямой падеж (*casus rectus*), все остальные считались косвенными падежами (*casus obliqui*).

Система склонения в ее классическом воплощении (в ед. числе) выглядела (в отвлечении от многообразных окончаний существительных в номинативе) следующим образом:

Типы склонения Падежи	I	II	III	IV	V
Nominativus	casā	lupus	frater	fructus	dies
Genitivus	casae	lupi	fratris	fructus	diei
Dativus	casae	lupo	fratri	fructui	diei
Accusativus	casam	lupum	fratrem	fructum	diem
Ablativus	casā	lupo	fratre	fructu	die

Нельзя не заметить, что среди косвенных падежей окончанием, не совпадающим ни с одним из своих «собратьев», располагал только аккузатив. Окончание ед. числа **-m** среди косвенных падежей во всех пяти типах склонения принадлежало исключительно аккузативу. Формальная обособленность выделяла этот падеж в парадигме, отводя ему особое место среди косвенных падежей.

Такое положение вещей, скорее всего, не было случайным. Язык, безусловно, представляет собой самостоятельную систему, но он непосредственным образом связан с мышлением, с логическим строем мысли, которая, в свою очередь, соотносится с положением вещей в реальном мире [3. С. 320–321]. В логике мышления понятия «субъект» и «объект» соотносительны [7. С. 410], хотя, естественно, и не тождественны. Они располагаются на одной и той же логической оси:

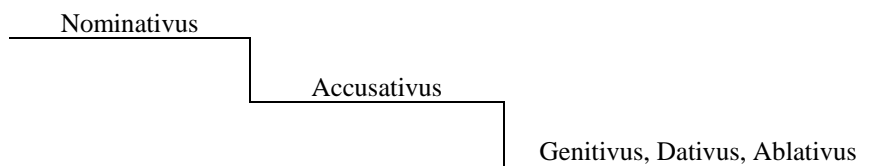
субъект – предикат – объект,

хотя и на разных ее полюсах: субъект обозначает «вход в процесс» (l'entrée en procès), объект – «выход из процесса» (la sortie de procès) [10. С. 352].

Ориентируясь на морфологические показатели падежа, иерархическую структуру падежной парадигмы в классическом латинском языке можно графически представить следующим образом.

Схема 1

Иерархия падежей в латинской классической парадигме

2. **Разговорная** (народная) **латынь**. Падежная парадигма латинской разговорной речи довольно рано, в результате замолкания конечного согласного **-m**, приобрела *иную иерархическую структуру*. Факт замолкания **-m** хорошо известен;

ср.: «Что касается конечных согласных, то существенное различие между латинской письменностью и разговорным языком заключалось в том, что *в живой речи очень рано* (курсив мой. – Т. Р.) перестали произносить конечный **-m**... Этот факт одновременно подтверждается как элизиями, встречающимися у поэтов..., так и многочисленными примерами в надписях...» [1. С. 46; см. также: 4. С. 102–106].

Замолкание конечного **-m** лишило аккузатив его формально «привилегированного» положения в падежной парадигме, а некоторые другие фонетические (ǔ > o: lupi > lupo) и семантические (слияние генитива и датива, в частности под влиянием так наз. *dativus adnominalis*; ср. рус. друг *брата* / друг *брату*) преобразования привели к созданию единой формы косвенного падежа:

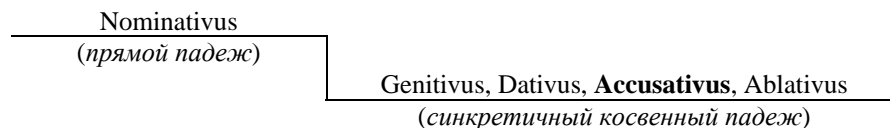
	I	II	III	IV	V
<i>Casus obliquus</i>	casa	lupo	fratre	fructu	die,

взявшей на себя выполнение многочисленных функций косвенных падежей классической латыни, включая аккузатив [12. С. 135–150; 207–232].

Вследствие произошедших изменений аккузатив оказался в падежной системе разговорной латыни *на ступень ниже*, а система в целом приобрела отличный от классической вид.

Схема 2

Иерархия падежей в разговорной латыни

Отличие этого типа падежной парадигмы от классического латинского состояло в несоответствии иерархического устройства морфологических форм логическому ходу мысли: один

из компонентов, входящих в основную логическую ось «субъект – предикат – объект», формально объединился с компонентами, находящимися за ее пределами.

3. **Старофранцузский язык**, судя по примерам, неоднократно (см. приводимые ниже результаты количественных подсчетов) встречающимся в старофранцузских текстах, унаследовал именно тот тип иерархического устройства латинской падежной парадигмы, который сложился после замолкания конечного **-m**. Сравним:

Cas sujet (= *Nominativus*)

Carles **li reis**, nostre **emperere** magnes, Set anz tuz pleins *ad estet* en Espagne... (Rol., 1–2) '**Король** Карл, наш великий **император**, Семь полных лет *провел* в Испании...'

Cas régime

(= *Genitivus*)

De *la maisniee* **le rei** fu (M. de Fr., Lanval, 29) 'Он был из *свиты* **короля**'.

Guardent la vile *a vés* **l'empereor** (Rol., 3678) 'Они защищают город *на глазах* (у) **императора**'.

(= *Dativus*)

«Ne n'an faites ja rien por moi! Mes foi, que vos *devez* **le roi**, Le vostre seignor et le mien...» (Chev., 127–129) '«Вы это делаете совсем не ради меня, но ради верности, которую вы *должны* (хранить) **королю**, вашему господину и моему...»'

Curteisement **l'empereür** *ad dit*: «Bels sire reis, ne vos dementez si!» (Rol., 3823–3824) 'Учтиво *сказал* **императору**: «Добрый государь император, не отчаивайтесь так!»'

(= *Accusativus*)

Quant il le pout partir de sei, Si l'enveia *servir* **le rei** (M. de Fr., Guigemar, 41–42) 'Когда он смог (пришло время) расстать-

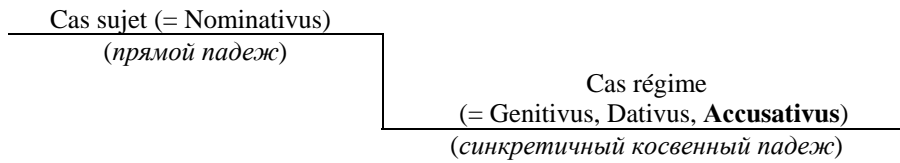
ся с ним, Он послал его *служить королю*’ (*servir* – прямо-переходный глагол).

L’empereür li cumande(t) a *guarder* (Rol., 2527) ‘Императора приказывает ему *охранять*’.

Структуры, в которых *cas régime* выполнял без помощи предлога функции бывших генитива и датива, были возможны лишь в зоне одушевленности и определенности, а семантика существительных, выступающих в этих функциях, имела ограничения (это были, как правило, имена родства, имена собственные, наименования лиц высокого происхождения или социального статуса), тем не менее примеры на подобные структуры в старофранцузских текстах многочисленны. Так, словенский филолог А. Бажек проанализировал с этой точки зрения 45 старофранцузских текстов и обнаружил в них структуру типа *li filz le rei* (*le rei* = генитиву) ‘сын короля’ в 2563 случаях (тогда как аналогичные предложные сочетания оказались представленными: *li filz del (du) rei* – 165, *li filz al rei* – 326 случаями (по его подсчетам соотношение примеров 16: 1 : 2) [8. С. 330]. Наблюдения А. Бажека об относительно высокой употребительности структуры типа *li filz le rei* подтверждает своими подсчетами и шведский ученый Л. Палм [11. С. 119–123]. Что касается словосочетаний типа *dune le rei* (*le rei* = дативу), то, по данным А. Бажека, они менее употребительны, чем генитивная структура. И все же изученные им старофранцузские тексты дали 498 примеров на беспредложную структуру (на тип: *dune al rei* у него 541 пример) [8. С. 332].

Из приведенных примеров и подсчетов исследователей следует, что иерархическая структура старофранцузской падежной парадигмы, подобно тому, как это наблюдалось в разговорной латыни, строилась, во всяком случае в одном из своих звеньев, на противопоставлении падежа подлежащего синкретичному падежу не-подлежащего.

Иерархия падежей в старофранцузской парадигме

4. Современный французский язык не располагает более склонением существительных, но отмирание падежной парадигмы не лишило его способности формально разграничивать иерархические уровни синтаксических функций, прежде передаваемых падежами.

Синтаксические функции, соответствующие на логической оси субъекту и объекту, – подлежащее и прямое дополнение – передаются

б е с п р е д л о ж н о :

Le roi est sorti du palais / On salue **le roi**,

две другие функции – определительная и адресативная – получают

п р е д л о ж н о е о ф о р м л е н и е :

Le fils **du roi** n'est pas ici / On fait serment de fidélité **au roi**.

Отмеченное положение вещей свидетельствует о том, что в системе современного французского языка синтаксические функции первого плана, соответствующие основным логическим понятиям субъекта и объекта, и функции, второстепенные как логически, так и синтаксически, формально разграничены. И в этом отношении, если подходить к оценке фактов с типологической точки зрения, иерархическое устройство данного звена системы современного французского языка совпадает с тем, которое было свойственно классической латинской парадигме (ср. следующую далее схему 4 с приведенной ранее схемой 1).

**Иерархия синтаксических функций существительного
в современном французском языке**

Способ разграничения уровней различен (в классической латыни – *падежные формы*, во французском языке – оппозиция: *Отсутствие предлога / Предлог*), но иерархическая структура синтаксических функций существительного одна: прямое дополнение в обоих случаях занимает более высокую ступень по сравнению с другими (второстепенными) синтаксическими функциями. Оно сближается по своему морфологическому оформлению с подлежащим, но отличается от него по занимаемому месту в предложении относительно глагола-сказуемого.

В научной литературе (по вопросам логики и философии), наряду с понятиями причины и следствия, выделяется понятие «повод». Оно определяется как обстоятельство, событие, случай, которые могут послужить побудительным толчком «к развязыванию каких-либо событий, имеющих более глубокие причины или основания» [З. С. 386].

В свете всего сказанного, включая определение понятия «повод», последовательность этапов исторических преобразований в изучаемой области исторической грамматики представляется мне следующей.

Повод – *замолкание* конечного согласного **-m**.

Событие – *изменение* в разговорной латыни *иерархической структуры* падежной парадигмы.

Причина – возникновение противоречия внутри новой иерархической структуры между соотношением синтаксических функций существительного по способу их морфологического оформления и логическим ходом мысли.

Следствие – устранение противоречия путем замены косвенных падежей предложениями и отмирания системы склонения существительных как таковой.

Получается, таким образом, что широкое распространение предлогов как выразителей падежных отношений представляет не причину (или одну из причин) распада и отмирания старофранцузского склонения, а следствие имевших место глубинных процессов, связанных с иерархическим устройством падежной парадигмы. Причина же произошедшего лежит глубже – **в самой системе склонения**, ее внутренней организации. За явлением (наблюдаемыми фактами) скрывается сущность языковых преобразований.

Что касается роли порядка слов в отмирании склонения существительных, то его установление (от подлежащего к прямому дополнению) могло и в этом случае диктоваться логическим ходом мысли (от субъекта к объекту, ср.: [15. С. 544–545]) и происходить независимо от распада системы склонения; ср.: «исчезновение двухпадежного склонения не связано (*est indépendante*) с развитием порядка слов» [14. С. 160]. Это мог быть *сопутствующий процесс*, который поддержал, а возможно, и ускорил утрату падежных форм.

Изложенные факты и рассуждения подтверждают важность разграничения не только понятий «явление» и «сущность», «причина» и «следствие» при изучении происходящих в истории языка процессов, но и понятий случайного и необходимого, а в связи с этим также движения и развития языковой системы. Случайным в области именного склонения в истории латинского языка явилось замолкание конечного **-m**. Что же касается дальнейшей судьбы склонения, то она определялась диктуемой законами функционирования самой системы языка необходимостью восстановить утрачен-

ное равновесие между грамматическими способами выражения и иерархией логических понятий. В первом случае (замолкание **-m**) произошло произвольное движение языковой системы, во втором (отмирание системы склонения) – ее развитие: утрата склонения привела к устранению возникшего противоречия между грамматикой и логикой.

Литература

1. Бурсье Э. Основы романского языкознания / Пер. с фр. М., 1952.
2. Доза А. История французского языка / Пер. с фр. М., 1956.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.
4. Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка / Пер. с фр. М., 1949.
5. Репина Т. А. Аналитизм романского имени: Склонение существительных на западе и востоке Романии. Л., 1974.
6. Репина Т. А. К проблеме аналитизма романских языков: О причинах непродуктивности старофранцузского именного склонения // Филологические науки. 1972. № 4. С. 59–66.
7. Спиркин А. Г. Философия. 2-е изд. М., 2006.
8. Ваяс А. «Filius regi» en roman // Razprave. II. V Ljubljani, 1925. P. 327–377.
9. Cohen M. Histoire d'une langue: Le français (des lointaines origines à nos jours). 3e éd. P., 1967.
10. Moignet G. Sur le système de la flexion à deux cas de l'ancien français // Mélanges de linguistique et de philologie romanes offerts à M. Pierre Gardette: Travaux de linguistique et de littérature publiés par le Centre de philologie et de littératures romanes de l'Université de Strasbourg. Vol. IV. № 1. Strasbourg, 1966. P. 339–356.
11. Palm L. La construction *li filz le rei* et les constructions concurrentes avec *a* et *de* étudiées dans des œuvres littéraires de la seconde moitié du XIIe siècle et du premier quart du XIIIe siècle // Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Romanica Upsaliensia. 17. Uppsala, 1977.
12. Pei Mario A. The Language of the Eight-Century Texts in Northern France. N.-Y., 1932.
13. Репина Т. Système casuel de l'ancien français vu à travers les systèmes analogues du latin et du roumain // Acta linguistica Petropolitana / Труды Института лингвистических исследований. Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. I. Ч. 2. СПб.: Наука, 2003. С. 90–103.

14. Schøsler L. La déclinaison bicasuelle de l'ancien français: Son rôle dans la syntaxe de la phrase, les causes de sa disparition // Études romanes de l'Université d'Odense. 19. Odense, 1984.
15. Zwanenburg W. Perte de la flexion nominale et fixation de l'ordre des mots en français médiéval // XIV Congresso internazionale di linguistica e filologia romanza. Napoli, 15–20 aprile 1974. Atti. Vol. III. P. 533–546.

Принятые сокращения

- Chev. – Li romans dou Chevalier au Lyon von *Crestien von Troyes* / Hgg. W. L. Holland. Hannover, 1862.
- M. de Fr. – Die Lais der *Marie de France* / Hgg. K. Warnke // Bibliotheca Normannica / Hgg. H. Suchier. Bd. III. Halle, 1900.
- Rol. – Das altfranzösische *Rolandslied* nach der Oxforder Handschrift / Hgg. A. Hilka // Sammlung romanischer Übungstexte. Bd. III / IV. Halle (Saale), 1948.

В. Т. Знаменская

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОДОВОЙ ОЦЕНКЕ ИМЕН В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Ничто не отражает более национальную культуру, менталитет и дух народа, чем его язык. Ведь язык – это зеркало мыслей народа, хранилище его духовного опыта, передаваемого из поколения в поколение. Необозримо многообразие человеческих отношений, которые тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове. Гендерные отношения пронизывают все сферы человеческой деятельности. Гендерный аспект характеризуется тем, что практически любая область лингвистики (проблемы референции, когнициии, морфологии, синтаксиса, лексикологии и фразеологии, семантики и прагматики, лингвистики текста и т. д.) может быть рассмотрена с точки зрения отражения в ней гендерных отношений. На современном этапе развития лингвистической науки гендерные исследования заняли в ней прочное место, получив статус само-

стоятельного лингвистического направления: гендерной лингвистики (лингвогендеристики).

В обществе всегда существовало довольно четкое разделение сфер деятельности на «мужские» и «женские». Не секрет, что именно права женщины нарушались и нарушаются, но и мужчины нередко оказываются жертвами такой общественной системы. Любые социальные изменения начинаются с трансформации сознания. По традиции разницу в социальном положении женщин и мужчин, неравенство их прав объясняют биологическими причинами. Но анализ исторических, этнографических и культурных фактов показывает, что главными в противопоставлении ролей мужчины и женщины являются *социальные причины*, т. е. сконструированные обществом нормы «феминности» и «маскулинности». Рождаясь, люди женского и мужского пола сразу попадают в сложившуюся систему отношений, где женщинам отведена пассивная роль, а мужчинам – активная. При этом значимость активного («мужского») всегда выше пассивного («женского») в соответствии с иерархией отношений. В повседневной жизни через культурные нормы общество мы сами формируем и выучиваем образы «настоящей женщины» и «настоящего мужчины». Наши действия и ощущения нормируются осуждением или одобрением со стороны общества. Однако помимо биологического и социального аспектов в анализе проблемы пола обнаруживается и третий, символический, или *собственно культурный* его аспект. В человеческой ментальности мужское и женское существуют как элементы следующих культурно-символических рядов: мужское – рациональное – духовное – божественное – культурное; женское – чувственное – телесное – греховное – природное [2. С. 13].

Именно для обозначения культурно-символического смысла «женского» и «мужского» в гендерных исследованиях активно используются термины «феминность» и «маскулинность».

Таким образом, в центре гендерных исследований находятся культурные и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с их принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах – все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры [4. С. 138–141].

Думается, что применение гендерного подхода к языковым фактам, достаточно удаленным во времени, позволяет по-иному взглянуть на классификацию имен по признаку рода и, в частности, на проблему мотивированности / немотивированности рода имен неодушевленных.

Во многих языках родовая классификация имен пересекается с классификацией по признаку одушевленности / неодушевленности. При этом отмечается, что у одушевленных существительных категория рода является лексико-грамматической и соотносится с живыми существами разного биологического пола. У существительных же неодушевленных категория рода лишена соотносимости с биологическим полом и трактуется как категория, лишенная семантической мотивированности, т. е. определяется как категория сугубо грамматическая [1. С. 417–418].

Следует заметить, что так понимается грамматический род и классифицируются по признаку рода имена современных языков, где наличествует данная грамматическая категория. В представляемой статье речь идет о старофранцузском языке, который бытовал на территории средневековой Франции и находился в процессе своего становления и, что особенно важно для рассматриваемой нами проблемы, процессе преобразования трехродовой классификации латинских имен в двухродовую французских. В этот период, думается, род имен определялся как не закрепленный грамматиками и узусом, подвергаясь по определенным признакам оценке в сознании носителей языка.

Во французском языке, где осталось только два рода – мужской и женский, широко отмечаются несовпадения рода отдельных имен существительных и их латинских этимонов, что свидетельствует об имевшем место в старофранцузском языке перемещении этих имен из категории мужского рода в категорию женского рода, и наоборот. На этот факт в свое время обратил внимание выдающийся русский романист В. Ф. Шишмарев, отметив, что перемещения из категории мужского рода в категорию женского рода имели место в старофранцузском языке, а в последующие века установившиеся в старофранцузский период родовые оценки имен испытали лишь небольшие изменения [6. С. 32]. По нашему мнению, носители старофранцузского языка действительно «оценивали» имена, мотивируя таким образом их принадлежность к мужскому или женскому роду с позиции сложившихся к тому времени в обществе стереотипов «маскулинности» / «феминности». К тому же употребление термина «родовая оценка» лишний раз свидетельствует о том, что в языке не может быть немотивированных явлений и что, если в современном состоянии языка мотивация того или иного языкового явления на первый взгляд не видна, это вовсе не говорит об ее отсутствии, скорее всего она скрыта, и ее можно «открыть», обратившись к исследованию ранних языковых свидетельств. В этой связи совсем не случайными представляются перемещения из категории мужского рода в категорию женского, характерные для старофранцузского языка. Вряд ли носители языка задумывались над формальными признаками отнесения того или иного имени к мужскому или женскому роду. В родовой оценке имен, скорее всего, находила отражение реальная картина средневекового взаимоотношения полов, ведь подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нем выражается мир [3. С. 513].

Вне всякого сомнения можно сказать, что осмысление средневековыми французами отдельных существительных как существительных женского рода непосредственно связано с

тем исключительным статусом, который имела женщина в средневековой Франции, т. е. объясняется явными *экстралингвистическими* факторами.

Повышение статуса женщины наиболее ярко проявляется в культе Девы Марии, который особенно распространяется с XI в. [5. С. 266–268].

Церковь, создавая культ Марии, воспитывала почитание женской чистоты и материнства, отсюда – поклонение тому вечно женственному началу, которое воспевали трубадуры и воплотили в камне скульпторы XII–XIII вв. Развитие культа Марии хронологически совпадало с повсеместным ростом общественного признания женщины, ее собственным стремлением к самореализации. В условиях цивилизации, ориентированной на замкнутое, натуральное хозяйство, *дом, домохозяйство* являлись ее подлинным ядром, наиболее существенным аспектом жизни. Здесь, в основном, и протекала жизнь средневекового француза, где подлинной царицей и хозяйкой была *женщина*. Во многих средневековых источниках отмечается массовое участие женщин всех социальных групп в движении за реформу церкви. В этих источниках женщин называют не иначе, как *fleurs de l'Eglise* (цветы церкви), *perles du Christ* (жемчужины Христа), *joyaux du Paradis* (сокровищарая).

В это время у французского народа родилась пословица, которая возвышает женщину в любом обществе и во все времена: «*Ce que femme veut, Dieu le veut*» (Чего хочет женщина, того хочет Бог). Так и возник культ женщины, культ Дамы Сердца в светском, рыцарском обществе средневековой Франции, сыгравший огромную роль в становлении литературной традиции французского языка. Эти условия социальной реальности средневековой Франции, сложившиеся гендерные стереотипы экстраполировались на законы формирующегося французского языка, что и привело к оценочности при классификации имен по родовому признаку. Особенно ярко проявляется родовая оценка в тех случаях, когда род

французских существительных и их латинских этимонов не совпадает. Вполне реальным представляется предположение о том, что причины этих несовпадений как раз и могут объясниться гендерными факторами.

Известно, что большинство французских имен сохранили род своих латинских этимонов, при этом в связи с преобразованием трехродовой системы в двухродовую большинство латинских имен среднего рода перешли в класс имен мужского рода.

Интересными, на наш взгляд, представляются случаи *нетипичного перехода* латинских имен из среднего в женский род, а не в мужской, например: существительное **mer** (море) (от латинского *mare*, средний род) изменило свой род на женский, чему причиной является гендерная мотивированность, ведь по общему правилу имена среднего рода перешли в класс имен мужского рода. **Mer** /ж. р./ представляет собой заметное исключение еще и потому, что другие романские языки отнесли «море» к мужскому роду. Привлекает внимание тот факт, что это *единственное* латинское слово среднего рода, перешедшее непосредственно в женский род в единственном числе, минуя, в отличие от других слов, форму множественного числа. Дамурет и Пишон объясняют эту модификацию тем фактом, что слово **mer** осмысливалось предками современных французов «как нечто женское, изменчивое как женщина, с ветреным характером веселой кокетки, притягивающее и опасное как коварная красotka» [7. С. 114], т. е. со всеми чертами феминного стереотипа. Любопытно, что и в английском языке, несмотря на отсутствие грамматической категории рода, это слово также соотносится с женским образом, чему доказательством может служить замена его местоимением женского рода **she**.

Существительные **l'arme** (оружие) и **la force** (сила), латинские этимоны которых были среднего рода, во французском языке переместились в класс имен женского рода. Вполне естественным представлялось бы перемещение этих

слов в класс имен мужского рода подобно большинству имен среднего рода.

Действительно «сила», «крепость», «власть», а уж тем более «оружие» – атрибуты мужского мира. Можно предположить, что гендерные стереотипы того времени, не совпадающие с современными, и обусловили род этих слов. Возможно, что «сила», «власть» ассоциировались с женщиной, были феминными атрибутами, если женщина в те времена была подлинной хозяйкой и непосредственно управляла всеми делами в доме. «Оружие», думается, вызывало в сознании людей того времени образ «верной подруги», «помощницы» в опасной ситуации.

Самый интересный случай, по нашему мнению, это колебание рода слова **l'amour** (любовь). В современном французском языке это существительное в единственном числе мужского рода и женского рода во множественном числе, но в старофранцузском языке оно принадлежало к классу имен женского рода, т. е. соотносилось с женским гендерным стереотипом. Культ Прекрасной Дамы как социальный феномен, по нашему мнению, подтверждает этот факт. Действительно, Дама Сердца была для рыцаря воплощением всех добродетелей, достойных поклонения и любви. Отражением именно такого стереотипа и является женский род существительного **l'amour**. У Марии Французской отмечается довольно частое употребление сочетания **fine amor**, женский род которого свидетельствует о тех высоких и чистых чувствах, которые внушала Прекрасная Дама. Слово **l'amour** принадлежало к женскому роду до XVII в., и только ученые грамматики классической эпохи установили различие рода этого слова в зависимости от единственного или множественного числа. В тот век данное слово все чаще начинало сопровождаться определением, выраженным прилагательным мужского рода **l'amour charnel** (плотская любовь), что, вероятно, свидетельствовало о смене гендерного стереотипа. Сходными причинами объясняется и перемещение существительного **l'arbre** (дерево) из

категории женского рода в класс мужского рода. Латинский этимон этого слова относился к классу имен женского рода, т. е. носители латинского языка соотносили это слово с женским образом (мать, производительница плодов). Во французском же социуме, а следовательно, и в языке, произошла *смена гендерного стереотипа*: функция «производительницы» отбиралась у женщины для передачи мужчине, таким образом род слова **l'arbre** как символа производящей силы сменился на мужской.

Начиная с XIII в. по всей Западной Европе вспыхивали костры инквизиции, начинается эпоха, вошедшая в историческую науку под названием «охота на ведьм». Для женщин средневековой Франции наступали тяжелые времена. Церковь провозгласила женщину помощницей дьявола, в обществе резко менялись гендерные стереотипы: все негативные качества приписываются женщине, женщина обвиняется во всех смертных грехах. Негативная оценка женских качеств оказала влияние на перемещение имен с негативными коннотациями в класс имен женского рода, например: старофранцузское существительное **le fane** (грязь) с появлением позднее у него переносного значения «распутство» (качество, приписываемое с одобрения церковью исключительно женщине) перемещается в класс имен женского рода, где и закрепляется как **la fange**. Вероятно, этими же причинами можно объяснить, почему старофранцузское существительное **le dertre** (лишай) в более позднее время становится **la dartre**.

Существующие в средневековой Франции гендерные стереотипы с течением времени изменялись, но родовая оценка имен, сложившаяся в сознании средневекового человека на основании стереотипов, сохранялась, и впоследствии на этой сложившейся в старофранцузском языке родовой оценке имен формальные грамматики закрепили за существительными мужской или женский род.

Литература

1. *Виноградов В. А.* Род // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. *Воронина О. А.* Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4.
3. *Гадамер Х. Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. М., 1988.
4. *Знаменская В. Т.* Понятие «гендер» и гендерные исследования // *Материалы III регионального научного семинара по проблемам систематики языка и речевой деятельности*. Иркутск, 2000.
5. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация Средневекового Запада. М., 1992.
6. *Шиммарёв В. Ф.* Историческая морфология французского языка. М.; Л., 1952.
7. *Yaguello Marina.* Le sexe des mots. Belfond, 1989.

И. Ю. Калинина

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ
ИСПАНСКО-РУССКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
(На материале одного дипломатического документа XVIII в.)**

В современном мире, полном конфликтов, противостояний и противоречий, как в рамках микро-, так и макросообществ, трудно переоценить знания об истории взаимодействия стран – истории, богатой обоюдной симпатией, взаимным интересом и стремлением друг к другу, какой является историческая реальность, характеризующая отношения между Россией и Испанией. Знание исторического прошлого необходимо для правильного понимания настоящего и четкого видения будущего. В случаях взаимоотношения стран положительным является и успешный, и неуспешный опыт: успехи вдохновляют нас на новые контакты, а неудачи позволяют проанализировать сложное прошлое, с тем чтобы избежать возможных ошибок в настоящем и будущем. Подобные знания помогают сближению стран, народов и правительств.

Что касается Испании и России и их культурной традиции (термин «культурная традиция» понимается нами в широком смысле слова), то в литературе отмечается такая важная особенность, как географическая отдаленность наших территорий, и приводится поэтический образ птицы – Европы с двумя крыльями – Испанией и Россией. На первый взгляд, кажется, что удаленность друг от друга не способствует коммуникации, и это, конечно, так. Однако необходимо помнить, что общение на расстоянии (как и близкое общение) имеет и положительные, и отрицательные характеристики. Исторически, может быть, даже и до настоящего времени, Испания и Россия имеют неполное знание и приблизительное понимание друг друга. В наших образах мысли мы часто видим друг друга не такими, какие мы есть на самом деле: для многих русских Испания – это лишь коррида, а для многих испанцев Россия – это медведи на улицах. Однако есть и положительный момент в нашем историческом «общении на расстоянии» – это незначительное число каких бы то ни было конфликтов между нашими странами [2. С. 11]. В частности, авторами сборника «Corpus Diplomático Hispano-Ruso» подчеркивается, что количество конфликтов было значительно меньше, чем случаев демонстрации заинтересованности, внимания и восхищения между народами (*de curiosidad, atención y admiración entre sus pueblos*) [2. С. 11].

Эта точка зрения находит подтверждение и в литературе: Франсиско де Кеведо и Вильегас («La hora de todos») и Лопе де Вега («El Gran Duque de Moscovia») пишут в своих произведениях о Великом Князе Московском (Иоанне IV – Грозном), опираясь на впечатление, которое произвела в Европе умная и утонченная политика Ивана IV (*impresión que produjo en Europa la inteligente y audaz política de Ivan IV*) [1. С. 454], и на позитивные примеры борьбы народной демократической воли против аристократических привилегий. Что касается русских симпатий к Испании, то они выражались в литературных

и музыкальных произведениях, а также в произведениях живописи.

Сферой нашего исследования является лексическое наполнение дипломатических документов, которые представляют собой отражение взаимоотношений наших стран. Тексты данных документов представляют интерес для лингвистов – переводчиков и исследователей проблем межкультурных коммуникаций, поскольку позволяют проникнуть не только в суть исторических событий ушедших веков, но и в особенности мышления современных им людей. Подобные тексты также отражают и национальные особенности проявления своих симпатий, антипатий, надежд, сомнений их авторов.

О трудностях перевода говорит во вступительной главе дон Мануэль Эспадас Бургос, руководитель испанско-русской группы ученых, исследовавших испанские и русские дипломатические документы XVII–XVIII вв. Отмечается, в частности, трудность подбора переводческих эквивалентов, несхожесть устаревшей и современной русской орфографии, необходимость сохранить в современном тексте (здесь – в испанском) множество архаизмов, не подлежащих переводу, учесть и передать реалии. В настоящей статье мы использовали переводной текст на современный испанский язык.

Тщательная работа над текстами документов XVII–XVIII вв. позволила ученым – историографам и переводчикам – создать на современном испанском языке такие тексты, которые вызывают полное доверие к их форме и содержанию и взаимному соответствию между последними. Это побудило нас исследовать данные документы, а именно, их лексическую составляющую, с целью проникнуть в информацию, скрытую между строк, и на её основе понять, насколько хватит нашей проницательности, истинные отношения наших стран друг к другу.

Для анализа в предлагаемой статье мы избрали письменную инструкцию Филиппа V графу де Бена (*Instrucciones de*

Felipe V al Conde de Bena, nombrado Ministro Plenipotenciario en Rusia 1741, Mayo, 30. Aranjuez).

В данном тексте нас привлекло, в первую очередь, обилие и разнообразие почетных названий – метафор, используемых для обозначения России. Уважение и восхищение выражаются Филиппом V по поводу: обширности территории, силы власти – *Dominio*; всей русской знати – *Corte*; абсолютной власти – *Imperio*; всей русской знати во главе с царем, государственным строем – *Corte y Monarquía*; царской власти, семьи, родственников – *Corona*; России как политической единицы – *Estado* и всего русского народа – *Pueblo*. Такая метафоричность представляется нам весьма знаменательной, поскольку вариативность подбора переносов значений здесь чрезвычайно широка и охватывает все важные стороны сущности государства, в частности русского. Однако наибольшее количество раз употреблено современное для XVII–XVIII вв. название – *Moscovia* (6 раз).

В данной связи интересно отметить микроконтексты употребления топонима *Moscovia* (Московия), с одной стороны, и рассмотренные выше названия – метафоры – с другой.

Топоним *Moscovia* встречается в отрицательно окрашенных микроконтекстах: а) *la remota situación de la Moscovia*; б) *... aleja los recíprocos intereses*; в) *la distancia que media entre Moscovia y estos Dominios* (Испании) *... sin un gran interés en nuestra alianza, nos hace no esperar el mayor de la suya* [2. С. 122], – в данных контекстах отражается пессимистическое настроение Мадрида по поводу отношений с Московией; в ряде случаев о Московии говорится в тоне возможного использования дружбы с ней: а) *... a nuestro vasallo a que le emprenden en Moscovia, para no comprar de segunda mano*; б) *... de que pierdan... los ingleses y holandeses, que son los que disfrutaban nuestro trato*; в) *que conviertan estas mismas ganancias en nuevo perjuicio nuestro*, г) *... se hacen de enemigos que son, casi forzosos, los más considerables enemigos* [2. С. 122]. Далее идет рассуждение о необходимости следить за этими двумя

странами – Англией и Голландией: ... а) *miremos siempre con cuidado los progresos de estas dos naciones*; ...б) *vigilemos en impedirlos en todas partes* [2. С. 123]. Затем следует инструкция о надзоре за взаимоотношениями между Англией и Голландией, с одной стороны, и *de aquella Monarquía* – с другой. Россия не названа здесь «по имени», что соответствует общему раздраженному тону документа по поводу англичан и голландцев и их враждебной деятельности. Министру предписывается не только наблюдать за взаимоотношениями соперников Испании с ее возможной союзницей, но и: а) *contrastarlas en la forma posible*; б) *con singularidad las que tuvieran relación a los adelantamientos que nos perjudican*; в) *... es justo prevenir por cuanto medios alcanza el arte...*; г) *seguir los pasos de los Ministros que mantienen en aquella Corte para descubrirlos y embarazarlos* [2. С. 123]. В случае, если действия соперников будут успешными, дается следующая инструкция: а) *... que caminan y se acercan a conseguir sus intenciones, ... lo avisaréis*, и с помощью испанского министра в Швеции предписывается: *...formar alguna idea que discipe o enerve tan prejudicial conferencia* [2. С. 123]. Далее даются инструкции о том, как поступать в случае, если Московия примет сторону Англии и Голландии: *... en virtud de las influencias de los ingleses y holandeses, deberéis contribuir a que rompa con Suecia* [2. С. 123], далее речь идет даже о возможной войне: *aunque nos cae muy distante la guerra, que puede hacerse...* [2. С. 123]. Предполагаются также самые отрицательные возможные шаги русского государства: *si no solo no entra el Zar en los empeños de la Casa de Austria, sino que abraza los que contra ella fomentamos...* [2. С. 123]. Далее министру предлагаются возможные рычаги управления ситуацией в самой Московии: *recursos ... en la misma Moscovia para contenerla... el Duque de Curlandia y el castigo de los Dolgoruki*, предлагается действовать: *aún alguna semilla de aquellas alteraciones, no es imposible el cultivarla, para que brote y reverdezca* [2. С. 123]. В Инструкции подчеркивается, однако,

что *esta maniobra, que debe ser siempre un lance desesperado* [2. С. 123], и на этом маневре не настаивают.

Рассмотрев контексты употребления названия *Moscovia*, можно обнаружить, что лексические единицы, составляющие окружение данного топонима, имеют в основном отрицательную коннотацию: *отдаленный, удаляют, без большого интереса – не имеют большого интереса, не ожидать*. Далее идет группа лексики, применяемой в тексте при описании возможного использования Московии для нейтрализации голландцев и англичан: *не покупать через посредников, чтобы теряли англичане и голландцы, которые извлекают выгоду «из наших контрактов», превращают свой успех в наше поражение, превращаются в наших значимых врагов, врагов по обстоятельствам*. Как мы уже отмечали выше, в лексике сквозит крайнее возмущение (может быть, обида) по поводу англичан и голландцев. При сомнениях Испании о возможных контактах с Московией это давнее раздражение относительно соперников падает тенью и на нового, возможно, дружеского, партнера. Оно проявляется и в тоне письма, поэтому появляется и некоторая подозрительность к новому партнеру. Можно было бы употребить и нейтрально окрашенную лексическую единицу «осторожность», однако более ярко в лексическом значении «осторожность» звучит сема «подозрительность», поскольку таков контекст отношений Испании, с одной стороны, и Англии – Голландии – с другой. Следует отметить, что название страны Голландия употребляется в тексте только один раз, в основном звучит термин – голландцы, в то время как название страны Англия, или Британия, не употреблено ни разу, встречается лишь термин – англичане. Такое нежелание назвать страну «по имени» говорит о крайней нерасположенности к ней.

Таким образом, обоснованное раздражение, а возможно, и враждебность Испании по отношению к Англии и Голландии затемняет и надежду Испании на взаимовыгодное сотруд-

ничество с Россией. Последняя в этом свете также вызывает сомнения Испанской Короны.

Отметим лексическое наполнение, выражающее данное отношение Испании к Московии: а) *внимательно следить за прогрессом в отношениях; наблюдать, чтобы помешать, противопоставлять их, где только возможно, если будут вредить нашим отношениям, предупреждать; насколько достанет искусство, раскрыть и спутать их планы, разрушить вредный союз англичан и голландцев (и их влияние на Россию); чтобы (Россия) порвала со Швецией; хотя и отдаленная, но возможная война; если Царь склонится в сторону наших врагов;* б) *следующая лексическая группа состоит из лексических единиц, отражающих возможные недружественные действия Испании по отношению к Московии: ресурсы в самой Московии, чтобы удержать ее; наказанные Долгорукие; использовать малейшие остатки недовольства; культивировать это семечко, чтобы оно росло и укреплялось; подчеркивается, однако, что этот маневр «крайняя мера – отчаянный бросок», т. е. отношение не лишено осторожности.* В данной связи интересно отметить, что Король, указывая на такие возможные коварные шаги Испании по отношению к новому, предположительно дружественному партнеру (России), употребляет метафорическое выражение «*культивировать семечко, чтобы оно росло и укреплялось*» вместо резких слов, которые могли бы передать суть этого указания – использовать и муссировать внутренние противоречия в самой России, играть на недовольстве влиятельных особ и т. д. для ослабления страны изнутри. Желание Монарха смягчить непривлекательность данного плана говорит о том, что Испания относилась к России с надеждой на сотрудничество.

Итак, лексическое поле, которое можно обозначить как «*Moscovia*», с точки зрения Испанского Королевства XVIII в. выглядит достаточно негативно, поскольку на него бросают тень отношения Испании с Голландией и Англией; т. е. Московия, рассматриваемая в совокупности с этими державами,

представляется даже опасной для Испанской Короны, хотя самая главная черта здесь, конечно, неуверенность, но с оттенком надежды.

Как уже отмечалось выше, в тексте документа имеются и другие названия, применяемые по отношению к современной ему стране: *Империя, Двор, Корона, Держава, Владения, Государство, Народ*. Данное лексическое поле (назовем его «страна») включает также и правителей: *Zar, Zarina, el Gran Duque, el Regente*. В данном случае эпитеты, употребляемые для описания этой страны и ее монархов, выражены, в основном, прилагательными в превосходной степени и лишь положительной коннотации. Этим выражается восхищение и уважение; кроме того, присутствует также лексика, отражающая возможные конкретные действия между Испанией и Московией, т. е. готовность к сотрудничеству: *gloriosa conducta del Zar Pedro* (славная деятельность царя Петра), *negocios más arduos de Europa* (самые насущные проблемы Европы); *adelantado ventajosamente sus sucesores* (превзошел своих преемников); *paraje conveniente ya al adelantamiento de nuestras ideas* (удобный момент, чтобы продвинуть наши идеи); *sujeto de nuestra eterna confianza* (наше полное доверие); *la grandeza y disposición de aquella Corte* (величие и расположение к нам того Двора); *ministro más hábil* (самый способный министр [Остерман]), *el mayor contacto* (теснейший контакт), *por la garantía que ofreció la difunta Zarina* (в соответствии с гарантиями, данными усопшей Царицей), *con tan formidable potencia* (с такой величественной державой); *trabajaréis por todos los medios* (работайте всеми способами), *proponer un trato de comercio* (предложить торговый договор), *atar algunos pactos que favorezcan nuestras operaciones en la actual conyuntura de Europa* (заключите договоры, которые благоприятствовали бы нашим действиям с учетом современной европейской конъюнктуры).

Высказывается также опасение, что русский Монарх отнесется без большого интереса к нашему союзу (*sin un gran*

interés en nuestra alianza), в таком случае и мы не будем ожидать большого интереса [со стороны Московии] (*nos hace no esperar el mayor de la suya*); однако далее снова говорится о выгодах в торговле (*las ventajas del comercio*), которыми немало пользуются русские (*no poco se aplican los rusos*) со времен славного Петра Алексеевича (*desde la vida del glorioso Piotr Alexeyevich*), может быть, компенсировать разнообразием в деятельности и гарантиями, которые они нам предлагают (*compensar la diversión, garantía, que nos ofrezcan*), по меньшей мере, просить нейтралитета (*cabe el pedir una neutralidad*), который будет нам очень полезен (*que nos será muy útil*) [2].

Итак, отношение Испании к России в XVIII в. можно обозначить словосочетанием «осторожная надежда». Сюда входят такие лексические единицы, как: пессимизм, опасение, «косвенное» недоверие, «косвенное» раздражение, «косвенная» подозрительность, «косвенная» готовность к войне, «косвенное» коварство, когда Московия рассматривается не в непосредственном отношении к Испании, а сквозь призму ее взаимодействия с Англией – Голландией. Это один семантический центр группы лексических единиц, отражающих отношение Испании к Московии. В то же время, когда рассматриваются непосредственные отношения между Испанией и Россией, лексическое наполнение текста отличается более положительной коннотацией. В текстах звучит «надежда», хотя и омраченная сомнением, что заставляет Карла V говорить «по меньшей мере» о нейтралитете Московии. Это второй семантический центр лексики, передающий отношения Испании к Московии. Имеется ряд названий – метафор: *Корона*, *Монархия*, *Держава* и т. д., – микроконтекст употребления которых составляют лексические единицы, передающие восхищение, уважение, дружелюбие. Это третий семантический центр лексического наполнения исследуемого нами дипломатического документа, передающего отношение Испании к России XVIII в.

Таким образом, Испания XVIII в. рассматривала современную ей Россию как желательного партнера и относилась к ней, хотя и с опасением, как мы выяснили, более косвенным, нежели прямым, но и с симпатией и надеждой на успешное сотрудничество.

Литература

1. Хрестоматия испанской литературы с XII по XVIII век. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1948.
2. Corpus Diplomático Hispano-Ruso (1667–1799). Vol. I / Ministerio de Asuntos Exteriores. Madrid, 1991.

Л. А. Курьянова

G. DE VILLE-HARDOUIN //

R. DE CLARI «CONQUÊTE DE CONSTANTINOPLE»

(Отбор и оценка хроникерами описываемых событий и ситуаций)

Средневековые французские хроникеры Жоффруа де Виллардуэн и Робер де Клари посвятили свои произведения [8; 4] описанию IV Крестового похода (1202–1204), подготовки к нему и того, что произошло после него в течение нескольких лет. Автор каждого из этих сочинений был участником похода и, следовательно, он повествует о событиях и ситуациях, свидетелем которых оказался в силу сложившихся обстоятельств. Оба автора не просто наблюдают, но и оценивают увиденное. Однако сам отбор объектов оценки и языковые средства, которые тот и другой выбирает для ее выражения, в некоторых отношениях не совпадают. Это объясняется, безусловно, различием той роли, которую играл каждый из хроникеров в осуществлении крестового похода. Жоффруа де Виллардуэн – влиятельный политический, дипломатический и военный деятель эпохи позднего Средневековья во Франции, входил в число руководителей экспедиции, был одним из организаторов военных операций и инициатором принимаемых крестоносцами решений, тогда как Робер де Клари,

представляющий мелких феодалов, был лишь рядовым участником описываемых в хрониках событий. Единство объекта описания в историографических произведениях, созданных столь различными по своему социальному статусу авторами, и навело нас на мысль провести их сопоставительное исследование, учитывая именно этот последний фактор. Предлагаемая статья дает представление о некоторых результатах, полученных нами при изучении текстов средневековых хроник, о которых идет речь.

1. Оба автора по ходу изложения событий нередко выражают **осуждение** тех или иных действий крестоносцев. Однако сами действия, вызывающие такую оценку, у них не совпадают. Ж. де Виллардуэн направляет свое недовольство на поступки рыцарей – участников крестового похода, либо не сдержавших данных ранее обещаний, либо уклонившихся от опасных, но необходимых действий, либо бежавших с поля боя, т. е. совершивших все то, что уменьшает шансы предпринятого похода на успех. Приведем один из таких примеров:

Mais Estenes del Perche **ne le fist mie si bien**; quar *il guerpi l'ost*, et s'en ala en Puille sejourner (79)¹.

Но Этьен дю Перш **не поступил так же хорошо** (как один из других рыцарей – *Л. К.*); ибо *он оставил армию* и отправился в Апулию.

Ж. де Виллардуэн как один из руководителей похода в высшей степени заинтересован в его успехе, следовательно, все, что мешает достижению цели, вызывает его осуждение.

Р. де Клари выражает недовольство по другому поводу. Оценка осуждения в его хронике направлена на действия знатных, богатых участников похода, проявляющих алчность, присваивая себе, в ущерб мелкому рыцарству, большую и

¹ Здесь и далее цифры в скобках обозначают номера параграфов (в хронике Ж. де Виллардуэна арабские цифры) и глав (в хронике Р. де Клари римские цифры).

лучшую часть добычи. Весьма типичен и показателен следующий пример (только один из ряда подобных):

Adont si s'asanlerent li haut homme, li rike homme, et prisent conseil entr'aus, que le menue gent n'en seurent mot ne li povre chevalier de l'ost, que **il prenderoient les meilleurs ostex de le vile**; et tresdout commenchièrent il a traïr le menue gent... (LXXX).

Тогда собрались знатные люди, богатые люди, и решили между собой – ибо ни мелкий люд, ни бедные рыцари из армии ничего об этом не знали, – что **они возьмут себе лучшие дома города**; и затем они начали предавать мелкий люд...

Сам Р. де Клари относится к «мелкому люду», незнатным рыцарям, поэтому подобное нарушение справедливости в распределении добычи касается и его лично.

В этой связи наше внимание привлёк различный подход к оценке осуждаемых действий посредством использования слов, содержащих сему «предательство». Осуждая те или иные действия крестоносцев, Ж. де Виллардуэн избегает лексем этой семантической группы, хотя он не раз употребляет глагол *traïr* 'предавать, поступать вероломно' и существительное *traïson* 'предательство, вероломство'. Можно предположить, что, будучи дипломатом и к тому же одним из руководителей данного предприятия, он воспринимал эти слова как оскорбительное обвинение участников похода, к которому считал не достойным руководителя прибегать. У Р. де Клари случаи использования лексем *traïr* и *traïson* относятся не только к противникам, как у Ж. де Виллардуэна, но и к участникам похода из числа богатых и знатных рыцарей. Вместе с тем, следует отметить, что существительное той же семантической группы *traïtre* 'предатель' применительно к крестоносцам не употребляется ни тем, ни другим

хроникером. Оно встречается лишь у Р. де Клари и только по отношению к противникам крестоносцев².

Сделанные наблюдения обобщены в следующей таблице:

Использование хроникерами лексем, связанных с предательством (вероломством)

Хроникер	traïr	traïson	traïtre	По отношению к кому
<i>Ж. де Виллардуэн</i>	+	+	–	к противникам
	–	–	–	к крестоносцам
<i>Р. де Клари</i>	+	+	+	к противникам
	+	+	–	к крестоносцам

Высокий статус руководителя заставляет Ж. де Виллардуэна быть более осторожным в выборе слов, содержащих оценку осуждения, тогда как положение рядового рыцаря предоставляет Р. де Клари большую свободу выражения той оценки осуждения, которую он дает действиям своих соратников.

2. В обеих хрониках неоднократно встречаются примеры на оценку, совмещающую в себе **неодобрение** каких-то действий рыцарей и в то же время **одобрение** той кары, которая постигла их за неблагоприятный поступок. И тот, и другой хроникер верит в неизбежность наказания. Представление о неотвратимости кары, идущей от людей или Бога, как справедливой и заслуживающей одобрения, входило в пресуппозицию человека Средневековья. И в этом отношении хроникеры не исключение. Однако выражают они свое отношение к данному вопросу по-разному.

² Существительное *traïtre* (в форме *traïteur*) ‘предатель’ у Р. де Клари употреблено один раз применительно к участникам похода и только в составе передаваемой им прямой речи, обращенной бедным рыцарем к богатым: ... *nostre avoir avés vous parti, dont nous avons souffert les grans paines et les grans travaux... je vous mousterrai que vous estes tout traïteur!* (CV) ‘... вы разделили между собой нашу долю добычи, из-за которой мы претерпели большие тяготы и большие мучения... я покажу вам, что все вы предатели!’

Ж. де Виллардуэн, сказав о совершенном рыцарем или группой рыцарей неблагоприятном действии, сообщает тут же о том, что с ним (с ними) случилось в дальнейшем – это, как правило, что-то плохое. Например:

Une altre compaignie s'en embla par terre... et li païsant de la terre les assaillirent et en ocistrent assez... (101).	Другая группа убежала по суше... и крестьяне, живущие на этой земле, на них напали и многих из них убили...
---	---

Ж. де Виллардуэн, осуждая крестоносцев, отклонившихся от общей армии, и сообщая о том, что именно в результате этого с ними стало, эксплицитно не выражает одобрения по поводу наказания, но эта оценка вытекает из самого содержания приведенных примеров, так же, как и осуждение поведения рыцарей, которое таким образом было наказано. Оба вида оценки в данном случае имплицитны.

Р. де Клари, одобряя кару, постигшую рыцарей за их недостойное поведение, которое он, безусловно, осуждает, хотя этого и не высказывает, выражает свое удовлетворение и, следовательно, одобрение тому факту, что впоследствии они были за это наказаны. Оценка одобрения у него получает эксплицитное выражение в виде глагола *se vengier* 'отомстить'. Например:

... si keurent il sus as Francois, si en ochisent mout... Ensi faitement se venja Dame-dieus d'aus pour leur orguel et pour le male foi qu'il avoient portee a le povre gent de l'ost... (CXII).	... и они бросились на французов и убили многих из них... Таким образом отомстил им Господь за их гордыню и плохое (досл.: вероломное) отношение к бедному люду армии...
---	---

Как видим, Р. де Клари более прямолинеен в одобрении постигшей рыцарей кары, чем Ж. де Виллардуэн. Последний в этом плане проявляет осторожность в высказывании своего отношения к свершившемуся, ограничиваясь лишь конста-

тацией самого факта наказания и «уводя» оценку одобрения на имплицитный уровень.

3. Невиданные красоты захваченного крестоносцами Константинополя вызывают **восхищение** обоих хроникеров. Подобной красоты и богатства участникам похода не доводилось видеть раньше. Крестоносцы разграбили эти произведения искусства, захватив богатую добычу. Общность объекта восхищения не мешает авторам хроник акцентировать внимание читателя на разных аспектах.

Ж. де Виллардуэн, восхищаясь богатством дворцов и храмов Константинополя и перечисляя эти богатства (золото, серебро, драгоценные камни, шелка и т. п.), представляет их прежде всего как огромную добычу. Например:

... et **fu si granz li gaaienz faiz** que nus ne vos en sauroit dire la fin, d'or et d'argent, et de vasselement et de pierres precieuses, et de samiz et de dras de soie... puis que li siecles fu estorez, ne fu tant gaainié en une vile (250).

... и **была так велика завоеванная добыча**, что никто не смог бы вам перечислить ее до конца, (это было) золото и серебро, посуда и драгоценные камни, вышитые золотом шелка и шелковое полотно... с тех пор как возник мир, в одном городе не было захвачено такого количества.

Большое количество захваченного, способное обогатить крестоносцев, многие из которых, вступая в армию, руководствовались именно материальными выгодами, вызывает удовлетворение Ж. де Виллардуэна как организатора предприятия.

Оценивая же сами красоты Константинополя, Ж. де Виллардуэн обращает внимание на «большие формы» – дворцы, храмы, святыни, высокие стены сооружений. Выражая свое восхищение, он характеризует их, не вдаваясь в детали, и констатирует лишь их красоту и богатство, а когда речь идет о святынях (реликвиях), подчеркивает в основном их большое количество. Например:

**Cil palais fu un des plus
biax et des plus delitables** que
unques oel peussent esgarder...
(134).

Этот дворец был одним из са-
мых красивых и самых восхити-
тельных, который когда-либо
можно было видеть...

Дворец оценивается Ж. де Виллардуэном в целом – по тому впечатлению, которое он производит.

Р. де Клари больше внимания уделяет деталям увиденного: в его оценках – восхищении часто представлены описания икон, ценностей и сокровищ, находящихся в храмах, разных невиданных диковин. Например:

... **l'ansconne**, qui toute
estoit d'or et toute carkie de
rikes pierres precieuses, et **estoit
si bele et si rike** que onques si
bele ne si rike ne fu veue
(LXVI).

...икона, которая вся была из
золота и вся украшена богатыми
драгоценными камнями, и была
такая красивая и богатая, что
никогда такой красивой и богатой
не видели.

Так как в центре внимания Р. де Клари оказывается больше «объектов» красоты и богатства, вызывающих оценку восхищения, примеров в его хронике на выражение этой оценки встречается значительно больше, чем в хронике Ж. де Виллардуэна.

Подводя итог краткому сопоставительному анализу двух средневековых хроник, имеющих один и тот же объект описания, считаем необходимым отметить следующее.

Изучение старофранцузских текстов в отечественной романистике до сих пор велось на материале преимущественно поэтических произведений (эпических поэм, рыцарских романов). Избранные для анализа в настоящей статье историографические произведения, написанные прозой, оставались, насколько нам известно, вне поля зрения отечественных лингвистов. Они изучались главным образом литературоведами как образцы нового направления в средневековой литературе, зародившегося в XIII в., – мемуарной историографии

[1. С. 127]. Что касается зарубежных романистов, то среди их публикаций – они относятся к концу XIX в. и 50 – 70-м гг. XX в. – имеется ряд работ, посвященных заинтересовавшим нас хроникам, в том числе в сопоставительном плане, см., например: [3; 5; 7]. В центре внимания авторов этих исследований – вопросы стиля хроникеров и, в частности, близость их манеры изложения к клишированным формам выражения.

Целью настоящей статьи было выявление путем сопоставительного анализа текстов двух одноименных (и «односюжетных») хроник особенностей восприятия одних и тех же событий их свидетелями и участниками, принадлежащими, однако, к разным социальным слоям общества и выполняющими разные «роли»: руководителя / рядового рыцаря – крестоносца. Исследование позволило обнаружить у них разный подход к отбору тех фактов, которым они дают ту или иную оценку, а именно:

1. Если Ж. де Виллардуэн осуждает все те действия рыцарей, которые мешают успеху похода, то Р. де Клари возмущается корыстью знатных и богатых рыцарей при дележе добычи – в ущерб бедным участникам похода. Осуждение Ж. де Виллардуэна основано на его озабоченности **стратегией** руководимого им предприятия. Недовольство Р. де Клари вызвано **нарушением социальной справедливости**.

2. Если Ж. де Виллардуэн избегает, говоря об участниках похода, слов, имеющих в своей семантике сему «предательство», то Р. де Клари открыто квалифицирует некоторые действия крестоносцев как предательство (вероломство). Правда, оба избегают употребления в авторском тексте слова со значением «предатель» (*traître*), рассматривая его, по-видимому, как оскорбление. Таким образом, Ж. де Виллардуэн в выборе способа выражения оценки осуждения применительно к участникам похода, одним из руководителей которого он являлся, более **осторожен** (дипломатичен), тогда как Р. де Клари в данном отношении более **откровенен** и в своих оценках более свободен.

То же можно сказать об уверенности обоих хроникеров в справедливости кары за неблагоприятные поступки рыцарей, хотя оба, будучи «продуктом» своей эпохи, воспринимают ее как заслуженное наказание. В хронике Р. де Клари наказание трактуется как месть, посылаемая рыцарям за несправедность их поступков. Подобной эксплицитной оценки в хронике Ж. де Виллардуэна мы не находим.

3. Реакция восхищения также характеризуется разным подходом к отбору объектов оценки. Ж. де Виллардуэн и здесь проявляет «укрупненность» своего мышления, оценивая архитектурные объекты **в целом**, тогда как Р. де Клари **детализирует** свои впечатления.

В этой связи заслуживают внимания высказывания относительно стиля и манеры изложения Ж. де Виллардуэна и Р. де Клари, содержащиеся в предисловии к изданиям их хроник. О стиле Ж. де Виллардуэна говорится следующее: «Сдержанность... Относясь с вниманием к высоким целям экспедиции, к ходу знаменательных событий, он не задерживается на отдельных эпизодах и не останавливается надолго на красочном, на случайных деталях; его лаконичность поразительна...» [б. С. 86] (перевод наш. – Л. К.). Как видим, в этом высказывании также обращено внимание на то, что хроникера волнуют «высокие цели экспедиции» (мы определили бы это как «стратегию мышления руководителя похода»), и на то, что он не останавливается на отдельных деталях увиденного. Однако мы не стали бы приписывать это лаконичности стиля хроникера. Его изложение насыщено событиями, которые даются в свете авторской оценки с объяснением причин происходящего (см. опубликованную нами ранее статью [2]). Вряд ли это свидетельствует о лаконичности его изложения. В приведенной цитате стиль Ж. де Виллардуэна характеризуется как проявление свойственной ему «логической точности, величайшей краткости» и, что нас немало удивило, «сухой манеры изложения» [б. С. 86]. С нашей

точки зрения, в данном случае следовало бы говорить не о сухости изложения, а о строгости и ясности мысли.

О хронике Р. де Клари говорится следующее: «... точный исторический документ, живописный, но, впрочем, небольшой... это свидетельство человека искреннего и как бы простодушного. Возможно, мы будем иногда сожалеть о том, что в его стиле нет больше лаконичности, больше стремительности, больше разнообразия» [б. С. 5] (перевод наш. – Л. К.). Эта характеристика стиля Р. де Клари полностью совпадает с тем впечатлением, которое произвел на нас текст его хроники.

Надеемся, что приведенный в настоящей статье материал позволяет составить некоторое представление о подходе каждого хроникера к оценке событий, свидетелем и участником которых он был, а также о самих хроникерах как субъектах даваемой ими оценки событий. Результаты исследования подтверждают также важность учета при анализе средневековых произведений социального и «ролевого» статуса их создателей.

Литература

1. История французской литературы. Т. I. М.; Л., 1946.
2. Курьянова Л. А. Авторская оценка ситуаций и событий во французской средневековой хронике (Жоффруа де Виллардуэн «Завоевание Константинополя») // Актуальные проблемы романистики. Древняя и Новая Романия. СПб., 2007. Вып. 7.
3. Beer J. M. A. Villehardouin and the Oral Narrative // Studies in Philology. Vol. LXVII. 1970. № 3.
4. Clari Robert de. La conquête de Constantinople. P., 1974.
5. Dembowski P. La chronique de Robert de Clari. Etude de la langue et du style. Toronto, 1963.
6. Historiens et chroniqueurs du Moyen Âge. Bibliothèque de la Pléiade. Ed. Gallimard, 2005.
7. Penwarden P. J. A linguistic and stylistic Comparison of the Chronicles by Villehardouin and Robert de Clari of La Conquête de Constantinople: Thèse manuscrite / University College, University of London, 1953.
8. Ville-Hardouin Geoffroi de. Conquête de Constantinople. P., 1882.

ИЗ ИСТОРИИ ИСПАНСКИХ ОТРИЦАНИЙ
(Наречие *tampoco* ‘также не’)

Как известно, система латинских отрицательных местоимений, наречий и союзов претерпела большие изменения при переходе к романским языкам. Значительное число этих форм было утрачено, а их место заняли новообразования, возникшие на базе местоименных, именных, наречных, а иногда и глагольных основ. Многие отрицания современных романских языков восходят к положительным этимонам, которые подверглись переосмыслению внутри отрицательного предложения в результате проспекции приглагольного отрицания.

Исторически эти слова служили усилителями общего отрицания. Ср.: исп. *nada, nadie, jamás, tampoco*; фр. *rien, personne, jamais, pas, aucun*; ит. *mai, alcuno*; порт. *nada*; катал. *res, gens, cap, enlloc*. В исп. и порт. новым отрицанием стало постпозитивное *alguno* в именных словосочетаниях: исп. *En parte alguna se le pudo encontrar* ‘Его нигде не могли найти’; порт. *em parte alguma* ‘нигде’, *pessoa alguma* ‘никто’.

Отрицательное наречие *tampoco*, впервые зафиксированное историками языка в тексте нач. XIII в. «Libro de los Reyes de Oriente», хронологически уступает более ранним *nada* (1074), *nadi* и *jamás* (Cantar de Mio Cid, ок. 1140) [3. Т. IV, С. 202; Т. V. С. 407–408; Т. VI. С. 10]. В XIII–XV вв. конкурентами *tampoco* в отрицательном предложении были исходно положительные наречия *otrossí* < лат. *alterum-sic* и *también* < лат. *tan(tum)-bene*.

Современные словари и грамматики испанского языка определяют *tampoco* как наречие, с помощью которого к уже имеющемуся отрицанию подключается другой предмет, также затрагиваемый отрицанием: *No vino él y tampoco su hermano*. *Tampoco* служит ответом на предшествующее отрицание: *¿Y no vendrás a la fiesta?* – *Tampoco*. [10. Т. II. С. 1258; ср. также: 12. Т. II. С. 4244; 4. С. 2130].

Эволюция отрицательного *tampoco* почти не привлекала внимания специалистов-филологов. Антонио де Небриха в известном труде «Gramática castellana» (1492) рассматривает такие старые и новые отрицания, как *nunca*, *ninguno*, *nada*, *jamás*, но не упоминает ни *tampoco*, ни его положительный коррелят *también* [11. С. 84–87]. Так же поступает и Себастьян де Коваррубиас («Tesoro de la lengua castellana o española», 1611). Основоположник испанской грамматической науки нового времени Андрес Бельо, говоря об отрицательных наречиях *no* и *tampoco*, отмечает лишь один факт: в сочетании *ni tampoco* два отрицания не утверждают, а усиливают простое *ni* [2. С. 351]. В классическом «Curso superior de sintaxis española» С. Хили-и-Гайа посвящает § 39 рассмотрению утвердительных и отрицательных предложений, обходя стороной *tampoco* [5. С. 50–53]. Более странно выглядит отсутствие *tampoco* в списке отрицательных наречий и в матрице дистрибуции отрицательных слов (приводятся 9 форм) в монографии Р. Ибаньеса, специально посвященной отрицанию в современном испанском языке [7. С. 12, 26]. *Tampoco* возникает лишь в примере сложного предложения в сочетании с союзом *ni*: *no como ni tampoco bebo* ‘я не ем и не пью’ [7. С. 47].

Академик Э. Аларкос Льорак вкратце упоминает *también* (adverbio de afirmación) и *no*, *tampoco* (adverbios de negación), отмечая при этом, что в препозиции к глаголу *tampoco* исключает употребление *no*, а в постпозиции к нему требует прилагательного *no* или другого отрицания: *No ignoraba tampoco / Tampoco ignoraba* [1. С. 129, 131, 132]. Это означает, что для *tampoco* характерна такая же дистрибуция, как и для других грамматизованных отрицаний (*nada*, *nadie*, *nunca*, *jamás*).

Более подробные сведения о *tampoco* приводит К. Санчес Лопес в гл. 40 («Отрицание») «Описательной грамматики испанского языка». Автор определяет *tampoco*, *ni siquiera* и *arenas* как отрицательные наречия, соотносящие истинность предложения, в котором они употреблены, с истинностью

«других предложений, имплицитных или реально произнесенных» (*otras oraciones implicadas o realmente proferidas*). *Tampoco* принадлежит к классу кванторных слов и «заставляет предположить наличие других, также отрицательных предложений, связанных с тем, в котором оно появляется» [6. Т. II. С. 2619–2620]. Когда действия двух сочиненных предложений идентичны, после *tampoco* в норме допускается эллипсис глагола: *María no come* у *Ana tampoco* [6. С. 2626].

Что касается историков испанского языка, то они либо вообще не упоминают о *tampoco* (F. Hanssen. *Gramática histórica de la lengua castellana*. Halle, 1913; M. Rueda Rueda. *Los términos negativos en español: aproximación diacrónica*. León, 1997), либо ограничиваются краткими замечаниями. Так, Е. Л. Льюренс сообщает, что нашел *tampoco* в текстах XV в. и что до этого значение «также не» передавалось сочетаниями *aun* и *otrosí* с прилагательным *no* [8. С. 35].

Приведенный обзор научных источников свидетельствует о том, что эволюции отрицательного *tampoco* в истории языка уделялось минимальное внимание и что наше обращение к этой теме вполне оправдано и может оказаться небесполезным.

Исследованный нами языковой материал, полученный методом сплошной выборки из значительного числа испанских текстов XII–XX вв., позволил сделать следующие наблюдения.

1. Первый компонент *tampoco* наречие степени *tan* и в старом, и в современном испанском языке свободно сочетается с прилагательными, наречиями и причастиями: ... *non salieron tan ayna como los otros* (PCG 751 b, 30) ‘... они вышли *не так* быстро, как другие’. При этом в сочетаниях с наречиями *bien* и *poco* могло сохраняться этимологическое значение компонентов и их раздельное написание (*tan bien* = так / столь хорошо; *tan poco* = так / столь мало) как в утвердительном, так и в отрицательном предложении: *Et así fincaran omnes non tan bien como avían mester* (Cab. Esc., 480; s. XIV)

‘И так остались люди *не в таком хорошем* положении (букв. ‘не так хорошо’), как следовало’; ... como *no estaba tan bien* vestido como era razón (Quevedo, 143, s. XVII) ‘... так как он был одет *не столь хорошо*, как следовало’; que *atan poco* como se semejan [los omnes = люди] en las caras, *tan poco* se semejan en las entenciones (CL, 3. 21–22. s. XIV) ‘...ибо подобно тому, как мало похожи [люди] друг на друга лицом, *столь же мало* сходны они в своих намерениях’. В определенных контекстах *tan poco* сохраняет свое положительное значение и в современном испанском языке: ¿*Tan poco* me quieres? ‘*Так мало ты любишь меня?*’

2. Первый случай, вероятно, отрицательного *tan poco* мы выявили в отрицательном предложении в тексте нач. XIII в. на фоне предшествующего положительного контекста: Diz, varón, como eres loco, / Que Christus *non* te valdrá *tan poco* (ROriente, 321 b) ‘... / Что Христос тебе *также не* поможет’. В предложениях с приглагольным отрицанием идет постепенное «заражение» *tampoco* отрицательным смыслом, об этом убедительно свидетельствуют тексты начиная с 1-й пол. XV в. (Enrique de Villena, Tratado de la Consolación; Alfonso de la Torre, Visión Delectable de la filosofía y artes liberales). *Tampoco* может стоять как в постпозиции, так и в препозиции к отрицаемому глаголу: ... *no* tienen *tan poco* plural estos sangre cieno limo (Nebrija, 71) ‘...мн. числа *нет также* у этих [слов] sangre, cieno, limo’; ...*no* sta bien /.../, *assi tampoco* en los vocablos latinos *no* conviene pronunciar algunas cosas (Valdés, 358, 1535 г.) ‘...*не* следует /.../, *также* и в латинских словах *не* нужно произносить некоторые вещи’.

Особенно показательны те случаи, когда *tampoco* внутри отрицательного предложения сочетается с союзом *ni*, что подтверждает исходную соотнесенность *tampoco* с предшествующим отрицательным контекстом: mas en verdad *no* le arguebo *ni tampoco* oso condenalle (Castiglione, 185, 1534 г.) ‘но, говоря по правде, я *не* одобряю его, но *также* и *не* осмеливаюсь его осуждать’.

3. Конкурентами *tampoco* в отрицательном предложении исторически выступают наречия *otrossí* и *también*. Положительное *otrossí* '(а) также' в начальной позиции характерно для юридических, нотариальных и исторических текстов XIII–XV вв.: *Otrossí uos damos la nuestra bodega de Belforado...* (DLE, № 40, 1277 г., 181, 16) 'Также отдаем вам наш винный погреб в Бельфорадо...'. В отрицательном предложении *otrossí* (*otrosí, otro sí*), судя по нашим данным, в XIII в. употребляется гораздо чаще, чем *tampoco*; *ni (n) – otrossí* особенно характерно для «Primera crónica general» (1270–1289) и «Castigos y documentos para bien vivir ordenados por el rey Don Sancho IV» (1292 – 1293): *Non cae al rey fazer justiçia o non deue; nin cae otrosí a fazer clemençia o non deue* (Castigos, 87) 'Не подобает королю вершить правосудие там, где не должно; также не подобает оказывать милость там, где не следует'.

Последний случай конкурентного употребления *otrossí* в нашем материале отмечен в 1-й пол. XV в. Что касается *también*, то эта форма используется как аналог *tampoco* в текстах, главным образом, XV–XVI вв.: *No sé también si os acordáis de una necedad...* (Castiglione, 220) 'Я также не знаю, помните ли вы об одной глупости...'. Любопытен пример XV в., где *también-no* и *tampoco-no* употребляются как синонимы: *Y también en el tiempo de la alegría no debemos mezclar palabras provocativas a lloro, /.../ Y tampoco en las causas humildes no debemos así hablar como en las litigiosas* (Torre, 347 а, ок. 1437 г.).

К XVII в. победителем в соревновании, по-видимому, становится *tampoco*. Не случайно потребовался комментарий к фразе Сервантеса: *También los cautivos del rey que son de rescate no salen al trabajo con la demás chusma* (Дон Кихот, ч. 1, гл. 40, 1605 г.) 'Пленники короля, за которых назначен выкуп, также не выходят на работу с остальными каторжниками'. Диего де Клеменсин (1769–1834) в классических «Комментариях к Кихоту» по поводу этого пассажа решительно заявляет: «На нашем языке говорят не *también no*, а *tampoco*». Академик

Ф. Родригес Марин, издатель и комментатор «Дон Кихота», возражает Клеменсину, говоря, что, если бы Сервантес писал свой роман в XIX в., он так бы и сделал, но в начале XVII в. он писал так, как говорили. Правда, в подтверждение своих слов Родригес Марин приводит лишь выдержки из текстов первой трети, середины и последней трети XVI в. [9. С. 33–34. Nota 9]. Архаизм *también no* дожил, однако, до наших дней. М. Секо квалифицирует его как «варваризм народной и деревенской речи в некоторых странах Америки: *Yo también no tengo inconveniente*» [13. С. 322].

4. В течение XV в. идет процесс упрощения двойного отрицания в препозиции к глаголу: присутствие *nada, nadie, jamás, tampoco* делает излишним прилагательное *no*. Эта норма современного испанского языка отражена уже в «Кастильской грамматике» А. де Небрихи: *Tan poco tiene [la lengua castellana] el pasado acabado de subjuntivo, el qual dize por rodeo...* [11. С. 134] ‘В кастильском языке *также нет* законченного прошедшего времени субхунтива, которое передается описательно...’ (имеется в виду *aia (= haya) + причастие*, в современной терминологии – *pasado compuesto de subjuntivo*).

Самые ранние примеры *tampoco + глагол* встретились нам в «Centón epistolario» Ф. Гомеса де Сибдареаль (1430): ... *yo tampoco sé el Logar de donde la [= epístola] mandaré a Vra. mrd.* (Centón, 102) ‘... я *также не* знаю места, откуда отправлю его [= послание] Вашей милости’. И хотя тексты XVI и последующих веков дают в препозиции к глаголу устойчиво мононегативную конструкцию (Кастильоне, Хуан де Вальдес, «Lazarillo de Tormes», Б. Диас дель Кастильо, Тирсо де Молина и др.), двойное отрицание *tampoco no + глагол* несколько раз отмечено в современном романе Р. Санчеса Ферлосио «El Jarama» в речи малообразованных людей: *yo tampoco no hay más remedio que ajustarse al trote del Balilla* (Ferlosio, 349) ‘*нет также* иного выхода, как приспособиться к ходу Балильи (= марка машины)’ (в речи шофера).

Как показывают наблюдения диалектологов, в Арагоне и Наварре отрицание может усиливаться с помощью *tampoco*: *tampoco no* aprendió, *tampoco no* se consigue [14. С. 285]. Таким образом, неприемлемые в испанском литературном стандарте построения становятся маркерами диалектной речи и просторечья.

Литература

1. *Alarcos Llorach Emilio*. Gramática de la lengua española. Madrid: Espasa Calpe, 1995.
2. *Bello Andrés*. Gramática de la lengua castellana. Buenos Aires, 1945 [1847].
3. *Corominas Joan, José Antonio Pascual*. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. Madrid: Gredos. Vol. IV. 1993; Vol. V. 1997; Vol. VI. 1991.
4. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 22^a ed. Madrid, 2001.
5. *Gili y Gaya Samuel*. Curso superior de sintaxis española. 9^a ed. La Habana, 1968.
6. Gramática Descriptiva de la Lengua Española / Dirigida por Ignacio Bosque y Violeta Demonte. T. II. Cap. 40. Madrid: Espasa Calpe, 1999.
7. *Ibáñez F. R.* Negation im Spanischen. München, 1972.
8. *Llorens E. L.* La negación en español antiguo, con referencias a otros idiomas. Madrid, 1929.
9. *Cervantes*. Don Quijote de la Mancha. T. IV / Edición y notas de Francisco Rodríguez Marín, de la R.A.E. Madrid: Ediciones de «La lectura», 1912.
10. *Moliner María*. Diccionario de uso del español. Vols. I–II. Madrid: Gredos, 1986.
11. *Nebrija Antonio de*. Gramática castellana. Vol. I. Madrid, 1946.
12. *Seco Manuel, Olimpia Andrés, Gabino Ramos*. Diccionario del español actual. Vol. II. Madrid: Aguilar, 1999.
13. *Seco Manuel*. Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española. 3^a ed. Madrid: Espasa Calpe, 1965.
14. *Zamora Vicente Alonso*. Dialectología española. 2^a ed. muy aumentada. Madrid: Gredos, 1979.

Принятые сокращения

- Cab. Esc. – Manuel Juan. El Libro del Cauallero et del Escudero // Romanische Forschungen. Bd. VII. 1893.
- Castiglione – Castiglione Baltasar de. El Cortesano / Trad. Por Juan Boscán. Barcelona, 1972.
- Castigos – Castigos y documentos para bien vivir ordenados por el rey Don Sancho IV // Indiana University Publications. Humanities series. № 24. Bloomington: Indiana, 1952.
- Centón – Centón epistolario del Bachiller Fernán Gómez de Cibdareal. Madrid, 1790.
- CL – Manuel Juan. El libro de los enxiemplos del conde Lucanor et de Patronio / Text und Anmerkungen aus dem Nachlasse von H. Knust. Leipzig, 1900.
- DLE – Documentos lingüísticos de España. Reino de Castilla / Ed. Menéndez Pidal R. Madrid, 1919.
- Ferlosio – Sánchez Ferlosio R. El Jarama. Barcelona, 1984.
- PCG – Primera crónica general. Estoria de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289 // Nueva biblioteca de autores españoles. Vol. V. Madrid, 1906.
- Quevedo – Quevedo y Villegas F. de. Historia de la vida del buscón llamado Don Pablos. La Habana, 1962.
- ROriente – Libro de los Reyes de Oriente // Biblioteca de autores españoles. Vol. LVII. Madrid, 1895.
- Torre – Visión de la filosofía y artes liberales / Compuesto por Alfonso de la Torre, bachiller // Biblioteca de autores españoles. Vol. XXXVI. Madrid, 1855.
- Valdés – Valdés Juan de. Diálogo de la lengua // Romanische Studien. Bd. VI. H. XXII. 1895.

Б. П. Нарумов

ИДЕЯ ЕДИНСТВА ЯЗЫКА В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В румынском языкознании традиционно считается, что единственным представителем восточнороманской, или балкано-романской, подгруппы романских языков в настоящее время является румынский язык, поскольку далматинский вымер в XIX в. В лингвогеографическом аспекте румынский

язык предстает как совокупность четырех диалектов – дакорумынского (на территории Румынии) и трех южнодунайских диалектов: арумынского, мегленорумынского и истрорумынского. Соответственно, все носители четырех диалектов образуют лингвоэтническую общность и объявляются румынами. В связи с этим одна из постоянных тем, обсуждаемых в румынистике, – обоснование *единства* румынского языка, разновидности которого распространены в пределах нескольких государств.

В социолингвистическом плане единство румынского языка как социального института обосновывается наличием лишь одного литературного языка, который сформировался в XVI–XIX вв. в Трансильвании, Валахии и Молдавии и в настоящее время функционирует в Румынии и Республике Молдова (в последней он официально именуется молдавским), но не «покрывает» южнодунайские диалекты, хотя в XIX–XX вв. предпринимались попытки распространить знание румынского среди носителей данных диалектов. По этой причине к восточнороманскому ареалу трудно применить разработанное Э. Косериу понятие исторического языка, ибо важнейшим критерием объединения диалектных разновидностей в один исторический язык является наличие в соответствующем ареале общего языка [1. С. 9]. Сам Э. Косериу вынужден использовать критерий структурной близости, который оказывается ведущим при обосновании включения северо- и южнодунайских диалектов в один исторический язык [2. С. 143, 167]. В румынском же языкознании в целом единство румынского языка аргументируется не столько наличием одного общего (литературного) языка, сколько соображениями структурно-генетического порядка. В трудах румынских лингвистов румынский предстает как язык-класс, как совокупность диалектных разновидностей, развившихся из общего *языка-основы* – проторумынского и сохраняющих до сих пор большое количество общих особенностей внутренней структуры.

В данном отношении румынское языкознание отличается от других отраслей романистики, поскольку ни для одного из традиционно выделяемых ареалов (итало-романского, галло-романского, иберо-романского) не постулируется, за редкими исключениями, существование в прошлом общего языка, промежуточного между разговорной латынью поздней Империи и романскими разновидностями, сформировавшимися в период раннего Средневековья. Социолингвистическая история романских языков, хотя и не известна во всех деталях, не позволяет сделать допущение о наличии подобных общих языков. Напротив, румынские языковеды приводят соображения именно социолингвистического характера при обосновании существования во второй половине первого тысячелетия и даже позже общерумынского языка-основы.

Понятию первоначального румынского (*româna primitivă*) дал жизнь выдающийся клужский языковед С. Пушкариу, который определял его как *реальный* язык, на котором говорили предки дакорумын, арумын, мегленорумын и истрорумын до того, как были прерваны их взаимосвязи [3. С. 65]. По его мнению, языковое единство древних румын следует объяснять не наличием «колыбели» румынского языка, т. е. ограниченного пространства, на котором первоначально проживали будущие румыны (такое представление давно отброшено в румынском языкознании), не легкостью коммуникации, которая в действительности была затруднена, особенно в горной местности, а отсутствием сложной политической организации и городских центров. Если бы на Балканах сохранились древнеримские города и провинции, как это произошло в Западной Европе, то ныне мы бы имели много балкано-романских языков. Именно по причине отсутствия в течение длительного времени собственных государственных образований романизованное население, проживавшее на обширной территории, смогло сохранить более единый язык, чем, например, население Италии, концентрировавшееся вокруг соперничавших друг с другом городских центров [3. С. 22–23; 4. С. 411, 446].

Сходное объяснение единства проторумынского дают и современные языковеды: этот язык существовал в виде близких друг к другу сельских говоров, носители которых не были подвержены резкой пространственной, социальной и культурной дифференциации по причине отсутствия феодальной раздробленности и собственных государственных образований [5. С. 20; 6. С. 54–56; 7. С. 284]. Единство румынского языка объясняется не только наличием общерумынского периода, но и последующим «языковым обменом» между северо- и южнодунайскими группами, хотя все рассуждения о миграции населения носят гипотетический характер [8. С. 222].

Объяснение относительного единства восточнороманского ареала особенностями социолингвистической ситуации в период до формирования в XI–XIV вв. первых государственных образований выглядит довольно правдоподобно, особенно в сравнении с ситуациями в западнороманских ареалах, характеризующихся очень высокой степенью диалектной дробности. Из рассуждений румынских лингвистов можно сделать примечательный вывод о том, что промежуточный между латынью и романскими языками и диалектами общий язык можно постулировать для тех рыхлых социолингвистических общностей, у которых отсутствуют начатки государственности и для которых характерна пространственная мобильность населения при отсутствии четко выраженной социальной стратификации.

Понятие общерумынского языка-основы играет важную роль при определении статуса восточнороманских идиомов; для того чтобы эти идиомы можно было считать *историческими диалектами* одного языка – румынского, необходимо постулировать в прошлом языковое единство, с которым они находились бы в подчинительной связи [9. С. 115]. По причине господства в сравнительно-историческом языкознании идеи диахронического тождества реальное или гипотетическое языковое единство в прошлом предстает как панхроническая сущность, сохраняющаяся до настоящего времени;

отсюда проистекает утверждение о существовании в Восточной Романии единственного и единого языка – румынского.

Поскольку генетико-структурный критерий является ведущим для румынских языковедов, то в соответствии с ним все разновидности языка-основы в их нынешнем состоянии считаются *диалектами* единого румынского языка, а не самостоятельными языками. Однако южнодунайские диалекты функционируют в отрыве от северодунайских, не взаимодействуют с румынским литературным языком и не сливаются с ним, а наоборот, испытывают значительное влияние других языков балканского региона, поэтому пришлось ввести понятие *атипичных дивергентных диалектов* [6. С. 76; 10. С. 100–101]. Выделение атипичных дивергентных диалектов обусловлено стремлением сохранить за южнодунайскими идиомами статус диалектов в рамках единого румынского языка как продолжения первоначального общерумынского.

Итак, в румынском языкознании парадигма сравнительно-исторического языкознания, в которой современные языковые разновидности, независимо от их реального социолингвистического статуса, рассматриваются как диалекты языка-основы, была использована для обоснования единства румынского языка как в диахронии, так и в синхронии.

Литература

1. Coșeriu E. Limba română – limba romanică // In memoriam Eugeniu Coșeriu. București, 2004. P. 143–182.
2. Coșeriu E. Los conceptos de «dialecto», «nivel» y «estilo de lengua» y el sentido propio de la dialectología // Lingüística española actual. 1981. № 1. P. 1–32.
3. Coteanu I. Elemente de dialectologie a limbii române. București, 1961.
4. Iordan I. Limba literară. Craiova, 1977.
5. Ivănescu G. Istoria limbii române. Iași, 1980.
6. Pușcariu S. Die rumänische Sprache: Ihr Wesen und ihre volkliche Prägung. Leipzig, 1943.

7. *Pușcariu S. Etudes de linguistique romane. Cluj; București, 1937.*
8. *Rusu V. Introducere în studiul graiurilor românești. București, 1961.*
9. *Saramandu N. Romanitatea orientală. București, 2004.*
10. *Todoran R. Cu privire la o problemă de lingvistică în discuție: limbă și dialect // Studii și cercetări lingvistice. 1956. An 1. № 1–4. P. 91–102.*

Т. П. Никитина

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕКОДИРОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (XVII–XVIII вв.)**

Фразеологический пласт языка отличается как своей консервативностью, в отличие, например, от лексического уровня языка, так и тенденцией к постоянному обновлению. Процесс вытеснения старых фразеологических единиц (ФЕ) и появления новых – одна из самых интересных сторон в изучении фразеологического материала. Эволюция фразеологического корпуса любого языка происходит незаметно для его носителей, но является объектом пристального внимания лингвистов. Можно радоваться обновлению фразеологического состава языка или сетовать на недостаточную образность вновь появившихся терминов и выражений, как это делает в своей последней книге один из самых известных сегодня специалистов в области французской фразеологии Клод Дюнетон [7. С. 211], но процесс выпадения из узуса старых ФЕ и появления новых – один из универсальных законов фразеологического уровня любого языка. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить фразеологизмы, относящиеся к одному историческому этапу в развитии языка, но отстоящие по времени на 250–300 лет.

Так, в XVII в. начинается так называемый новофранцузский период, который продолжается по сей день и противостоит предыдущим этапам в развитии языка особенностями состояния всех языковых уровней. Ничего удивительного в том, что фразеологические системы XVII и начала XXI в. будут разительно отличаться друг от друга, сохраняя тем не ме-

нее преюмственность в своем развитии и большое количество единиц, не утративших своей актуальности и в наши дни. В нашу задачу не входит сопоставление корпуса ФЕ XVII–XVIII вв. (после установления языковой нормы и «очищения» языка благодаря реформам пуристов) с современным фразеологическим тезаурусом. Мы хотим лишь обратить внимание на то, что одни ФЕ XVII–XVIII вв. в силу разных причин [8. С. 101–111] непонятны носителю современного языка, а другие даже при сохранении своего материального состава иногда наполнены иным содержанием. Иначе говоря, в ряде случаев исторические единицы являются просто омонимичными современным ФЕ или же соответствуют переменным словосочетаниям. Декодирование таких исторических единиц невозможно без знания исторического контекста.

На подобную трудность в изучении фразеологизмов в диахроническом аспекте указывали еще в 60-е гг. Е. М. Вольф и Э. И. Левинтова [1. С. 290–291]. Впрочем, количество подобных ФЕ, омонимичных современным, или словосочетаний, некогда фразеологически связанных, относительно невелико по сравнению с ФЕ, канувшими в небытие из-за утраты соответствующей реалии, забвения внутренней формы, неактуальности содержания. Так, например, тесно связаны с эпохой такие ФЕ, как *sentir le fagot* ‘быть еретиком’ (досл. ‘пахнуть хворостом’), *c’est un saint qu’on ne fête point* ‘человек, не пользующийся доверием, не обладающий властью’ (досл. ‘это святой, день которого не празднуют’), *abandonner qch au bras séculier* ‘отдать что-то ненужное слугам, выбросить’ (досл. ‘отдать в мирские руки’), *mettre les clefs sur la fosse de son mari* ‘отказаться от владения общим имуществом’ (досл. ‘положить ключи на могилу мужа’), *donner cinq et quatre, la moitié de dix-huit* ‘дать пощечину’ (досл. ‘дать 4 и 5, половину от 18’, т. е. ударить пятью пальцами ладони, а затем четырьмя – ее тыльной стороной). Объяснение значения этих исторических ФЕ мы находим в весьма редком анонимном фразеологическом словаре 1748 г. [5], который будем привле-

кать и дальше в качестве источника ФЕ XVII – первой половины XVIII в. Нет сомнения, что такие диахронические единицы весьма интересны и заслуживают отдельного исследования, ибо они зачастую содержат национально-культурные коннотации, позволяющие восстановить закодированную в образной форме информацию об эпохе.

Некоторые исторические ФЕ понятны современному носителю языка потому, что сохраняется структурно-семантическая модель, по которой они были образованы. В. М. Мокиенко, один из виднейших отечественных фразеологов, неоднократно подчеркивал, что фразеологическая вариантность возможна постольку, поскольку ФЕ сохраняет в своем компонентном составе признаки слова. Общим условием варьирования, актуализации, обновления является тождество языкового знака, при этом варьированию, как правило, подвергается план выражения, а план содержания сохраняется [2. С. 8–10]. Если в современном языке во фразеологический корпус входят такие варианты ФЕ, как *c'est de l'hébreu, c'est du chinois* 'это китайская грамота, это что-то непонятное', то в XVII–XVIII вв. «эталоном» непонятого, тарабарщины выступали также *bas breton* и *haut allemand*. Точно так же понятие *grand clerc* 'знаток, сведущий человек' в исторической перспективе передавалось с помощью и других образцов учености, например: *il est Grec* (что отмечено в самом авторитетном современном фразеологическом словаре А. Рея и С. Шантро [9. С. 617]), а о малообразованных людях говорили *il n'est pas Grec* и *ce n'est pas un grand astrologue*.

Употребительная по сей день ФЕ *c'est bonnet blanc et blanc bonnet* 'это одно и то же' имела ранее варианты *c'est chausses grises et grises chausses* и *c'est verjus et jus vert*. В силу преемственности структурно-семантической модели широко распространенная в современном языке ФЕ *ce n'est pas ma tasse de thé* 'это не в моем вкусе' дает ключ к пониманию ФЕ XVIII в. *ce n'est pas là ma viande*. Подобное относится и к исторической ФЕ *se lever le cul le premier (le cul devant)*, кото-

рую в современном французском языке сменила *se lever du pied gauche* ‘встать с левой ноги, в дурном настроении’. Среди множества вариантов существующей ФЕ *sot en trois lettres (à triple étage, fieffé, achevé)* нет *sot en cramoisi*, распространенной в XVIII в., однако общность структуры и семантики этой унилатеральной ФЕ дает возможность легко ее декодировать. По замечанию К. Дюнетона, простонародные выражения особенно часто подвергаются варьированию и чаще других предаются забвению в ходе времени [7. С. 238].

Иногда в современном языке сохраняются ФЕ в усеченном варианте, что порой делает неясной их мотивировку. Например, известный фразеологизм *joindre les deux bouts* ‘еле сводить концы с концами’ в XVIII в. был еще представлен полной формой *joindre les deux bouts de l’an*, что отчасти объясняло его значение ‘прожить целый год, растянув доходы до следующего года’. Интересно, что имплицированный вариант в современном языке дал возможность истолковать эту ФЕ иначе: А. Рей предполагает, что изначально ФЕ выглядела как *joindre les deux bouts du mois*, что с его точки зрения логично, ибо работающий человек растягивает зарплату до конца месяца [9. С. 149], однако «возраст» этой ФЕ значительно больше и мотивировка, предложенная А. Реем, оказывается неточной. Затемненная внутренняя форма характерна и для известной в современном языке ФЕ *triste comme un bonnet de nuit* – ‘унылый’, которая в исторически полном варианте выглядит как *triste comme un bonnet de nuit sans coiffe* (на этот старинный вариант указывает словарь под ред. В. Г. Гака [3. С. 185]), что проливает свет на мотивировку этой компаративной единицы: ночной колпак с кружевами – наряднее и «веселее», чем простой. А. Рей, также упоминающий полнокомпонентную единицу, видит здесь метафорический смысл: кружевное украшение на чепчике – намек на женщину, составляющую компанию одинокому мужчине в ночном колпаке [9. С. 127–128].

Нечто подобное произошло и с исторической ФЕ *se mettre en (dans de) beaux draps blancs* ‘попасть в переplet, оказаться в затруднительном положении’, которая в современном языке используется без прилагательного цвета. Компонент *blancs* не только вносит дополнительный оттенок, но и, возможно, меняет интерпретацию образной мотивировки всей ФЕ: К. Дюнетон полагает, что *draps blancs* могут быть поняты не как «белые простыни», а как «белые одежды», которые человек надевает, направляясь в церковь, дабы замолить свой грех [6. С. 334]. Ни в одном из современных словарей не отражен эксплицитный вариант хорошо известной ФЕ *semaine de trois jeudis* ‘никогда, после дождичка в четверг’ (досл. ‘на неделе с тремя четвергами’), однако в XVII–XVIII вв. она имела продолжение *...trois jours après jamais* ‘три дня спустя после никогда’, усиливающее отрицательное значение этой оксюморонной единицы.

Современный француз не сможет оценить каламбурный характер некоторых исторических ФЕ в связи с утратой старого значения одним из компонентов конструкции. Так, шутовская ФЕ *Les tailleurs vont les premiers à la procession puisqu'ils y portent la bannière* ‘Портные идут в голове колонны, так как они несут знамя’ будет неправильно понята, если не знать, что в XVIII в. слово *bannière* обозначало еще и кусок ткани, который ловкие портные выкраивали себе, изготавливая платье для заказчика. Точно так же непонятна будет компаративная единица XVIII в. *familier comme les épîtres de Cicéron* ‘назойливый в своей фамильярности человек’ в силу того, что перевод на французский язык названия «Писем к близким» Цицерона *Epistolae ad familiares* как *Épîtres familières* дал возможность превратно понять это словосочетание и использовать этот языковой факт для создания каламбура. На игре слов, а точнее, двух значений одного слова построена и историческая ФЕ *L'ordre de Cîteaux dîne bien, mais collationne mal* – досл. ‘В ордене цистерцианцев хорошо обедают, но плохо завтракают’, однако фраза имеет

иной скрытый смысл, ибо глагол *collationner* в XVIII в. обозначал не только «завтракать, перекусывать», но и «раздавать церковные бенефиции».

Наибольший интерес представляют ФЕ, сохранившиеся до наших дней, но полностью изменившие значение или утратившие одно из старых значений. Так, часто используемая в современном языке ФЕ *bête noire* ‘предмет ненависти, отвращения’ в XVIII в. обозначала совершенно конкретное лицо: так простолюдины называли комиссара полиции. Весьма употребительная единица *l'échapper belle* ‘легко отделаться’ имела ранее и другое, более конкретное значение – «жениться на дурнушке», что свидетельствует о первоначально ироническом осмыслении этого словосочетания. Известная с давних пор ФЕ *tirer à la courte paille* ‘тянуть жребий’ считается вариантом старинной *tirer au court bâton* [9. С. 89], однако, по свидетельству словаря 1748 г., последняя ФЕ имела совсем другое значение: «спорить с кем-то, кто стоит выше, на равных, не уступая ему ни в чем».

Имеющая аналог в русском языке французская ФЕ *apporter de l'eau sur le moulin de qn* ‘лить воду на чью-либо мельницу’ в XVII в., по свидетельству словаря А. Рея, имела значение «обеспечивать материальное преимущество», а словарь 1748 г. раскрывает ее содержание иным образом «приносить деньги в дом». Если современная ФЕ *abatteur de bois* трактуется как ‘сердцеед’, а *abatteur de quilles* как ‘хвастун’, то, согласно данным словаря 1748 г., оба этих фразеологизма обозначают хвастуна, рассказывающего небылицы, так что их синонимом выступает ФЕ *avaleur de charettes ferrées* ‘фанфарон, враль’ (досл. ‘глотатель повозок с железными ободьями’). Известная в современном языке ФЕ *garder les manteaux*, по свидетельству словаря В.Г. Гака, обозначает ‘быть на страже, не принимать участия в деле’, в то время как в XVII–XVIII вв. она означала ‘бездельничать, пока другие работают’. Иной оттенок значения имела ФЕ *casser les vitres* ‘действовать резко,

рубить с плеча' – в XVIII в. она характеризовала скорее человека, ведущего фривольные, развязные речи.

Расходится с современным значением и смысл ФЕ *mettre qn dans la blouse*, которая трактуется как арготическая единица со значением «надуть кого-либо» [3. С. 170]. Согласно К. Дюнетону, эта ФЕ долго сохранялась в языке со значением, существовавшим еще в XVI в., но никогда не фиксировавшимся в словарях – «совершать половой акт» [6. С. 181]. В словаре XVIII в. дается толкование внутренней формы этой единицы «загнать бильярдный шар в лузу» – и ее переносное значение «засадить кого-нибудь в тюрьму» или «поймать в западню» (по аналогии с сеткой для ловли птиц). Непонятна будет современному французу такая историческая ФЕ, как *gouverneur de lions*, которая воспринимается как современное словосочетание 'укротитель львов', в то время как в XVIII в. оно обозначало человека, не меняющего одежду, подобно укротителю львов, который постоянно носит один костюм, к запаху которого животное привыкло. Столь же неожиданным оказывается значение ФЕ XVII–XVIII вв. *marchand de bois carrés* 'торговец спичками', в то время как *vendeur d'allumettes* – в прямом значении «продавец спичек» – имело переносное значение «человек, несущий вздор». Неправильным будет декодирование исторической ФЕ *payer ses créanciers en louis* как 'расплатиться с кредиторами луидорами'. На самом деле это ироническое выражение подразумевало обратное – «не платить своим кредиторам», ибо *louis* означало в составе фразеологизма не луидор, а подлежащие платежу государственные счета, начинавшиеся со слов *Louis par la grâce de Dieu*. Наконец, носителю современного языка покажется странным выражение *faire l'accouchée*, относящееся к мужчине, ибо 'строить из себя роженицу' в XVIII в. означало просто «нежиться в постели, лениво валяться» и поэтому могло относиться как к женщине, так и к мужчине.

Итак, как мы видим, правильное понимание исторических фразеологизмов, даже относящихся к не столь отдаленной от нас эпохе, может вызвать определенные трудности.

1). ФЕ XVII–XVIII вв. из-за утраты актуальности обозначаемого ими понятия или в силу полной затемненности образной основы часто оказываются «закрытыми» для современного носителя языка, и их дешифровка возможна лишь с помощью фразеологических словарей и иных источников знаний об ушедшей эпохе. В число таких ФЕ попадают и каламбурные единицы, основанные на игре слов и значений, иногда утраченных в наши дни.

2). Отдельные диахронические ФЕ могут быть правильно декодированы благодаря сохранению в современном языке структурно-семантической модели, в которой меняется лишь план выражения.

3). Некоторые исторические ФЕ представляют собой эксплицированный вариант известных и сейчас фразеологизмов. Они не только правильно интерпретируются носителями языка, но и проливают свет на образную мотивировку современных единиц.

4). Наибольшую «опасность» при декодировании представляют ФЕ, материально совпадающие с современными, но имеющие в диахроническом контексте иной смысл. Это подтверждает необходимость для исследователя бережного восстановления культурной парадигмы эпохи, породившей тот или иной оборот речи. По словам В. Н. Телии, «...фразеологический состав... является наиболее прозрачным для воплощаемых средствами языка концептов культуры, поскольку в образном основании фразеологизмов отображаются характерологические черты мировидения, рефлексивно соотносимые носителями языка с этим языком» [4. С. 9].

Изучение исторических ФЕ именно в культурологическом аспекте представляется одним из перспективных направлений современной фразеологической науки.

Литература

1. *Левинтова Э. И., Вольф Е. М.* О диахроническом подходе к фразеологии (на материале испанского языка) // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968. С. 289–297.
2. *Мокиенко В. М.* Противоречия фразеологии и ее динамика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1976.
3. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В. Г. Гака. М.: Рус. яз. – Медиа, 2005.
4. *Телия В. Н.* От редактора // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 8–10.
5. Dictionnaire des proverbes françois et des façons de parler comiques, burlesques et familières. Savoye; P., 1748.
6. *Duneton Cl.* La puce à l'oreille. Anthologie des expressions populaires avec leurs origines. P., 1990.
7. *Duneton Cl.* Au plaisir des mots. P.: Denoël, 2005.
8. *Nikitina T.* Quelques observations sur les particularités de la phraséologie française au XVII – début du XVIII siècles // Langue et Linguistique / Université Laval. Québec. Vol. 23. 1997. P. 101–111.
9. *Rey A., Chantreau S.* Dictionnaire des expressions et locutions: Les Usuels du Robert. P., 1991.

М. К. Сабанеева

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ НЕРЕАЛЬНОГО УСЛОВНОГО ПЕРИОДА (От латинского языка к французскому)

Условный период в латинском языке с довольно давних пор и вплоть до настоящего времени является предметом многочисленных исследований [12. С. 140–150; 16. С. 3–305; 17. С. 322–332; 18. С. 321–406; 14. С. 168–181; 10. С. 249–273; 19. С. 275–276; 13. С. 111–136; 8. С. 53–61; 7. С. 257–274].

Обстоятельное описание огромного фактического материала по условному периоду от самых ранних памятников французского языка вплоть до современного состояния содержится

в монографии Р.-Л. Вагнера [20]. Этот капитальный труд отражает эволюцию условного периода в плане функционирования видо-временных форм и наклонений глаголов, но не содержит вопроса о принципиально разных моделях нереального условного периода в латинском и французском языках.

Между тем представляет интерес вопрос о кардинально важных изменениях, произошедших в структуре позднелатинского условного периода и приведших к новым моделям его организации в большинстве романских языков и, в частности, во французском.

Инновации в структуре французского условного периода нереального типа существенны и проявились в следующем:

1) появление наряду с формами субжонктива, восходящими к латинскому конъюнктиву (т. е. с имперфектом субжонктива, возникшим в результате видового переосмысления латинского плюсквамперфекта, и его новым аспектуальным противочленом – аналитической формой плюсквамперфекта субжонктива), формы нового наклонения – кондиционала;

2) локализация кондиционала (а в позднелатинских текстах – его этимона, т. е. сочетания инфинитива с одной из форм прошедшего времени глагола *habēre*) исключительно в главном предложении (т. е. в аподосисе) условного периода в отличие от форм французского субжонктива, которые, подобно латинскому конъюнктиву, употреблялись в обеих частях условного периода: как в протасисе, так и в аподосисе;

3) проникновение в протасис (т. е. в придаточное условия) индикатива.

Наше внимание сосредоточено на употреблении наклонений в нереальном условном периоде. Их видо-временные формы заслуживают отдельного рассмотрения.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы показать позднелатинские истоки новой модели главного предложения нереального условного периода, предложить объяснение имевшей место перестройки и сопоставить факты латин-

ского условного периода с некоторыми тенденциями современной французской нелитературной речи.

В позднелатинских памятниках на территории Галлии наблюдаются нередко нарушения латинской модели нереального условного периода с конъюнктивом как в протасисе, так и в аподосисе. Наиболее часты примеры, в которых при сохранении в протасисе конъюнктива имперфекта или плюсквамперфекта¹ аподосис содержит форму индикатива, а именно имперфекта или плюсквамперфекта. Например:

1). *Nam si de stirpe nostra fuisset, ad me fuerat deportatus* (Gr. Tur. N. Fr., VIII, 9) 'Ибо если бы он был из нашего рода, он был бы направлен ко мне'.

2). *Si invenirentur, unum patibulum condemnari et alium gladiatorum ictibus in frustra discrepi iubebam* (Gr. Tur. N. Fr., III, 15) 'Если бы они были найдены, я приказал бы одного из них приговорить к повешению, а другого – изрубить на куски ударами мечей'.

3). *Si Childerico ubicumque potuissemus conperire, libenter eum super nos reciperamus ad regem* (Fr. Sch., III, 11) 'Если бы мы смогли где-нибудь обнаружить Хильдерика, охотно провозгласили бы его нашим королем'.

В приведенных примерах, в отличие от нереального условия в протасисе, выраженного формами имперфекта или плюсквамперфекта конъюнктива, обусловленное нереальное действие аподосиса предстает в формах индикатива, т. е. интерпретируется как реальность.

Таким образом, проявляется тенденция противопоставить модально ситуацию, выраженную в придаточном предложении, ситуации, содержащейся в главном.

В научной литературе встречаются высказывания о том, что построения с индикативом в аподосисе нереального условного периода встречаются в классической латыни после Цицерона и что такая организация условного периода позво-

¹ Презенс и перфект к этому времени практически исчезли из нереального условного периода [б. С. 81–82, 142–148].

ляет говорящему выразить субъективную уверенность в возможностях осуществления обусловленного нереального действия [12. С. 149–150].

4). *Viceramus nisi Lepidus recepisset Antonium* (Cic. *epist. ad famil.*, 12.10, 3) [Цит. по: 12. С. 150] ‘Мы победили бы (досл. ‘мы победили, если бы Лепид не принял Антония’)’.

5). *Perierat alter filius si carnifici conviva non placuisset* (Seneca *De ira*. 2, 33, 6) [Цит. по: 12. С. 150] ‘Погиб бы и другой сын, если бы палачу не понравился гость’.

Представляется, что в двух последних примерах следует обратить внимание на отрицание в придаточном условия, которое вносит в конструкцию особый семантический оттенок.

Важным семантическим фактором является препозиция главного предложения по отношению к придаточному, что нарушает обычную модель последовательности «условие – следствие», которую отмечал Дж. Гринберг [2. С. 126]. В примерах № 4 и № 5 препозиция протасиса, построенного с индикативом, а также положение глагола – сказуемого в абсолютном начале предложения создают иллюзию осуществившегося события, и только последующее условное отрицательное придаточное разрушает эту иллюзию, обозначая ситуацию – препятствие к реализации действия аподосиса. Модель с препозицией аподосиса при отрицательном протасисе ярко окрашена эмоционально.

Сходные построения встречаются и в позднелатинских памятниках. Например:

6). *Feliciter haec exercitus absque ulla lesionem ad patriam fuerat repediti, si Arnobertum ducem... cum seniores et nobiliores non fuisset interfectus* (Fr. Sch. IV, 78) ‘Это войско благополучно без какого-либо ущерба вернулось бы на родину, если бы военачальник Арнеберт вместе со старейшими и знатнейшими не был убит’.

Однако в отличие от примеров № 4 и № 5 здесь (в № 6) глагол – сказуемое аподосиса не занимает первой позиции,

что значительно снижает эмоциональную напряженность и стилистическую рельефность высказывания.

Как указывает Э. Бурсье, нереальный условный период с формой, восходящей к латинскому плюсквамперфекту в аподосисе, имел широкое распространение в средневековых провансальском, испанском, португальском и итальянском языках и вплоть до настоящего времени далеко не полностью вышел из употребления [1. С. 237, 332, 405–406, 467].

Вторая позднелатинская модель нереального условного периода характеризуется наличием в аподосисе сочетания инфинитива с одной из форм прошедшего времени глагола *habēre* в модальном значении долженствования. Подобная модель отсутствует в хрониках Григория Турского и Фредегария; изредка она встречается в Житиях отцов церкви и сочинениях Отцов церкви. Например:

7). *Sanare te habebat Deus per indulgentiam si fatereris* (Serm. August. 253, 4) [Цит. по: V. Väänänen 1981. С. 132] ‘Тебя обязательно излечил бы (досл. ‘должен был бы излечить’) Бог по своему милосердию, если бы ты покался’.

8). *Non contristeris, fili; si voluisset Deus ut mel manducarem, mel habuisti mittēre in zippulas istas* (Vitae Patrum, LXXIII, V, 4, 59) [Цит. по: Jordan. С. 97] ‘Не печалься, сын мой; если бы Богу было угодно, чтобы я вкусил меда, ты непременно положил бы (досл. ‘ты должен был бы положить’) меда в эти лепешки’.

9). *Nisi admonuisset me Deus noctu in visione habueram pessare* (Arnob. CIV) ‘Если бы Бог не умудрил меня ночью в сновидении, я согрешил бы (досл. ‘я должен был бы согрешить’)’.

В примерах № 7, № 8 и № 9 прослеживается также тенденция к модальному противопоставлению ситуации, содержащейся в протасисе, ситуации, заключенной в аподосисе. Эта вторая модель протороманского условного периода является результатом не эмоционального, рельефного представления обусловленного действия как осуществившегося в реальности,

а намерения говорящего передать логическое неравноправие отношений условия и обусловленности.

Как известно, в логике выделяются два существенно разных типа условия: необходимое и достаточное [4. С. 556; 3. С. 46]. К первому относятся условия, которые только в своей совокупности вызывают наступление следствия. Каждое из этих условий необходимо, но ни одно само по себе не является достаточным. Например, для того чтобы юноша мог служить в армии, он должен не только достигнуть определенного возраста, но также, как минимум, обладать физическим и психическим здоровьем, за ним не должны числиться преступления и т. д.

Достаточное же условие вызывает с неизбежностью наступление следствия без каких-либо других факторов. Например, прекращение снабжения мозга кислородом является достаточным условием смерти².

Однако в языке эти два вида логических условий могут отражаться по-разному. В том случае, когда говорящий хочет подчеркнуть объективную зависимость действия от совокупности необходимых условий, он строит условный период с целым рядом однородных придаточных предложений, содержащих условия. Например: «Если бы я был (если я буду) свободен и мне удалось бы (удастся) купить билет, я пошел бы (пойду) на этот спектакль». Здесь выражена зависимость обусловленного действия от двух необходимых условий.

В том случае, когда говорящий интерпретирует зависимость следствия только от одного условия, это последнее представлено как достаточное само по себе. При этом все остальные возможные факторы либо действительно не играют роли, либо сознательно устранены говорящим как несущественные. Например: «Если бы я достал билет, я пошел бы в театр».

² Е. В. Падучева [5. С. 44] допустила неточность, употребив каждый из указанных терминов в противоположном значении при иллюстрации постулата информативности примерами условных предложений.

Разумеется, в действительности необходимо, чтобы у говорящего, помимо билета, было свободное время, чтобы он был здоров и т. д. Между тем в языковой интерпретации обусловленное действие предстает как обязательный результат единственного достаточного условия.

Модальная дифференциация придаточного и главного предложений в составе нереального условного периода, а именно внедрение в аподосис конструкции, выразившей неизбежность, долженствование следствия при наличии достаточного условия (а именно только одного придаточного условия), соответствует более детализированной языковой интерпретации логических отношений условия и обусловленности. Если в классической латыни главенствовало единообразие с точки зрения нереальности действий как придаточного, так и главного предложений, то в протороманский период отчетливо проявляется тенденция выражения разной степени обязательности этих действий. В. Ф. Шишмарев отмечает, что идея необходимости, «не шедшая к условию» [9. С. 114], привела к тому, что новое наклонение, т. е. кондиционал, закрепился в главном предложении условного периода.

Очевидно, вместе с тем, что по мере забвения изначальной семантики кондиционала, в этимоне которого значение необходимости передавалось глаголом *habēre*, превратившимся со временем во флексию, утратившую полностью былую семантику, это наклонение сохранялось в аподосисе сначала в силу формальной традиции, а затем в силу действия также языковой нормы.

Нарушения этой нормы, т. е. окказиональные попытки нивелировать логические различия между условием и обусловленным действиями и объединить их в плане нереальной модальности, проявляются в современном французском просторечии, в небрежной речи горожан, в речи детей. Например:

10). Si vous **viendriez**, vous me feriez plaisir [15. V. § 1845, phrase entendue] ‘Если бы вы пришли, вы доставили бы мне удовольствие’.

11). Si on **serait** des singes au lieu d'être des gens on pourrait se gratter où que ça vous démange [ibid.] 'Если бы мы были обезьянами вместо того, чтобы быть людьми, мы могли бы чесаться во всех местах, где зудит'.

Подобные примеры приводит А. Бош с той только разницей, что союз *si* получает, как это часто свойственно просторечию, синтаксическую опору в виде *que* – универсального знака подчинения в народной речи:

Si qu'on **serait été** là-haut, qu'est-ce qu'on aurait pris! [11. С. 108] 'Если бы мы были там наверху, ну и здорово же нам досталось бы!'.

Из примеров, услышанных автором статьи на улицах Парижа в июле 2000 года:

Si je **pourrais** lui acheter tous ces timbres, il serait heureux, mon garçon! 'Если бы я могла купить ему все эти марки, он был бы счастлив, мой паренек!'

Современная французская писательница Франсуаза Малле-Жорис цитирует случайно услышанное высказывание своей маленькой дочери:

Ta maman ne s'est mariée qu'une fois, et la mienne, elle s'est mariée trois fois! Et elle aurait pu se marier dix fois si elle **aurait voulu!** (Mallet-Joris, 115) 'Твоя мама вышла замуж только один раз, а моя выходила замуж три раза! И она могла бы выйти замуж десять раз, если бы она захотела!'

Проникновение кондиционала в протасис нереального условного периода делает эту модель тождественной построению соответствующего условного периода в классическом латинском языке, где формы косвенного наклонения употребляются как в главном, так и в придаточном предложениях условного периода, и в старофранцузском – с субжонктивом в обеих частях.

Представляется, что возможность разнообразных моделей использования наклонений в зависимой и главной частях условного периода не только в поздней латыни, в старофранцузском и современном языке, но и в других романских

языках, обеспечена самым общим синтаксическим значением нереального условного периода, содержащего одно придаточное условия: обязательности наступления следствия при наличии единственного и, следовательно, достаточного условия. Различные семантические оттенки при разных сочетаниях наклонений, по всей очевидности, довольно быстро «растворялись» в обобщенной грамматической семантике синтаксического типа сложноподчиненного предложения. Это объясняет существование различных формальных моделей построения нереального условного периода в истории французского и других романских языков при единстве грамматического содержания данной синтаксической структуры.

Литература

1. Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952.
2. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970.
3. Ивлев Ю. В. Логика. М., 1992.
4. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
5. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
6. Сабанеева М. К. Генезис косвенных наклонений французского глагола. Л., 1981.
7. Сабанеева М. К. Условные конструкции в архаической латыни // Типология условных конструкций. СПб., 1998.
8. Таривердиева М. А. Условные предложения в латинском и итальянском языках (семантико-грамматическая характеристика) // НДВШ. Филологические науки. 1989. № 6.
9. Шиммарев В. Ф. Историческая морфология французского языка. М.; Л., 1952.
10. Varatin M. Remarques sur l'emploi des temps et des modes dans le système conditionnel latin // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 1981. T. LXXVI. Fase. 1.
11. Bauche H. Le langage populaire. P., 1951.
12. Blase H. Tempora und Modi // Landgraf G. Historische Grammatik der lateinischen Sprache. Bd. III. Leipzig, 1903.

13. *Brunel J.* Sur la syntaxe latine des périodes conditionnelles // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 1988. T. LXXXIII. Fase. 1.
14. *Cantin E.* Remarques sur le potentiel et l'irréel // Revue des études latines. P., 1946. T. XXIII.
15. *Damourette J. et Pichon E.* Des mots à la pensée. T. V. P., 1934.
16. *Gamillscheg E.* Studien zur Vorgeschichte einer romanischen Tempuslehre // Sitzungsberichte der Philosophisch-Historische Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1913. Bd. 172.
17. *Jordan L.* Potentiale und Irreale Bedingungssätze im Vulgärlatein und Altfranzösischen // Zeitschrift für romanische Philologie. 1924. Bd. 44.
18. *Sechehaye A.* Essai de classement des espèces de phrases et quelques observations sur les trois cas hypothétiques en latin // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 1933–34. Vol. XXXV. № 104.
19. *Vairel H.* Un modèle d'analyse des conditionnelles: latin si di sunt, si di sint, si di essent // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 1981. T. LXXVI. Fase 1.
20. *Wagner R.-L.* Les phrases hypothétiques commençant par «si» dans la langue française des origines à la fin du XVIe siècle. P., 1939.

Принятые сокращения

- Arnob. – Arnobius Adversus nationes. Libri VII. Halis Saxonum, 1844.
 Fr. Sch. – Fredegarii Scholastici libri IV cum continuationibus // Monumenta Germaniae Historica. T. II. Hannoverae, 1889.
 Gr. Tur. – Gregorii episcopi Turonensis Historiarum libri decem. Bd. 1–2. Berlin, 1967.
 Iordan – Iordan I. Chrestomație romanică. Vol. I. București, 1962.
 Mallet-Joris – Mallet Joris Fr. La maison de papier. P., 1970.

Л. А. Становая

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ В ПЕРВЫХ ОПИСАНИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В 1821 г. французский лингвист Ф. Рейнуар связал наблюдаемую в рукописях вариативность графических форм имени

с различием падежных форм и сформулировал положение о двухпадежной системе склонения в старофранцузском языке. Несмотря на последующие исследования Ф. Гессара (1840), Ф. Женена (1845), Э. Литре (1886), Ж. Бедье (1927), Л. Фуле (1932) и др., прямо или косвенно опровергавшие гипотезу Ф. Рейнуара, мнение о существовании старофранцузского склонения прочно утвердилось в исторической грамматике французского языка. Между тем, знакомство с теоретической стороной вопроса показывает, что все основные моменты существования и функционирования старофранцузского склонения вызывают непрекращающиеся споры. Так, два последних исследования именного склонения [4; 5; 6; 14; 15] привели к двум прямо противоположным мнениям.

Исследование Л. Шослер, направленное прежде всего на изучение синтаксиса словосочетания и предложения, выявило ничтожно малую, практически нулевую роль флективного склонения в выражении синтаксической функции имени и понимания смысла предложения в целом. Оказалось, что понимание синтаксической функции имени и смысла предложения в целом обеспечивается семантическими, синтаксическими и контекстуальными средствами [14]. Однако, поскольку все французские рукописи, особенно деловые, содержат графические формы, интерпретируемые автором как грамматические падежные, склонение существует не только в старофранцузском языке, но и в среднефранцузском, так как сохраняется в северо-восточных диалектах вплоть до 1500 г., т. е. до начала XVI в. Разрушение склонения вызвано оглушением конечного -s и датируется, в зависимости от диалекта, XIV–XV вв. [14; 15].

Наше исследование было направлено на изучение грамматической системы склонения, на особенности функционирования и разрушения склонения в разных диалектах и скриптах средневековой Франции. В результате проведенного исследования мы пришли к мнению об отсутствии именного склонения уже в старофранцузском языке, причем ни причи-

ны, ни этапы разрушения склонения, ни его прогрессивное движение по диалектам с запада на восток в течение старофранцузского периода (IX–XIII вв.) никак не отражены в рукописях одних и тех же региональных письменных традиций (скрипт) [4; 5].

Поскольку фактологически, т. е. на основании реальных языковых фактов, невозможно ни описать процесс разрушения двухпадежного именного склонения, ни установить период этого разрушения, мы предположили, что французские скрипты, в силу известной консервативности письма, сохранили лишь следы исчезнувшего ранее именного склонения, и по способу его отражения они делятся на две группы: в первой царит аналогия, во второй – этимология: в одних скриптах падежные формы восстанавливаются по единой парадигме по типу *murs*, в других сохраняются этимологические формы.

Можно было бы датировать исчезновение склонения началом старофранцузского периода, как это сделали, например, Э. Литре, В. Вененен, А. Доза, Ж. Шоран и др. Но незначительное количество французских рукописей IX–XI вв. и особенно данных, которые можно получить от их изучения, не позволяет ни проверить, ни тем более аргументировать эту гипотезу.

Мы предположили, что двухпадежное склонение как действующая система перестало существовать уже в недрах вульгарной латыни, в период ее преобразования во французский язык, точно так же и примерно в то же время, что и в других областях Романии¹, т. е. до IX–X вв., как времени появления первых французских рукописных текстов [3. С. 127–136; 5; 6].

Таким образом, никакого собственно французского склонения не было, а были лишь воспоминание и постепенно исче-

¹ Отметим, что аналитическое склонение в румынском языке, некоторых франко-провансальских и ретороманских говорах, основанное на оппозиции аналитических элементов, прежде всего артикля, является романской инновацией и никак не может рассматриваться как продолжение исчезнувшего повсеместно латинского, синтетического склонения.

зающие следы разрушенного вульгарно-латинского двухпадежного склонения. Ориентация на разные нормы оформления имени (аналогическую или этимологическую) обусловила употребление разных графических форм в рукописях, что и создало иллюзию существования старофранцузского склонения².

Приведем ряд доказательств отсутствия французского склонения и графической реконструкции в письменном узусе латинского склонения, содержащихся в самых первых описаниях французского языка.

Прямая ассоциация именно с латинским языком и латинским склонением ясно выражена в следующем высказывании англо-нормандского автора *Жития Эдуарда Исповедника*, датированном 1245 г. [17. С. 26]:

*Si joe l'ordre des cases ne gart / Ne ne juigne part a sa part;
Certes nen dei estre reprise, / Ke nel puis faire en nule guise.
Qu'en latin est nominatif / Co frai romanz accusatif.*

Un faus franceis sai d'Angleterre / Ke nen alai ailurs quere.
(Если я не сохраняю порядок употребления падежей / и не соединяю часть с ее частью / конечно, я не должен быть за это порицаем / ни за то, что не могу это делать никоим образом / то, что в латинском языке является именительным падежом / я сделаю романским винительным / я знаю неправильный французский язык из Англии / который ни в каком другом месте я не найду).

Заметим, что англо-нормандский автор сожалеет о своем плохом знании латинского склонения, а не французского, в отличие, надо полагать, от «настоящих» французов, знающих «правильный» французский язык и умеющих верно передавать по-французски формы латинского именительного падежа.

² Схожие идеи были высказаны Ф. Жененом и Ф. Гессаром еще в первой половине XIX в.

В первых французских орфографических трактатах XIII в. – *Orthographia Gallica*, *Ars Minor* – нет никаких упоминаний ни о французском именном склонении, ни о его исчезновении в недавнем прошлом, т. е. в IX–XI вв., как предполагали упоминавшиеся выше авторы.

Так, согласно 4 правилу *Orthographia Gallica*, форма множественного числа существительных и прилагательных образуется путем прибавления *s/z* или *z/x* к форме единственного числа; согласно 9 правилу, форма прилагательных женского рода (*grande*, *quante*) образуется от соответствующих прилагательных мужского рода (*g^ant*, *q^ant*) путем прибавления *-e* [13].

Таким образом, автор трактата различает только формы единственного и множественного числа существительных и прилагательных и мужского, и женского рода прилагательных, не уточняя при этом, о каком падеже или о какой падежной форме идет речь. Это означает, что, согласно *Orthographia Gallica*, у французского имени есть только две формы (ед. или мн. ч.), а не четыре (прямой падеж ед. ч., прямой падеж мн. ч., косвенный падеж ед. ч., косвенный падеж мн. ч.).

Автор *Ars Minor* объясняет латинское склонение французским ученикам следующим образом: «Le nominatif dit *le mestre*, le génitif *du mestre*, le datif *au mestre*, l'accusatif *le mestre*, le vocatif *o tu mestre*, l'ablatif *par le mestre*, *o le mestre* et *sanz le mestre* et *du mestre*»³ (Именительный падеж – *le mestre*, родительный – *du mestre*, дательный – *au mestre*, винительный – *le mestre*, звательный – *o tu mestre*, предложный – *par le mestre*, *o le mestre* и *sanz le mestre* и *du mestre*) [11. С. 53].

Отметим не только отсутствие специальных форм прямого падежа, но и отсутствие формы *li* как формы прямого падежа ед. и мн. числа определенного артикля.

³ То же находим в *Donatus provincialis* Хьюго Файдита XIII в. по поводу провансальского языка: Le nominatif se reconnaît *lo*, le genitif par *de*, le datif par *a*, l'accusatif par *lo* [10. С. 21].

В то же время варианты XIV–XV вв. *Галльской орфографии* указывают на различие графических и звучащих форм слов как на привычное для средневековых скрибов явление. Так, согласно 7 правилу, некоторые согласные изменяются в произношении, но не меняются в написании (*in sono et non in scriptura*). Вариант XIV в. дает такие примеры: писать *cliers, ruds hommes, vifs hommes, bones femmes* (для обозначения латинских форм имен. падежа мн.ч. *clerici, rudi homines, vivi homines, bone mulieres*), но произносить *clers, ruz hommes, vus hommes, bons femmes*.

Вариант XV в. уточняет: 1) *c* перед словом, которое начинается с гласной, пишете и читайте *vifs cliercs est il (c devant paroule qe comence par vovele escrивeretz et lirretz vifs cliercs est il)*; 2) пишете *vifs, rougs* (*home est il*), читайте *vif, roug[e]*; 3) пишете *nul* (*home est il*), читайте *nuls*; 4) пишете *bon hume*, читайте *bons homme* [13].

Анализ 7 правила показывает, что 1) конечная *-s* произносится только во мн. числе и что форма на *-s* выражает латинский имен. падеж мн. ч.; 2) *c* в графической форме *cliercs* находится перед *s*, которую автор трактата или переписчик не учитывает: для него *c* находится прямо перед гласной *e* в слове *est*; 3) в графических формах прилагательных конечная *-s* является только буквой⁴.

⁴ Заметим, что различие форм прилагательных в некоторых окситанских говорах Уазана (*ézī's* = предикатив м.р. ед.ч. : *ezī'* = определение м.р. ед.ч. – по неопубликованному пока данным Ж. Сибила), франко-провансальских говорах Морьенны (*frejt, sot* = определение м.р. ед.ч.: *frej, so* = предикатив м.р. ед.ч. [7. С. 39–41]) и в сельвском говоре ретороманского языка (*bien, bi* = определение м.р. ед.ч.: *buns, bials* = предикатив м.р. ед.ч. [1. С. 48–49]) трактуется как следы более длительного сохранения романского склонения у прилагательных, в частности так называемого «предикативного падежа» (*cas-attribut*). Поскольку рукописи XII–XIII вв., выполненные в указанных районах, отсутствуют, то изучить особенности функционирования и разрушения именного склонения в указанных говорах невозможно. Во французских же рукописях прилагательные употребляются с очень большим количеством «ошибок в склонении» и особенно в функции предикатива, что не позволяет говорить о более длительном, по сравнению с другими склоняемыми частями речи, сохранении склонения прилагательных или «предикативного падежа». Соответственно, замечание

Как показывают исследования рукописей XIV–XV вв. [2; 9; 15], количество «ошибок в склонении» резко возрастает в XIV в. и так называемые «падежные формы» исчезают из французских рукописей, в зависимости от скрипты, в течение 15–50 лет.

Так, по данным Ш.-Т. Госсена, количество «ошибок» начинает резко возрастать с 1381 г. в пикардских хартиях и с 1357 г. в шампанских, и к концу XIV в., т. е. за 19 лет, в пикардских рукописях устанавливается беспадужное оформление имен [9]. По данным Л. Шослер и П. Ван Ренена, в пикардских хартиях количество «ошибок» возрастает значительно позже, а беспадужное оформление имен устанавливается только к 1500 г., т. е. к началу XVI в. [15].

Такое внезапное и стремительное изменение письменного узуса не только поражает, но и доказывает, что, во-первых, употребление разных графических форм не являлось и не является свидетельством существования французского склонения, а во-вторых, что рукописи XIV–XV вв., так же, как и рукописи IX–XIII вв., не отражают процесс разрушения склонения, поскольку языковые изменения, особенно столь фундаментальные, как разрушение именного склонения, затрагивающее всю грамматическую систему в целом, протекают медленно и постепенно.

Мы связываем резкое изменение письменного узуса с изменением скриптуральных норм, обусловленным событиями внешней истории. Такие изменения действительно могут протекать быстро, не только в течение жизни одного поколения, но даже в течение 15–30 лет.

Так, изменение норм графического оформления имени в пикардских рукописях, принимаемое за «разрушение склонения», может быть связано с общим разрушением пикардских скрипт, которое, по мнению Госсена, совпадает по времени с междоусобицей (1410–1470 гг.) между герцогом Карлом

о написании *nul*, *bon* и произношении *nuls*, *bons* представляется не просто «ошибкой переписчика», а важным фактом.

Смелым, создавшим крупное Бургундское государство на северо-востоке Франции, в состав которого вошла и Пикардия, и Людовиком XI [8. С. 446–448; 9. С. 44]. Окончательное присоединение Пикардии к Франции в 1477 г. завершило процесс смены письменных норм.

Разница пикардских и франсийских скриптуральных норм хорошо показана в *Tractatus ortographie gallicane* М. Т. Куэфюрелли (М. Т. Coyfuturelly), представленном в рукописи начала XV в. Одно из различий пикардских (Romanica) и французских (Gallicana) скрипт касается графического оформления некоторых имен в единственном числе: в пикардских рукописях добавляется -s, а во французских его нет, причем автор трактата отмечает, что французские формы являются не только более короткими, но и более красивыми: *Item Romanica nomina dignitatis (a)ut officii, que sunt singularis numeri, scribunt pluraliter in effectu, ut lui papes de Rome, l'empereurs d'Alemaigne, lui rois d'Engleter et de France, lui chauncellers du seint peres, lui tresorerers mons, lui duques de Launcastre, lui recevours madame la roigne, lui sainz esperes vous garde; ubi vero Gallici sine s scribunt huiusmodi nomina singulariter, quod pulcrius et brevius est, ut le pape de Rome, l'empereur de R., le Roy de l'Engleterre et sic de ceteris*⁵ (Некоторые романские существительные единственного числа, обозначающие звание или должность, пишутся в форме множественного числа, так *lui papes de Rome, l'empereurs d'Alemaigne, lui rois d'Engleter et de France, lui chauncellers du seint peres, lui tresorerers mons, lui duques de Launcastre, lui recevours madame la roigne, lui sainz esperes vous garde*; истинные французы пишут эти же имена без *s*, что является более красивым и коротким, так *le pape de Rome, l'empereur de R., le Roy de l'Engleterre* и т. д.) [16. С. 17].

⁵ С. Лузиньян заметил по этому поводу, что Куэфюрелли, представляющийся как «доктор из Орлеана», всегда называет буквы, которые не произносятся, но никогда не указывает на звуки, которые не пишутся [12. С. 103].

Заметим, что автор трактата указал только, что формы на *-s* являются формами ед. ч., но не французского прямого падежа или латинского именительного, сохранившегося в пикардском диалекте, в отличие от французского. Это должно было бы вызвать недоумение, ведь сам трактат, зафиксированный в рукописи начала XV в., написан не позднее конца XIV в., т. е. тогда, когда в северных и восточных диалектах именное склонение или только завершало свое существование, согласно наиболее распространенной в истории французского языка точке зрения, или только начинало разрушаться, согласно мнению Л. Шослер и П. Ван Ренена. Однако М. Т. Куэфюрелли, точно так же, как и авторы предшествующих трактатов XIII в., не упоминает о столь важной характеристике французского имени, как склонение.

Ни один из последующих грамматистов XV–XVI вв. также не вспоминает о французском именном склонении. Так, первый учебник французского языка – Французский Донат (*Donait françois*) Джона Бартона начала XV в. – и первые французские грамматики XVI в. Ж. Дюбуа (1531), Ж. Пальсграва (1530), Э. Доле (1542), Л. Мегре (1550) и др. ясно свидетельствуют об отсутствии любых воспоминаний о французском именном склонении.

Так, *Donait françois* Джона Бартона и крайне латинизированная грамматика Жака Дюбуа (Сильвиуса) представляют описание французского 6-падежного склонения в полном соответствии с латинским 6-падежным склонением, но построенного при помощи предлогов. Так, согласно Бартону: «*le est signe du nominatif ou du accusatif, du est signe de le genitif ou de ablatif et au est signe du datif. Mais le vocatif ne a point de signe ... exemple des touz les cases. Nominatif: le m., g. du m., d. au m., a. le m., v. m., a. du m. et en pulier (sic! – Л. С.) n. les maistres*» (*le* это знак именительного или винительного падежа, *du* это знак родительного или предложного, а *au* это знак дательного падежа. Но звательный падеж не имеет никакого знака ... вот пример всех падежей. Именительный: *le m.*, род.

du m., дат. *au m.*, вин. *le m.*, зват. *m.*, предл. *du m.* и во множественном числе им. *les maistres*) [16. С. 28].

Добавим, что Дюбуа как уроженец Пикардии вполне мог бы знать или, по крайней мере, помнить о некогда существовавшем французском именном склонении, которое наилучшим образом могло бы продемонстрировать генетическую связь и преемственность между французским и латинским языками. Однако, приводя многочисленные примеры из разных диалектов, особенно из пикардского, бургундского и лотарингского, т. е. как раз из тех диалектов, где «склонение» сохранялось на письме дольше всего, Дюбуа не вспоминает ни о склонении, ни о его недавнем исчезновении.

Таким образом, ни в одном из грамматических или орфографических трактатов французского языка нет ни одного свидетельства существования или разрушения французского именного склонения. Соответственно, наше мнение об отсутствии именного склонения уже в старофранцузском языке подтверждается не только данными проанализированных нами рукописных текстов, но и авторами первых французских орфографических и грамматических трактатов.

Литература

1. *Бородина М. А.* Современный литературный ретороманский язык Швейцарии. Л., 1969.
2. *Глухова Ю. Н.* Именная синтагма в среднефранцузский период: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.
3. *Скрелина Л. М., Становая Л. А.* История французского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.
4. *Становая Л. А.* Соотношение формы и функции в системе имени существительного (на материале французского языка раннего периода): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
5. *Становая Л. А.* Старофранцузская морфология и теория скрипты: Дис. ... д-ра филол. наук. Т. I–II. СПб., 1994.
6. *Становая Л. А.* Нормы оформления имени во французских скриптах IX–XIV вв. // Вопросы общего и романского языкознания. Вып. 2. СПб., 2001. С. 9–20.

7. *Borodina M. A.* Morphologie historique du français. Leningrad, 1965.
8. *Gossen Ch.-Th.* Die Einheit der französischen Schriftsprache im 15. und 16. Jahrhundert // Zeitschrift für Romanische Philologie. 1957. 73. 5/6. S. 427–459.
9. *Gossen Ch.-Th.* Remarques sur la déclinaison en ancien picard // Tra Li Li. 1971. IX. 1. P. 197–207.
10. *Guessard F.* Grammaires romanes inédites du treizième siècle. P., 1840.
11. *Heiniman S.* L'Ars Minor de Donat traduit en ancien français // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1966. 23. P. 49–59.
12. *Lusignan S.* Parler vulgairement. Les intellectuels et la langue française aux XIIIe et XIVe siècles. 2-ème éd. P.; Montréal, 1987.
13. Orthographia Gallica / Hsg. von J. Stürzinger. Heilbronn, 1884.
14. *Schøsler L.* La déclinaison bicasuelle de l'ancien français: Son rôle dans la syntaxe de la phrase, les causes de sa disparition. Odense, 1984.
15. *Schøsler L., Van Reenen P.* La déclinaison en ancien et moyen français, deux tendances contraires // Actes du VIIIe Colloque international sur le moyen français. P., 1997. P. 595–612.
16. *Stengel E.* Die ältesten Anleitungsschriften zur Erlernung der französischen Sprache // Zeitschrift für neufranzösische Sprache und Litteratur. 1879. 1. S. 1–40.
17. *Vising J.* Anglo-Norman Language and Literature. London, 1923.

Н. Л. Сухачев

**Б. П. ХАШДЕУ И КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА
В «ETYMOLOGICUM MAGNUM ROMANIAE» (EMR)**

Богдан Петричейку Хашдеу (1838–1907) – писатель, историк, этнограф, фольклорист и языковед, удостоенный признания таких современников, как Г. Парис, Г. И. Асколи, Г. Шухардт, незаслуженно выпал из истории европейской лингвистической мысли. Это во многом относится и к румынскому языкознанию в целом. Тем благодарнее труд Тамары Александровны Репиной – филолога-романиста, с научного благословения В. Ф. Шишмарева более полувека посвятившей себя

студентам румынского отделения кафедры романской филологии СПбГУ и всестороннему изучению румынского языка в широком контексте романского языкознания.

Последующее обобщение является ознакомительным, будучи ограниченным введением к первому тому EMR [5. С. 13–42]), и оно отчасти «вторично», так как воспроизводит сведения, известные исследователям румынской культуры. Объем статьи не дает проработать детали. Все же некоторые акценты, быть может, позволяют рельефнее осмыслить личность и идеи Хашдеу-языковеда.

* * *

Б. П. Хашдеу родился 26 февраля 1838 г. в Кристинештий Хотинулуй (ныне Черновицкая обл., Украина)¹ в семье русского подданного, филолога и историка Александра Хашдеу (1811–1872). Его жена, Элизабета, была дочерью литовского дворянина Теофила Даушки, переселившегося в Молдову и породнившегося с местным боярством. Ребенка окрестили Тадеу – в честь деда, польского писателя Т. Хыждеу. Предки Хашдеу переехали в Польшу в конце XVII в. с молдавским господарем Штефаном Петричейку, с которым состояли в родстве; их потомки со временем вернулись в Молдову. Первые «пробы пера», написанные по-французски, Хашдеу подписывал калькой своего польского имени: Dieu-donné, наряду со славянским (и румынским) соответствием Богдан, позже им адаптированным. В связи с переездами, вызванными преподавательской деятельностью А. Хашдеу, юноша получает образование в польских школах Ровно, Винницы, Каменец-Подольского и Кишинева. В 1852 г. он записывается на юридический факультет Харьковского университета², а в 1856 г. поступает младшим офицером в Белорус-

¹ Биографические данные опираются на монографию Ч. Погирка [6. С. 53–71].

² Слушателем юридического факультета был и А. А. Потебня: он записался на него в 1851 г., а в сентябре 1852 г. перевелся на историко-филологический факультет. А. А. Потебня был знаком с «румунном Б. Хашдеу» [1. С. 22, 107].

ский гусарский полк, участвует в Крымской войне, оставляет армию, возвращается по совету отца на службу, вновь ее покидает и с ящиками книг и рукописей уезжает в Румынию³.

В марте 1858 г. Б. П. Хашдеу назначен судьей г. Кагула (ныне Молдавия), вскоре его увольняют по политическим мотивам. Переехав в Яссы, он дарит в сентябре 1859 г. около 4000 томов городской школьной библиотеке, хранителем которой становится. С января 1860 г. Хашдеу совмещает работу библиотекаря и преподавателя истории, географии и статистики в яском реальном училище, а с 1862 г. преподает историю в Национальном колледже. Публикация повести «Дудука Мамука⁴. Из воспоминаний студентки» («*Lumina*», 1863) спровоцировала обвинения автора в аморальности. Хотя он выиграл судебный процесс⁵, школьный совет отстранил его от преподавания и библиотеки. В том же 1863 г. А. Одобеску предложил Хашдеу войти в историческую комиссию при министерстве культов, и он переезжает в Бухарест.

В яский период Б. П. Хашдеу приобрел известность в основном как писатель и публицист⁶. В 1861 г. он был командирован в Краков и Лемберг (после 1918 г. Львов), где собрал обширную коллекцию документов по истории Румынии. В Бухаресте Хашдеу начинает публикацию текстов с подробными историко-филологическими комментариями («*Arhiva istorică a României*», 1864–1868. Т. 1–4.), что обеспечивает ему службу в Государственном архиве, который поз-

Ч. Погирк ссылается на статью Е. Двойченко «Б. П. Хашдеу и А. А. Потенба» («Ниструл» (Кишинеу). 1959. № 8).

³ В конце того же 1856 г. (по другим источникам в 1857 г.).

⁴ Букв. «Барышня Мамочка»; переработанный вариант Хашдеу издал под названием «Малышка. Три дня и три ночи из жизни одного студента» («*Aghiuiță*», 1864) [4. С. 668, 682].

⁵ Автор сам себя защищал, опубликовав свои аргументы в статье «Защита редактора» («*Lumina*». 1863. Т. III. Р. 65–74) [6. С. 59].

⁶ Он издавал «*Romania*» (1858–1859), «*Foaea de istorie română*» (1859), «*Foiță de istorie și literatură*» (1860), «*Din Moldova*» (1862–1863. Т. 1–2), переименованное (Т. 2. № 10) в «*Lumina*» (1862–1863. Т. 2–3) [6. С. 13].

же он возглавит (в 1876–1900). В 1865 г. Б. П. Хашдеу вступает в брак с Юлией Фаличиу. Его жизнь становится более упорядоченной, но не менее активной. Он сотрудничает с рядом журналов, основывает свои издания⁷, выступает с лекциями в «Атенеуме», где объявляет курс по румынскому конституционному праву. В 1867 г. Хашдеу отправляется в поездку по Трансильвании, в 1868 г. работает в библиотеках и архивах Вены, посещает Венгрию, Сербию, Богемию, а также Баварию и Францию. В 1867–1871 гг. его выдвигают депутатом от г. Болграда (ныне Одесская обл., Украина), и, выступая в парламенте, Хашдеу обвинит правительство в сервильной политике в отношениях с Российской империей и Австро-Венгрией. В апреле 1869 г. он основывает «политическую, литературную, научную и промышленную газету» «Traian», из-за антимоноархических публикаций запрещенную в феврале 1870 г. Но уже через месяц в редакционной статье нового журнала («Columna lui Traian», 1870–1876, 1882–1883. Т. 1–7) Хашдеу заявит о продолжении прежнего направления.

Появление «Критической истории румын» (1873; 2-е изд.: 1875. Т. 1–2) упрочило научную репутацию автора. Бывший его противник Т. Майореску, став министром образования, доверяет Хашдеу факультативный курс в Бухарестском университете по индоевропейской «сравнительной филологии»⁸. В 1877 г. его избирают членом Румынской Академии⁹, и в

⁷ Помимо упомянутых в тексте, он участвует в издании Г. С. Раковского «Viitorul – Будущность» (1864, на рум. и болг. яз.), основывает сатирические журналы «Aghiuța» (1863–1864) и «Satyrul» (1866), общественно-литературные «Foaia Societății Românilor» (1870–1871), «Revista literară și științifică», переименованную в «Revista contemporană, literară și științifică» (1876) и «Revista Nouă» (1887–1895), а также ежедневную газету «Apărarea națională» (1900–1903).

⁸ Объявлен 14 окт. 1874 г. Только в окт. 1878 г. Хашдеу будет утвержден в звании штатного профессора и оставит университет в 1900 г. со званием почетного профессора.

⁹ Б. П. Хашдеу был избран также членом Краковского ягелонского общества, Парижского лингвистического общества (в 1882 г.), Санкт-Петербургской Императорской Академии (1883), Белградской Академии, Софийского Академического общества, американского Неолингвистического общества Балтимора, Академии Нью-Йорка (1895) и др.

1878 г. Хашдеу представляет румынскую науку на Конгрессе ориенталистов во Флоренции¹⁰. На VII Конгрессе ориенталистов в Вене (1886) он успешно потивостоял попытке доказать, что румыны мигрировали на левобережье Дуная с юга в XII в. Его исследование памятников румынского языка XVI в. (*Cu-vente den bătrâni. 1877–1881. T. 1–3*)¹¹ было удостоено в 1880 г. академической премии.

В 1884 г. Академия поручает Хашдеу составить в течение шести лет «Словарь румынского языка». Вместо привычного словаря толкового типа он задумывает своеобразный тезаурус народной культуры¹². Несмотря на несомненный успех EMR¹³, в 1897 г. Академия, недовольная темпами издания, прерывает его. В какой-то мере авторскую активность замедлила ранняя смерть дочери Юлии (в 1887 г.), повергшая «позитивиста» Хашдеу в мистицизм. Но академический запрет на работу над словарем лишил его смысла жизни: «И в завершение, гордясь тем, сколько я сделал, делая то, что хотел сделать, оставляю Словарю (*Etymologicului*) величественное вечное прощай...» [б. С. 71]¹⁴. Со смертью жены (в 1903 г.) активность ученого обрывается.

Б. П. Хашдеу скончался в г. Кымпине (уезд Прахова) 24 августа 1907 г., практически в забвении. Его научное насле-

¹⁰ Здесь он встретится с Г. И. Асколи, с которым ранее переписывался. В Государственном архиве в фонде Хашдеу сохранились 19 писем Г. И. Асколи, 4 – Г. Париса, 53 – Г. Шухардта, 9 – Г. Вайганда, а также единичные письма А. Куна, Г. Курциуса, М. Мюллера, А. Муссафии и др. [б. С. 225, прим. 20].

¹¹ Вышла только первая часть т. 3 «История румынского языка», озаглавленная «Принципы лингвистики».

¹² *Etymologicum Magnum Romaniae. Dicționarul limbei istorice și poporane a românilor*. București, 1887. Т. 1–2; 1893. Т. 3; 1898. Т. 4. Реально том 3 (до слова *bărbat*) опубликован в 1895 г., том 4 (1898) содержит только исторический очерк о Негру-водэ [7. С. 11–12]. См. также предисловие Г. Брынкуша [5. С. V–XXX].

¹³ Так, Высший совет народного образования рекомендовал выдержки из него для чтения в средней школе. Это пособие (*Din Etymologicum Magnum Romaniae*. București, 1894. 451 с.) выдержало шесть тиражей [7. С. 13].

¹⁴ Со ссылкой на предисловие Д. Мурэрашу к изданным им выдержкам из EMR (1945).

дие¹⁵, вопреки неоднородности, незаконченности ряда работ и даже спорности авторского замысла иных из них, заложило прежде всего источниковедческую базу для изучения истории языка.

* * *

Л. Секе и М. Секе подчеркивают вклад Б. П. Хашдеу в изучение «автохтонного субстрата» румынского языка и выделяют «Принципы лингвистики» (1881) в качестве «критического синтеза всех предыдущих работ» в области языкознания [3. С. 93]. Они отмечают высказывание автора, что «нет ничего более социального, чем язык», его «теорию обращения слов (*circulației cuvintelor*)», сформулированную и использованную Хашдеу в EMR, и его внимание к соотношению языка и мышления: соответственно, восприятия (*percepție*) – с которого начинается язык – и понятия (*noțiune*) [3. С. 94–95]. В контексте лексикографии М. Секе характеризует EMR лишь в качестве «наиболее яркой (*cea mai spectaculoasă*) демонстрации познаний ученого, но как глобальный результат он в любом случае превзойден по крайней мере одним из научных трудов ученого – “*Cuventele den bătrâni*”» [7. С. 33–34].

Первый академический словарь (*Dicționarul limbii române. 1871–1876. Vol. 1–3*), составленный под редакцией А.Т. Лауриана (1810–1881) и Ш. Массима (1825–1877) и перегруженный искусственными неологизмами, отражал латинизирующую тенденцию в нормализаторской деятельности официальной лексикографии. Академию не могли устроить не столько темпы работы Хашдеу, сколько явная «ненормативность» EMR (это обнаруживает и содержательный его анализ, проделанный М. Секе [7. С. 13–25]).

¹⁵ Библиографию опубликованных трудов Хашдеу (всего 304 назв. с 1858 по 1904 г. и 9 переизданий между 1936 и 1961 г.) и литературы о нем, появившейся к 1968 г. (169 назв.), приводит Ч. Погирк [6. С. 15–51]. Некоторые дополнительные сведения даны в словаре румынских филологов [2. С. 138–141].

Источники EMR Хашдеу характеризует в «Предисловии» [5. С. 3–12], подписанном 15 мая 1985 г. (опубликованные и рукописные старые тексты, глоссарии и словари, румынские формы в иноязычных источниках, фольклор и произведения классиков литературы XIX в., регионализмы, ремесленная терминология). Для EMR им было предпринято и первое анкетирование румынских говоров через корреспондентов¹⁶. Словарная статья должна была включать перевод наиболее распространенной заглавной формы на латинский или французский язык, устарелые и новые диалектные варианты, осмысления слова в обширно цитируемых источниках и «историко-этимологические связи (filiatiile)» [5. С. 3]. В последнем абзаце подчеркивается: «Словарь языка должен стать для народа энциклопедией его жизни в прошлом и настоящем <...> Благодаря моему вопроснику самые старые из этих картин обретут жизненность; более новые – способны даже зазвучать (chiar să vorbească), каждая на свой лад» [5. С. 12].

Следующий более обширный текст («Вместо введения: I. Что такое этимология? II. Как смешиваются языки? III. Что составляет облик (fizionomia) языка?») [5. С. 13–42]) нетипичен для жанра словаря. Прочитую наиболее показательные, на мой взгляд, формулировки Хашдеу, связанные с авторским осмыслением используемой терминологии.

Этимология не ограничивается вопросом о происхождении отдельных слов: «Синтаксическая деривация – столь же равноправная этимология¹⁷, как и лексическая деривация» [5. С. 13]. И далее: «...фонология занимается звуками, морфология – *грамматическими формами*, лексикология – *словами*, идеология или семасиология – *значениями* и т. д.; однако, что касается этимологии, она представляет в целом *деривацию* в любом ответвлении науки

¹⁶ Хашдеу разослал сельским учителям и священникам анкету из 206 вопросов, направленных на уточнение формы и значения слов, а также на выявление диалектизмов и этнографических реалий [5. С. 4–11].

¹⁷ Здесь и далее сохранены авторские выделения.

о языке. На том же основании, по которому может быть этимологическим словарь, этимологической может быть и грамматика» [5. С. 13]. По сути, речь идет о мотивации любых речевых образований (от слова до предложения и от внешнего «звука» до мысленного значения) как формальными знаками, т. е. опирающимися на усвоенные носителями языка элементы, так и мыслимыми «образами», что и делает возможным лингвистический анализ соответствующих исходных типов (прототипов), ср.: «Реконструкция может быть выраженной (*expresă*), как у Шлейхера, Фика и др., или подразумеваемой (*bineînțeleasă*), как у Боппа и Потта; выраженная реконструкция, в свою очередь, может быть конкретной <...> или абстрактной. Абстрактная реконструкция – почти единственно возможная в области синтаксиса, когда во фразе нам менее интересны использованные слова, чем модус распределения грамматических или логических категорий, каким бы ни было их конкретное выражение в прочем...» [5. С. 13]. В тесной связи с этимологией находится другой концепт Хашдеу – *обращение слов* (*circulația cuvintelor*). Термин заимствован из экономики, наряду с дополняющим его *усредненным элементом* (*termen-mediu*): «лингвист не восстанавливает единый организм кусочек за кусочком, как делает палеонтолог, а извлекает в результате анализа всей серии <явлений> усредненный элемент, характеризующий ее в целом, и к нему отчасти приближается любое ее составляющее, хотя каждое из них может не совпадать в точности с этим общим примерным выражением» [5. С. 19]. В заключение раздела практическая цель этимологии определяется как «реконструкция¹⁸ некоего прототипа для каждой однородной группы явлений (*grup omogen de fenomene*), поскольку частные обусловленности (*condițiiunile*) яв-

¹⁸ Сам термин *реконструкция* Хашдеу считает «не самым удачным на почве лингвистики» [5. С. 24].

лений не позволяют ей прибегать к иным процедурам» [5. С. 24].

Опуская рассматриваемую Хашдеу историю идей, охватывающую и теорию субстрата, отмечу его инновацию: «Смешение языков, будь то грамматическое, будь то иной природы, может быть двоякого рода: первичным и вторичным. “Первичным смешением” мы называем такое, которое из двух различных наречий (graiuri) породило новый язык; “вторичным смешением” называем последующие заимствования, сделанные языком, которым не предшествовало и не сопутствовало слияние народов <...> Только первичное смешение, то есть по вертикальной линии, а не вторичное по горизонтальной линии, имеет *генеалогическую* (выделено мной. – Н. С.) значимость, нарушая в какой-то мере непрерывный диалектный континуитет» [5. С. 27]. И текст, и поясняющая его схема обнаруживают перекличку мысли Хашдеу с сосюрговской дихотомией синхронии и диахронии. Но, будучи историком, автор EMR считает лингвистически показательным только «генеалогическое смешение». Поэтому «рождение языка» для него «...дозволенная метафора, и даже необходимая из-за четкости образа, представляющего это рождение подобно ребенку, имеющему двух родителей, с которыми его объединяет родственная линия (filiațiunea), но от которых он отличается своей индивидуальностью» [5. С. 28]. И вслед за В. фон Гумбольдтом он повторяет: «Любой язык есть гармоническое целое (un tot), в котором всё (totul) находится в самой тесной взаимосвязи (corelație)» [5. С. 31]. Заметив, что под углом «смешанного языка» рассматривались фонетика, лексика, грамматика, «но ничего или почти ничего не говорилось о значении (semnificație)» [5. С. 31], Хашдеу обращает внимание на то, что, только допустив сосуществование на одной территории германской и романской речи, можно заключить: «тот, кто первым сказал contrée от contra, знал, что немецкое Gegend происходит от gegen, то есть знал немецкий» [5. С. 32].

В связи с «обликом языка» подхватывается идея *обращения*, сопряженная с неизбежностью как индивидуального (идиолектного), так и социального (диалектального) варьирования языка: «Чтобы французское *Pierre* преобразовалось почти в две сотни форм <...> чтобы *Ioan* превратился у румын в *Ion, Iancu, Ioniță, Ionașcu, Niță, Ionel* и т. п., для этого достаточно ласкательного действия нескольких семей, в которых имеется какой-то *Pierre* или *Ion*, даже если в недрах нации таких семей было бы мало. Намного важнее, будь то в политической экономии, будь то в языке, продуктивное движение значимостей (*mișcarea productivă a valorilor*), в силу которого две во всех отношениях идентичные вещи образуют все же весьма несоизмеримые (*disproporționate*) значимости» [5. С. 33]. И далее: «И без денег товары бы обращались, но гораздо сложнее; еще сложнее обращались бы также, хотя все же обращались бы, идеи и высказывания без говоров (*fără grai*)» [5. С. 33]. За словоупотреблениями *обращение* и *значимость* (ценность) просматривается необходимость оценки весомости вариативных форм: «из двух лингвистических образований (*lucruri lingvistice*) с равной пересекающейся значимостью (*valoare intrinsecă*) одно может иметь в десять и даже в сто раз более полезную значимость, чем другое, если в общей речи (*în graiul comun*) народа оно обращается в десять или в сто раз чаще в том же интервале времени» [5. С. 33].

«Словари в том виде, как они составлялись до настоящего времени, не дают обращения слов; а как раз это – основной пункт» [5. С. 35], – утверждает Хашдеу, предварительно обратив внимание на то, что они не отражают роли каждого индивида в социуме, игнорируют народную речь («самый полезный гражданин, всеми востребованный, благодаря своим неутомимым трудам, уравнен с презираемым бродягой»).

Затем он возражает А. Чихаку¹⁹, согласно которому «румынский язык образован из 1/5 латинского, 1/5 турецкого, 2/5 славянского, помимо 1/5 гетерогенной» [5. С. 36], показывая на фольклорных текстах, что даже для Добруджи (в условиях живых контактов с тюркской и славянской речью) «арифметика Чихака не подходит». Так, в сорока строках добруджской народной песни из 155 словоупотреблений только 29 не восходят к латыни и среди них нет ни одного тюркизма [5. С. 37–38]. А. Чихака он отчасти оправдывает тем, что «принцип обращения в языке, в смысле продуктивного движения значимостей, до настоящего времени еще не был сформулирован в лингвистике» [5. С. 33], хотя, по словам Хашдеу, его «предчувствовали» такие корифеи науки, как Г. Курциус, Ф. Мистели и К. Бругман.

В заключение не-лексикографического Введения к ЕМР свою цель Б. П. Хашдеу обобщает следующим образом:

«Заниматься этимологией в научном смысле слова, проясняя при помощи сравнительного метода, насколько это возможно, не только происхождение румынских слов как материала, формы, смысла, значения, высказывания (*ca sens, ca propozitiune*), но одновременно и как источника верований или обычаев, выражаемых этими словами.

Вычленив в румынском языке в том виде, в каком он представлен в старых памятниках и в устах народа, породившее его первичное смешение и множество вторичных смешений, характеризующих его последующую жизнь в течение веков.

Приоткрыть облик румынской речи (*a graiului românesc*): то, что в нем обращается и что не обращается или почти не обращается» [5. С. 42].

¹⁹ Со ссылкой на его предисловие к т. 2 в изд.: *Cihac A. Dictionnaire d'étymologie daco-romane*. Frankfurt a M.; Berlin; Bucarest, 1870–1879. Vol. 1–2. Первый том словаря отражает лексику латинского происхождения, второй – венгерские, тюркские, новогреческие и албанские слова.

Справедливая с лексикографической точки зрения критика, которую М. Секе подкрепил примерами и подсчетами слов и значений, расписанных в пределах соответствующих букв EMR и академического «Словаря румынского языка» под редакцией С. Пушкариу (AR)²⁰, вне своего специального контекста малоубедительна. Она недоучитывает именно теоретическую, т. е. общелингвистическую составляющую первого из них: почему-то Хашдеу счел нужным разграничить «Предисловие» и «Вместо введения». Так, Секе отмечает для ряда слов следующие отношения (EMR и AR): *Argoria* – 1 и 4 основных значения (*sensuri principale*) со многими подчиненными им нюансами, *Arde* – 3 и 11 основных со множеством подчиненных значений, *Asculta* – 2 и 6, *Atinge* – 5 и 6, *Așeza* – 7 и 19, *Aștepta* – 2 и 5, *Auzi* – 1 и 5 основных значений [7. С. 23–24]. Такой подсчет Хашдеу назвал бы «арифметическим», хотя бы потому, что он «делал то, что хотел» – *исторический словарь*, явно призванный соперничать с немецким словарем В. и Я. Гриммов. При этом автор EMR ориентировался на *усредненные элементы* (социализованное значение или понятие), откуда и обобщенный латинский или французский перевод заглавных форм. Индивидуализации же «физиономии» конкретных словоупотреблений он добивался нанизыванием обширных цитат. Б. П. Хашдеу представлял ру-

²⁰ В 1898 г. составление словаря было поручено А. Филиппиде (1859–1933), который с четырьмя помощниками составил его в картотеке, отредактированной частично (от А до de), но в 1906 г. из-за концептуальных разногласий с Академией отказался продолжить работу и передал ей все материалы, использованные затем С. Пушкариу, избранным в 1905 г. членом-корреспондентом Румынской академии. М. Секе ссылается на опубликованный последним том: *Dicționarul limbii române*. București, 1913. Т. 1 (А–В). Пушкариу издал также тома на буквы С (1940), F–I (1934), отдельные тетради от J до *Lohniță* (1934–1948) и часть буквы D (1949) [2. С. 212–213]. После реорганизации Румынской академии в 1949 г. работа над AR (новая серия) была продолжена под руководством Й. Йордана, А. Граура и Й. Котяну на базе Института языкознания (Бухарест), Института языкознания и истории литературы «Секстил Пушкариу» (Клуж-Напока) и Института румынской филологии «Александру Филиппиде» (Яссы). В 1994 г. была опубликована ч. 1, т. 12 (Буква Ț).

мынский язык таким, каким его видел сам, может быть, романтизируя материал, но не схематизируя его.

Литература

1. *Франчук В. Ю.* Олександр Опанасович Потебня. Київ: Наукова думка, 1985.
2. *Balaciu J., Chiriacescu R.* Dicționar de lingviști și filologi români / Cuvînt înainte: A. Graur. București: Ed. Albatros, 1978.
3. *Istoria lingvisticii românești / De M. Avram, V. Drimba, I. Gheție e. a.; Coordonator: acad. I. Iordan.* București: Ed. științifică și enciclopedică, 1978.
4. *Istoria literaturii române. Vol. II. De la Școala ardeleană la Junimea / Comitetul de red. al volumului Al. Dima (red. responsabil), C. Chițimia, P. Cornea e. a.* București: Ed. Academiei, 1968.
5. *Petriceicu-Hasdeu B.* Etymologicum magnum Romaniae. Dicționarul limbei istorice și poporane a românilor / Ed. îngrijită de G. Brâncuș. București: Ed. Minerva, 1972. T. I.
6. *Poghirc C. B. P. Hasdeu: Lingvist și filolog.* București: Ed. științifică, 1968.
7. *Seche M.* Schiță de istorie a lexicografiei române. Vol. II. De la 1880 pînă astăzi. București: Ed. științifică, 1969.

И. И. Чельшева

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ЯЗЫКОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ В РОМАНСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В истории литературных языков Средневековье не является обозначением чисто хронологических рамок, а выступает как наименование определенного этапа, через который прошла цивилизация, этапа, который характеризуется, помимо прочих глобальных признаков, и особым состоянием языка, и особым отношением к языку. В последнее время исследователи нередко обращаются к проблеме выбора названия для языков, стран, народов в отдаленные эпохи, стараясь связать этот выбор с общими проблемами развития цивилизации и культуры (см. для романских языков обзор в [9]).

В нашей статье мы остановимся на некоторых аспектах восприятия языков в романском Средневековье, попытавшись, до некоторой степени, реконструировать там, где это возможно, «контекст жизненных событий», повлиявший на функционирование языка и на выбор наименования для языка и народа. Материалом исследования послужили памятники, созданные на территории современных Франции и Италии и относящиеся, в основном, к X–XIII вв., к тому периоду, который известный французский медиевист Ж. Ле Гофф назвал «сердцем Средневековья». Отдельные отсылки к фактам и текстам XIV в. появляются в том случае, если они иллюстрируют рассматриваемые тенденции, которые прослеживаются в предыдущий период.

Мы сознательно не рассматривали те немногочисленные памятники, которые посвящены именно языковым проблемам (это, прежде всего, трактат Данте «О народном красноречии» и написанные на материале окситанского риторики XIII в. Раймона Видаля, Жофре де Фуша, Терраманьино да Пиза, Юка Файдита). При неоспоримой значимости этих памятников их отличает особое отношение к языку, продиктованное стоявшими перед авторами задачами литературно-эстетического и философского характера. Нам же хотелось бы понять, как воспринимался язык вне теоретического осмысления этой проблемы, в обыденном сознании. Почти не рассматриваются памятники Пиренейского полуострова, где ситуация осложнялась сосуществованием романских языков с арабским, что требует особого подхода.

Хорошо известно, что романское Средневековье существовало в условиях многоязычия. Причем это многоязычие было как письменно-литературным, так и (для какой-то части населения) повседневным, устным, например при феодальных дворах. Если первое достаточно хорошо изучено, то на второе обращалось меньше внимания, в том числе и потому, что по немногим имеющимся свидетельствам трудно реконструировать реальную языковую ситуацию. Например, норманн-

ское завоевание Сицилии в конце XI в. положило конец византийскому и арабскому владычеству, но арабский и греческий языки на острове остались. В первой половине XIII в. в Сицилийском королевстве документы писались на латыни, греческом и арабском. Стихи сочинялись на сицилийском вольгаре, образцовым языком поэзии считался окситанский, норманнская по происхождению верхушка в какой-то степени сохраняла французский, который к тому же считался в романской Европе авторитетным языком прозы. Когда на трон вззошел император Фридрих II, представитель династии Штауфенов, возросла роль германского языкового элемента в пестрой лингвистической картине Сицилии.

Еще отчетливей прослеживается это многоязычие, если рассматривать данную проблему в приложении к отдельному человеку. Например, генуэзец Перчиваль Дориа сочинял лирику на провансальском и на принятом в Италии XIII в. куртуазном вольгаре, опиравшемся на тосканизированный сицилийский диалект. Для человека, родным языком которого, видимо, являлось североитальянское генуэзское наречие лигурского диалекта, обе эти языковые формы были одинаково «иностранными», и он использовал их как жанрово ограниченный поэтический язык. Несомненно, в литературный обиход Дориа входила и латынь. Интересно, что в послужном списке Перчиваля Дориа – и Северная Италия, и Центральная Италия, и Южная Франция. В первой половине XIII в. он был консулом в Генуе, затем подеста в Асти (Пьемонт), подеста в Арле и в Авиньоне (Прованс) и управляющим Анконитанской Маркой. Мы можем лишь предполагать, с каким разнообразием романских наречий приходилось сталкиваться такому человеку, судьба которого вовсе не была уникальна для итальянца эпохи Дуэченто.

Такой ситуации, в известной степени, противоречит общая установка в отношении к народным языкам, которую, на наш взгляд, можно проследить, обратившись к средневековым языковым памятникам. Начнем с того, что в средние века в

христианской Европе языковое многообразие оценивалось скорее отрицательно, так как многоязычие связывалось с одним из заблуждений человечества – строительством Вавилонской башни. Проведенное исследование тех средневековых текстов, которые по самой теме и жанру содержат соответствующую информацию (путевые заметки, хроники, агиография, часто включавшая мотив паломничества, книги о «*mirabilia mundi*» ‘чудесах мира’), свидетельствует, что указания на этнические и языковые границы встречаются достаточно редко, равно как и объяснения по поводу того, на каком языке общался путешественник в тех или иных странах. Почти ничего не пишет о языках Марко Поло, добравшийся от Венеции до Китая. Его замечания сводятся к тому, что, описывая некоторые страны и народы, он указывает, что они говорят на своем языке (причем это указание присутствует далеко не всегда); см. например, о Тибете: *Et ont langajes por el et s'appellent Tebet* [8. С. 1104].

В «Цветочках святого Франциска», популярнейшем переложении на вольгаре основных событий жития святого, рассказывается, как успешно проповедовал святой «султану Вавилонии» (подобным образом представлено историческое путешествие Франциска Ассизского по Египту и Палестине (1219–1220 гг.) [4. С. 583–584]. Однако в повествовании никак не отражен тот факт, что такая проповедь предполагала общение с людьми, говорившими на другом языке, и, соответственно, проповедники должны были как-то преодолевать языковой барьер.

Знаменитые проповедники (Бонавентура, Жак де Витри, Висент Феррер), путешествуя из страны в страну, произносили проповеди и в Париже, и в Риме, и в Барселоне, и в Генуе, но в каждом конкретном случае трудно установить, на каком именно языке читалась проповедь и как ее понимали. Во всяком случае, выступления на площадях, перед толпой горожан предполагают обращение к народному языку, а не к латыни [см. об этом 3].

По сохранившимся источникам достаточно трудно составить представление о том, как функционировали языки в крестовых походах и в недолговечных государствах крестоносцев на Ближнем Востоке, где сталкивались разные европейские и восточные наречия. В сущности, не освещает языковые проблемы французский рыцарь Робер де Клари, рассказывая о завоевании разноязычным войском крестоносцев Константинополя. В его хронике постоянно описываются ситуации, когда в контакт вступают носители различных европейских наречий, но как они понимали друг друга не сообщается. См., например: «французы и венецианцы толковали друг с другом»; «в лагерь французов пришли англы, даны и люди других наций и громкими голосами просили их о милосердии, рассказали им обо всем, что содеяли греки» [2. С. 39, 57].

В случае с Робером де Клари можно проследить, на наш взгляд, интересную закономерность в описании языковых ситуаций, в какой-то степени типичную для средневекового хрониста. Фигура переводчика-драгомана – ст.-фр. *drugement* – появляется у него, во-первых, при беседе французских рыцарей с вдовой двух константинопольских императоров Агнессой и, во-вторых, при встрече крестоносцев с неким «королем Нубии». В первом случае дело не в языковом барьере, а в государственных и политических разногласиях. Агнесса была француженкой, сестрой короля Франции, но не пожелала общаться на родном языке с бывшими соотечественниками: «И она не хотела разговаривать с ними, но она все же поговорила с ними через толмача, а толмач сказал, что она ни слова не знает по-французски» [2. С. 41]. Последнее замечание явно не могло соответствовать истинному положению вещей. Указание на разные языки здесь подчеркивало противостояние сторон в политическом и военном конфликте.

Во втором случае собеседником французов оказывается достаточно экзотический персонаж – некий «король, все тело которого было черным» – король Нубии, с которым также общались через толмача [2. С. 57]. При столкновении хрис-

тиан-европейцев и мусульман или язычников Востока или Африки языковые различия подкреплялись глубокой пропастью, которая ощущалась в средние века между представителями различных конфессий, и именно поэтому осознавались достаточно четко. Недаром само бытовавшее в эту эпоху наименование переводчика – фр. *drugement*, ит. *dragomanno* – является заимствованием из восточных языков, а функция переводчика (в тех редких случаях, когда эта фигура вообще появляется) – обычно перевод с «сарацинского» на романские языки. См., например, у Жана де Жуэнвиля в его рассказе о крестовом походе 1248 г.: «Il avoit gens illec qui savoient sarrazinois et le françois, que l'on appelle drugemens, qui enromançoient le sarrazinois ...» 'Были там люди, которые знали сарацинский и французский, которых именуют драгоманы, которые переводили сарацинский на французский' [Цит. по: 5. С. 69]. Кстати, сама формулировка – «люди..., которых именуют драгоманами...» – в какой-то мере свидетельствует, что это занятие воспринималось как достаточно необычное.

На Пиренейском полуострове постоянные контакты с арабами привели к тому, что к собственно языковым проблемам относились, видимо, внимательнее. Об этом свидетельствует выглядящий вполне современным серьезный подход к этому вопросу Раймунда Луллия, уроженца Майорки, где около трети населения того времени было мусульманским. В его жизнеописании сообщается: «И пришло ему на ум, что надо пойти к папе, а также к христианским королям и принцам, чтобы уговорить их и добиться от них, чтобы они построили в разных королевствах и подходящих провинциях монастыри, в которых избранные лица духовного звания и прочие, пригодные для этого, изучали бы наречия выше-названных сарацин и прочих неверных, с тем чтобы среди лиц, там обученных, всегда можно было выбрать подходящих людей, дабы их отобрать и отправить, чтобы проповедовать среди сарацин и прочих неверных и показывать им свя-

ценную истину католической веры, заключенную во Христе» [7. С. 15]. Более того, особое внимание обращается на то, как сам Луллий овладел арабским – купил раба-сарацина, который и обучил хозяина своему языку. Заметим, однако, что и в этом случае интерес к языку поддерживается тем, что необходимо преодолеть конфессиональные различия.

К тому же здравые предложения Луллия не находили однозначной поддержки в церковных кругах – к изучению восточных языков относились настороженно, так как эти языки воспринимались в нерасторжимой связи с религией и рассматривались как возможный путь проникновения ислама или ересей.

Очевидно, что для более или менее исчерпывающего представления исследуемой проблематики следует обратиться к текстам разных жанров, поскольку языковая и этническая картина различна. Мы привели некоторые примеры из памятников, где отправной точкой служила реальная языковая ситуация. Несколько иначе проблема будет выглядеть в приложении, например, к эпосу или куртуазному роману. Во всяком случае никому не приходит в голову выяснять, как в «Песни о Роланде» общались посланцы Карла с королем Марсилием и его сарацинами. В эпических поэмах языковое разнообразие иногда выступает в виде многообразия этнического, когда нагромождаются этнонимы, имеющие скорее сказочную, чем реальную соотнесенность с определенными народами. См., например, известный список племен, поклоняющихся Магомету, в «Песни о Гильоме Оранжском»: «Стал созывать он сарацин и басков, велел сойтись и туркам и славянам, сто тысяч их с оружием прискакали...» [1. С. 12].

Правда, если сюжетная канва требует, и в эпической поэме может возникнуть «вопрос о языке». Так, во «Взятии Оранжа» Гильом, отправившийся к сарацинке Орабль, берет с собой спутника Гильбера, который «в плену постиг язык любой – речь турок, бедуинов, басков с гор». Кстати, именно в «Песни о Гильоме Оранжском» во французском языке впервые, по

данным этимологических словарей, зафиксировано слово *drugement* 'драгоман'.

Если народные и, в частности, романские языки воспринимались в какой-то степени как некий единый языковой континуум, то оппозиция народный язык vs. латынь осознавалась четко. При этом распределение языков по сферам функционирования во многом воспринималось не как языковая оппозиция, а как стилистическое разделение одного языка. Понятие литературной обработанности всегда связывалось с латынью. Рассмотрение употребления самой лексемы *latin*, *latino* в романских языках свидетельствует о двух линиях развития его значений. Во-первых, поскольку латынь воспринималась как общий, универсальный, Богом данный язык, так обозначался любой язык и речь в целом, причем не обязательно человеческая: *Ele savoit parler XIII latins* 'Она умела говорить на тринадцати языках'. Птицы, распевавшие «на латыни», как известно, встречаются и у провансальских трубадуров, и у итальянских лириков. Во-вторых, поскольку латынь воплощала понятие книжной учености, *latin* могло употребляться для обозначения науки вообще: «*Sire, or mandez le nain devin: Certes il set de maint latin*» 'Сир, теперь пошлите за карликом-волшебником: он, без сомнения, очень сведущ в науках' [Беруль, цит. по: 6].

В средневековой латыни понятия «латынь» и «грамматика» были синонимами: грамматика воспринималась как только латинская, и язык, наделенный правилами, мог быть только латинским. См., например, начало рукописи фра Гвидотто да Болонья: «*Qui comincia la Rettorica nuova di Tulio traslatata di gramatica in volgare...*» [11. С. 105] 'Начинается Новая риторика Тулия, переведенная с грамматики на вольгаре', т. е. переведенная с латыни на итальянский.

Понятие чистоты и правильности настолько неразрывно связывалось с латынью, что в староитальянском образованное от названия языка наречие стало обозначать 'ясно', 'точно':

«Latino, come sento, responderò» [10. С. 279]. 'Я отвечу ясно, как думаю'.

Переложение с латыни на вольгаре воспринималось как некоторое умаление значения текста, снижение его стилистического уровня и требовало оправдания практической необходимостью. Тот же Гвидотто писал: «Emmi mosso talento di volere alquanti membri del «Fiore di rettorica» volgarizzare di latino in nostra lingua, si come apartiene al mestiere de' laici, volgarmente» [11. С. 105] 'Двигало мной желание переложить некоторые части «Цвета риторики» с латыни на наш язык, поскольку это нужно мирянам'. Заметим, что фра Гвидотто не считал необходимым давать мирянам весь перевод, а лишь «некоторые части». Такое подчиненное положение вольгаре сделало возможным совмещение в староитальянском глаголе *volgarizzare* двух значений: 'переводить с латыни на народный язык' и 'делать простым, доступным'.

Таким образом, разъяснение по поводу переводного характера текста обычно присутствовало, если переводили с латыни на народный язык (разумеется, далеко не всегда). Но указание на наличие источника на другом романском языке – например, для текста на итальянском вольгаре источника на старофранцузском – практически не встречается.

В данной статье мы ограничились лишь некоторыми достаточно разрозненными наблюдениями за функционированием языков и восприятием языковой ситуации в средние века. Однако представляется, что исследование этих проблем на материале разных, удаленных во времени эпох, различных языковых ареалов и текстов разных жанров может представлять интерес для лингвистов, литературоведов и этнологов, поскольку в этой частной проблематике концентрированно отражаются некие общие характеристики цивилизации на определенном этапе.

Литература

1. Песни о Гильоме Оранжском. М., 1995.

2. *Робер де Клару*. Завоевание Константинополя. М., 1986.
3. *Чельшьева И. И.* Романские средневековые проповеди как источник реконструкции устной формы литературного языка // Устные формы литературного языка. История и современность. М., 1999.
4. *Fioretti di San Francesco* // Scrittori di religione del Trecento. Volgarizzamenti. Torino, 1977. Vol. IV.
5. *Folena G.* «Volgarizzare» et «tradurre»: idea e terminologia della traduzione dal Medio Evo italiano e romanzo all'Umanesimo europeo // La traduzione. Trieste, 1973.
6. *Greimas A. J.* Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe siècle. P., 1968.
7. *Llull R.* Obres selectes (1232–1316) / Ed. de A. Bonner. Palma de Mallorca, 1989. Vol. I.
8. *Marco Polo*. Le divisament dou monde // Le origini. Testi latini, provenzali e franco-italiani. Milano-Napoli, 1956.
9. *Müller B.* Bezeichnungen für die Sprachen, Sprecher und Länder der Romania // Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. II, 1. Tübingen, 1996.
10. *Poeti del Duecento*. A c. di G. Contini. Milano-Napoli, 1961. Vol. I.
11. *La prosa del Duecento*. A c. di C. Segre, M. Marti. Milano-Napoli, 1959.

II. СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Л. И. Боголюбова

ПРИНЦИПИАЛЬНО НЕ ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Перформативные глаголы, будучи употреблены в 1 л. ед. ч. настоящего времени с каким-либо дополнением (в перформативной рамке), образуют прямое высказывание, равнозначное действию. Например, высказывание «Я вам обещаю это сделать» есть речевой акт обещания, а «Я приглашаю вас на обед» и есть само приглашение. Перечень перформативных глаголов французского языка и сфера их употребления достаточно хорошо изучены [1].

Перформативные глаголы – это глаголы, в семантике которых присутствует сема «говорить» плюс еще какая-либо сема (обещание, поздравление, информирование, предупреждение и т. д.). Вместе с тем, далеко не все глаголы речи с дополнительной семой обладают свойством перформативности. Нельзя, как известно, употребить в перформативной рамке глаголы с отрицательной семой типа *menacer* (угрожать), *instiguer* (подстрекать), *tromper* (обманывать), так как употребление их в 1 л. ед. ч. настоящего времени лишает смысла сам речевой акт. По образному определению немецкого исследователя З. Вендлера, это глаголы «иллокутивного самоубийства», которые еще почти не исследованы.

В предлагаемой статье предпринята попытка изучить свойства глаголов «иллокутивного самоубийства» и типичные косвенные способы выражения соответствующих речевых интенций во французском языке.

Данная группа глаголов довольно многочисленна и неоднородна. Изучение языкового материала позволило разделить их на три подгруппы.

Речевая интенция, выражаемая глаголами *первой подгруппы*, содержит непосредственное агрессивное воздействие на адресата речи (высмеивать, насмехаться; обижать, оскорблять, пренебрегать; угрожать, запугивать; подстрекать, принуждать). Это французские глаголы *railler, ridiculiser, se moquer, se jouer, dédaigner; vexer, offenser, blesser, outrager, insulter, injurier; menacer, intimider, terroriser; contraindre, forcer, obliger; instiguer, inciter*.

а) Иллокуция «высмеивать, насмехаться» выражается при помощи прямого обращения к адресату с использованием бранных слов, иронических замечаний, пересказа событий в обидном для собеседника виде:

– *Il vous a échappé?! Mais, nom de... oui, j'ai parfaitement compris: vous vous êtes fait berner... c'est ça! il vous a filé au nez et à la barbe! bravo! si, si, j'insiste!!!... quel bougre de...* (R. Fernandez).

Комиссар полиции распекает подчиненных за неумелые действия по поимке преступника, используя выражения «вы дали себя одурачить», «он ускользнул у вас из-под носа», ироническое «браво!» и ругательства *nom de..., bougre de...*, которые он все же не высказывает полностью в официальной обстановке общения.

б) Иллокуция «оскорблять» передается посредством прямых оскорблений адресата, инвективной лексики:

– *Ignoble, abject, salingue, salope, ordure, merde... Tu m'as pris ma vie, tu m'as déséxuéé... je ne suis qu'un objet, qu'une chose inanimée... immondice, maquereau, fils à papa, exploiteur, buveur de sang...* (E. Triolet).

В данной ситуации женщина, потрясенная намерением мужа развестись с ней, чтобы жениться на другой, бросает мужу в лицо все оскорбительные слова, которые приходят ей в голову.

в) Иллокуция «угрожать, запугивать» также выражается косвенным образом; при этом часто используются вопросы-

посылки к умозаклочению, которое должен сделать адресат речи:

– Vous vous rendez compte de ce que cela implique?

– Dois-je comprendre que je suis inculpé? (G. Simenon).

Комиссар полиции пытается заставить подозреваемого дать признательные показания. Реакция собеседника показывает, что он понял угрозу.

г) Иллокуция «принуждать, заставлять» выражается при помощи повелительного наклонения глаголов:

– J'ai un coup de barre... ça va pas fort... J'ai la tronche en compote... Laissez-moi monter, je suis incapable de rentrer chez moi... Vous n'avez rien à craindre... Soyez bonne, ne me laissez pas crever comme un chien dans la rue.

– Arrêtez votre cinoche! Vous vous allongerez sur le divan (L. Malet-Tardi).

В данной ситуации, прежде чем выразить прямую просьбу пустить его переночевать, герой произведения «бьет на жалость», описывая свое состояние, и добивается желаемого приглашения.

К этой подгруппе можно, по-видимому, отнести глаголы *convaincre* (убеждать), *persuader* (уговаривать, убеждать), *dissuader* (отговаривать), *commander* (командовать, приказывать), *déconseiller* (отсоветовать), на которые обратила внимание Е. Е. Корди [2]. Они не встречаются в перформативной рамке, вероятно, из-за того, что также подразумевают активное воздействие на волю собеседника. Такое воздействие в западной культуре расценивается как нарушение личной свободы и обычно не допускается в речевом общении [3].

Вторая подгруппа глаголов «иллокутивного самоубийства» включает такие иллокуции, как «сплетничать, болтать; лгать, выдумывать; хитрить, обманывать, подтасовывать; хвастать, рисоваться, хвалиться; льстить» (*faire des cancans, faire des potins, cancaner, bavarder, jaser, jacasser; mentir, inventer; ruser, faire le malin, truquer les faits, tromper, duper,*

trahir, frustrer; poser, se vanter, se louer, se glorifier, se prévaloir; flatter, cajoler, aduler, encenser).

Употребление этих глаголов в перформативной рамке не только делает бессмысленным речевой акт, но и негативно характеризует самого говорящего. В силу этих причин говорящий прибегает к косвенному выражению своей интенции.

а) Иллокуция «лгать, обманывать» обнаруживается как нарушение постулата качества («говори правду»). Обычно это рассказ о факте или событии, не соответствующий действительности:

– Qui est-ce? La fille de la patronne? Un luron crut malin de répliquer:

– Non, ce n'est que la servante. Mais comme la pin-up, je te la recommande! (H. Bazin).

Дело происходит в таверне, где работает Хромуша. Слепой парень Пьер услышал ее красивый голос и поинтересовался, кто это. А какой-то шутник ответил, что Хромуша очень хорошенькая. Обман очевиден для всех, кроме слепого.

В данном случае речевая ситуация изобличает ложь (или неудачную шутку), однако разоблачение обмана (как любого нарушения постулата качества) не всегда имеет место в рамках той же речевой ситуации.

б) Иллокуция «хвастать, рисоваться, хвалиться» выражается в лестном для говорящего изложении какого-либо факта с подчеркиванием собственных заслуг:

– Joe, sache que tu as devant toi le nouveau protégé de la grande Diva Marta Maria – soprano internationalement célèbre! (W. Eisner)

Герой произведения зарабатывает на жизнь тем, что поет под окнами жилых домов. Знаменитая певица, услышав его голос, обещает ему свою поддержку. Обрадованный парень спешит похвастать своей удачей. В данном случае важен фактор адресата: если адресат – близкий друг говорящего, он поймет его радость и не осудит за хвастовство; если же он слу-

чайный собеседник, не обладающий необходимыми пресуппозициями, он, скорее всего, посмеется над хвастуном.

в) Иллокуция «льстить» подразумевает преследование говорящим своей корыстной цели; она сродни хитрости и обману и обычно маскируется комплиментами:

– Madame a un goût très sûr, excellent... C'est jeune, moderne... du chêne verni, naturel, de qualité irréprochable... L'armoire à glace offre d'incroyables possibilités de rangement. Table portefeuille. Le bahut pour la vaisselle est tout à fait suffisant pour un service de table et la verrerie.

– Madame est très pratique, approuva le représentant, le petit divan vaut plusieurs chaises, et si vous avez quelqu'un à coucher... Au-dessus, il y a un rayon pour les livres... (E. Triolet).

Представитель торговой компании, продающей мебель в кредит, расхваливает хороший вкус покупательницы, не забывая при этом хвалить свой товар. Речевая интенция в данном случае почти не вуалируется, ведь цель торговца продать свой товар. В других случаях речевая интенция выводится на основании пресуппозиций, например:

– Roséristes de père en fils... quand on est quelque chose de père en fils, monsieur Donelle, on est aristocrate, dit-elle. Et votre fils va la continuer, cette lignée aristocratique? (E. Triolet).

Дениза, считающая себя близким человеком главной героини, хочет помочь ей выйти замуж за сына г-на Донеля. С помощью лести она пытается расположить его к себе и Мартине, и ей это удается.

Третью подгруппу глаголов «иллокутивного самоубийства» составляют глаголы, содержащие в пресуппозиции некий предосудительный поступок или факт; одни из них подразумевают совершение такого поступка адресатом речи (упрекать, намекать, раскрывать, разоблачать), другие – самим говорящим (умалчивать, утаивать, избегать, уклоняться, оправдываться). В первом случае говорящий стремится обвинить, упрекнуть, во втором – уклониться или оправдаться (*reprocher, accuser; faire allusion, laisser entendre, donner à entendre*;

déceler, dévoiler, découvrir, démasquer; taire, passer sous silence, faire le silence, faire des réticences; éviter, fuir, éluder, se soustraire, s'abstenir; se disculper, se justifier).

Рассмотрим языковой материал.

а) Иллокуция «упрекать, обвинять» обычно выражается эксплицированием элементов ситуации, которые были намеренно скрыты:

– Hier matin, quand je me suis levé pour préparer le breakfast, j'ai trouvé cette lettre sur la table de la cuisine.

– «Hier matin» !? Et c'est maintenant que vous me prévenez?

– But... Voyez-vous même, il me demandait de ne rien tenter et de n'en rien dire à personne.

– Et cependant, aujourd'hui, c'est bien ce que vous faites en venant me trouver !?... (R. Fernandez).

В данном случае прямо высказывается повод для упрека, причем важную роль играет интонация собеседника. Иногда говорящий прибегает к намеку на неблагоприятное поведение:

– Savez-vous, Martine, qu'il y a des choses qui ne se font pas, même si elles ne sont pas punies par la loi? C'est une question de correction élémentaire, et jamais chose pareille n'est arrivée ici...

– De quoi parlez-vous, Madame?

– Faites pas la bête, Martine... Vous savez fort bien de quoi je parle... Vous avez profité de nos clientes pour vous faire une clientèle particulière (E. Triolet).

«Есть вещи, которые не делаются, даже если они не караются законом» – так хозяйка салона красоты выражает Мартине свой упрек. Однако собеседница делает вид, что не понимает, и тогда хозяйка эксплицирует неблагоприятный факт.

б) Иллокуция «намекать» обычно выражается частичным эксплицированием догадок:

– Je pense que vous n'attendiez pas votre secrétaire, mais quelqu'un d'autre... Un type qui venait de Marseille, par exemple... (L. Malet-Tardi).

Следователь в данной ситуации не доверяет частному сыщику и пытается проверить свою догадку о его встрече с подозреваемым.

в) Иллокуция «избегать, уклоняться» может быть выражена различными способами, например, чрезмерно лаконичными, неполными ответами, (т. е. нарушением постулата количества), сменой темы разговора (нарушением постулата отношения), а также при помощи встречного вопроса, что является формальным нарушением постулата способа выражения, как в следующей ситуации:

– *Votre femme ne craignait-elle pas que son or fût découvert et saisi?*

– *Je suis obligé de répondre?* (G. Simenon).

Подозреваемый уклоняется от ответа на вопрос следователя, желая избежать наказания.

г) Иллокуция «оправдываться» подразумевает признание некоего негативного поступка со стороны адресата речи и обычно включает аргументацию, которая должна послужить оправданием:

– *Ce contrat avait été écrit quand j'étais gosse – qui sait, il était peut-être très mal écrit* (W. Eisner).

В этом случае ссылка на юный возраст должна послужить посылкой для умозаключения: «В таком возрасте часто совершают ошибки (универсальная пресуппозиция), следовательно, человека следует оправдать».

Таким образом, глаголы «иллокутивного самоубийства» не используются в прямых речевых актах, а соответствующие им иллокуции выражаются косвенными способами. Данная группа глаголов неоднородна: одни подразумевают активное, даже агрессивное воздействие на собеседника, которое считается нарушением правил речевого поведения; другие включают пресуппозицию о негативной характеристике самого говорящего, что также обычно вуалируется; третья подгруппа глаголов подразумевает некий неблагоприятный поступок говорящего или адресата речи, который необходимо

скрыть или оправдать. Именно эти пресуппозиции делают невозможным их употребление в перформативной рамке.

Литература

1. См., например: *Боголюбова Л. И.* Перформативные высказывания во французском языке // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. Вып. 4. 1998.
2. *Корди Е. Е.* Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Л.: Наука, 1988. С. 143–145.
3. *Цурикова Л. В.* Культурные аспекты прагматического анализа речевых норм английского и русского языков // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании. Воронеж, 1995. С. 117–123.

А. М. Дырул

МЕХАНИЗМ РАЗМЕЩЕНИЯ СЛОВ В ЛИНЕЙНОМ ПОТОКЕ РЕЧИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ ГРАММАТИКЕ (На материале румынского языка)

Чтобы сообразоваться с линейностью речи, язык создал себе механизм, порой, по выражению Ф. де Соссюра, довольно сложный [1. С. 147], для того чтобы с его помощью фиксировать определенную иерархию нанизанных в речевой цепи лексических элементов, установить их взаимную связь, отграничить определяющее от определяемого, неизвестное от известного, отделить главное от второстепенного и т. д. Данный механизм построен на оппозициях (известен тезис Ф. де Соссюра, что «в языке нет ничего, кроме различий» [1. С. 152]), которые в плане выражения реализуются при помощи аффиксов (словообразовательных и словоизменительных), а также посредством служебных слов (главным образом, предлогов и вспомогательных глаголов) и которым в плане содержания соответствуют противопоставления семантических ролей (функций). Формальные индексы, дифференцируя различные ролевые значения слов, способствуют установлению подчинительной связи между ними. Это касается как

разнокорневых слов, так и слов однокорневых. Например, посредством словообразовательных суффиксов от одного и того же корня образуются слова, относящиеся к разным категориальным классам (ср.: *cioban* 'пастух', *a ciobăni* 'пастушничать', *ciobănesc* 'пастуший', *ciobănește* 'пастушески'); при помощи словоизменительных суффиксов от одного и того же слова формируется ряд парадигматических форм (ср.: *lucrez* 'работаю', *lucrează* 'работает', *lucraseră* 'проработали [уже]', *va lucra* 'поработает'); при помощи предлогов строятся предложно-именные конструкции (ср.: *la director* 'у директора', *prin director* 'посредством директора', *către director* 'к директору', *cu directorul* 'с директором') и т. д.

Поскольку при составлении традиционных грамматик их авторы отправлялись обычно от формы, грамматические оппозиции, которые в плане выражения передаются формой, в массе своей представлены в грамматиках. Вне ее рамок оказались противопоставления, которые в данном языке эксплицитно не представлены формой. Речь идет, в частности, об оппозициях типа, например, видовых, которые, в отличие от русского, в румынском языке не имеют своего формального выражения.

В статье предпринимается попытка установить, как представлены в традиционной грамматике румынского языка средства, с помощью которых выражен механизм сообразования употребления языковой лексики с линейностью речи.

Как известно, для того чтобы передать дополнительную информацию о предмете, вещи, явлении и т. д. названными соответствующими словами, последние должны сопровождаться определенными детерминантами, с помощью которых их можно было бы актуализировать, уточнить, дополнить. Этим, собственно, и можно объяснить тот факт, что лексический состав языка категоризован таким образом, что, с одной стороны, в нем выделяются слова, выражающие субстанциональность, слова, которыми названы вещи, предметы, понятия, артефакты и т. д., а с другой стороны – слова-детер-

минанты, слова, выражающие характеристики (константные и динамические, характеристики других характеристик). При этом, однако, только первые из них, будучи связаны непосредственно с денотатом, обладают определенной семантической и функциональной самодостаточностью. Вторые не обладают ею. Они получают возможность установить связь с денотатом только опосредованно: они достигают этого, сочетаясь со словами, ими определяемыми. В то же время в результате такого сочетания сами слова-характеристики актуализируют свое значение, становясь зависимыми от них.

Таким образом, с некоторыми оговорками можно утверждать, что в категоризации автосемантических лексических единиц словаря кодифицирован, по существу, механизм подчинительной синтаксической связи между словами.

В грамматике такая категориальная дифференциация слов находит свое отражение в частиречной их классификации. Первым соответствуют здесь слова-существительные, вторым – слова-прилагательные, слова-глаголы, слова-наречия (в данной классификации не фигурируют местоимения и числительные, так как их выделение в отдельные части речи основано на других принципах [2. С. 69]). В частности, только сочетаясь с существительным, прилагательное *rău* 'плохой' конкретизирует свое значение (ср.: *cîine rău* 'злая собака', *tutun rău* 'табак низкого качества', *scriitor rău* 'слабый писатель', *trai rău* 'трудная жизнь', *zi rea* 'неудачный день', *impresie rea* 'неприятное впечатление' и др.). Или же, например, глагол *a merge* 'идти', 'ходить', характеризуя различные существительные, в зависимости от значения последних проявляет различные свои смыслы (ср.: *copilul merge* 'дítě ходит', *procesul merge* 'процесс развивается', *drumul merge [spre pădure]* 'дорога ведет [к лесу]', *ceasul merge* 'часы работают', *coniacul merge [cu lămîie]* 'коньяк сочетается [с лимоном]', *lui Ion îi merge* 'Иону везёт' и др.).

Словообразовательные аффиксы, с помощью которых дифференцируются между собой слова, принадлежащие к

разным частям речи, делают возможным образование слов, принадлежащих к разным частям речи, от одного и того же корня (ср.: *învățător* 'учитель', *învățătură* 'учение', *a învăța* 'учить', *învățat* 'учёный', *învățătoresc* 'учительский', *învățăto-rește* '[по-]учительски'. Более того, из однокорневых слов можно построить предложения, правда, далеко не безупречные с точки зрения узуса, как, например: *Învățătorul învățat învață învățătoarele învățăceii* 'Ученый учитель учит по-учительски учеников'. Хотя простые предложения типа *Cîntărețul cântă un cântec* 'Певец поет песню', *Scriitorul scrie o scrisoare* 'Писатель пишет письмо' вполне приемлемы с точки зрения нормы.

Тот факт, однако, что самостоятельные слова, за исключением наречия, в предложении принимают обычно ту или иную «косвенную» форму, «скрывает» от нас в какой-то мере, что подчинительная связь между словами обусловлена их категориальной значимостью. Так, например, считается, что подчинительная связь между словами в сочетаниях типа *cicoș alb* 'белый петух' – *găina albă* 'белая курица' достигается путем согласования (в роде, числе и падеже) прилагательного с существительным.

На принципе подчинительной связи, обусловленной детерминативными отношениями, базируется объединение слов в предложении, образуя обычно двучленные сочетания, в рамках которых выделяются основное ведущее слово и слово зависимое, детерминирующее. При этом в одних случаях объединение слов парами представлено последовательной цепью: зависимый компонент первого словосочетания выступает главным элементом второго словосочетания, а зависимый компонент второго словосочетания – главным (основным) компонентом третьего словосочетания и т. д. Так, например, высказывание *Băiatul a aplecat o creangă doldora de cîreșe coapte* 'Мальчик наклонил ветку, усыпанную зрелыми черешнями' состоит из ряда последовательно зависимых друг от друга словосочетаний: *băiatul a aplecat / a aplecat o*

creangă / o creangă doldora / doldora de cireșe / cireșe coapte. В других же случаях одно и то же слово выступает в роли основного (главного) компонента целого ряда словосочетаний, само употребляясь только один раз в высказывании. Например, в предложении *Ieri vecinul s-a întors de la câmp acasă pe întuneric* 'Вчера сосед вернулся домой с поля затемно' хотя глагол *s-a întors* употреблен только один раз, он выступает стержневым компонентом целого ряда словосочетаний: *s-a întors ieri; s-a întors de la câmp; s-a întors acasă; s-a întors pe întuneric.* В подобных высказываниях изменение места зависимых слов не столь существенно. И это благодаря тому, что оппозитивные маркеры (категориальность, словоформы, служебные слова) надежно дифференцируют ролевые значения зависимых слов.

Однако на противопоставлениях в языке строятся не только подчинительные, зависимые связи, но и разделение слов на классы по тому или иному параметру, а также элементы грамматических категорий (род, число, вид, наклонение, время, степени сравнения, детерминированность / недетерминированность и др.). Они накладываются на реляционные (подчинительные) связи, значительно усложняя их. В частности, с помощью родовых оппозиций уточняется, что выраженный прилагательным признак относится к существу мужского или женского пола (ср.: *un berbec frumos* 'красивый баран' – *o oaie frumoasă* 'красивая овца'). Посредством модальных, темпоральных и личностных оппозиций глаголу придается предикативность (осуществление действия соотносится с реальностью / ирреальностью, коррелируется с моментом речи, соотносится с участниками диалогической речи).

Все эти типы оппозиций довольно пространно описаны в разделах о глаголе, о местоимении, о сказуемом в традиционной грамматике [3. Т. II. С. 238 и сл.].

Следует подчеркнуть, что среди структур с атрибутивным детерминантом особое место занимают структуры с глаголом в данной роли, т. е. структуры, состоящие из имени или

местоимения и определителя – глагола, на базе которых строятся предложения. Они радикально отличаются от сочетаний с прилагательным в качестве атрибута, являясь единицами более высокого уровня. Это легко установить, если сравнить, например, следующие две конструкции: *casă înaltă* 'высокий дом' и *casa este înaltă* 'дом [есть] высокий'. Если в первом случае признак, выражаемый прилагательным, предстает как неотъемлемая характеристика предмета (существует дом, отличающийся от других домов своей высотой), то во втором, где признак представлен прилагательным, сопровождаемым связочным глаголом (вместе они образуют именное сказуемое), т. е. динамическим атрибутом, характеристика предмета предстает как новая информация об актуализируемом объекте для адресата / слушателя. В частности, для того чтобы слушатель создал себе определенное представление о доме, о котором идет речь, говорящий считает необходимым выделить определенный его признак и сообщить его слушателю.

Преимущество характеристики, обозначенной глаголом или глагольным выражением, заключается в том, что признак (характеристика) может быть представлен как реальный или нереальный, как свойство предмета, которое было присуще ему в прошлом, присуще сейчас и проявится в будущем. Ср.: *Casa era înaltă* 'Дом (который стоял когда-то) был высоким'; *Casa va fi înaltă* '(строящийся) дом будет высоким'; *Casa va fi fost înaltă* 'Дом был, наверное, высоким'. Это достигается, как было указано, наложением на динамическую характеристику оппозиций модальных и темпоральных, анализируемых в традиционной морфологии в рамках грамматических категорий «время» и «наклонение». Поскольку они формально представлены словоизменительными аффиксами и / или вспомогательными словами, их описание проводится при рассмотрении парадигмы спряжения личных глагольных форм [3. Т. I. С. 323 и сл.].

Однако реляционные (подчинительные) отношения устанавливаются не только между словами, выражающими субстанциональность, и их атрибутами (статичными или динамичными), но и между словами-характеристиками (словами-атрибутами) и словами-экстенсорами (дополнениями, уточнениями, актуализаторами), с помощью которых указывается на участников и предметы, имплицированные в действие, процесс состояния, на разнообразные обстоятельственные рамки их развития и т. д. Данный тип детерминации условно может быть назван детерминацией комплексивной. Если атрибутивная связь достигается чаще всего посредством категориально-значимых оппозиций сочетающихся слов («существительное + прилагательное», «существительное + глагол»), на которые накладываются обычно оппозиции классификационного и интерпретационного порядка, детерминация комплексивная реализуется, главным образом, при помощи падежно-именных форм и предложно-именных конструкций. Лишь частично подобная детерминация осуществляется категориально-значимыми оппозициями. Речь идет о случаях, когда в качестве детерминанта выступает наречие (например: *fuge repede* 'бежит быстро', *cântă încet* 'поёт тихо', *palton absolut nou* 'абсолютно новое пальто' и др.).

Функционально падежно-именные формы и предложно-именные конструкции совпадают с наречиями, но в отличие от последних, характеризующихся высокой степенью абстрактности (многие из них, подобно местоимениям, используются в качестве анафор, субститутов), первые указывают на конкретно-обозначенный объект действия, экспериментатор, пациент, бенефициарий, инструмент, на его обстоятельственные рамки. Формальные индексы падежно-оппозиционных форм существительного позволяют, например, выразить разнообразные семантические роли (функции, значения, отношения). Ср.: *Învățătorul întrebă elevul (pe elev)* 'Учитель спрашивает ученика' [объект действия]; *Învățătorul povestește elevilor* 'Учитель рассказывает ученикам' [бенефициарий];

Învățătorul controlează compunerea elevului 'Учитель проверяет сочинение ученика' (посessor) и т. д.

Что касается предложно-именных конструкций, то с их помощью чаще всего очерчиваются обстоятельственные рамки развития действия, процесса состояния, распространения признака. Ср.: *se duce la vecin* 'идёт к соседу', *se adresează către vecin* 'обращается к соседу'; *se ceartă cu vecinul* 'ссорится с соседом'; *trimitе după vecin* 'посылает за соседом'; *dă vina pe vecin* 'перекладывает вину на соседа'; *se îndreaptă spre vecin* 'направляется в сторону соседа'.

Хотя рассмотренные два типа детерминаций, условно названные, соответственно, *атрибутивными* и *комплексивными*, и отличаются между собой средствами маркирования их зависимости от слова детерминанта (средством связи атрибутивной детерминации служат обычно категориальные значения сочетающихся слов, в то время как комплексивно-детерминативная связь чаще всего осуществляется посредством падежно-именных форм и предложно-именных конструкций), все же строгого разграничения здесь нет. Встречается много случаев, когда одними и теми же средствами маркируется и один, и другой тип детерминации. Например, при помощи падежно-именных форм и предложно-именных конструкций строятся не только словосочетания с комплексивной детерминацией, но и словосочетания с атрибутивной актуализацией (например: *capra moșneagului* 'коза старика'; *casă de piatră* 'каменный дом'; *sanie cu zurgălăi* 'сани с бубенцами'; *culesul poamei* 'сбор винограда'; *varză de toamnă* 'осенняя капуста' и др.). В то же время посредством оппозитивных категориальных значений объединяются с ведущим (главным) словом не только атрибутивные детерминанты, но и детерминанты комплексивные. Речь идет, в частности, о наречиях (например: *trăiește aici* 'живет здесь'; *cântă bine* 'поёт хорошо', *îpă asurzitor* 'кричит оглушительно', *strașnic înalt* 'страшно высокий'), о некоторых неличных формах глагола (например:

merge plîngînd 'идет плача', *se aşază obosit* 'садится уставший', *vorbeşte entuziasmat* 'говорит восторженно' и др.).

Таким образом, можно утверждать, что механизм, с помощью которого устанавливается определенная иерархия функционально-реляционной очередности лексических единиц в предложении, с тем чтобы сообразоваться с линейностью потока речи, представлен в плане выражения набором словообразовательных и словоизменительных аффиксов, а также серией служебных слов, с помощью которых определяется место того или иного знаменательного слова в данной иерархии.

С их помощью устанавливаются различные реляционные связи, обусловленные двумя типами детерминаций: детерминацией атрибутивной и детерминацией комплексивной. На последнюю накладывается ряд оппозитивных элементов классификационных и интерпретативных грамматических категорий, значительно осложняя их.

В традиционной грамматике румынского языка оппозиции, на базе которых строится механизм сообразования с линейностью речи, рассматриваются в различных разделах в рамках серий, построенных на оппозициях различного рода, классификаций, словоизменительных парадигм, грамматических категорий.

Литература

1. *De Cosşior Ferdinand*. Труды по языкознанию. М., 1977.
2. *Coşeriu Eugen*. Prelegeri şi conferinţe. Iaşi, 1994.
3. *Gramatica limbii române*. I Cuvîntul. II. Enunţul. Bucureşti, 2005.

Е. П. Иванова

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ДИКЦИОНАРИКА»
В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ**

Для каждого исторического периода в развитии культур характерен свой тип словаря. В этом плане эволюция французской лексикографии от первых толковых словарей французского языка, увидевших свет в XVII в. (словари Ришеле, Фюретьера и Академии), до последних мультимедийных словарей, появившихся на рубеже XX–XXI вв., не может рассматриваться в отрыве от общих культурных трансформаций общества, демократических и массовых, которые опосредованно влияют и на лингвистические дисциплины. В начале 80-х гг. прошлого столетия все более отчетливо стало проявляться различие между собственно лексикографией и «дикционарикой» (термин, который можно предложить для перевода французского слова *dictionnaire*, если иметь в виду латинский этимон *dictionarium* для фр. *dictionnaire*).

Лексикография как научная дисциплина предполагает исследование различных аспектов слова как объекта научного изучения, при этом ее цель заключается в выработке наилучших способов представления семантики лексической единицы в словаре, в то время как «дикционарика» представляет собой направление издательского дела, рассматривающего словарь прежде всего в качестве продукта, предназначенного для определенной категории потребителя.

Издание словарей как результат, отражающий достижения теории лексикографии, из сферы чисто лингвистических интересов переместилось в практическую издательскую область с очевидно выраженным экономическим вектором направленности (выбор шрифтов, предложение опций при использовании словарей, типографический аспект оформления словарных статей и т. п.). Автор данного противопоставления Б. Кемада [17; 18], определяя в конце 60-х гг. понятия *lexico-*

graphie и *dictionnaire*, фактически предвосхитил один из основных методологических принципов, определяющих современное развитие подготовки словарей, доминантой которой в большой степени является превращение словаря в продукт экономической деятельности, продвижение которого на потребительском рынке предполагает маркетинговые исследования и рекламную поддержку. В качестве примера последнего можно отметить мощнейшую рекламную кампанию, сопровождавшую в 2005 г. издание *Dictionnaire culturel en langue française* под редакцией А. Рея. Создание собственного сайта [14], ярко выраженная персонифицированная направленность рекламы, опирающаяся на авторитет старейшего французского лексикографа, его многочисленные интервью в прессе и в СМИ, игра слов в предисловии к словарю «*Revolutions culturelle*», массовые восторженные отклики и рецензии на действительно масштабное издание (4 тома по 2300 страниц каждый, 1320 статей, более 80 000 литературных цитат) способствовали восприятию данного словаря как рождения нового эпохального жанра в современной лексикографии. Совершенно очевидно, что это была блестяще проведенная пиар-кампания, направленная на формирование имиджа лингвокультурологического словаря как принципиально нового культурного феномена не только во французской, но и в мировой лексикографической практике. При этом хорошо известно, что создание словарей культурологической ориентации, в которых в лексикографической форме представляется содержание слова как культурного феномена, имеет сложившиеся традиции, в частности в русскоязычной лексикографии.

Исследования современных лингвистов, посвященные проблемам русской ментальности и ее отражению в слове, описывающие русский национальный характер в тесной взаимосвязи (парадигмах) языка и культуры [3; 4; 11], а также посвященные проблемам исследования русской языковой картины мира, ее национальной специфики [2; 6; 7; 10], составляют теоретическую базу лингвокультурологических словарей рус-

ского языка, которые можно было бы назвать толково-энциклопедическими, совмещающими значительное количество энциклопедической информации, связанной с так называемой культурной коннотацией, и собственно толкование значения слова [1; 8; 9]. В этом плане было бы, по всей видимости, целесообразнее говорить не о «культурной революции», совершенной А. Реем в мировой лексикографии, а о продолжении энциклопедической традиции в лексикографии, никогда, впрочем, не исчезавшей во французской лексикографии, для которой всегда, начиная с энциклопедии Просветителей, был характерен «культурологический» взгляд на предметы и понятия.

Другим проявлением формирования «дикционарики» в рамках французской лексикографии стало активное проникновение электронных способов представления информации. Широкое применение электронных носителей на CD-Rom и на DVD-Rom в лексикографии начинается с 1990-х гг., когда издательства приступают к переносу бумажных версий словарей на электронные носители (полную библиографию электронных словарей французского языка см. [15]).

Преимущества мультимедийного словаря в отличие от его печатного аналога заключаются в возможности сочетания информативного содержания книжной формы словаря с многочисленными мультимедийными опциями. Электронный словарь преодолевает многие препятствия, обусловленные ограниченным объемом и возможностями бумажных носителей. Главная проблема бумажного словаря, связанная с определением слова посредством других слов, оказывается снятой путем использования мультимедийных средств: экран, образуя своеобразное наложение страниц, открывает доступ к широкому выбору информации и различным стратегиям консультирования – продольного, перекрестного, через анимацию, звуковое сопровождение, поиск через другое слово или другой сайт. Наконец, электронная форма приводит к стиранию традиционных жанровых границ внутри лексикогра-

фического поля: различия между толковыми, специализированными, энциклопедическими, двуязычными или многоязычными переводными словарями постепенно исчезают в связи с тем, что создание словарей происходит на основе одной лексикографической базы данных. Соответственно можно прогнозировать появление электронных носителей, предназначенных для всех категорий пользователей, при обращении к которым пользователь в зависимости от своего желания будет сам активизировать интересующий его блок информации.

Однако, несмотря на все более активное распространение в информационном пространстве электронных словарей, едва ли следует мысленно распрощаться, как полагают некоторые лингвисты [12–13; 16. С. 84; 19. С. 140], с бумажными изданиями в том виде, в котором они существуют уже более четырех веков. В случае предполагаемого противопоставления печатных и электронных словарей, с нашей точки зрения, можно говорить о двух неразрывных гранях одного культурно-информационного явления, своего рода дихотомии лексикографического жанра, которые находятся в отношениях взаимозависимости и взаимодополняемости. Более того, причины вероятного сохранения печатных словарей при одновременном интенсивном развитии электронных носителей, по всей видимости, кроются как в существенных достоинствах первых (вековые традиции книжной культуры; алфавитный принцип подачи информации; эмоционально-психологические свойства восприятия печатного текста, в частности страничный формат, актуализирующий механизм восприятия паузы; сочетание зрительного восприятия с тактильным контактом при чтении книги, при котором передается информация, основанная на субперцептивных реакциях), так и в возможных недостатках вторых (возникновение различных форм патологической зависимости; уязвимость электронных носителей с точки зрения сохранности информации).

Наконец, становление «дикционарики» как отдельной области, отличающейся от лексикографии, предполагает необходимость комплексного анализа понятия плагиата применительно к словарному делу. В истории многих национальных лексикографических школ можно найти примеры обвинений авторов в плагиате (например, в английской лексикографии к числу таких эпизодов относится известная «война двух словарей» Вебстера и Вустера, во французской лексикографии – внутреннее соперничество между двумя крупнейшими словарями XVII в. – словарями Ришеле и Фюретьера).

Термин «плагиат» в отношении литературных произведений в последнее время приобрел не столько этическую, сколько юридическую окраску, если судить по постоянно увеличивающемуся количеству судебных дел по разоблачению фактов литературной контрафактной продукции. В чем сложность определения понятия плагиата применительно к литературному произведению? Исходя из каких критериев можно отличить добросовестное заимствование от несанкционированного воровства? И наконец, что следует понимать под «оригинальностью» в области литературного творчества? Если ответы на данный круг вопросов применительно к художественному произведению в последние годы были в определенной степени сформулированы законодателями и специалистами по литературе, то применительно к лексикографии решение этих вопросов находится в стадии постановки проблемы [5].

Проблема авторства тем более осложнилась в условиях масс-медийной глобализации информационного пространства, затронувшей в том числе издательскую сферу, для которой характерна сильная концентрация издательских услуг на мировом уровне в руках небольшого количества специализированных групп. Другой немаловажный аспект проблемы лексикографического плагиата, связанный с процессами глобализации информационного пространства, затрагивает вопрос об электронных лексических базах, которые, являя собой

объективную форму представления систематизированных данных, охраняются, согласно большинству национальных законодательств, авторским правом, но в то же время открыты и доступны в Интернете. Наконец, определение содержания понятий «новизна», «оригинальность» применительно к лексикографии предполагает рассмотрение данной проблемы не только в юридическом или этическом аспектах, но и собственно в лингвистическом, а именно: в какой степени можно говорить о словаре как особом типе текста компилятивного характера, в котором сочетаются объективная информация и творческая индивидуальность составителя.

Возвращаясь к дихотомии «лексикографии» и «дикционарики», введенной в научный оборот лингвистом Б. Кемада, следует отметить, что словарь как специфический продукт культуры является результатом плодотворного сотрудничества лексикографов и издателей, и практика работы известных французских издательских домов, специализирующихся на публикации справочников и словарей, таких как Лярус, Робер, Бордас и т. п., доказывает правомерность подхода к словарю как конструкту культуры, эволюция которого подразумевает *неразрывность традиционного и нового*, сосуществующих в культурном поле, что обеспечивает его единство и преемственность, а также гарантирует коммерческий успех.

Литература

1. *Бирюкова С. К.* Словарь культуроведческой лексики русской классической литературы. СПб., 2003.
2. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
3. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
4. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
5. *Герд А. С.* Закон об авторском праве, понятие «плагиат» и академическая лексикография // ЯЛИК. Язык. Литература.

- История. Культура. Научно-информационный бюллетень. Санкт-Петербургский университет. № 64. 2005. С. 1–3.
6. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
 7. *Колесов В. В.* Жизнь происходит от слова. СПб., 1999.
 8. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. М., 1997.
 9. *Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.
 10. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
 11. *Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира. М., 2003.
 12. *Béjoint H.* Lexicographie de corpus: compétence et performance; langue et parole // Actes du Congrès de Tunis. Tunis, 2004 (http://archives.univ-lyon2.fr/64/01/bejoint_02.htm)
 13. *Béjoint H.* Modern Lexicography: Past, Present and Future // Dictionaries and Language Learning: How can Dictionaries Help Human & Machine Learning? / Murata M., Yamada S. et Tono Y. (edd.). The Asian Association for Lexicography. Urayasu, 2003. P. 3–17.
 14. <http://www.lerobert-dictionnaireculturel.com>
 15. *Jacquet-Pfau Ch.* Bibliographie des dictionnaires du français sur cederom// <http://www.u-cergy.fr/dictionnaires/accueil.html>
 16. *Landau S.* Dictionaries: the art and craft of lexicography. Cambridge, 2001.
 17. *Quémada B.* Article «Dictionnaire» // Encyclopedia Universalis. 1967.
 18. *Quémada B.* Notes sur lexicographie et dictionnairique // Cahiers de Lexicologie. № 51/2. 1987. P. 229–242.
 19. *Winchester S.* The Meaning of Everything: the Story of the Oxford English Dictionary. Oxford, 2003.

А. О. Кубасова

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВОЙСТВАХ И ПОВЕДЕНИИ ЖИВОТНЫХ
КАК ФРАГМЕНТ КАРТИНЫ МИРА НОСИТЕЛЯ
РУМЫНСКОГО ЯЗЫКА**

В научной литературе последних десятилетий активно разрабатываются вопросы, связанные с понятием «картина

мира». В *общенаучном* (философском) понимании термин «картина мира» синонимичен выражению «совокупность знаний о мире», знаний «о материи во всех ее конкретных проявлениях, которыми располагает человек, а точнее – общество, а еще точнее – вся человеческая цивилизация в целом» [5. С. 20]. Ср. также: картина мира есть «фундаментальное понятие, представляющее собой совокупность знаний о мире, выражающее особенности человека и его бытия, взаимоотношения человека с миром, важнейшие условия его существования в мире» [3. С. 6]. Вместо термина «картина мира» в том же значении используются термины «образ, модель мира» [7; 11; 13].

Воссоздание картины мира в ее общенаучном понимании затруднено многообразием конкретных проявлений самой окружающей человека действительности. Более доступными для изучения оказываются отдельные фрагменты картины мира. В проводимом нами исследовании, некоторые результаты которого будут изложены в настоящей статье, мы пошли именно по этому пути, поставив перед собой цель в той или иной степени воспроизвести фрагмент картины мира, который включает в себя совокупность представлений о свойствах и поведении животных, на основе которых возникают ассоциации с человеком при его характеристике. Этот фрагмент *частнонаучного* понятия можно условно назвать «картиной животного мира» [5. С. 21].

Картина мира в сознании человека – носителя любого языка – отражает опыт «десятков поколений на протяжении многих тысячелетий» [1. С. 39], опыт, который складывается в ходе наблюдений, в частности, за поведением животных, их внешним обликом и внутренним состоянием, образом жизни, отношением к ним со стороны людей. Эти наблюдения осуществляются в обыденной, повседневной жизни человека через непосредственное восприятие органами чувств. Таким образом, в данном случае речь идет о чувственном познании мира, которое, проникая в мыслительный орган

человека – мозг, отражается в виде совокупности представлений о каждом животном. Несовпадение «между представлением о животных и представлением о типах человеческих личностей и моделей поведения» [12. С. 49] порождает *ассоциации* человека с животными, получающие языковую форму выражения в виде образных сравнений, в которых человек уподобляется животному.

Мозг человека, его генетическая память являются «хранилищем» не только представлений, но и понятий, или концептов, которые, в отличие от представлений, соотносятся с логическим (рациональным) познанием. Ср.: понятие – «это не *чувственный* образ, а мысленный, *не представление, а ясное и отчетливое знание* о самом главном, об общих и существенных признаках предмета» (курсив мой. – А. К.) [8. С. 22].

По данным нейрофизиологов, каждое из двух полушарий головного мозга человека «отвечает» за свою собственную область – сферу мыслительной деятельности: левое – за рациональное осмысление действительности, правое – за ее образное восприятие. Ср.: «Существуют различия в функциях правого и левого полушарий (функциональная асимметрия мозга). Функцией **левого полушария** является оперирование вербально-знаковой информацией (*логические операции*, чтение, счет). Функция **правого полушария** – оперирование наглядными образами, распознавание объектов, *образное мышление* (курсив в обоих случаях мой. – А. К.). Оба полушария функционируют взаимосвязанно» [4. С. 268]. Разработка этого сложного вопроса выходит за рамки лингвистического исследования. Мы остановились на нем с одной целью: показать, что картина мира, существующая на когнитивном (ментальном) уровне (в сознании человека, его генетической памяти), имеет две разновидности: *концептуальную*, оперирующую концептами (понятиями), и *образно-ассоциативную* [9], основанную на представлениях. В поле нашего зрения находится последняя из названных разновидностей, которую для крат-

кости мы обозначаем термином **образная картина мира**, имея при этом в виду, что она формируется на когнитивном уровне и что образ возникает на основе ассоциаций.

Картина мира (как образная, так и концептуальная), формирующаяся в мозгу человека, недоступна прямому наблюдению. В нее можно проникнуть только через язык и его речевые реализации. Именно язык является «окном» в сознание человека [6. С. 12]. Помогая воссоздать картину мира на когнитивном уровне, язык и сам предстает в виде определенной картины мира, которую обозначают термином **языковая картина мира**. В вопросе о содержании термина «языковая картина мира» до сих пор нет ясности. Г. В. Колшанский пишет в этой связи: «Если говорить о так называемой «языковой картине мира» в методологическом плане, то необходимо иметь в виду предельную условность этого выражения» [5. С. 27]. И далее он предлагает говорить «не о языковой картине мира, а о языкомыслительной картине мира...» [5. С. 37]. К вопросу о том, обнаруживает ли языковая картина мира в изучаемой нами области какое-либо своеобразие по сравнению с образной картиной мира на когнитивном уровне, мы вернемся в конце статьи после рассмотрения конкретного языкового материала.

Соотнесение характерных черт человека и животного в румынском языке, как и во многих других языках, получает двойное выражение. Ср. в рум., с одной стороны: *A trăit ca un câine, dar a murit ca un om* ‘Он жил, как *собака*, а умер, как *человек*’ и, с другой стороны: *Lasă-ne, măi câine, și du-te singur* ‘Оставь нас, *собака*, и отправляйся один’. Первый тип соотнесения образа человека с образом животного представляет собственно сравнение двух объектов реального мира, второй отражает перенос наименования животного на человека с целью оскорбления и т. п. Наименование животного в прямом, номинативном значении принято обозначать как *зооним*, при переносе наименования животного на человека (его вторичной номинации) – как *зооморфизм* [10. С. 6–7]. Предмет

изучения в проводимом нами исследовании составляют высказывания первого типа, в которых человек уподобляется животному (по сходству качеств или неадекватного для человека поведения), а само наименование животного (зооним) не подвергается переосмыслению.

Таким образом, работа выполняется в русле когнитивной лингвистики с целью воссоздания на основе анализа языкового материала той образной картины животного мира, которая существует как совокупность представлений в сознании носителя румынского языка и проявляется в речи в виде образных сравнений. Избранный нами ракурс исследования предполагает необходимость большого количества примеров. В процессе изучения румынских художественных текстов XIX–XX вв. была собрана картотека, насчитывающая около 10000 единиц. Однако в значительной части примеров оказались зафиксированы индивидуально-авторские сравнения, которые мы отнесли к окказиональным и исключили из рассмотрения. В качестве активного исследовательского материала были отобраны только такие примеры, в которых уподобления типа «человек ... как собака», «человек ... как белка», «человек *подобен зайцу*», «у человека *волчий* взгляд (= как у волка)» и т. п. встречаются у разных авторов с разными посредниками сравнения, и при этом каждое из них в нашей картотеке представлено не менее чем 20–30 примерами. Мы определили их как узуальные. В собранном нами материале их оказалось более 7000. Они и составили непосредственный объект изучения.

Ограниченность объема статьи не позволяет нам подробно остановиться на анализе языкового материала во всем его многообразии. Для иллюстрации представленных выше соображений мы избрали лишь одно наименование животного – *собаку* (*câine*) как животное, с которым человек в своей обыденной (повседневной) жизни общается особенно тесно.

Образная картина мира. В нашей картотеке имеется 423 примера на узуальные сравнения человека с собакой. Их изу-

чение позволило выявить наиболее типичные случаи, которые поддаются определенной систематизации.

1. Положительные качества собаки:

а) ее *преданность* хозяину, верность, привязанность к нему, послушание:

– De când o cunosc, o iubesc, și de când o iubesc, a intrat firea cânelui în mine: <i>credincios</i> ca și cânele ¹ și <i>suris</i> ca și cânele (Slavici, Teatru, 120);	– Я ее люблю, с тех пор как знаю, а с тех пор как я ее люблю, я уподобился собаке: стал <i>преданным</i> , как собака , и <i>послушным</i> , как собака (пес);
---	--

б) *острое обоняние*:

– De două ori a trebuit să mă bat cu patrulă turcești ce ne-au ieșit în cale. Zărai /.../ le <i>simte urma</i> ca un câine de vânătoare (Chiracu, 103).	– Дважды мне пришлось сражаться с турецкими патрулями, которые попались нам на пути. Зарай /.../ <i>чует их след</i> , как охотничья собака .
--	--

2. Отрицательные качества собаки, выражающиеся в ее поведении:

а) *злость*:

– Eu sunt plin de venin. Sunt <i>rău</i> ca un câine (Sadoveanu, Însemnările, 74);	– Я в ярости. Я <i>злой</i> , как собака ;
---	---

б) *агрессивность*, проявляющаяся, в частности, в форме бешенства:

– /.../ și voi ca niște câini! Ca niște câini turbați săriți unul la altul! Pentru avere /.../ (Preda, Moromeții, 507).	– /.../ а вы, как собаки! Как бешеные псы набрасываетесь друг на друга! Ради богатства /.../
--	---

3. **Образ жизни** собаки, чаще всего бездомной:

– Acum nu trăim omeneste? – Nu. Acum <i>trăim</i> mai rău decât câinii (Stancu, Clorote, 263).	– А разве сейчас мы живем не как люди? – Нет. Мы <i>живем</i> даже хуже собак .
---	--

¹ Câne(le) – региональная форма, *лит.* câine.

4. Образ смерти собаки:

– *Au murit ca niște câini, nepovediți, negrijiți, fără lumânare...* (Stancu, Dulăii, 190). | – Они *умерли*, как **собаки**, без священника, не ухоженные, без свечки...

5. Отношение к собаке со стороны человека:

а) *ненужность* состарившейся собаки:

.../ rămăsesse lângă grajdul lui, nefolositor, ca un câine bătrân (Petrescu, Drumul, 142); | *.../ [слепой старик] остался* возле своей конюшни, *ненужный*, как **старая собака**;

б) *отсутствие жалости* к собаке, выражающееся в том, что ее бьют, прогоняют:

– *Mă gonești ca pe un câine, fiindcă te jignesc dorințele mele* (Sorbul, 358)? | – Ты меня *гонишь*, как **собаку**, из-за того, что тебя оскорбляют мои желания?

в) понимание того, что собака *может страдать*:

– *Niculae, nu mai pot. Sufăr ca un câine greu bolnav* (Petrescu, Patul, 296). | – Николай, я больше не могу. Я очень сильно страдаю (букв. *страдаю*, как *тяжело больная собака*).

Fac eforturi uriașe ca să nu priceapă ce e în mine *.../ sufăr ca un câine*, și ea se simte cea răgubită (Demetrius, 122). | Я прилагаю огромные усилия для того, чтобы она не поняла, что со мной *.../ Я страдаю*, как **собака**, и она чувствует себя несчастной.

Если сравнить с теми сведениями о собаке, которые содержатся в справочно-энциклопедической литературе и описаниях животных, см., напр.: [2; 14; 15], нельзя не обратить внимания на то, что помимо внешнего облика собаки в ней отмечаются лишь такие ее качества, как преданность хозяину и острое обоняние. На уровне научного описания ни образ жизни собаки, ни образ смерти, ни, тем более, отношение человека к собаке отражения не находят. Это компоненты именно образной картины мира.

Языковая картина мира. Поскольку воссоздать образ собаки на когнитивном уровне удастся лишь через язык (речевые реализации), то само собой разумеется, что в образных сравнениях находят отражение приведенные выше компоненты образной картины мира. Однако обращает на себя внимание то, что носитель языка не одинаковым образом реагирует на разные аспекты образной картины мира.

Так, если острое обоняние передается лишь одним способом: *a simți urma sa un câine de vânătoare* ‘чуять (братъ) след, как охотничья собака’, то для обозначения такого качества, как **преданность**, носитель языка располагает по меньшей мере пятью способами (в приводимых далее примерах они выделены жирным шрифтом):

<p>Banicu locuia în coliba unuia, Cozaru, un moțogan înalt /.../ credincios ca <i>un câine</i> baronului care-l scăpase din închisoare /.../ (Popovici, 358).</p>	<p>Баничу поселился в хижине Козару – высокого моца /.../ преданного, как <i>собака</i>, барону, спасшему его от тюрьмы /.../</p>
<p>Devototă, ca <i>un câine</i>, fata asta nu s-a mai dezlipit de mine aproape patru ani (Preda, Floarea, 16).</p>	<p>Верная, как <i>собака</i>, эта девушка почти четыре года была неразлучна со мной.</p>
<p>Ea-i făcu semn să vie la dânsa, și el se apropie umilit, fricos și supus ca <i>un câine</i> chemat de stăpânul său (Slavici, Mara, 148).</p>	<p>Она подала ему знак приблизиться, и он подошел к ней смиренный, немного испуганный и покорный, как <i>собака</i> по зову хозяина.</p>
<p>Arăta credință de <i>câine</i>, până la moarte, stăpânului care-l culesese de pe drumuri /.../ (Petrescu, Aurul, 38).</p>	<p>Он проявлял безграничную преданность (<i>букв. собачью преданность</i>), как собака – хозяину, подобравшему ее на дороге /.../</p>
<p>/.../ devenise o celebritate /.../ cu devotamentul lui de <i>câine credincios</i> pentru bietul Octav (Petrescu, Moara, 28).</p>	<p>/.../ он стал знаменит /.../ своей <i>собачьей преданностью</i> бедному Октаву.</p>

Как видно из примеров, среди этих способов – и прилагательные, и существительные.

Если сочувствие к страданиям собаки обозначается одним глаголом *a suferi* ‘страдать’, то **отрицательное отношение** к собаке со стороны человека – целым рядом глаголов, передающих однотипные действия:

– Ce rău am făcut eu cu asta, ce rău, ca să mă lovești ca pe <i>un câine</i> (Stanca, 102)?	– Чем я тебе не угодил, что плохого я тебе сделал, что ты меня бьешь , как <i>собаку</i> ?
Dușmanii /.../ te băteau ca pe <i>un câine</i> (Sadoveanu, Soarele, 69–70).	Враги /.../ били тебя, как <i>собаку</i> .
– Dumneavoastră mi-ați dat o clipă iluzia fericirii familiale. Acum mă goniți ca pe <i>un câine</i> (Eftimiu, 295).	– На какое-то мгновение Вы дали мне иллюзию семейного счастья. А теперь гоните меня, как <i>собаку</i> .
– Bușulenga ar fi trebuit să fie izgonit de mult de la prefectură /.../ Trebuia să-l izgoniți ca pe <i>un câine</i> (Stancu, Mușcata, 198).	– Бушуленгу давно надо было изгнать из префектуры /.../ Нужно было прогнать его, как <i>собаку</i> .
– Dar de va afla stăpâna? Mă alungă ca pe <i>un câine</i> (Agârbiceanu, 16).	– А если узнает хозяйка? Она меня прогонит , как <i>собаку</i> .
– Mișelule! /.../ trebuie să-mi spui unde e scrisoarea... ori te ucid ca pe <i>un câine</i> (Caragiale, 228)!	– Негодяй! /.../ ты должен сказать мне, где письмо... или я тебя убью , как <i>собаку</i> !
Dacă-l prind, îl omor ca pe <i>un câine</i> (Micu, 62).	Если я его поймаю, я его убью , как <i>собаку</i> .
– Acum, mă duc drept în sat, să-l împușc! Îl împușc, trag ca-n <i>câine</i> (Camilar, 369)!	– Сейчас я иду прямо в село, чтобы его убить! Я его застрелю , как <i>собаку</i> !
Trăgea în ei fără nici o milă, ca-n <i>câini</i> /.../ Așa trăgeau ... Ca-n <i>câini</i> ... (Stancu, Pădurea, 88).	Он стрелял в них безжалостно, как в <i>собак</i> /.../ Да, именно так они стреляли ... Как в <i>собак</i> ...

Можно высказать предположение о том, что это не случайно, что, реагируя на то или иное представление, сложившееся на когнитивном уровне, носитель языка как бы выделяет некоторые из таких представлений, привлекая к их обозначению все богатство синонимических и близких по семантике лексем. В языковой картине мира, как показали изложенные выше наблюдения, можно выделить в качестве доминантных способы обозначения преданности собаки и отношения к ней (главным образом отрицательного) со стороны человека.

Таким образом, получается, что язык, открывая доступ в образный мир человека, основанный на мысленных представлениях о животных (в данном случае о собаке), как бы оставляет за носителем языка «право» акцентировать характеристику человека через сравнение с животным использованием более широкого диапазона языковых средств. Следовательно, языковая картина мира, воспроизводя доречевой (когнитивный) уровень, имеет свои особенности, которые, наряду с выявлением образной картины мира (нами изучаются разные виды животных, а именно: домашние животные и домашняя птица, лесные животные и птицы, пресмыкающиеся, насекомые), должны составить предмет дальнейшего изучения собранного в ходе работы над диссертацией материала.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. *Брем А.* Жизнь животных: Млекопитающие. Птицы. Рептилии. Земноводные. Рыбы. Насекомые: [Перевод: Современная версия]. М., 2006.
3. *Воронцова Т. И.* Текст баллады. Языковая картина мира (на материале английских и шотландских баллад). СПб., 2003.
4. *Еникеев М. И.* Психологический энциклопедический словарь. М., 2006.

5. *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. 3-е изд. М., 2006.
6. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
7. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983. Т. II.
8. *Николаев И. В.* Логика. СПб., 1996.
9. *Репина Т. А.* Представление об объектах реального мира в образных сравнениях румынского языка // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. Вып. 2 (№ 9). 1999.
10. *Сычугова Л. А.* Наименования животных в семиосфере английской этнокультуры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996.
11. *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы. 3-е изд. М., 2006.
12. *Чекалина Е. М., Ушакова Т. М.* Лексикология французского языка: Учеб. пособие. СПб., 1998.
13. *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.
14. *Coman M.* Bestiarul mitologic românesc. București, 1996.
15. *Ruști D.* Dicționar de teme și simboluri din literatura română. București, 2002.

Принятые сокращения

- Agârbiceanu – *Agârbiceanu I.* Opere. Vol. III. Schițe și povestiri. București, 1962.
- Camilar – *Camilar E.* Negura. București, 1961.
- Caragiale – *Caragiale I. L.* Teatru. București, [1961].
- Chiracu – *Chiracu L. S.* Prizonierul de la Heracleea. București, 1974.
- Demetrius – *Demetrius L.* La ora ceaiului. București, 1970.
- Eftimiu – *Eftimiu V.* Teatru. București, 1986.
- Micu – *Micu M.* Patima. București, 1978.
- Petrescu, Aurul – *Petrescu Cezar.* Aurul negru. București, 1961.
- Petrescu, Drumul – *Petrescu Cezar.* Drumul cu plopi. București, 1961.
- Petrescu, Moara – *Petrescu Cezar.* Moara de la cotul dracului. București, 1961.
- Petrescu, Patul – *Petrescu Camil.* Patul lui Procust. București, 1970.

- Popovici – *Popovici T. Setea*. București, 1958.
Preda, Floarea – *Preda I. Floarea de colț*. București, 1985.
Preda, Moromeții – *Preda M. Moromeții*. București, 1955.
Sadoveanu, Soarele – *Sadoveanu M. Soarele în baltă sau Aventurile șahului. Divanul persian*. București, 1960.
Sadoveanu, Însemnările – *Sadoveanu M. Însemnările lui Neculai Manea. Locul unde nu s-a întâmplat nimic*. București, 1961.
Slavici, Mara – *Slavici I. Mara*. București, [1977].
Slavici, Teatru – *Slavici I. Teatru*. București, 1963.
Sorbul – *Sorbul M. Teatru*. București, 1963.
Stanca – *Stanca R. Teatru*. București, 1985.
Stancu, Clopote – *Stancu Z. Desculț. Vol. I. Clopote și struguri*. București, [1960].
Stancu, Dulăii – *Stancu Z. Dulăii*. București, [1957].
Stancu, Mușcata – *Stancu Z. Rădăcinile sunt amare. Vol. II. Mușcata*. București, [1958].
Stancu, Pădurea – *Stancu Z. Pădurea nebună*. București, 1963.

H. Г. Мед

**АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ
КАК ФРАГМЕНТ ОЦЕНОЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА
(На материале испанской разговорной речи)**

Лексико-семантическая группа названий животных обладает высокой продуктивностью создания оценочных номинаций – образных характеристик человека в разных языках и, в частности, в испанской разговорной речи служит важным средством формирования семантических, словообразовательных дериватов и фразеологизмов, дающих разностороннюю оценку человека, его внешних и внутренних качеств.

Сравнение человека с животным универсально, поскольку человек как *homo sapiens*, наблюдая за окружающим его животным миром, устанавливает сходства и различия между собой и братьями его меньшими: «Животное – мерило физических и нравственных человеческих качеств» [4. С. 74].

Анализ исследованного языкового материала позволил нам создать оценочную классификацию, основанную на названиях наиболее распространенных животных в испанской разговорной речи и выявить особенности моделирования оценочной семантики в области анималистической лексики и фразеологии.

Согласно существующим общепринятым классификациям животных [1; 3; 5] обычно выделяются 7 групп животных: 1) домашние животные; 2) дикие животные; 3) домашние птицы; 4) дикие птицы; 5) рыбы; 6) земноводные, пресмыкающиеся и простейшие; 7) насекомые.

Н. Н. Кириллова, анализируя фразеологизмы романских языков с анималистическим компонентом, представляет классификацию, включающую 26 фразеотематических рядов, которая также основана на обобщенной биологической классификации, состоящей из вышеперечисленных групп животных [2. С. 239–240]. Руководствуясь данными классификациями, мы составили собственную классификацию животных, задействованных в формировании испанской оценочной картины мира. Мы также включили в нее лексемы, не являющиеся названиями животных, но так или иначе связанные с животным миром. В результате наша классификация стала иметь следующий вид:

1) родовые понятия, связанные с животными: *animal* (животное), *bestia* (животное, скотина), *bicho*, *fiera* (животное, зверь), *pez* (рыба), *víbora* (змея);

2) домашние животные: *burro* (осел), *caballo* (лошадь), *cabra* (коза), *gato(a)* (кот, кошка), *cerdo*, *guarro*, *puerco* (свинья), *conejo* (кролик), *mulo* (мул), *perro* (собака), *toro* (бык), *vaca* (корова);

3) домашние птицы: *gallina* (курица), *ganso* (гусь), *pato* (утка), *pavo* (индюк);

4) дикие животные: *ardilla* (белка), *ciervo* (олень), *chacal* (шакал), *elefante* (слон), *hiena* (гиена), *jirafa* (жираф), *león* (лев), *liebre* (заяц), *lince* (рысь), *lirón*, *marmota* (сурок), *lobo*

(волк), *macaco* (макака), *oso* (медведь), *tigre* (тигр), *topo* (крот), *rata* (крыса), *zorra* (лиса);

5) дикие птицы: *abejarruco* (пчелоед), *canario* (канарейка), *cernícalo* (пустельга), *cacatúa* (какаду), *cusco* (кукушка), *chorlito* (сивка), *jilguero* (щегол), *lechuza* (сова), *loro* (попугай);

6) рыбы и морские млекопитающие: *atún* (тунец), *bacalao* (треска), *ballena* (кит), *besugo* (лещ), *foca* (тюлень), *merluza* (мерлан), *rémora* (прилипала);

7) земноводные, пресмыкающиеся и простейшие: *camaleón* (хамелеон), *caracol* (улитка), *gamba* (креветка), *escuerzo* (жаба), *iguana* (игуана), *lagarto* (ящерица), *lapa* (морское блюдо), *mejillón* (мидия), *percebe* (рачок поллиципес), *pulpo* (осьминог), *rana* (лягушка);

8) насекомые: *chinche* (клоп), *hormiga* (муравей), *garrapata* (клещ), *mosca* (муха), *mosquito* (комар), *moscón* (навозная муха), *moscardón* (шмель), *piojo* (вошь), *zángano* (трутень);

9) исчезнувшие животные: *dinosaurio* (динозавр), *mastodonte* (мастодонт);

10) части тела животного: *callo* (сычуг, часть желудка жвачных животных), *colmillo* (клык), *rabo* (хвост);

11) особенности рождения и обитания животных: *alcantarilla* (канализация) *cascarrón* (скорлупа), *cloaca* (клоака), *cuchitril* (свинарник), *leonera*, *madriguera* (берлога, нора);

12) скопления животных: *burrada* (стадо ослов), *gusanera* (скопление червей);

13) детеныши животных: *borrego* (ягненок), *chota* (козленок), *renacuajo* (головастик);

14) производные от зоонимов: *bestialidad* (зверство, скотство), *guarrería*, *guarrada*, *marranada*, *porquería* (свинство).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в испанской оценочной картине мира представлены практически все группы животных, выделяемые в соответствующих биологических классификациях.

Остановимся на некоторых особенностях функционирования анималистической лексики в оценочных дериватах и фразеологизмах.

В лексико-семантической группе «Родовые понятия, связанные с животными» зоонимы *animal, bestia, bicho, víbora* моделируют прежде всего общую отрицательную оценку «плохой человек», связанную с противопоставлением человека как родового понятия животному как родовому понятию и представляющую собой аксиологический итог: *ser un animal / un bestia / mala bestia / bestia parda / un mal / bicho / una víbora* (букв. быть животным / зверем / злым зверем / темным зверем / злой скотиной / змеей).

Родовое понятие *pez* (рыба) формирует исключительно отрицательную интеллектуальную оценку «невежественный»: *estar pez* (букв. быть рыбой), где семантический компонент «немой» соотносится с невозможностью говорить ввиду отсутствия соответствующих знаний.

В лексико-семантической группе «Домашние животные» представлены наиболее частотные в составе дериватов и фразеологизмов зоонимы, формирующие 4 оценочных значения. Общая отрицательная оценка «плохой человек» создается за счет следующих лексем: *cerdo, guarro, puerco* (свинья) и *perro* (собака). Свинья – одно из животных, вызывающих устойчивую негативную реакцию своим внешним видом, грязное, прожорливое и злобное. Таким образом мотивируется не только общая оценка, исходящая из семантического компонента «грязный», но и эстетическая оценка «неряшливый, грязный человек», также этическая «грубый, с дурными манерами». Лексема *perro* во многих культурах осложнена самыми разнообразными наращениями смысла. Так, отрицательные коннотации восходят к устоявшимся в веках представлениям о смерти и загробном мире (пес Цербер, охраняющий вход в царство мертвых) или о силах зла и дьявольских превращениях, создавая общеотрицательное оценочное значение. Во фразеологизме интеллектуальной оценки *perro viejo*

(букв. старый пес), характеризующем сообразительного, опытного человека, отражаются наблюдения за повадками уличных собак, ловко добывающих пропитание и крайне осторожных.

Зоонимы *burro* (осел), *mulo(a)* (мул) и *cabra* (коза) относятся к области отрицательной интеллектуальной оценки, создавая разные ее подвиды. Закрепленные за ослом и мулом представления об их упрямстве и глупости формируют в испанском, как и во многих других языках, оценку «глупый, упрямый человек»: *ser un burro / mulo, más terco que una mula* (букв. быть ослом / мулом, более упрямым, чем мул). Коза в испанском языковом сознании ассоциируется с непредсказуемостью, странностью поведения, неожиданными прыжками, что и обуславливает интеллектуальную оценку «ненормальный, сумасшедший»: *cabra loca* (букв. сумасшедшая коза), *estar como una cabra* (быть как коза). Впрочем, подобное употребление мотивировано и с точки зрения представлений древних о связи козы с демоническими силами [б. С. 43]. Мул как вьючное и тягловое животное, помесь осла и лошади, отличается крайней выносливостью и силой. Отсюда возникает значение гендерной эстетической оценки *estar hecho / ponerse una mula* (букв. быть как мул / стать мулом, т. е. обладать недюжинной физической силой). Данное приращение смысла наблюдается и в лексеме *toro* (бык), условно отнесенной нами к группе домашних, а не диких животных, поскольку боевые быки обычно выращиваются на специальных фермах: *como un toro / estar hecho un toro* (букв. быть как бык), причем физическая сила приравнивается и к сексуальной силе, формируя таким образом гендерную оценку привлекательного мужчины с точки зрения женщины.

В отношении лексем *caballo* (лошадь), *conejo* (кролик), *vaca* (корова) можно сделать вывод, что в основном они формируют отрицательную эстетическую оценку «некрасивый». В композите *caracaballo* (букв. лицо + лошадь) актуализируются семантические компоненты «вытянутый по форме»

(о лице) и «большой» (о зубах), а в *caraconejo* (букв. лицо + кролик) мотиватором эстетической оценки становятся сильно выступающие зубы. Корова как крупное животное становится форматором эстетической оценки «толстая женщина»: *ser una vaca*.

И наконец, зоонимы *gato* (кот) и *gata* (кошка). С лексемой «кот» связана гендерная оценка непривлекательного мужчины с точки зрения его слабой мужской силы: *ligar menos que el gato del Vaticano* (букв. иметь меньше любовных приключений, чем кот в Ватикане), где лексема «кот» мотивирована лишь экстралингвистическими ассоциациями с Ватиканом, центром католической религии и высшими чинами церкви, соблюдающими обет безбрачия. А во фразеологизме *hacerse la gata muerta* (букв. притвориться мертвой кошкой) содержится результат наблюдений за поведением кошки, которая притворяется мертвой, чтобы поймать мышь, что порождает этическую оценку «лживый, лицемерный человек». Фразеологизм *gata parida* (букв. окотившаяся кошка) формирует гендерную эстетическую оценку непривлекательной, тощей, изнуренной женщины по аналогии с только что родившей кошкой.

В лексико-семантических группах «Домашние птицы» и «Дикие птицы» представлена преимущественно отрицательная интеллектуальная оценка с актуализированным семантическим компонентом «неразумное поведение». Гуси и утки, бессмысленно крякающие и гогочущие, ходящие друг за другом, бездумно порхающие с ветки на ветку птицы, раздувающиеся индюки, птица-сивка, строящая свои гнезда на земле и тем самым ставящая под угрозу свое потомство, попугаи, повторяющие чужие слова, вызывают в испанском языковом сознании ассоциации с безмерной глупостью, легкомыслием, глупым поведением: *cabeza de chorlito* (букв. быть головой сивки), *ser un ganso / un pato / un pavo / un abejarruco / un cernícalo / un loro* (букв. быть гусем / уткой / индюком / пчелоедом / пустельгой / попугаем); *hacer el ganso* (букв. де-

лать гуся). Закрепленная за индюком глупость позволяет отразить во фразеологизме *la edad del pavo* (букв. возраст индюка) возрастные характеристики, связанные с неадекватным, подчас глупым поведением взбалмошных подростков. *Águila* (орел) является единственной птицей в испанском менталитете, стимулирующей создание положительной интеллектуальной оценки. Присущая орлу необыкновенная зоркость переносится на «внутреннее зрение» человека, наделяя его пронизательностью, способностью быстро постигать суть вещей, а следовательно, умом: *ser un águila*.

Лексемы *gallina* (курица) и *cucú* (кукушка) задействованы в формировании этических оценок. В испанском менталитете оценочные значения, содержащиеся в лексеме *gallina*, различаются соотносительностью с биологическим полом человека. Обозначения мужчины включают семантический компонент «трусливый», что характерно и для других языков: *ser un gallina*. Применительно к женщинам этот зооним используется для обозначения легкодоступных, не обремененных моралью женщин: *ser una gallina*; *ser más puta que las gallinas* (букв. быть курицей; быть большей шлюхой, чем курица). В отношении лексемы *cucú* (кукушка) отметим ее закрепленность за сферой этической оценки «бессовестный человек», что связано с образом жизни этой птицы, подкидывающей яйца в чужие гнезда. Выросшие кукушата часто разоряют гнезда вскормивших их птиц, и таким образом мотивируется данное оценочное значение. Как видно, испанский и русский языки вычленяют разные семантические компоненты в значении этой лексемы (ср.: в русском кукушка – о матери, бросающей своих детей).

И наконец, остановимся на эстетической оценке, поскольку многие зоонимы этих групп используются для выражения ее различных видов. Возрастные характеристики женщины (преклонный возраст) и внешняя непривлекательность, избыток макияжа, нелепые ужимки связаны в испанском языковом сознании с ярким оперением и повадками попугаев: *ser una*

cacatúa, un loro. Неуклюжесть, некрасивая походка, неловкость в движениях отражены в значении фразеологизма *ser / parecer un pato mareado* (букв. быть похожим на утку, которую укачало). Отталкивающий, зловещий вид совы становится мотиватором эстетической оценки «некрасивая женщина»: *ser una lechuza*. А миниатюрность канарейки и щегла становятся основанием параметрической оценки «худой»: *estar más seco / delgado que el tobillo de un canario / jilguero* (букв. быть более высохшим / тощим, чем щиколотка канарейки / щегла).

В лексико-семантической группе «Дикие животные» значение общей отрицательной оценки формируется посредством зоонимов *hiena* (гиена), *chacal* (шакал) и *rata* (крыса), негативно оцениваемых человеком с точки зрения их повадок (гиена и шакал питаются падалью, мертвечиной) и места обитания (крысы – разносчики заразы обычно живут в сточных канавах, канализации, свалках и т. д.): *ser una hiena / un chacal / una rata de cloaca / alcantarilla / sarnosa* (букв. быть гиеной / шакалом / клоачной / канализационной / чесоточной крысой). Положительную интеллектуальную оценку «умный человек» формируют лексемы *ardilla* (белка) и *lince* (рысь) по семантическим компонентам «проворный» и «зоркий», обуславливающих сообразительность как быструю умственную реакцию и дальновидность, в то время как в лексеме *topo* (крот) актуализируется сема «слепой», дающая основание отрицательной интеллектуальной оценке: *ser un topo*. Эстетическая оценка, характеризующая параметрические признаки человека, моделируется зоонимами *elefante* (слон) и *jirafa* (жираф). В первом деривате актуализируется семантический компонент «огромный», обозначая толстого человека, а во втором случае – «длинный» применительно к очень высокому человеку: *ser un elefante, ser una jirafa*. Зооним *macaco* (макака) в испанском языковом сознании характеризует маленького, некрасивого человека по сходству внешнего вида (*ser un macaco*), а *oso* (медведь) ассоциируется с внушающим

ужас грузным, волосатым и уродливым человеком: *más feo que un oso* (букв. страшнее, чем медведь). Гендерная оценка непривлекательного мужчины-рогоносца мотивируется семантическим признаком «обладающий рогами» в лексеме *ciervo* (олень): *ser un ciervo*. Лексемы *loba* (волчица) и *zorra* (лиса) используются для обозначения легкодоступной женщины, проститутки: *ser una loba / una zorra*. Отметим, что в мужском роде лексема *zorro* характеризует, как и в других языках, хитрого, сообразительного человека. Тигрицы и львицы в испанском менталитете связаны, прежде всего, с представлениями об их сексуальной силе, что порождает гендерную оценку красивых, сексапильных женщин: *ser una leona / una tigresa*. В отношении этих же имен мужского рода можно отметить, что здесь мы имеем дело с устойчивыми стереотипами многих культур: в зоониме *león* (лев) выделяется семантический признак «храбрый» (*ser un león*), а тигр ассоциируется с кровожадностью и жестокостью: *ser un tigre*. Таким образом формируются этические оценки «храбрый» и «жестокий». В этической оценке «трусливый» также нет расхождения со стереотипными представлениями о трусости зайца: *ser una liebre*.

В лексико-семантической группе «Рыбы и морские млекопитающие» (3 оценочных значения) бóльшая часть рыб соотносится с областью отрицательной интеллектуальной оценки «глупый человек» по семантическому компоненту «отсутствие реакции»: *ser un atún / un besugo / una merluza* (букв. быть тунцом / лещом / мерланом). Эстетическая оценка, характеризующая чрезмерную худобу или толщину, создается посредством зоонимов *bacalao* (треска), *ballena* (кит) и *foca* (тюлень), где задействуются компоненты «сухой» (в испанской кухне треска часто употребляется в сухом, вяленом или копченом виде) и «больших размеров»: *más seco / delgado que un bacalao; ser una ballena / una foca* (букв. более сухой / худой, чем треска; быть китом / тюленем). В значении зоонима *rémtora* – рыбы-прилипалы, прилепляющейся к акулам и

питающейся их пищей, выделяется признак «живущий за счет других», позволяющий формировать этическую оценку «никчемный, бесполезный».

Подгруппа «Земноводные, пресмыкающиеся и простейшие» в испанской языковой картине мира связана, прежде всего, с отрицательной эстетической оценкой, основанной на негативном сенсорном восприятии данных представителей животного мира, перенесенном на внешность человека: *gamba* (креветка), в котором семантическим основанием оценки служат компоненты «большая голова» и «несъедобный», формирующие отрицательную эстетическую оценку женщины с некрасивым лицом, но хорошей фигурой. Лексемы *iguana* (игуана) и *mejillón* (мидия) служат эталонами-интенсификаторами человеческого уродства: *más feo que una iguana / un mejillón* (букв. страшнее, чем игуана / мидия). Внешний вид улитки (рожки на голове) позволил сформировать гендерную этическую номинацию обманутого мужа: *ser un caracol*. осьминог (*pulpo*) с его многочисленными щупальцами в испанском языковом сознании ассоциируется с бабником, любящим пощупать приглянувшуюся ему женщину, а проворность ящерицы (*lagarta*) стала основанием для обозначения любительницы отбивать чужих мужей. Этическую оценку «занудный, надоедливый человек» образует лексема *lapa* (морское блюдо), в которой актуализируется семантический компонент «обладающий способностью прилепиться»: *pegarse como una lapa* (букв. прилепиться как морское блюдо). И наконец, *percebe* (рачок-поллиципес) по семантическому компоненту «безмолвный» используется для выражения отрицательной интеллектуальной оценки. Таким образом, можно заметить, что зоонимы данной подгруппы формируют 3 вида оценочных значений (эстетическое, этическое и интеллектуальное).

Большая часть номинаций подгруппы «Насекомые» соотносится с этическими оценками. Так, значения «трудолюбивый / нетрудолюбивый человек» ассоциируются со стерео-

типными и для других языков представлениями о муравье и трутне: *ser una hormiga*, *ser un zángano*.

Семантический компонент «надоедливый», содержащийся в лексемах *moscón* (навозная муха), *moscardón* (шмель), используется либо для моделирования гендерной оценки мужчины, постоянно пристающего к женщинам, либо для характеристики назойливого человека. В лексеме *mosca* (муха) актуализируется компонент «притворство», что позволяет создавать значение лживого, лицемерного человека: *hacerse una mosca / mosquita muerta* (букв. притвориться мертвой мухой). Клоп (*chinche*), присасывающийся к телу человека, ассоциируется в испанском языковом сознании с занудным, надоедливим человеком.

Брезгливость и омерзение, испытываемые человеком при виде клеща или вши, отражаются в оценочной метафоре и фразеологизме отрицательной эстетической оценки: *ser una garrapata*, *ser más feo que un piojo* (букв. быть клещом, быть страшнее, чем вошь). Отрицательная интеллектуальная оценка в компаративном фразеологизме *tener menos sesos que un mosquito* (букв. иметь меньше мозгов, чем комар) основана на параметрических характеристиках комара, крохотные размеры которого не предусматривают наличия какого-либо мыслительного аппарата. Таким образом, здесь также наблюдаются три вида оценок: этические, эстетические и интеллектуальные.

Рамки данной статьи не позволяют подробно остановиться на всех выделенных нами лексико-семантических группах. В качестве основных выводов можно отметить исключительно *отрицательную оценочную направленность* семантической сферы «животный мир», негативно характеризующую уподобление человека животным. Также заслуживает внимания то *разнообразие признаков* (внешний вид, возраст, привычки и поведение, особенности места обитания, частей тел и т. д.), которое извлекает человек из своих наблюдений за животным

миром и которое он активно использует в своей оценочной деятельности.

Литература

1. *Войтик Л. С.* К вопросу о смысловой структуре слова (На материале лексико-семантической группы наименований животных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1974.
2. *Кириллова Н. Н.* Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. Ч. 1: Природа и космос. СПб., 2003.
3. *Козлова Т. В.* Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке. М., 2003.
4. *Мокиенко В. М.* В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. М., 1975.
5. *Mounin G.* Un champ sémantique: la dénomination des animaux domestiques // *Linguistique*. 1965. № 1. P. 12–21.
6. *Rioduero* Diccionario. Símbolos. Madrid, 1983.

О. А. Мельничук

АВТОРСКАЯ ПУНКТУАЦИЯ И ЯВЛЕНИЕ ПУНКТУАЦИОННОЙ СИНОНИМИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ

Тот факт, что пунктуация играет значительную роль в художественном произведении, бесспорен, более того, исследователи даже заговорили о «пунктуационной лингвистике» [9]. Важность значения каждого пунктуационного знака, использованного или не использованного автором, и принятия / не-принятия его во внимание интерпретатором, хорошо иллюстрирует Милан Кундера в эссе «Les testaments trahis». Анализируя перевод на французский язык произведения Кафки «Замок», осуществленный Виалаттом, он пишет, что его очень беспокоит точка с запятой, которую переводчик добавил в третьей главе. Точка с запятой отделяет логический сегмент и указывает на цезуру, влекущую за собой понижение голоса и паузу. Несмотря на то, что данная цезура соответствует

синтаксическим правилам французского языка, Кундера считает, что она «прерывает дыхание Кафки» [8. С. 142].

Анализ употребления пунктуационных знаков в произведениях художественной прозы позволяет обнаружить некоторое предпочтение, которое отдельные писатели отдают тем или иным знакам. В связи с этим лингвисты говорят о так называемых «индивидуальных знаках препинания», используемых отдельными авторами для особого выделения нужной части высказывания, или об авторской пунктуации, под которой понимается явление субъективного плана со специфическими, последовательно и систематически реализуемыми приемами, характерными для определенного автора, создающими его стилистику (см., например, работы Н. С. Валгиной [1. С. 53], Л. Г. Ведениной [2. С. 160–161], А. В. Канафьевой [4. С. 16, 109], Н. А. Шигаревской [5. С. 12–13]).

В качестве примера авторской пунктуации можно привести творчество французского писателя Жерома Дюмулена, для которого характерно пристрастие к *двоеточию*, что прослеживается на примере двух его романов «Le phare de Baleine» [12] и «Monsieur Bel Canto» [13]. Например:

Un jour de juillet, on me crut perdu: par les volets mi-clos, un rai de soleil se glissa dans ma chambre, trouva mon berceau, s'arrêta sur mon crâne. Sous cette lumière assassine, la fontanelle était encore diaphane. Je dormais: mon front prit un teint de brique, ma respiration un rythme haletant. On entra: que faire? [12. С. 15].

Причем подобная пунктуация используется не только в речевой партии повествователя, но и в прямой речи персонажей, их письмах и дневниках, где повествование ведется от первого лица других персонажей (перепорученное повествование), несмотря на то, что персонажи имеют разные социальные характеристики, различные уровни интеллектуального развития. Это дает повод отнести частое использование двоеточия в произведениях Дюмулена к авторским знакам.

По правилам грамматики двоеточие используется для выражения анализа, объяснения причины, следствия, обобщения того, что было сказано [6. С. 164]. Предпочтение, отдаваемое Ж. Дюмуленом использованию двоеточия, возможно, объясняется образом мышления писателя, аналитическим складом ума, стремлением к краткому, экономному изложению.

Типично авторским знаком А. В. Канафьева называется *многоточие* (см. ниже), функцией которого является передача на письме паузы устной речи, вызванной различного рода причинами внутреннего и внешнего свойства. Авторским оно является по той причине, что не существует правил, разъясняющих, где необходимо делать паузу и ставить многоточие [4. С. 107]. То же самое можно сказать и о *сдвоенных скобках*, оформляющих парантетические внесения. Не существует правил, регламентирующих случаи и место их использования в предложении. Более того, парантетическими внесениями могут становиться и автономные предложения, например:

D'un seul coup de plumeau bien appliqué sur la toile d'Octobre, j'aurai pu faire taire tous ces cris. (Voilà ce qu'est le vrai pouvoir, c'est de n'en pas user, c'est de laisser tout le monde ignorer que c'est vous qui l'avez, c'est de se donner l'air humble pour que personne ne soupçonne votre force. Et ces femmes qui jouaient les grandes tragédiennes dans leur chambre fermée ne m'arrivaient pas à la cheville, moi dont les balais pouvaient se changer en instrument de mort pour les espoirs de toutes les deux.) [11. С. 182].

Автор использует сдвоенные скобки только в соответствии со своими интенциями, поэтому он может помещать их в любом месте высказывания (в начале, середине, конце или оформлять сдвоенными скобками самостоятельные высказывания).

Авторское применение пунктуационных знаков служит для ориентирования читателя на восприятие высказывания таким, каким его задумал автор; однако подобное применение

знаков все же осуществляется на основе нормативного употребления знаков препинания

Некоторые филологи (например, Н. С. Валгина [1. С. 53–56] и др.) считают, что авторские знаки следует отличать от вариативных или контекстуально обусловленных пунктуационных знаков, использование которых производится под действием смыслового принципа, когда возникают варианты в пунктуационном оформлении текста. Вариативные знаки, обусловленные контекстом, по мнению исследователей, мало характеризуют авторскую индивидуальность, хотя их выбор и осуществляется автором, и не включаются в систему авторской стилистики. Варьирование пунктуационных знаков, являясь своеобразной пунктуационной синонимией, приводит к изменению семантических отношений, эмоционально-экспрессивных или стилистических оттенков высказывания.

На наш взгляд, синонимическое использование знаков обусловлено не столько контекстом, сколько тактическими интенциями автора, так же, как и использование авторских знаков. Представляется, что об авторской пунктуации можно говорить в том случае, когда использование того или иного пунктуационного знака является в произведении доминантой, а об авторском применении пунктуации, т. е. явлении пунктуационной синонимии, тогда, когда автор осуществляет выбор того или иного знака в зависимости от тактических интенций в отдельных случаях.

Интересно использование пунктуационных знаков в качестве синонимов в романе Кристиана Остера «*Mon grand appartement*». Следует отметить экспрессивное употребление пунктуационных знаков «точка» и «запятая» вместо знака «многоточие» в третьей сюжетной части романа. Как отмечают исследователи, обычно точка разделяет две самостоятельные идеи, отмечает границу предложения справа и является самым распространенным показателем его законченности и, как правило, показывает его «нулевую» эмоциональность [2. С. 21–22; 7. С. 36]. Однако в романе встречаются

случаи, когда автор ставит *точку* в конце предложений, которые не завершены как в смысловом отношении, так и структурно. Например:

Je tiendrais bien une petite heure comme ça. Avec Flore. C'est que je ne l'oubliais pas, Flore. **C'est quand même elle qui. Et que je.** Un ensemble. Je l'en aimais davantage. J'avais besoin d'elle. D'elle en mère. D'une nouvelle femme, oui [14. С. 166].

В первом случае точка поставлена после местоимения *qui*, которое, являясь частью эмфатической конструкции, должно ввести глагол (*c'est elle qui + verbe*), во втором – после приглагольного личного местоимения *je*, которое также требует после себя глагола (*et c'est elle que je + verbe*). В обоих случаях опущено действие, предложения не завершены ни структурно, ни по смыслу, по правилам пунктуации здесь должно стоять многоточие. Если бы автор употребил его, это бы означало, что повествователь, он же главный персонаж, не закончил предложения либо из-за того, что его прервали, либо из-за волнения, либо из-за сомнений. В последнем случае читатель должен был бы поразмышлять, чтобы понять причину сомнений. Но повествователя никто не прерывает, точка означает, что он не волнуется и не сомневается. Он точно знает значение пропущенных глаголов, но для него их значение не важно. Важны местоимения, выделенные при помощи эмфатических конструкций – она и я, составляющие единое целое (*Un ensemble*). По крайней мере, это ощущает и на это надеется Люк, главный герой романа.

В других случаях использование точки или запятой служит для экономии языковых средств:

Je sais, je ne l'ai pas pris, moi, le numéro. Mais toi. Son frère. (...) Mais tu l'as bien quelque part. Depuis le temps. Depuis le temps que vous vivez ici, tout les deux. **Et que Flore.** Vous avez bien le numéro quelque part [14. С. 201].

Люк испытывает сильное желание увидеться с Флор, которая находится в роддоме. Или хотя бы поговорить с ней по телефону. Он мысленно разговаривает с братом Флор, Жаном,

который спустился в пещеры с группой туристов. Жан, по его мнению, должен иметь номер телефона роддома, с тех пор, как они оба живут здесь и как Флор забеременела. Парцеллят Et que Flore структурно не завершен, но если бы он оканчивался многоточием, то предполагалась бы какая-то недомолвка, какие-то варианты ее интерпретации. Точка означает, что парцеллят завершен в смысловом отношении.

Следующий фрагмент романа содержит два примера незавершенных предложений, оформленных точками:

Alors ne la pose pas, dit-elle.

Ah non, dis-je. Pas de ça. Ce n'est pas ce que je te demande. Ce sont des encouragements, que je te demande. Aide-moi, plutôt.

Au lieu de.

Bon, dit-elle. D'accord. Je t'aide.

Elle avait quand même ce côté têtu, dans le regard, quand j'y pense. J'aimais bien.

Merci, dis-je. Ça m'aide beaucoup. Voilà. **Est-ce que.**

Est-ce que quoi?

Ça va venir, dis-je [14. С. 217].

Данный фрагмент представляет собой начало трудного разговора Люка и Флор об их дальнейшей судьбе. Люк хочет задать Флор вопрос, но ему трудно это сделать. Парцеллят Au lieu de, завершенный точкой, является таким же приемом экономии языковых средств, какой был описан в предыдущем примере. И Люк, и Флор знают, о чем идет речь. Люк просит Флор помочь ему решиться задать вопрос, вместо того, чтобы уходить от него. Люк задает свой вопрос в форме вопросительного оборота est-ce que, оформленного точкой, т. е. в утвердительной форме. Точка вместо многоточия в конце вопросительного оборота (но без вопроса, который данный оборот должен был ввести, и, следовательно, незавершенный в смысловом отношении) означает, что для себя Люк его давно уже сформулировал, но он не может заставить себя произнести его, возможно, боясь услышать не тот ответ, которого он ждет.

В конце концов этот трудный разговор состоялся.

Nous avons besoin d'aide, tous les deux, besoin d'amour, évidemment, comme tout le monde, c'était bien bête, comme problème, au fond. Mais pas simple. Pas pour elle. **Je n'étais pas l'homme qui**, semblait-il. **Je ne suis pas l'homme que**, disais-je. Si, disait-elle. Si. Au contraire [14. С. 220].

Оба незавершенных предложения являются главными компонентами сложных предложений, у которых отсутствуют придаточные определительные. Определительное придаточное выражает признак субстантивного члена главной части, ограничивает объем его значения и уточняет его. Опускание определительного придаточного изменяет смысл главной части [3. С. 746–747]. В первом случае обрыв происходит после относительного местоимения qui, выполняющего функцию подлежащего. Во втором случае – после относительного местоимения que в функции прямого дополнения. Восстановить лексическое наполнение опущенных придаточных не представляется возможным. У каждого читателя будет свой вариант – «я не тот мужчина, который...» – был достоин любви / любил по-настоящему / действовал правильно и т. д. Или – «я не тот мужчина, которого...» – ты любишь / ты достойна / ты ждешь и т. д.

По всей видимости в авторские интенции не входило, чтобы читатель угадывал, какого признака лишено слово «мужчина», поэтому он поставил не многоточие, а *запятую*. Здесь могла быть и точка, если бы не было комментариев повествователя – «казалось» и «говорил я». Значит, главным в этом высказывании является не признак слова (мужчина), а выделение местоимений qui и que.

Если вспомнить о функциях, которые эти местоимения выполняют в сложных предложениях с придаточным определительным, то местоимение qui в предложении **Je n'étais pas l'homme qui**, выполняя функцию подлежащего, требует после себя глагол, обозначающий действие субъекта из главной части, которым в данном случае является «мужчина», т. е. «я»,

повествователь-персонаж Люк. Местоимение que в функции прямого дополнения в предложении Je ne suis pas l'homme que, требует после себя подлежащее, обозначающее субъект, иной, чем субъект главной части, причем последний становится объектом действия в придаточном. Другими словами, во втором предложении имеются два субъекта – Люк и Флор. Поскольку оба предложения имеют параллельные структуры, то можно сделать вывод, что автор выделяет и сопоставляет именно субъекты анализируемых предложений: Люк один (до встречи с Флор) и Люк в жизни Флор. С точки зрения повествователя это можно выразить, как «я – один» и «мое место в твоей жизни», вопрос, который Люк задает себе и Флор.

Таким образом, использование пунктуационных знаков «точка» и «запятая» вместо многоточия в незавершенных по смыслу и структуре предложениях в романе Остера «Mon grand appartement» обусловлено *тактическими интенциями автора*, направляющими читателя на выявление авторских интенций, на понимание основной идеи произведения, которую можно сформулировать как терпеливое, бережное установление связей для создания семьи, готовность к самопожертвованию.

В романе Альфонса Будара «Mourir d'enfance» использование пунктуационного знака «многоточие» является одновременно и авторской пунктуацией, и авторским применением пунктуации, т. е. случаем пунктуационной синонимии. *Многоточие* в данном произведении является синтаксической доминантой: на 253 страницах романа оно употреблено 2537 раз. В большинстве случаев оно использовано автором вместо двоеточия, когда за ним следует уточнение или объяснение, и вместо запятой при перечислениях, например при повествовании о приемной матери:

Dans les bonnes années, elle a cinq six lardons dans les pattes... ceux qui rampent sur le carrelage, ceux qui sont dans une voiture d'enfant à grandes roues... ceux qui traînaient parmi les poules, près du tas de fumier... ceux qui déjà s'échappent pour

marauder vers le danger..., le père Caillot avec son fusil et son chien [10. С. 15]; и о настоящей:

Aujourd'hui c'est plutôt cette image de sa jeunesse que je préfère garder... les quelques photos... les frusques 1925... le chapeau cloche qui cache sa frange à la garçonne comme c'était la mode après le roman de Victor Margueritte... le style Poiret qui révolutionna la silhouette féminine [10. С. 46–47].

В обоих случаях первый знак употреблен вместо двоеточия, остальные вместо запятых. Многочисленные многоточия выделяют фрагменты высказывания, не только увеличивая паузу, но и визуально, увеличивая расстояние между ними. Кроме того, не обладая «категоричностью» и логичностью двоеточий и запятых, они создают искреннюю атмосферу то неторопливого повествования-описания, то повествования-воспоминания. Часто многоточия используются в тех случаях, когда повествователь не уверен в чем-нибудь, высказывает предположение:

Je n'ai pas l'idée de l'endroit où on avait pris ce cliché... Y avait, il me semble, rien derrière le groupe, aucun décor identifiable. Je ne savais pas pourquoi, non plus, ils étaient là, groupés... ce qu'ils célébraient... un mariage, un anniversaire sans doute... pas un enterrement, à ce que je m'en souviens... ils avaient pas des mines d'obsèques [10. С. 60].

Il m'offre une Gauloise... le remord peut-être [10. С. 189].

Не просто определить, к какому типу относится данное произведение, оно не помечено ни как роман, ни как автобиография, хотя автор вроде бы заключает с читателем автобиографический пакт: повествователь является писателем и зовут его так же, как и автора, – Альфонс. Скорее всего, это автобиографический роман, поэтому мы относим его к романам от первого лица, где повествователь не противопоставлен автору. В данном романе повествователь вспоминает эпизоды своей жизни, среди которых один, особо впечатливший его: когда он, маленький мальчик, жил в деревне в большой крестьянской семье, перед домом остановилась роскошная

машина, из нее вышла прекрасная молодая женщина, оказавшаяся его матерью. Когда он повзрослеет, она заберет его с собой, но он до самой ее смерти не сможет понять и познать ее. Воспоминание об этом эпизоде преследует его всю жизнь:

Je suis né comme un chien dans un jeu de quilles... Quand je serai mort, qu'on me creuse un trou comme le fit Auguste dans le fond d'un jardin pour mon chien Marquis... un jardin où les petites filles du village viendront chanter le jour des prix... *Vendre les roses de mon rosier dans un joli panier d'osier...* Un jardin de mon coeur d'où je pourrai voir la route... Une torpédo s'arrêtera... en descendra une jeune, une très jeune femme, en robe courte, coiffée à la garçonne... Un léger léger fantôme... rien que pour moi au royaume des ombres... [10. С. 253].

Многоточия в романе А. Будара выполняют экспрессивную функцию на уровне высказываний, выделяя эти высказывания или их фрагменты как визуально, увеличивая расстояния между ними, так и при помощи более длительных пауз, чем при запятых (при внутреннем проговаривании). На уровне текста многочисленные знаки «многоточие» создают особую субъективную модальность, придающую повествованию доверительный и исповедальный характер.

Литература

1. Валгина Н. С. Что такое авторская пунктуация? // Русская речь. 1978. № 1. С. 48–56.
2. Веденина Л. Г. Пунктуация французского языка. М.: Высш. шк., 1975.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
4. Канафьева А. В. Функции авторской пунктуации в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
5. Шугаревская Н. А. Основы французской пунктуации. М.: Просвещение, 1975.
6. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française / Refondue par André Goose. 13-ème éd. P.; Louvain-la-Neuve: Ed. Duculot, 1993.

7. *Kirpalani M.-C.* Importance de l'étude de la ponctuation dans l'analyse littéraire // *Le français dans le monde*. 1981. № 164. P. 35–57.
8. *Kundera M.* Les testaments trahis. P.: Ed. Gallimard, 1993.
9. *Simard M., Ladouceur J.* Est-il possible de corriger automatiquement les erreurs de virgule? // *A qui appartient la ponctuation?: Actes du colloque international et interdisciplinaire de Liège (13–15 mars 1997)* / Jean-Marc Defays, Laurence Rosier, Françoise Tilkin. Bruxelles: Ed. Duculot, «Champs linguistiques», 1998. P. 449–462.

Художественные тексты

10. *Boudard A.* Mourir d'enfance. P.: Ed. Robert Laffont, 1995.
11. *Couchevin N.* Le sel. Carouge-Genève: Ed. Zoé, 2000.
12. *Dumoulin J.* Le phare de Baleine. P.: Ed. Gallimard, 1990.
13. *Dumoulin J.* Monsieur Bel Canto. P.: Ed. Gallimard, 1993.
14. *Oster Ch.* Mon grand appartement. P.: Les Ed. de Minuit, 1999.

Иванка Т. Попова-Велева

ФРАНК УМЕР – ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЕВРО! (О слове *евро* во французском языке)

В 2001–2002 гг. мне довелось провести несколько месяцев во Франции. На эти месяцы пришелся пик употребления в средствах массовой информации (СМИ) слов и выражений, появление которых было вызвано введением единой европейской валюты (ЕЕВ) – *евро*, пришедшей на смену национальной французской валюте – франку. Знакомство в Интернете с электронными версиями газет «Le Monde» (далее в сокращении – М), «La Libération» (L) и «L'Express» (E), регулярное прослушивание новостей, интервью, репортажей и т. д. телевизионных каналов TV5 и France2 дали богатый и, с моей точки зрения, интересный материал, с частью которого мне хотелось бы поделиться в следующих далее строках.

Термин *евро*, принятый Европейским парламентом, получил в качестве символа греческую букву *эпсилон*, дополненную двумя параллельными черточками как указание на ста-

бильность новой валюты: € (М, 22.11.01). Этот знак используется в заголовках газетных материалов: *Le café de 5 F à 1 €* (L, 15.01.02), в калькуляторах, предлагаемых электронными газетами на своих страницах, чтобы облегчить вычисление курса 1 евро по отношению к другим курсам валют: € – *la calculette de L'EXPRESSION.fr* (E, 01.01.02). В СМИ отмечаются положительные моменты термина – его краткость и «всеобщность» (М, 22.11.01). Возникновение термина пополнило французский язык неологизмом, который «зажил» своей жизнью, став основой новых слов и словосочетаний. Большинство из них окказиональны, но, тем не менее, весьма показательны для иллюстрации способов обновления речи (а в дальнейшем, возможно, и языка) в связи с событиями экстралингвистического плана.

В электронных СМИ в рассматриваемый период довольно широкое распространение получили антонимы, отразившие противоположность оценки членами французского общества произошедшего события. Это, с одной стороны, *euromilitant(s)* и *euromilitant(s)* – сторонники, поборники введения евро, с другой стороны, *europophile(s)* и *euroseptique(s)* – противники перехода на новую валюту или сомневающиеся в его целесообразности. Приведенные слова употребляются в функции как существительных, так и прилагательных, иными словами, имеет место конверсия существительных в прилагательные; ср.: *l'opinion des europhiles / des parlementaires europhiles; les euromilitants / des fonctionnaires euromilitants; les euroseptiques du gouvernement / le royaume euroseptique.*

Широко распространены в электронных СМИ и свободные словосочетания с существительным **euro**: *le passage à l'euro, la conversion à l'euro (en euros), le lancement de l'euro, payer en euros, penser (raisonner) en euros* и др.

Обращает на себя внимание распространившееся в рассматриваемый период словосочетание **zone euro**, при помощи которого обозначается группа стран, принявших ЕЕВ. Ср.: *La zone euro et ses douze pays membres constituent un ensemble de*

304 millions d'habitants (М, 22.11.02). Словосочетание образовано путем соположения двух существительных, находящихся в подчинительно-пояснительной связи. Его можно, по-видимому, рассматривать как свободное, так как каждый компонент в нем сохраняет свою семантическую самостоятельность; ср. также возможность замещения компонентов другими словами: с одной стороны, *époque euro*, *paiement euro* и, с другой стороны, *zone franc* – словосочетание, образованное по той же модели и обозначающее прежнюю зону распространения французского франка, в которой повсеместно (включая заморские владения Франции) франк должен быть заменен на новую валюту – евро.

Слово *euro* нередко встречается в контекстах, типичных для обозначения человека, в том числе и прежде всего в момент его рождения: *la naissance de l'euro*, *le premier jour de l'euro*, *l'avènement de l'euro*, *faire connaissance avec l'euro*; *L'euro a attendu dix-neuf siècles pour voir le jour* (М, 22.11.01); *Il voyage sous le soleil des Caraïbes* (idem) и т. п. Во всех подобных случаях наблюдается метафора – сочетание слова, обозначающего неодушевленное понятие, с лексемами антропонимичной сферы. Написание слова с заглавной буквы, встречающееся в СМИ, усиливает персонификацию евро, придавая слову вид имени собственного: *les premiers pas de l'€uro*; *l'arrivée de l'€uro à Paris*.

С лингвистической точки зрения наиболее интересным в наблюдаемых процессах представляется использование термина *euro* в качестве ключевого слова языковой игры, которая предполагает не только отличное владение языком, но и остроумное «оперирование» им. Языковая игра – это творчество: она опирается на нарушение, в той или иной степени, языковых норм, но в то же время предполагает владение этими нормами. При использовании языковых единиц в целях языковой игры не происходит деструктивного, бессмысленного нарушения норм, она не препятствует языковой коммуникации, а, напротив, расширяет возможности коммуникатив-

ного воздействия путем использования многообразия форм и ассоциативных семантических связей [ср. 1].

1. Самой простой формой проявления языковой игры в наших материалах оказалось **графическое представление** слова *euro* (реже *Европа*), где вместо первой буквы в слове используется денежный знак € Это встречается чаще всего в заголовках газет и нацелено на «привлекательность» следующей далее статьи для читателя. Например: *L'€uro; Les prix et l'€uro; Alors, €uro?; Une monnaie unique pour l'€urope.*

В некоторых случаях слово *euro* получает начальную (непроизносимую) букву **h**: *heuro* – по аналогии с правописанием созвучных ему слов, ср.: *heure, heureux*. Как известно, во французском языке действует исторический (этимологический) принцип орфографии [3], так что совершенно очевидно, что подобное написание слова *euro* (*heuro*) невозможно вне забавы, вне игры.

Другую графическую «разновидность» слова *euro* представляет написание с начальной буквой **z**: *zeuro* (*z-euro*). В этом случае «инструментами» игры становятся (в их совокупности) так называемое сцепление слов в потоке речи – **la liaison**, характерное для французского языка, ср.: *les heures* [*le-z-œr*], и наличие в языке слова со значением «ноль; ничто»: **zéro** (*le zéro*): *Des z-euros plein les poches* «с пустыми карманами».

2. **На фонетическом уровне** возможно обыгрывание слов, частично совпадающих по звуковому составу со словом *euro*. Так, например, с наступлением нового 2002 года в телепередачах можно было услышать фразы типа следующих: ***Eurose année!*** (TV5, 01.01.02); ***Beaucoup d'euros pour toi!*** ***Beaucoup d'heureux en France!*** (idem). Ср. также: ***Aujourd'hui l'euro est un héros!*** (TV5, 04.01.02). Близость фонетического облика слов *heureux* – *euro*, *héros* – *euro* при различии их значений создает определенный комический эффект, что позволяет отнести такой способ выражения к числу приемов языковой игры.

3. В телепередачах можно услышать **каламбуры** со словом *euro*, образованные на основе устойчивых сочетаний слов, крылатых выражений и пословиц путем замены одного из входящих в них слов посредством слова *euro*. Например: *C'est une vraie mine d'euros!* (ср.: *mine d'argent*); *Dès le premier Janvier, la Finlande voyait la vie en euros* (ср.: *voir la vie en rose*). Замена слова вносит дополнительный оттенок значения, как в первом примере (*euros* в форме множественного числа, в отличие от *argent*, вызывает в сознании образ неограниченного количества считаемых единиц), или ведет к переосмыслению словосочетания в целом, как во втором примере («видеть жизнь в розовом свете» и «видеть жизнь в евро» вызывают в сознании разные представления). Кстати, в последнем примере созвучие привычного в данном выражении слова *rose* [*ro...*] и *euros* [*...ro*], занявшего его место в новом варианте образного сочетания слов, также может быть воспринято как сопутствующая смысловой фонетическая игра слов.

Замена слов в пословице *Montre-moi tes amis, je te dirai qui tu es* → *Montre-moi tes euros, je te dirai d'où tu viens* – приводит к полному переосмыслению высказывания: в исходной модели речь идет об одном из критериев оценки человека, в преобразованной – делается намек на разницу национальных валют.

В связи с вводом евро преобразуется и известный возглас монархического периода истории Франции: *Le roi est mort, vive le roi!* → ***Le franc est mort, vive l'euro!*** Ср. также: *Finie la lire, à bas le franc et vive l'euro!*

Переход от франка к евро привел в движение внутренние механизмы преобразования слов и в **арго**. Слово *euro* в результате деформации приобрело здесь вид: *eurat*, *rol*, *rœu*, *roro* и др. Например: *T'as pas un eurat?*; *J'ai plus de rol!*; *T'as pas un rœu?*; *J'veux me faire du roro* [2. Р. 25]. Возникли также способы «завуалированного» обозначения новых банкнот: *un gris* (5 €), *un violet* (500 €). Например: *Tu peux me passer un*

petit gris? (TV5, 08.01.02). Один из видов французского арго – le verlan [4] – также «откликнулся» на введение евро: *Des euros... des «zeuros»... En verlan, ça fait «rozeu»! De la «rose»! – T'as pas d'la rose?; Il est plein d'rose, lui!; J'ai plus de «rose»* (М, 08.01.02).

В заключение хочется воскликнуть вместе с газетой «La Libération»: *Les euros, s'est comme la neige, ça rapproche les gens. Tout le monde en parle* (L, 12.01.02) и, вместе с тем, задаться вопросом: сохранит ли слово *euro* свою продуктивность и широкую употребительность или окажется (а возможно, уже и оказалось за истекшие пять лет) «прошлогодним снегом»? Ответ на поставленный вопрос может дать только время и новые лингвистические наблюдения над употреблением этого слова. Мы рассматриваем приведенные выше данные как своеобразную «моментальную фотографию», которая, зафиксировав начальный этап освоения французским языком нового слова, возникшего под влиянием внешних обстоятельств, может послужить определенным фоном в случае продолжения наблюдений в этой области.

Литература

1. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
2. Antoine F. T'as pas un eural? J'ai plus de rol // Le Monde. 13.12.01.
3. Arrivé M. Réformer l'orthographe? P., 1993.
4. Méla V. Parler verlan, règles et usages // Langage et société. 1988. № 45.

Л. А. Пушина

КУРСИВ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДИСКУРСИВНОЙ МЕТОНИМИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (На материале французской литературы)

Дискурсивная природа метонимии, тропа, основанного на принципе смежности, рассматривалась в работах Р. Якобсона, Ц. Тодорова, О. В. Раевской, В. А. Романенко [6; 5; 2; 3; 4] и др.

Наиболее полно эта проблема изучается в статьях О. В. Раевской [2; 3]. Автор, со ссылкой на «теорию айсберга» Е. С. Кубряковой, определяет это свойство метонимии как способность «оставлять за пределами текста невербализованную информацию, необходимую для его верного осмысления» [3. С. 3]. Метонимически употребленное слово, как вершина айсберга, имплицитно содержит содержание, механизм восстановления которого имеет когнитивный характер; фрагмент действительности, обозначенный им, выходит за пределы лексического значения слова. В отличие от метонимии, представленной лексическими единицами, допускающими восстановление прямой номинации с точностью до слова, в дискурсивной метонимии прямую номинацию однозначно восстановить невозможно [2. С. 74]. Одно слово может заменять целую ситуацию за счет отсылки к историческому, мифологическому или другим контекстам и позволяет добиться необходимой лаконичности изложения, вызывая в сознании осведомленного читателя сформированный ранее образ.

О. В. Раевская рассматривает метонимию как «дискурсивный элемент», который позволяет метонимически интерпретировать и такое явление дискурса, как косвенный речевой акт. К косвенным речевым актам, имеющим метонимическую природу, можно отнести выделение курсивом слов и словосочетаний, которые могут иметь одновременно и прямое, и косвенное прочтение. Выделенное курсивом слово привлекает внимание читателя, сообщая о возможном дополнительном смысле, выходящем за пределы семантического контура этой лексической единицы, или подчеркивая ее буквальное, словарное значение. К первому употреблению относятся внутритекстовые, внетекстовые и интертекстуальные отсылки, во втором, метаязыковом, употреблении и в цитировании имен собственных, названий, иностранных слов курсив, как правило, сопровождается соответствующая лексика, например глагол «называть, называться».

Наибольший интерес для стилистического исследования представляет первый случай употребления курсива, как обладающий большим образным потенциалом. Этот прием получает особое значение для литературных жанров, одной из основных особенностей которых является требование лаконичности изложения при глубине содержания.

Второй вид курсива интересен тем, что выявляет ключевое слово, основную тему изложения, вокруг которой разворачивается абзац или целый текст.

Мы проанализировали употребление курсива в сборниках «короткой прозы» двух французских авторов: поэта, который стоит у истоков создания жанра «стихотворения в прозе», Шарля Бодлера и современного французского прозаика – Мишеля Турнье. Выбор материала исследования обусловлен жанровыми особенностями произведений, а также частотностью использования приема.

Сборник стихотворений в прозе Ш. Бодлера «Парижский сплин» (1857–1869) был создан поэтом вслед за поэтическим сборником «Цветы Зла» (1857). Он содержит 50 самостоятельных текстов небольшого объема. Тексты представляют собой описания или размышления – лирического или морального плана – вокруг некоего факта, события или объекта. Событие не разворачивается в фабулу, оно носит умозрительный характер и принадлежит внутреннему миру лирического героя.

Корпус примеров включает 54 использования курсива. Большая часть примеров представлена внутритекстовыми отсылками. Курсив привлекает внимание читателя к тому, что нужно «домыслить» сказанное, вернуться к уже прочитанному.

В стихотворении «Мадемуазель Бистури» [1] девушка рассказывает лирическому герою о своем странном влечении к врачам, к которым она идет на прием, будучи совершенно здоровой. Иногда она встречает врачей, которые отказываются понимать ее намеки:

– Et quand ils ne te comprennent pas...?

– Dame! comme je les ai dérangés *inutilement*, je laisse dix francs sur la cheminée (Mademoiselle Bistouri) [7. С. 129].

В этом и других подобных примерах достаточно сложно определить референт выделенного курсивом слова, для этого необходима интерпретация и пересказ всего сказанного ранее. В стихотворении «Дикая женщина и щеголиха» смысловой разрыв осложняется сменой субъекта описания, что отражено в названии, и метонимической сменой тональности действия «вздыхать – выть»:

...elle hurle *plus naturellement*,

отсылает к началу текста:

...on dirait, à vous entendre soupirer [ma chère], que vous souffrez plus que les glaneuses sexagénaires (La femme sauvage et la petite maîtresse) [7. С. 32].

Последняя фраза стихотворения «Героическая смерть» допускает множественное толкование, так как на протяжении текста «милость» принца приобретала различное наполнение:

...mais aucun d'eux n'a pu rappeler les merveilleux talents de Fancioulle, ni s'élever jusqu'à la même *faveur* (Une mort héroïque) [7. С. 80].

Курсив в этих примерах усиливает текстообразующую функцию метонимии.

В другой группе примеров курсив производит эффект «семантической стереоскопии» (О. В. Раевская), когда слово несет всю нагрузку социокультурного контекста данного общества. Предмету «хлеб» не просто присваивается новое наименование по принципу смежности – «сладкий пирог», но и благодаря курсиву сообщается драматическое звучание всей ситуации в целом:

Il y a donc un pays superbe où le pain s'appelle du *gâteau* (Le gâteau) [7. С. 45].

Автор только намечает проблему и оставляет «за скобками» все возможные толкования, которые были бы банальны и хорошо известны большинству читателей (тема голода).

Здесь выделение автором лексических единиц, таких как *un incompris* в стихотворении «Призвания», *là* («Замыслы»), *une égale blancheur* («Игрушка бедняка»), *le Confiteor de l'artiste* («Confiteor художника»), *les lunatiques* («Благодеяния Луны») и др., указывает на особую смысловую насыщенность и необходимость привлечения широкого контекста для адекватного прочтения.

Третья большая группа содержит различные варианты цитирования:

– прямое цитирование названий произведений других авторов в сопровождении лексем «dire» и «écrire»: *la Sylphide, comme disait le grand René (Chateaubriand); «Où vont les chiens?» disait autrefois Nestor Roqueplan dans un immortel feuilleton; un musicien a écrit l'Invitation à la valse;*

– косвенное цитирование других авторов:

...gare la grue qui vous croquera, vous gobera et vous tuera à son plaisir – аллюзия на один из сюжетов басен Лафонтена (*La femme sauvage et la petite maîtresse*) [7. С. 33];

...vos précieuses pleurnicheries может быть аллюзией на пьесу Мольера *Les précieuses ridicules*, имя самого автора иронически упоминается в стихотворении «Старый паяц» (*Le vieux saltimbanque*);

...te mirer, pour parler comme les mystiques, dans ta propre correspondance (L'Invitation au voyage) [7. С. 55] – отсылка к основателям теории «соответствий», имя одного из которых – Эммануила Сведенборга, шведского теософа и духовидца – появляется в последнем стихотворении сборника;

– косвенное цитирование газетных и речевых клише, отсылка к социальному контексту, современником которого был Бодлер:

...si la république, trop occupée du bonheur des hommes, avait le temps de ménager l'honneur des chiens (Les bons chiens) [7. 140];

Moi [Diable], dont on dit tant de mal, je suis quelquefois *bon diable*, pour me servir d'une de vos locutions vulgaires (Le joueur généreux) [7. С. 87].

В этом случае проявляется ироническое отношение автора к современной ему действительности. Социальная речь проникает в индивидуальную речь, но маркируется как чужая.

Для стихотворений в прозе Бодлера характерно использование курсива в качестве отсылки к предтексту, социокультурному контексту и другому тексту (интертекстуальность).

Сборник «Малая проза» Мишеля Турнье (1986 г.) продолжает направление философской прозы писателя (романы «Лесной царь» (1970), «Метеоры» (1975), «Золотая капля» (1985) и др.), но уже в свободной от сюжета форме коротких текстов-размышлений или впечатлений от увиденного. Текстам свойственна высокая степень информативности: точное указание времени, места, имен.

Турнье, так же как и Бодлер, довольно часто прибегает к приему графического выделения текста курсивом – более 50 примеров. В основном это курсив метаязыкового характера. Автор прерывает изложение для того, чтобы поразмышлять над семантикой и этимологией слова, ключевого или даже второстепенного для этого текста:

... du ricin, appelé aussi *palma christi* en raison de la forme de ses grandes feuilles palmées huit ou neuf divisions (Cinq jours... Cinquante ans... à Hammamet) [8. С. 45];

On appelait jadis *quadrumanes* certains mammifères doués de quatre mains qu'on préfère désigner aujourd'hui sous le nom de *primates*, et que le bon peuple, lui, a toujours appelés des *singes* (Mains) [8. С. 91].

Метаязыковые комментарии в некоторых случаях снабжены прямыми ссылками на словари:

C'est ce qu'on appelle un *puisard*. Définition du dictionnaire: égot vertical sans écoulement (Bas-fonds) [8. С. 27];

Le mot employé est *sindona* pour lequel le Bailly donne: *voile de lin, mousseline, laine fine*, mais pas *drap* (Evangile) [8. С. 231].

Курсивом выделяются слова иностранного языка и авторские неологизмы:

...élevé dans des grasses *ganaderias* de plus de mille hectares... (La belle mort) [8. С. 237];

Il y avait donc le portrait et la photo de nu. Je venais d'inventer le *portrait-nu* (Le portrait-nu) [8. С. 149].

Интертекстуальные связи, выделенные курсивом, представлены только прямым цитированием с указанием автора и / или источника:

Mais peut-être Saint-Juste s'est-il seulement trompé d'un mot. C'est: *on ne gouverne pas innocemment* qu'il fallait dire (L'image du pouvoir) [8. С. 184].

Внутритекстовые связи – 4 примера – направлены как на предтекст, так и на послетекст, т. е. играют роль своеобразной смысловой кульминации, тематического центра:

Certains sports – que l'on pourrait qualifier d'*élémentaires* – n'ont pas d'autre raison d'être. La nage en mer et le voilier, le ski, l'alpinisme, le vol à voile nous retrempe aux sources originelles de notre histoire <...> (Douceur et colères des éléments) [8. С. 204].

В этом примере курсив переключается с названием и выделяет слово, которое осмысливается в его прямом и переносном значении на протяжении всего текста. Более того, в процитированном примере курсив вводит авторский неологизм: «элементарные виды спорта», в смысле соприкосновения человека с природообразующими элементами – землей, водой, воздухом, огнем.

Отметим особый случай использования курсива у Турнье:

Car lorsque le paon fait la roue, si l'on a le courage de regarder la vérité en face, on s'aperçoit qu'en fait *il se déculotte* (Cinq jours...) [8. С. 48].

Выделение слова курсивом дает ему дополнительное авторское осмысление, которое остается за пределами текста.

Это не только образ, перенесенный из мира людей в мир животных, но и отсылка к индивидуальному авторскому контексту, о котором сам он «имеет смелость» говорить лишь метафорически. Вообще же курсив у М. Турнье нацелен в большей степени на слово и его толкование, нежели на контекст.

Использование курсива в двух произведениях имеет свои отличительные особенности, связанные с их принадлежностью к разным дискурсам – поэтическому у Бодлера и публицистическому у Турнье. Первый ориентирован на образное описание авторского восприятия мира, глубину смысла, имплицитность, а второй – на точность слова и смысла, передачу информации, эксплицитность.

Литература

1. *Бодлер Ш.* Цветы Зла. Стихотворения в прозе. Дневники. М.: Высш. шк., 1993.
2. *Раевская О. В.* Метонимия как слово и как речевой акт // Риторика в свете современной лингвистики: Тез. докл. межвуз. науч. конф. Смоленск: СГПУ, 1999. С. 74–75.
3. *Раевская О. В.* О некоторых типах дискурсивной метонимии // Изв. АН. Серия лит. и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 3–12.
4. *Романенко В. А.* Референтная метонимия // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Труды и материалы Междунар. науч. конф. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 77–278.
5. *Тодоров Ц.* Семиотика литературы // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 350–354.
6. *Якобсон Р. О.* Два вида афатических нарушений и два полюса языка // Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996. С. 26–51.
7. *Baudelaire Ch.* Les paradis artificiels. Le spleen de Paris. P., 1995.
8. *Tournier M.* Petites proses. P., 1986.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЛЕОНАЗМЫ В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Предварительные замечания. В широком смысле слова термин «плеоназм» (фр. *pléonasme*, лат. *pleonasmus*, греч. *pleonasmos* ‘переизбыток’) обозначает совместное употребление двух и более слов с одним и тем же значением. Например: *a se urca sus* ‘подниматься вверх’, *a intra înăuntru* ‘войти внутрь’ (значение наречий *sus* и *înăuntru* входит в значение глаголов *a se urca* и *a intra* и, следовательно, их употребление излишне). В румынских словарях плеоназм определяется как ошибочный способ выражения [8; 9].

Плеоназмы встречаются в речи носителя любого языка, однако степень «открытости» плеоназмам каждого языка оказывается различной. Среди романских языков в данном отношении выделяется итальянский [1. С. 183–186]. Охарактеризовать румынский язык в плане большей или меньшей распространенности плеоназмов по сравнению с другими романскими языками пока невозможно. Это требует специального исследования. Отметим лишь, что в повседневной речи румын и в средствах массовой информации плеоназм – не редкость.

Наличие в румынском языке плеоназмов отмечалось словарями еще в первой половине XX в. [7; 4; 19]. В последние годы интерес к изучению плеоназмов возрос, что выразилось, в частности, в появлении специализированных словарей плеоназмов [2; 5; 6].

Плеоназмы приведенного выше типа относятся к числу семантических, так как в подобных случаях речь идет о дублировании семантики одного слова другим – их изучению и посвящена предлагаемая мною статья. Возможны, однако, и грамматические плеоназмы. Ср., с одной стороны: *Vine mama!* – ‘Мама идет!’ и *Vine ea mama!* – букв. ‘Мама она идет!’ и, с другой стороны: *Pe colegi i-a primit bine.* – букв. ‘Коллег их он принял хорошо’; *L-am văzut pe colegul meu.* – букв. ‘Его я ви-

дел своего *коллегу*'. Личное местоимение во всех трех случаях плеонастично. Это грамматический плеоназм. Местоименный повтор в первом случае определяется как стилистический способ усиления подлежащего в просторечии [16. С. 543]. Два других объясняются факторами, связанными с системой языка и тенденциями ее исторического развития [18]. Изучение грамматических плеоназмов представляет особую область исследования, которой мы здесь не касаемся.

II. Классификация семантических плеоназмов. В лингвистической литературе [3; 15] принято выделять несколько типов плеоназмов. В цитированных работах приводятся многочисленные примеры на плеоназмы разного типа, некоторыми из которых мы воспользовались в настоящей статье.

1. Семантический плеоназм в собственном смысле слова. Здесь выделяют два подтипа: а) плеоназм, который свидетельствует о недостаточном знании носителем румынского языка иностранных слов, словосочетаний и сокращений, в первую очередь английских: *persoanele VIP* (сокращение английского выражения *very important person* 'особо важная персона', в которое входит слово, соответствующее румынскому слову с тем же значением); *organizația NATO* (англ. *North Atlantic Treaty Organization* – слово *organizația* повторяет аналогичное английское существительное, входящее в сокращение NATO); *happy-end fericit* (англ. *happy-end* обозначает 'счастливый конец', прилагательное *fericit* также плеонастично); б) плеоназм, свидетельствующий о недостаточном знании или восприятии на слух слов-неологизмов преимущественно иностранного происхождения: *principalele priorități* 'главные приоритеты' (в семантике обоих слов присутствует значение «первостепенные, главные, наиболее важные (дела)», следовательно, прилагательное семантически лишь дублирует существительное); *surpriză neașteptată* 'неожиданный сюрприз' (значение слова *surpriză* 'неожиданный подарок', чтобы избежать плеоназма, следовало либо упо-

требить только существительное или образовать словосочетание *cadou neașteptat* ‘неожиданный подарок’).

2. Этимологический плеоназм. Имеется в виду совместное употребление слов одного корня: *relații de bună vecinătate* cu țările *vecine* ‘отношения добрососедства с соседними странами’ (следовало бы сказать: *relații de bună înțelegere* cu țările *vecine* или *relații de bună vecinătate* cu țările *cele mai apropiate*); *reactivarea activității* Consiliului ‘активизация активности Совета’ (устранения плеоназма в этом случае можно достичь заменой первого слова одним из других способов выражения: *intensificare, reluare, reînnoire*).

3. Аффиксальный плеоназм, заключающийся в употреблении префиксов и суффиксов, значение которых воспроизводится дополнительными (самостоятельными) словами: *medicul și pacientul pot conlucra amândoi împreună* ‘врач и пациент могут оба вместе сотрудничать’ (достаточно было бы одного глагола); *a coexista laolaltă* ‘сосуществовать вместе’ (наречие дублирует значение префикса); *copilaș mic* ‘маленький ребенок’ (суффикс *-aș* имеет уменьшительное значение, его воспроизведение другим словом не нужно); *bolnavi potențial transportabili* ‘больные потенциально транспортабельные’ – суффикс *-bil* достаточен для того, чтобы выразить значение возможности осуществления действия (переноса больного в другое место).

По своей морфологической структуре семантические плеоназмы делятся на **изоморфные** и **гетероморфные**. К первым относят словосочетания, состоящие из слов, принадлежащих к одной части речи – существительному (*recunoștința și gratitudine* ‘признательность и благодарность’), прилагательному (*firesc și natural* ‘естественный и натуральный’), глаголу (*a extermina și a masacra* ‘истреблять и уничтожать’) и т. п. Изоморфные плеоназмы организованы по типу сочинения. Ко вторым – те, которые состоят из слов, относящихся к разным частям речи и связанных друг с другом по принципу подчинения (*continuitate neîntreruptă* ‘непрерывная непрерывность’).

III. Причины появления плеоназмов. Одной из причин, как это вытекает из предыдущего изложения, является *недостаточная лингвистическая культура говорящих*, незнание точного значения слов, в том числе и особенно значения неологизмов и иностранных заимствований. Еще одной причиной появления плеонастических способов выражения можно считать *стремление говорящего к большей убедительности*. Отсюда такие плеонастические словосочетания, как *babă bătrână* ‘старая старуха’, *moș bătrân* ‘старый старик (дед)’, *am văzut cu ochii mei* ‘я видел собственными глазами’, *am auzit cu urechile mele* ‘я слышал собственными ушами’ и т. п. Выражения подобного типа имеют давнюю традицию. Ср. в исторической хронике начала XVIII в. у Йона Некулче: *auzea cu urechile* ‘слышал ушами’, у поэта XIX в. Василе Александри: *văd cu ochii mei* ‘вижу своими глазами’. По мнению А. Граура, плеоназмы такого типа можно отнести к наименее ошибочным [12. С. 10]. Некоторые из подобных плеоназмов квалифицируются как кальки с французского; ср. фр.: *Je l’ai vu de mes propres yeux*; *Je l’ai entendu de mes oreilles* [14. С. 11].

Некоторые семантические плеоназмы возникают *под влиянием аналогии с другими румынскими выражениями*, вполне корректными, такими, например, как: *urcă în tramvai* ‘садится (букв. поднимается) в трамвай’, *urcă pe scaun* ‘взбирается на стул’, *soboară de pe scaun* ‘встает (букв. спускается) со стула’ [13. С. 10]. По этой модели возникают плеоназмы типа: *urcă sus* ‘поднимается вверх’, *soboară jos* ‘спускается вниз’, *intră înăuntru* ‘входит внутрь’ и т. п. Происходит контаминация двух способов выражения.

IV. Использование плеоназмов в стилистических целях. Плеоназмы рассмотренных выше типов в большинстве случаев воспринимаются как ошибочные. Однако в художественной литературе (как прозе, так и поэзии) плеоназмы нередко играют роль стилистического приема, который выражается в сознательном использовании автором большего коли-

чества слов или словосочетаний, чем это было необходимо для передачи какой-либо мысли или создания образа. Цель таких плеоназмов состоит в том, чтобы представить более энергично, более убедительно соответствующую мысль или образ [10. С. 89]. Подобное использование плеоназмов было особенно характерно для румынской литературы XIX в.

Так, в известной поэме М. Эминеску «Luceafărul» (Лучафэр – в перев. на рус. яз.: «Вечернее светило») читаем: *Cobori în jos, Luceafăr blând / Alunecând pe-o rază* – букв. ‘Спустишь вниз, нежное Светило / Скользя по лучу’. Лингвисты высказывают мнение о том, что выражение *cobori în jos* не плеоназм и не поэтическая вольность, а осознанный стилистический прием, акцентирующий внимание на той огромной дистанции, которая отделяет земное создание (Каталину) от вездомного, бессмертного жителя небес [17. С. 217]. Употребление глагола без уточнения (*cobori*) могло быть воспринято как просьба (приглашение) «занять на небе место, более близкое, не такое далекое, как сейчас» [11. С. 175].

Известный писатель румынской литературы Йон Лука Караджале широко использует плеоназмы в стилистических целях, воспроизводя речь своих полуграмотных персонажей. Т. Христия иллюстрирует такие обороты речи, сопровождая их комментарием. Приведем некоторые из них.

1. Sunt un *june tânăr* și nefericit, care suferă peste poate și iubește la nemurire (персонаж – Рикэ Вентуриано). – ‘Я молодой и несчастный юноша, который страдает сверх меры и смертельно влюблен’. Слова *june* ‘юноша, молодой человек’ и *tânăr* ‘молодой’ выражают одно и то же понятие, их совместное употребление плеонастично. 2. Angel radios! De când te-am văzut *întâiași dată pentru prima oară*, mi-am pierdut uzul rațiunii (тот же персонаж). – ‘Лучезарный ангел! Как только я впервые в первый раз увидел тебя, я потерял разум’. Одна и та же мысль выражена в предложении дважды. 3. Apoi zău nu știu ce s-o mai alege de dumneata. Bărbatu-meu suferă grozav de gelozie și e în stare a fi capabil să te omoare (персонаж – Вета). –

‘Честное слово, прямо не знаю, что будет с тобой. Муж мой ужасно ревнив, и он *в состоянии быть способным* убить тебя’. И здесь смысл выражений *a fi în stare* и *a fi capabil* один и тот же. 4. Mai ales noi trei suntem stâlpii puterii: proprietari, membrii Comitetului permanent, ... ai Comitetului agricol și ețetera (персонаж – Захария Траханакэ). – ‘В особенности мы трое представляем столпы власти: собственники, члены Постоянного комитета, Сельскохозяйственного комитета и эцетера’. Латинское выражение *et caetera* обозначает ‘и другие’, в него уже входит союз со значением ‘и’. Подобные фразы используются И. Л. Караджале как стилистическое средство создания комического эффекта [14. С. 14–15, 18–19].

Часто румынскими писателями XIX в., а также в произведениях народного творчества используется прием повтора только что употребленного слова: *Gândurile mele torceau un vis, un vis frumos* (Eminescu) – ‘Мои мысли плели *мечту*, прекрасную *мечту*’; *De luni întregi merge pe întuneric, doarme pe întuneric, străbate grădina pe întuneric* (Arghezi) – ‘Целыми месяцами он ходит *в темноте*, спит *в темноте*, бродит по саду *в темноте*’; *A zărit o fată frumoasă, frumoasă* – ‘Он увидел *красивую, красивую* девушку’; *Creștea un pom cu totul și cu totul de aur* – ‘Росло (фруктовое) дерево *совсем совсем* золотое’. Это осознанный стилистический прием, призванный усилить ранее обозначенное качество. Такие случаи не противоречат норме языка и, следовательно, рассматриваются как стилистический прием, не являющийся плеоназмом.

Образованные люди могут позволить себе в разговоре употребить тот или иной плеоназм с оттенком иронии, рассчитывая на то, что собеседник уловит иронию и не воспримет сказанное буквально. Например: *Deci și prin urmare, să trecem la treabă.* – ‘*Так вот и стало быть*, перейдем к делу’. Это тоже своеобразный стилистический прием в пределах устной речи.

V. Изменения в восприятии плеоназмов. Плеоназмы как компонент лексического состава языка отражают те измене-

ния, которые происходят в семантике слов. Способы выражения, воспринимаемые в определенный момент как плеонастические, могут утратить статус плеоназма под влиянием «де-этимологизации» одного из слов в выражении, считавшемся когда-то плеоназмом. Так, например, в словосочетании *fond de bază* ‘базовый фонд’ существительное *fond* приобрело дополнительный оттенок значения ‘денежный фонд, денежные средства’. А это означает, что следующее предложение не содержит плеоназма: *Părțile sociale ale angajaților au rămas în fondul de bază al întreprinderii.* – ‘Социальные выплаты работающим остались за *основным денежным фондом* предприятия’.

В последнее время все большее распространение получает сочетание существительного *mod(ul)* ‘способ’ с союзом *cum* ‘как, каким способом, каким образом’: *Mi-a plăcut modul cum a pus problema.* – ‘букв. ‘Мне понравился *способ, как (каким способом)* он поставил вопрос’. С точки зрения литературной нормы в этом случае более уместным было бы относительное местоимение *care* ‘который’ с предшествующим ему предложением *în* ‘в’: *Mi-a plăcut modul în care a pus problema.* – ‘... *способ, которым...*’. Сочетание *modul cum* употребляется не только в разговорной речи, но и в прессе, что делает его привычным и способствует постепенной утрате им характера плеоназма.

VI. Выводы. Отнесение того или иного словосочетания к числу семантических плеоназмов требует дифференцированного подхода. Как и в случае с какофонией¹, опасность употребить плеоназм все же не следует преувеличивать. Подобно

¹ Какофония – контактное расположение звуковых сочетаний [ca] [co], [că] [câ] и т. п., из которых одним завершается слово, а другим начинается следующее слово, например: *Știu că *când am aflat ...* – в предложении присутствует недопустимое сочетание звуков, избежать которого можно, в частности, введением разделяющего их слова: *Știu că atunci când am aflat...* – ‘Знаю, что тогда, когда я узнал...’

тому как существуют какофонии и ... какофонии, существуют и плеоназмы и ... плеоназмы. От «плеонастических чудовищ» (М. Аврам) до плеоназмов «допустимых или приемлемых» (Т. Христя), не говоря уж о «скрытых» (Г. Груицэ), дистанция все же очень большая.

Что касается отношения к плеоназмам, то, с одной стороны, необходимо постоянно заботиться о повышении культуры речи, устраняя из нее ошибочные сочетания слов, которые ее засоряют. Однако, с другой стороны, следует помнить о вреде пуризма, обедняющего язык.

Плеоназмы принадлежат к таким явлениям, которые возникают в спонтанной речи не только в результате недостаточно высокого культурного уровня того или иного носителя языка (плеоназмы можно встретить в языке известных румынских писателей, таких как Т. Аргези, Ш. Чокулеску, Дж. Кэлинеску, а также у многих французских классиков – О. де Бальзака, В. Гюго, Э. Золя и др.), но и под влиянием эмоций или из желания обратить особое внимание на выражаемую мысль.

В силу широкой употребительности плеоназмы могут со временем проникать и в нормированную речь, теряя тем самым статус плеоназма. Как стилистический прием плеоназмы помогают созданию ярких образов персонажей художественных произведений.

Проблема плеоназмов представляет широкие возможности для научных исследований. Неясным остается вопрос о степени распространенности семантических плеоназмов в разных языковых стилях и занимаемое румынским языком место в этом отношении по сравнению с другими языками, в первую очередь романскими. Нуждаются в детальном и всестороннем изучении и вопросы, связанные с грамматическими плеоназмами.

Литература

1. *Репина Т. А.* Сравнительная типология романских языков: французский, итальянский, испанский, португальский, румынский. СПб., 1996.
2. *Angelescu G.* Dicționar de pleonasmе. București, 1996.
3. *Avram M.* Probleme ale exprimării corecte. București, 1987.
4. *Candrea I.-A.* Dicționarul enciclopedic ilustrat «Cartea Românească». Partea 1. Dicționarul limbii române din trecut și de astăzi. București, [1931].
5. *Căprioară I.* Dicționar de pleonasmе. București, [s.a.].
6. *Dascălu D.* Dicționar de pleonasmе. București, 1997.
7. *Diaconovici C.* Enciclopedia română. T. III. Sibiu, 1904.
8. Dicționarul explicativ al limbii române. București, 1975.
9. Dicționarul limbii române. Serie nouă. T. VIII. Partea a 3-ea. București, 1977.
10. *Dragomirescu Gh. N.* Mică enciclopedie a figurilor de stil. București, 1975.
11. *Graur A.* Pleonasmе // Limba română. An. XVIII. № 2. București, 1969.
12. *Graur A.* Pleonasmе și elipse // România literară. An. III. № 40. București, 1970.
13. *Romalo V. G.* Pleonasmul // România literară. An. XVI. № 5. București, 1983.
14. *Hristea Th.* Proba de limba română la Concursul de admitere în Facultatea de Drept, Universitatea din București, sesiunea septembrie 1997 // Excelsior. An. VII. № 11. București, 1998.
15. *Ichim A. S.* Corectitudine și greșeală în semantică (II) // Limba și literatura română. An. XXIV. № 3–4. București, 1995.
16. *Iordan I.* Limba română contemporană. București, 1956.
17. Limba română corectă. Probleme de ortografie, gramatică, lexic / Coordonator V. Breban. București, 1973.
18. *Repina T.* Cu privire la una din tendințele actuale ale limbii române: Anticiparea complementului-substantiv prin pronume // Studii și cercetări lingvistice. An. XLVIII. № 1–4. București, 1997.
19. *Șăineanu L.* Dicționar universal al limbii române. Ed. a 7-ea. Craiova, [1943].

Л. Ф. Серова

**ПРОБЛЕМА СЕКСИЗМА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ
И ПОПЫТКИ ЕЕ РЕШЕНИЯ**

Начиная с 80-х гг. XX в. появилось немало публикаций, вскрывающих маскулинный характер французского языка. На этот счет было высказано много суждений, в том числе и противоположных, предлагались различные поправки способов выражения рода (от реальных до несколько искусственных), по данной проблеме представлены любопытные экскурсы в прошлое. Если вначале постановка вопроса об объективном отражении в языке присутствия женщины в обществе связывалась с «оголтелым феминизмом» [1], то в последнее время в связи со все более массированным приходом женщин в ранее недоступные для них профессиональные сферы этот вопрос рассматривается на государственном уровне; при правительствах создаются комиссии по разработке соответствующих рекомендаций, публикуются списки женских форм имен существительных, называющих должности, профессии, звания, и эти формы все больше проникают в речь [2; 3].

Знакомство с литературой вопроса показывает, что в существующих материалах можно выделить два направления. С одной стороны, внимание сосредоточивается на выработке и внедрении форм женского рода для существительных, называющих профессии, должности и т. п. С другой стороны, высказывается недовольство «скрытой маскулинизацией» в виде существующего во французской грамматике правила преобладания мужского рода над женским и предлагаются способы корректировки такого типа выражений для восстановления «гендерной справедливости» в виде соответствий биологического и грамматического родов. В настоящей статье мы попытаемся дать обзор состояния данной проблемы во французском языке, опираясь на соответствующие работы из Бельгии, Канады, Франции и Швейцарии.

Канадская исследовательница Луиза-Лоранс Ляривьер, преподающая на отделении лингвистики и перевода в университете Монреаля, в своих книгах «Почему нужно покончить с феминизацией языка, или В поисках утраченных слов» и «Как покончить с феминизацией языка, или Слова, чтобы ее выразить» [13; 17] многочисленными примерами иллюстрирует неоправданную маскулинизацию французского языка (что трудно предположить из названий ее работ), который вследствие этого затушевывает присутствие женщины в обществе. «On ne peut pas être égale sans être visible» [4]. Л.-Л. Ляривьер приводит два главных довода в пользу пересмотра названий профессий и должностей.

Во-первых, она убедительно доказывает, что с точки зрения грамматики для создания форм (достаточно разнообразных) женского рода в соответствии с биологическим полом денотата во французском языке существуют все необходимые морфологические условия. Вообще, соответствие биологического пола и грамматического рода наблюдается у 90% французских существительных. Среди имен существительных, называющих людей, Л.-Л. Ляривьер выделяет 4 группы:

I группа (2/3 от общего количества слов, называющих людей):

грамматический род – ж / биологический пол – ж
грамматический род – м / биологический пол – м
une femme, un homme, un père, une mère, une musicienne, un Français;

II группа (чрезвычайно малое количество слов):

грамматический род – ж / биологический пол – м
грамматический род – м / биологический пол – ж
une tapette, un contralto, une basse chantante, un bas bleu, un laideron;

III группа (чрезвычайно малое количество слов):

грамматический род – ж / биологический пол – ж / м
грамматический род – м / биологический пол – ж / м

une personne, un être, une vedette, un phénix, une canaille, un goinfre;

IV группа (около 1/3 общего количества слов, называющих людей):

грамматический род – ж / м / биологический пол – ж / м
un / une guitariste, un / une ministre, un / une Suisse, un / une cinéaste.

Таким образом, подавляющая часть существительных, называющих лицо, отражает биологический пол денотата. Иначе говоря, система французского языка имеет все необходимые ресурсы для феминизации профессий и должностей.

Во-вторых, это необходимость семантико-грамматической когерентности, обусловленности. Еще в 1916 г. известный французский лингвист Фердинанд Брюно выступил против формулировки «Madame le Docteur» [цит. по: 10], исходя из несоответствия грамматического рода входящих в нее двух существительных, имеющих один денотат. В наше время члены Французской Академии предлагают обращаться к женщине в своих рядах именно так, употребляя формулировку «Madame l'académicien», что Л.-Л. Лявивьер квалифицирует как «un affreux solécisme ou, si vous préférez, une grosse faute de syntaxe» [13] и, иронизируя над таким подходом, приводит следующую немыслимую фразу: «Le ministre est indécis sur cette question bien qu'il soit habituellement une femme de décision. Il fera donc appel au député Lise Latour qui, quoique enceinte, poursuit ses activités régulières en Chambre».

К настоящему времени многочисленные формы женского рода уже завоевали себе место если не в лингвистическом сознании всех франкофонов, то, по крайней мере, в ведущих журналах, на радио и телевидении. Немаловажная тому причина – издание на государственном уровне циркуляров, справочников по образованию форм женского рода.

Например, во Франции первый циркуляр премьер-министра с рекомендациями морфологического характера для применения в административных и государственных документах был издан 11.03.1986 г. В нем приводились правила образования существительных женского рода путем использования женского детерминатива (*une architecte, une comptable*), путем использования окончания *-e* (*une chargée de cours, une déléguée, une magistrate*), с удвоением при этом конечной согласной (*une maçonne, une mécanicienne*) или с добавлением надстрочного знака (*une conseillère, la préfète*), путем использования суффикса (*une camionneuse, une animatrice*) и пр. Однако, по общему признанию, документ оказался не затребуемым обществом.

Толчком к активизации этого процесса послужила позиция четырех женщин-министров в правительстве Франции (1997 г.), которые потребовали, чтобы к ним обращались используя женский род – *la ministre*. Их примеру последовали и другие женщины, занимающие ответственные посты. Это стало своего рода проявлением прогрессивности, открытости ко всему новому, современному. Новые формы женского рода стали появляться в *mass média*, вызвав тем самым оживленную полемику в обществе.

В 1998 г. (06.03.1998) издается следующий циркуляр, напоминающий о содержании предыдущего. События, происходящие в обществе, подталкивали лингвистов, политиков к пониманию необходимости ревизии языка. Почва была уже достаточно подготовлена, чтобы зерно, брошенное в нее, на этот раз проросло.

Во французской Швейцарии также сделаны определенные шаги, например, изданы соответствующие словники [15]. Иначе говоря, феминизация языка поддерживается на государственном уровне (хорошим примером служит правительственный сайт Швейцарской Конфедерации с новациями такого рода). При этом заметим, что создаваемые формы порой

носят национальный характер. Так, в Швейцарии используется теперь слово *cheffe*, которого нет во Франции.

Что касается Бельгии, то в 1978 г. там издается закон об устранении лингвистической дискриминации, а в 1994 г. выпускается справочник «Mettre au féminin», где не только приводятся 1500 женских форм существительных, называющих профессии, должности, звания, но и даются соответствующие правила, рекомендации общего характера [16].

Канада, а точнее, Квебек, в этом плане опередил другие франкоязычные страны. Возможно, причиной тому послужил пример США, где с 1975 г. проводится политика устранения родовой дискриминации в назывании профессий и должностей, подхваченная англоязычной частью Канады. Так или иначе, уже в 1978 г. там был опубликован первый официальный список соответствующих женских форм [10].

Таким образом, названия профессий в женском роде в данных странах признаны официально и завоевывают (не всегда легко) место в узусе. Мы проследили способ представления рода интересующих нас лексических единиц в современном французском словаре Robert Collège. У слов, использующихся в обоих родах, более не маркирована родовая принадлежность. Например: *professeur* n. – personne qui enseigne une discipline, un art, une technique, d'une manière habituelle. → enseignant. *Professeur de collège, de faculté. Elle est professeur d'anglais* (au Quebec *professeure*). Слова, обозначающие различную родовую принадлежность, даются в разных статьях: *préfet* n. m. и *préfète* n. f. – 1. Femme d'un préfet. 2. Femme préfet *La préfète de Moselle* [14].

Однако невозможно не заметить консервативной позиции, проявленной в этом вопросе Французской Академией, члены которой продолжают утверждать, что мужской род является одновременно общим для двух родов (женского и мужского), имеет функции среднего рода, и что искусственное создание несуществующих во французском языке слов приведет лишь к ненужной дифференциации. Рекомендации Академии сводят-

ся к употреблению формы мужского рода, если в современном языке для называния лица нет соответствующей женской формы. В своей работе [цит. по: 4] Л.-Л. Лявивьер разоблачает псевдонейтральный характер мужского рода во французском языке, который не включает в себя женский род, когда ему это невыгодно. Так, во Франции в течение долгого времени женщинам отказывали в политических правах под тем предлогом, что в Конституции термин «Français» подразумевает только мужчин. Свое недовольство феминизацией выразил известный писатель, академик Морис Дрюон, который даже написал открытое письмо премьер-министру Франции, где он сравнил феминизацию французского языка «à celles qu'ont connues l'Italie mussolinienne, l'Allemagne hitlérienne, la Russie stalinienne» [6].

Отрицательное отношение к предлагаемым новым формам высказывают и в судебно-правовой сфере. Так, Ассоциация судей выразила свою «озабоченность» президенту Французской республики, премьер-министру и членам Французской Академии по поводу употребленной в правительственном документе от 31.03.1999 г. о назначении «... Héléne Magliano procureure générale près de la cour d'appel de Dijon» формы женского рода, расцененной ими как «indéfendable barbarisme», равно как и по поводу других новшеств в этом плане [5]. Кроме того, некоторые существительные, называющие титулы, в своей женской форме имеют другие значения. Например, уважительное обращение к адвокату или нотариусу *maître* превратилось бы, таким образом, в *maîtresse*, одно из значений которого «любовница». А лестные определения *un vieux maître*, *un homme public* в их женском варианте становятся двусмысленными – «une vieille maîtresse», «une femme publique».

В свое время Ролан Годиво в справочнике «1000 трудностей французского разговорного языка» рекомендовал употреблять формы *Madame le Directeur* (*le Docteur*, *le Président*, *l'Inspecteur...*), исходя из тех соображений, что «les noms

féminins ne paraissent pas correspondre suffisamment à l'autorité et au caractère officiel de la charge» [7]. Достаточно откровенное заявление. Оно, возможно, помогает понять, насколько односторонним, однозначным должно быть пренебрежение к определенному биологическому полу, чтобы в языке за словом *sexisme* – лексемой без выраженной детерминации биологического пола – закрепилось значение «дискриминация женщин; пренебрежительное отношение к женщине».

Интересную деталь отмечает Анри Ландруа: противники феминизации профессий и должностей преимущественно оспаривают женские формы существительных, называющих высокие должности. Они никогда не высказывались против слов *institutrice, vendeuse, épicière*. И если они посмеивались над формой *cuisinière*, то только потому, что слово связано во французском сознании со значением «кухонная плита» (хотя первое значение появилось намного раньше – в XII в., а второе – в XIX в.). Нет ли тут имплицитной формы ощущения мужского превосходства? С другой стороны, есть немало женщин, которые называют свою должность (например, в профессиональных справочниках, документах и т. д.) как *directeur-général, conseiller, consultant, associé*, по-видимому, гордясь тем, что занимают тот ответственный пост, который раньше был предназначен только для мужчин [12]. Рассуждая на эту тему, Бенуат Гру отмечает: «...le blocage ne se trouve pas dans les mots mais dans la tête de ces femmes qui semblent avoir intégré la notion d'infériorité congénitale de leur sexe en refusant de féminiser leur titre pour ne pas ternir le prestige de la profession» [цит. по: 4].

Справедливости ради отметим, мужчины тоже стали проникать в «женские» профессии, что вызывает необходимость создавать новые мужские формы, ломая социальные стереотипы. В Швейцарии ввели слово *jardinier d'enfant* (воспитатель детского сада), во Франции – *maïeuticien* (акушер). Правда, последнее, предложенное Академией, получило не очень широкое распространение и заменяется чаще на *médecin*

d'accouchement. Недавно в словарях появилось слово *prostitué*. «Il n'est pas innocent qu'on ait pris quatre siècles à masculiniser le terme *prostituée*. Les dictionnaires d'avant 1993 présentaient ce mot comme exclusivement féminin!» [17].

Маскулинизация отдельных сфер деятельности стимулирует и появление подчеркнута женских форм названия соответствующих профессий. Так, ранее для манекенщиц во французском языке употреблялись существительные мужского рода – *un mannequin, un modèle*. Теперь же, когда на подиумах появилось много мужчин, для названия представительниц этой профессии используется женская форма – *une mannequin, une modèle* [16].

Второй аспект наших рассуждений касается публикаций, в которых пишется о более общем характере маскулинизации французского языка. По мнению их авторов, из мужского превосходства с течением веков было создано грамматическое правило. Впрочем, латинское *homo* обозначало оба биологических пола, в то время как *vir* обозначало мужчину и *mulier* женщину. *Vir* исчезло, *homo* стало во французском языке *homme*, сочетая в себе два значения – и человек, и мужчина. И появляются вот такие фразы: «Un homme sur deux est une femme», «L'homme est un mammifère, car il allaite ses petits», «La gestion, chez l'homme, dure neuf mois», не говоря уже об известном выражении «droits de l'homme» или клятве французских присяжных заседателей, в которой они обязуются проявить «l'impartialité et la fermeté qui conviennent à un homme probe et libre» [17]. Уместно вспомнить и лозунг «liberté, égalité, fraternité», а также слова *patronyme, patrimoine* и пр. Кстати, в Канаде уже заменили слово *homme* на *personne* в известном документе о правах человека.

Усматривается также неравноправие и в том, что в женских обращениях *Madame* и *Mademoiselle* выражен социальный статус женщины, в то время как слово *Monsieur* подобного оттенка не несет. В связи с этим есть разные предложе-

ния, например, ввести общую форму *Madelle* [10] или оставить в употреблении только *Madame* [16].

Во французском языке существует правило превалирования грамматического мужского рода, если множественное число объединяет денотатов мужчин и женщин (даже если последних и больше), например: «Ma copine, sa soeur et son frère, ils sont très intelligents». В своей работе «Pour une grammaire non sexiste» (1996) исследовательница из Канады Селин Лабросс предлагает употреблять в таких случаях новую форму (созданную Франсуазой Маруа в 1987 г.) *illes*, представляющую собой стяжение от *ils* и *elles*. Кроме того, она ратует за правило согласования прилагательных по ближайшей форме (*les ingénieurs et ingénieures présentes*) и за введение третьего окончания для согласования прилагательных, называющих представителей мужского и женского рода (*-e* стало бы *-ez* во множественном числе, как в *les étudiantes et étudiants diplômés*) [10; 11]. Заметим, что эти смелые предложения не находят пока реального воплощения.

Французская исследовательница доктор филологических наук Э. Казнадар [9] в статье «Сексизм и школьные грамматики», опубликованной в журнале «L'Enseignant» за май 2000 г., выступает против самого выражения *mettre au féminin*. Когда говорят, что женский род *образуется* от мужского, что надо *поставить* прилагательное в женский род, имплицитно отрицают само существование женского рода. Традиционно изучаются сложности образования женских форм прилагательных, а о мужском роде никто не задумывается, он как бы дан уже изначально. То есть мужской род принимается как нечто основополагающее, а женский род как низший, уступающий ему. Но это лингвистически некорректно. На самом деле речь должна идти не об образовании одного рода от другого, а об их чередовании.

Изучив существительные и прилагательные, называющие людей, в словаре *Petit Robert*, Э. Казнадар констатирует, что в 90% случаев происходит *регулярная* смена одной формы на

другую, и все это – по существующим во французском языке механизмам. Ею выделяются 4 группы:

1) бифункциональные существительные и прилагательные, у которых существует «внешнее» чередование в роде; они могут принимать и женский, и мужской артикль и заканчиваются на *-e*, например: *artiste, collègue, garde*;

2) отличающиеся прилагательные и существительные, у которых мужской род заканчивается на непроизносимую согласную, а женский род – на произносимую, например: *cadet/te, marchand/e, vert/e*;

3) отличающиеся прилагательные и существительные, у которых чередуется суффикс, изменяющийся по родам, например: *baigneur/euse, orateur/trice, veuf/ve*;

4) бифункциональные в устной речи существительные и прилагательные, род которых узнается только на письме по присутствию или отсутствию *-e*, например: *apprenti/e, inconnu/e, provincial/e, supérieur/e*.

Остальные слова рассматриваемого типа составляют 10%, и это исключения, например: *tsar / tsarine, soeur / frère, sire, baryton, personne, vedette*.

Исходя из всего сказанного, Э. Казнадар считает необходимым ввести иное понимание данной проблемы в школьные учебники, предлагая *свое* видение «объективной грамматики», где женский род *не образовывался бы* от мужского, а реальное чередование биологических полов отражалось бы в чередовании грамматических родов.

Более глобальный подход к феминизации французского языка на примере официальных текстов, документов предложен в университете Квебека в Монреале, где разработан соответствующий справочник [8]. Он представляет собой стратегии, которыми рекомендуется пользоваться, чтобы избежать лингвистической маскулинизации. Так, вместо существительного в мужском роде (в его обобщающем значении) предлагается использовать, например, название функции (*des responsabilités de tuteur* → *des responsabilités de tutorat*), гипероним

(*les employés du secrétariat* → *le personnel du secrétariat*), неопределенное прилагательное (*chacun des membres* → *chaque membre*) и т. д. Такой внимательный подход к объективному отражению женского присутствия в языке лишний раз свидетельствует о передовой позиции канадских франкофонов в данном вопросе.

В заключение можно сказать, что в последние 10–20 лет был сделан огромный скачок в осознании того, что социальные изменения в статусе женщины должны находить свое подтверждение и в другом социальном явлении – языке, даже если для этого на первых порах и приходится нарушать стереотипы, «подталкивая» развитие французского языка. Пусть самые смелые предложения не укоренятся, не войдут в употребление. Но тот факт, что феминизация языка стала предметом многочисленных лингвистических исследований, государственных циркуляров, полемики на страницах популярных газет и журналов, материалов в интернете, говорит о том, что этот процесс уже невозможно остановить, тем более что сама система французского языка полностью отвечает данным потребностям времени.

Литература

1. *Кондрашов А.* Оголтелая феминизация // Дуэль. № 23 (70), 28.07.1998.
2. *Серова Л.Ф.* О выражении женского рода в современном французском языке // Язык. Миф. Этнокультура. Серия «Проблемы лингвокультурологии». Вып. 1. Кемерово: ИПК «Графика», 2003. С. 277–280.
3. *Серова Л.Ф.* Феминизация в обществе и языке современной Франции // Менталитет. Концепт. Гендер. Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 7. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. С. 223–227.
4. *Audet E.* La féminisation linguistique: nommer notre présence au monde // L'aut'journal, mars 2001.
5. *Bataille de genres* // Le Point. № 1389, 30.04.1999. P. 16.
6. *En panne* // Le Point. № 389, 30.04.1999. P. 19.

7. *Godiveau R.* 1000 difficultés courantes du français parlé. P.; Gembloux: Editions Duculot, 1989.
8. Guide de féminisation ou La représentation des femmes dans les textes // Université du Québec à Montréal, 1992. <http://www.olf.gouv.qc.ca>
9. *Khaznadar E.* Sexisme et grammaires scolaires // «L'Enseignant», mai 2000. www.langue-fr.net/d/feminisation/khaznadar.htm
10. La féminisation en marche au XX siècle // A juste titre / Office des affaires francophones. Ontario. <http://www.oaf.gouv.on.ca/francais/ajt/IB.html>
11. La féminisation et l'élimination du sexisme dans la langue. <http://www.ofa.gov.on.ca/francais/IA.html>
12. *Landroit H.* Femme, jusqu'au bout des mots... // Le Ligueur. № 11, 17.03.1999.
13. *Larivière L.-L.* Comment en finir avec la féminisation ou Les mots pour la dire. Montréal: Boréal, 2001.
14. Le Robert Collège. P.: Dictionnaires Le Robert, 2000.
15. Les langues nationales et le langage non sexiste // Communiqué de presse / Bulletin suisse de linguistique appliquée, nov. 2000. <http://www.unine.ch/presse/Communiques/feminisationlanguage.htm>
16. Mettre au féminin. Guide de féminisation des noms de métier, fonction, grade ou titre. <http://www.cfwb.be/franca/femini/feminin.htm>
17. *Sauvé M.-R.* Un homme sur deux est une femme // Forum. Vol. 35. № 14, 04.12.2000 / Université de Montréal.

Е. М. Чекалина

**БИБЛЕЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ
МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ**

Широкое понимание библеизма включает слова, устойчивые выражения и афоризмы, пришедшие в общий языковой обиход непосредственно из текста Библии или же обязанные своим возникновением библейским сюжетам, а также культурные референции. Во французском языкознании в этом смысле используется термин «allusion biblique» [6]. Национальные различия в формировании и употреблении устойчивых выражений библейского происхождения в русском и

французском языке исследовал В. Г. Гак, предложивший типологию этих единиц, построенную на оппозициях контекстуальное / ситуативное, первичное / вторичное, прямое / пересмысленное [2. С. 55–65].

Библеизмы составляют неотъемлемую часть культурного фонда современного французского языка. «Культурный фонд – это все то, чем владеет типичный (средний) носитель той или иной культуры, это определенный комплекс художественных и нехудожественных знаний, характеризуемый уровнем и направлением сциентизации лингвокультурной общности» [5. С. 57]. В структуре художественного текста библеизмы играют особую роль, чем неизменно привлекают к себе внимание исследователей [8]. Как одно из средств создания экспрессии библеизмы используются во французском массово-информационном дискурсе.

Многолетние наблюдения над языком французской периодической печати позволяют заключить, что корпус библеизмов, находящихся в регулярном обращении, отличается определенным постоянством состава. Некоторые выражения уже стали привычными клише и своеобразным знаком типичных ситуаций общественной жизни. Так, если в стране началось забастовочное движение, на первой странице изданий, сочувствующих ему, появляется «дежурный» заголовок *Lève-toi et marche* – слова Христа, обращенные к Лазарю; ср. библейскую референцию в информационной заметке:

Lève-toi et marche

A Saint-Lazare, la grève marche. Et, pour ce qui est de relever la tête, les cheminots n'ont pas à rougir des réminiscences bibliques attachées au saint nom de la gare (Н, 24.12.86).

В сообщениях о международных конференциях или переговорах, ведущихся без видимых успехов, промелькнет *la tour de Babel* ‘вавилонское столпотворение’ (смешение языков), а в конце этих сообщений в качестве вывода мы почти наверняка увидим пословичное выражение *Il n'est pire sourd que celui qui ne veut pas entendre* ‘Хуже глухого тот, кто не хочет слышать’,

в котором нашла отражение библейская тема нравственной глухоты: *Vous qui avez des oreilles et n'entendez point* (Jérémie 5, 21) [9. С. 733]. Если кого-либо из политических деятелей посетило внезапное прозрение, газеты напишут, что он «нашел свой путь в Дамаск» (*chemin de Damas*) – намек на обращение святого Павла под влиянием видения, явившегося ему на пути в Дамаск. Шаткость режима в какой-нибудь банановой республике приведет на газетную полосу колосса на глиняных ногах (*colosse aux pieds d'argile*), урезывание расходов на социальные нужды заставит вспомнить о тощих коровах (*les vaches maigres*), неэквивалентный обмен – чечевичную похлебку (*plat de lentilles*), в пылу полемики не забудут о соломинке и бревне (*la paille et la poutre*), а узнав об успехах на чужбине соотечественника, не получившего признания дома, напишут, что нет пророка в своем отечестве – *Nul n'est prophète dans son pays* (Лук 4, 24) [9. С. 669]. Помимо этого, граждане Франции, если верить газетным сообщениям, бросают (или не бросают) в кого-либо камень – *jeter la pierre: Que celui qui est sans péché lui jette la première pierre* (Jean 8, 7) [9. Р. 599], отделяют плевелы от пшеницы (*séparer le bon grain de l'ivraie*), трудятся в поте лица (*gagner son pain à la sueur de son front*), но живут не хлебом единым (*l'homme ne vit pas que de pain*), принимают мудрые решения (*le jugement de Salomon*), находят козлов отпущения (*le bouc émissaire*) и умеют отличить заблудшую овцу (*la brebis égarée*) от паршивой (*la brebis galeuse*).

Использование библеизмов в массово-информационном дискурсе не имеет жанровых ограничений: они украшают передовые статьи, аналитические обзоры, сатирические заметки, спортивные материалы, встречаются в письмах читателей, в текстах интервью, в передаче прямой речи: «*Ce sera œil pour œil, dent pour dent*», *affirmait M. N., ministre du Commerce extérieur* (F, 27.01.93); *Nous avons essayé, a prétendu Reagan, de transformer nos épées en socs de charrue* (M, 9.06.84); «*Peut-on jouer les Ponce-Pilate aussi facilement*», *s'est interrogé le*

syndicat qui rappelle la dégradation des conditions de travail dans le bâtiment (Н, 4.03.87); «*C'est le manteau de Noé pour cacher la misère*», *ironise M. Giscard d'Estaing* (М, 6.03.86). Подобного рода актуализации библеизмов в письменном тексте являются свидетельством их достаточно активного употребления в устном речевом обиходе носителей французского языка.

Библейские выражения тяготеют к «сильным позициям» – заголовку или подводящей итог концовке статьи. Относительно этих позиций можно отметить преобладание контекстуальных или цитатных (согласно типологии В. Г. Гака) библеизмов, в которых наблюдаются незначительные преобразования – опущение или замена одного компонента, изменение порядка слов: *Beaucoup d'appelés, peu d'élus...* (F, 18.10.98); *Beaucoup d'appelés, mais peu d'élus* (Matthieu 22, 2); *Un géant aux pieds d'argile. Le colosse coréen est endetté* (E, 28.02.02). Хлесткий заголовок рецензии на книгу одного из потомков французского королевского дома Жака Орлеанского об отце – графе Парижском, которому сын дает следующую характеристику: *un tyran domestique doublé d'un piètre gestionnaire et d'une girouette politique*, построен на параномазии, предполагающей имплицитное знание источника цитаты. *Notre père qui êtes odieux* (E, 14.10.99); *Notre père qui êtes aux cieux...* (Matthieu 6, 11). Усилению броскости заголовка способствует латинская форма библеизма: *Vade retro, sida!* (E, 26.01.04); *Vade retro, Satana* (Matthieu 4, 10).

Библейские афоризмы могут фигурировать в медиа-тексте в неизменной, традиционной форме и иногда сопровождаются атрибуцией: *A croire que l'église et l'Etat auraient enfin mis en pratique la parole d'Évangile qui prescrit de rendre à César ce qui appartient à César et à Dieu ce qui appartient à Dieu* (E, 29.07.99); *Tony Blair, pour qui la réforme des retraites est le chantier prioritaire de son troisième mandat, a-t-il relu pour l'occasion Saint Luc (XIII, 24): «Efforcez-vous d'entrer par la porte étroite?»* (F, 26.05.06).

Ситуативные (по В. Г. Гаку) библеизмы не имеют формального прототипа в тексте Библии, но обладают свойством репрезентировать объемную по содержанию библейскую ситуацию (например, *l'arche de Noé*). Ситуативные библеизмы вносят в массово-информационный дискурс смыслы, прямо или опосредованно связанные с библейскими притчами, усиливающие эмоционально-оценочную коннотативную наполненность текста. Как способ введения возможны прямая апелляция к тексту источника – краткий пересказ содержания притчи: *Jésus-Christ guérissait les aveugles et les paralytiques. Eh bien, il nous faut aujourd'hui nous rendre à cette évidence: Dieu, je veux dire François Mitterrand, fait encore mieux...* (P, 1.02.02) и весьма отдаленная реминисценция: *gaulliste à la vingt-cinquième heure* (P, 26.10.96) – ставший голлистом, т. е. оценивший его по справедливости, когда де Голля уже давно нет в живых. Аналогия с притчей о хозяине и работниках, нашедшей отражение во фразеологизме *les ouvriers de la onzième heure* – те, кто приходят, когда работа уже почти сделана; текстовое переосмысление – те, кто слишком поздно приходят к осознанию, пониманию. А. Вежицкая говорит о возможности того, что отдельная притча может иметь различные правильные интерпретации на разных уровнях. В частности, анализируя притчу о добром самарянине, она подчеркивает ее способность порождать новые толкования [1. С. 220]. Встретившиеся нам текстовые употребления выражения *le bon Samaritain* свидетельствуют о том, что стоящий за ним назидательный смысл притчи может быть интерпретирован как урок высокой христианской морали: *Je défends le devoir d'assistance, dont la première formulation figure dans l'histoire du Bon Samaritain* (NO, 18–24.01.04) (интервью с Ц. Тодоровым). В то же время на сниженном «бытовом уровне» допустимо его ироническое использование: *Curieusement, alors, c'est Rinaldo qui entreprend le tour des clients pour apaiser leur colère. Jouant, selon un ami, «au bon Samaritain»* (P, 14.03.03).

Большинство библеизмов, употребляющихся в массово-информационном дискурсе, подвергаются разнообразным трансформациям. Отметим некоторые из них.

1. Антонимическая замена компонента. В тексте радиопередачи о том, что освоение космоса требует все больших материальных затрат, прозвучало: *Il est plus difficile à un pauvre [вместо riche] d'aller dans le ciel qu'à un chateau de passer dans le chas d'une aiguille* (RFI. 29.04.87).

2. Каламбур в заголовке *L'enfer de l'Eden* (NO, 18–24. 01) с эффектом обманутого ожидания: устойчивая антонимическая оппозиция ад / рай разрушается омонимией *l'eden – l'Eden*, аббревиатура названия организации *Encouragement au développement d'entreprises nouvelles*.

3. Эллипсис и замена компонента. В заголовке *Une poutrelle dans l'œil* (H, 31.07.86) содержится аллюзия на выражение *voir une (la) paille dans l'œil du prochain et ne pas voir la poutre dans le sien* (Matthieu 7, 5). Слово *poutre* заменено однокоренным *poutrelle*, так как в статье идет речь об экономических проблемах на заводе по производству крупнопанельных балок (*poutrelles*).

4. Игра слов, построенная на паронимическом искажении: *Grève-toi et marche* в заголовке к материалам о выступлениях студентов против реформ университета.

5. Преобразование придаточного предложения при двойной актуализации компонента: *Il n'est pire sourd qui ne finisse par entendre* 'даже самый *глухой* в конце концов услышит = поймет'.

6. Контаминация (скрещение) двух выражений: lit. *boire le calice jusqu' à la lie* 'испить чашу до дна' + fam. *boire la tasse* 'потерпеть провал' – *Le traditionnel meeting d'athlétisme de Paris a bien failli boire la tasse jusqu' à la lie* (H, 18.07.87). Примечательно, что в контаминации сливаются выражения с противоположной функционально-стилистической окраской.

7. Пародирование известного библейского изречения путем субституции нескольких компонентов выражения с сохра-

нением синтаксической структуры, по которой построена исходная устойчивая единица: *Que celui qui n'a jamais fumé une cigarette en cachette leur jette le premier mégot!* (F, 30.04.03).

Библеизмы во французском языке отличаются способностью к семантическому развитию. В этом отношении интересны эволюция и функционирование лексемы *manne*: 1) манна небесная; перен. подарок судьбы; 2) обильная и дешевая пища [3. С. 661]. В прессе слово *manne* часто имеет значение «крупная прибыль, сверхдоходы», реализуемое в таких сочетаниях, как *la manne pétrolière* «сверхприбыли от продажи нефти в связи с повышением цен на нее» (в русских газетах промелькнула калька *нефтяная манна*), *la manne espérée* «ожидаемая прибыль» и т. п.; новая «ниша» этой лексемы тяготеет к сфере финансовых операций.

Еще более любопытный факт – вхождение в общий обиход «новых» библеизмов. Устойчивое выражение *la traversée du désert* – содержит аллюзию на странствия по Аравийской пустыне на пути к Земле Обетованной. Употребляется в переносном смысле: имеется в виду временный отход от активной общественной жизни крупного политического деятеля. В этом значении выражение стало употребляться в 1960-е гг., когда речь шла о временном уходе с политической арены генерала де Голля в период между 1946 и 1958 гг. Затем появилось более отвлеченное образное значение: уединение, одинокое раздумье как перерыв между этапами активной деятельности, не обязательно политической [9. С. 769]. *J'ai mis 50 ans pour devenir ministre... Je me donne 10 ans pour avoir un parti à moi... Puis 5 ans de traversée du désert... Et là je pourrai postuler à la présidence!* (E, 6.02.03) – подпись к юмористическому рисунку.

Для адекватного восприятия и интерпретации адресатом смыслового и эмоционального содержания, которое несут в себе библейские образы и речения, не требуется пояснительного комментария. Используемые в массово-информационном дискурсе библеизмы входят в активный речевой обиход ти-

пичного (среднего) француза, они «диспонибельны» (термин Гугенейма), т. е. готовы к употреблению, так как несут на себе печать культуры, характерной для определенной сферы жизни. Как бы ни были противоречивы данные социологических исследований относительно положения религии и церкви в современном французском обществе [4. С. 242–255], можно утверждать, что на уровне обыденного бытия и сознания «типичной» французской семьи религия и связанные с ней обряды традиционно остаются принятыми формами общественного (социального) поведения. Об этом хорошо сказано у Камю: «On était catholique comme on est français, cela oblige à un certain nombre de rites. A vrai dire, ces rites étaient exactement au nombre de quatre: le baptême, la première communion, le sacrement du mariage (s'il y avait mariage) et les derniers sacrements. Entre ces cérémonies forcément très espacées, on s'occupait d'autre chose, et d'abord de survivre» [7. С. 155]. Следовательно, большинство французов способны к актуализации смыслов и ассоциаций, тем более прямых значений, связанных с миром христианской религии. Диспонибельность языковых форм, связанных с явлениями религиозного сознания, подтверждается, в частности, и тем, как используются библеизмы в массово-информационном дискурсе.

Литература

1. *Вежбицкая А.* Значение Иисусовых притч: семантический подход к Евангелиям / Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. *Гак В. Г.* Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания. 1997. № 5.
3. *Гак В. Г., Ганишина К. А.* Новый французско-русский словарь. М., 1993.
4. *Салмин А. М.* Французский католицизм в зеркале социологии // Франция глазами французских социологов. М., 1990.

5. *Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю.* Художественный текст и лингвокультурологическое тестирование // Текст и культура: Общие и частные проблемы. М., 1993.
6. *Bologne J.-C.* Les allusions bibliques: Dictionnaire commenté des expressions d'origine biblique. P., 1996.
7. *Camus A.* Le premier homme. P., 1994.
8. *Gueunier N.* Une forme brève: la parémie d'origine évangélique et son usage dans les titres littéraires en français // Cahier de l'institut de linguistique de Louvain. 1991. № 17.
9. *Rey A., Chantreau S.* Dictionnaire des expressions et locutions. P., 1993.

Принятые сокращения

E – L'Express

F – Le Figaro

H – L'Humanité

M – Le Monde

NO – Le Nouvel observateur

P – Le Point

RFI – Radio France Internationale

**III. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ.
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ.
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА**

Н. В. Буторина

**СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ
ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ
(О названиях наук в романских, германских и русском языках)**

Большое место в сравнительной типологии занимает изучение лексики, что позволяет получить некоторое представление об особенностях *языковой реакции* носителей разных языков на аналогичные ситуации, понятия окружающей человека действительности и устанавливающиеся между этими понятиями отношения [3. С. 13].

В настоящей статье рассматривается лексика, обозначающая названия наук в романских (французском, итальянском, испанском), германских (английском, немецком) и русском языках.

По поводу самого понятия науки среди ученых-научников наблюдаются весьма большие расхождения. Существуют две крайние точки зрения, находящиеся в радикальном противоречии друг с другом. Первая точка зрения не накладывает на науку жестких ограничений, т. е. наукой в широком смысле слова можно считать любую совокупность знаний, относящуюся к окружающему миру. Следуя этой точке зрения, зарождение, например, математической науки следует отнести к тому времени, когда человек начал производить пусть даже самые элементарные операции с числами; астрономия появилась одновременно с первыми наблюдениями за движением небесных светил; наличие некоторого количества сведений о животном и растительном мире уже

может служить свидетельством первых шагов зоологии и ботаники. Если это так, то ни греческая и ни любая другая историческая цивилизация не может претендовать на то, чтобы считаться родиной науки, ибо возникновение последней отодвигается в туманную глубь веков.

Другая точка зрения о зарождении науки утверждает, что наука в собственном смысле родилась лишь в Европе в XVI–XVII вв., в период великой научной революции. Именно к этому времени следует отнести рождение собственно научного метода. Следуя этой точке зрения, античные мыслители еще не знали эксперимента и, следовательно, не обладали подлинно научным методом: их умозаключения не могли быть подвергнуты настоящей проверке [2. С. 112].

Мы не ставим перед собой задачу определения времени появления той или иной науки. Тем не менее мы можем с уверенностью сказать, как показывает языковой материал, что значительная часть слов, обозначающих названия наук (хотя науки как таковые могли отсутствовать), существовали в древнегреческом языке и легли в основу слов многих современных языков (фр. *astronomie*, ит. *astronomia*, исп. *astronomía*, англ. *astronomy*, нем. *Astronomie*, рус. *астрономия*; фр. *botanique*, ит. *botanica*, исп. *botanica*, англ. *botany*, нем. *Botanik*, рус. *ботаника*; фр. *géometrie*, ит. *geometria*, исп. *geometría*, англ. *geometry*, рус. *геометрия* и мн. др.). Отметим, что науки, изучающие один и тот же предмет в древнем и современных мирах, не могут быть полностью отождествлены друг с другом. Иногда при детальном этимологическом анализе между науками можно обнаружить большое различие, несмотря на то, что они имеют одни и те же названия.

Известно, что научная терминология, в том числе названия наук, является интернациональной. Она входит в состав европейских языков как вполне сложившаяся и, вместе с тем, постоянно развивающаяся лексическая группа. К интернациональной лексике относят слова, которые распространены в нескольких, по крайней мере в трех, неблизкородственных

языках. Когда говорят об интернациональной терминологии, то имеют в виду прежде всего группу слов, общую для языков Европы. Интернациональные термины могут быть распространены в близкородственных языках, но наряду с этим они непременно должны быть и в языках неблизкородственных [1. С. 7].

Учитывая специфику научной терминологии, стремящейся к интернационализации, а также принимая во внимание графическое оформление слов, обозначающих названия наук, можно предположить, что существует полная идентичность данных слов в современных языках. Однако изучение данной лексики, исходя из семасиологического (от слова к понятию) и ономасиологического (от понятия к слову) принципов на уровне сравнительной типологии (с учетом этих принципов, в частности, представлен грамматический и лексический материал в «Сравнительной типологии романских языков» Т. А. Репиной, см. об этих принципах: 3. С. 14), свидетельствует о том, что не все на этом языковом участке так однозначно, как видится на первый взгляд.

Обратимся к конкретным лексическим единицам. Рассмотрим, например, слово *алгебра*. Оно пришло из арабского: *al* соответствует артиклю (например, *le* во французском языке) и *djabr* – это соединение того, что было сломано (восстановление разрозненных частей). Первоначально слово использовалось для обозначения науки костоправа, который умеет вправить сломанные кости.

Увлеченные математикой арабы (в средние века у арабов процветали точные науки) создали новую ветвь, которую назвали: *ilm al-djabr wa'l-muq-abala* ‘уменьшение и сопоставление через уравнение’ [5. С. 17].

В эпоху Средневековья на латинский манер было создано слово *algebra*, которое и используется многими современными языками. Латинизированная средневековая форма *algebra* создана на основе *al-djabr* – сокращение арабской фразы [4. С. 22], слово употребляется во всех изучаемых языках: фр.

algèbre, ит. *algebra*, исп. *algebra*, англ. *algebra*, нем. *Algebra* (имеется др. вариант: *Buchstabenrechnung*), рус. *алгебра*.

В итальянском языке слово *algebra* до 1800 г. одновременно означало два понятия: «алгебра» и «вправление перелома» [5. С. 17]. Рассмотрение современного значения в изучаемых языках показало, что все они используют это слово в качестве математического термина.

В некоторых языках в данном слове появилось дополнительное значение. Помимо обозначения науки, например во французском и итальянском языках, у него имеется шутливое значение «премудрость, мудреная (или непонятная) вещь»: фр. *pour moi c'est de l'algèbre* 'для меня это китайская грамота' (букв. 'для меня это алгебра'); ит. *per me è algebra* 'для меня это китайская грамота', *non ci vuole l'algebra* 'это легко понять, это само собой понятно' (букв. 'это для нас не алгебра').

Нам представилось интересным рассмотреть такое понятие, как «китайская грамота» («премудрость», «мудреная вещь») в сопоставляемых языках, т. е. выявить то, что выступает как синоним слову *algèbre* в данном значении. Ср.: фр. *algèbre* 'алгебра', *chinois* 'китайский', *grec* 'греческий'; ит. *algebra* 'алгебра', *arabo* 'арабский', *rebus insolubile* 'неразрешимый ребус', *linguaggio indecifrabile* 'непонятный язык'; исп. *jeroglífico* 'иероглиф'; нем. *böhmische Dörfer: Das sind mir [für mich] böhmische Dörfer* 'это для меня китайская грамота' (букв. 'богемские, чешские деревни'); англ. *grec: it is all Greek to me* 'это для меня китайская грамота' (букв. 'греческий язык'); рус. *китайский; темный лес*.

В синонимическом ряду в большинстве случаев ассоциации связаны с трудными языками (китайским, арабским, греческим). Причем любопытно отметить, что китайский язык трудным для себя считают французы, испанцы и русские, греческий язык – французы и англичане, арабский язык – итальянцы. Это обусловлено, на наш взгляд, экстралингвистическими факторами. Что касается науки алгебра, то, по-

видимому, она относилась к разряду трудных, поэтому в ее названии в некоторых языках появилось дополнительное значение «трудный».

Сопоставление ряда слов, обозначающих в разных языках название математика, занимающегося алгеброй, позволило выявить остатки первоначального значения, связанного с наукой костоправа. До сих пор в испанском языке костоправ называется *algebrista* [5. С. 17]. В современном языке оно рассматривается как устаревший медицинский термин. Наряду с ним в данном значении употребляются также иные слова (*curandero, ensalmador*).

В других изучаемых языках это слово употребляется только как математический термин (фр. *algébriste*, ит. *algebrista*, рус. *алгебраист* и др.).

Название науки *анатомия* (англ. *anatomy*, нем. *Anatomie*, фр. *anatomie*, исп. *anatomía*, ит. *anatomia*) восходит к латинскому *anatomica* (< гр. *anatomia* ‘рассечение, разрезание, вскрытие’ < *anatemnein* ‘разрезать’). В современном мире *анатомия* – наука о форме и строении отдельных органов и организма в целом. В некоторых современных языках данное слово имеет дополнительные значения. Например, фр.: 1) название науки; 2) анатомия (человека, растения); 3) анатомирование, вскрытие (*faire l'anatomie d'un cadavre* ‘анатомировать’); 4) телосложение, формы (*une belle anatomie* ‘прекрасное телосложение, прекрасные формы’); исп.: 1) название науки; 2) анатомирование; англ.: 1) название науки; 2) *разг.* скелет, кожа да кости; 3) анализ, тщательный разбор; 4) анатомирование; нем.: 1) название науки; 2) анатомический театр; *разг.* анатомичка.

Значение «тщательный разбор» зафиксировано только у современного английского слова *anatomy*. В XVI в. это значение появилось во французском слове *anatomie*, которое на сегодняшний день устарело [6. С. 66]. Но оно до сих пор отчетливо просматривается во фразеологизме: *faire l'anatomie de qch* ‘подвергнуть строгому, скрупулезному анализу’. Это

же переносное значение (кроме основного значения «анатомировать») обнаруживается в некоторых языках в глаголе, являющемся производным словом: фр. *anatomiser* ‘тщательно анализировать’, ит. *anatomizzare* ‘подробно анализировать; вскрывать всю подноготную’.

Значение «анатомирование», т. е. осуществление действия, у слова, обозначающего название науки, имеется во французском *anatomie*, испанском *anatomía* и английском *anatomy*. Во всех языках, в том числе и трех указанных, для этого явления используются также и другие медицинские термины: фр. *autopsie*, *dissection*, ит. *autopsia*, *dissecazione*, исп. *autopsia*, *dissección*, англ. *dissection*, нем. *Autopsie*, *Obduktion*, *Sektion*, рус. *вскрытие* (трупа).

Как показал языковой материал, в немецком языке слово *Anatomie*, кроме обозначения науки, употребляется в значении «анатомический театр, анатомичка». Рассмотрим, как передается это понятие в изучаемых языках:

фр. *amphithéâtre d'anatomie*; ит. *sala anatomica*, уст. *teatro anatomico*; исп. *anfiteatro de anatomía (anatomico)*, *sala de dissección*; англ. *dissecting room*; нем. *Anatomie*, *Anatomiesaal*, *Seziersaal*; рус. *анатомический театр*, *анатомичка*.

В рассматриваемом словосочетании употребляется прилагательное, производное от названия науки *анатомия* (ит. *anatomico*, исп. *anatomico*, рус. *анатомический*) или само существительное в качестве прилагательного (фр. *d'anatomie*, исп. *de anatomía*). В немецком языке в данном случае слово *Anatomie* по форме совпадает с формой слова, обозначающего название науки. В действительности же – это сокращение сложного слова *Anatomiesaal*, где первая часть слова выступает в функции прилагательного, букв. ‘анатомический зал’, т. е. сокращенная форма в немецком языке, по-видимому, получила такой же путь развития, что и русская сокращенная разговорная форма *анатомичка*.

В английском, немецком и испанском языках имеются и другие варианты, где прилагательное ‘анатомический’ отсут-

ствует: англ. *dissecting room*, нем. *Seziersaal*, исп. *sala de disección*.

Отметим, что в качестве существительного используются разные слова, обозначающие помещение, в котором осуществляется анатомическое действие: ит. *sala*, исп. *sala*, нем. *Saal* (зал), англ. *room* (комната), ит. уст. *teatro* (театр), фр. *amphithéâtre*, исп. *anfiteatro* (амфитеатр). Семантическое развитие данного понятия выявляется через изучение истории слова *amphithéâtre* во французском языке.

Слово *amphitheatrum* (лат. < гр.) у римлян обозначало кругообразное просторное строение с ярусами, в центре которого находилась арена. Оно было предназначено первоначально исключительно для битв гладиаторов, позднее – для различных спектаклей и даже для морских сражений (в этом случае вместо арены был бассейн). В XVII в. фр. слово *amphithéâtre* стало обозначать в различных театрах верхний этаж, на котором находились зрители на ярусах, расположенных друг над другом. В XVIII в. (1751) слово стало обозначать помещение с ярусами для практических занятий по анатомии и хирургии. *Amphithéâtre d'anatomie* получило расширение значения, и словосочетание сократилось до *amphithéâtre* (фам. сокр. *amphi*) – так в XIX в. стали называть похожие помещения, где преподаватели университета читают лекции, ср. арг. *suivre un amphi* ‘слушать лекцию’ [б. С. 62].

Рассмотрим название термина *медицина* (англ. *medicine*, нем. *Medizin*, фр. *médecine*, исп. *medicina*, ит. *medicina*). В латинском языке у этого слова было очень много значений (лат. *medicina* ‘искусство лечить’ < *medicus* ‘врач’): 1) врачебная наука; 2) лечебное средство, лекарство; 3) косметическое средство; 4) приемная (кабинет врача); 5) подрезание; 6) яд, отравы. В данном слове в дальнейшем проявляется сужение значений. В настоящий момент основное значение – это область науки и практическая деятельность, направленные на сохранение и укрепление здоровья людей. В некоторых языках сохранилось значение «лекарство»: фр. *une médecine de*

cheval 'лошадиная доза'; ит. *prendere una medicina*, исп. *tomar una medicina* 'принять лекарство'; англ. *a medicine for (headache, cold, etc.)* 'лекарство от (головной боли, простуды и т. п.)'.

Остальные существовавшие в латинском языке значения у слова *медицина* в словарях современных языков не выявлены. Но появились новые значения, например, «врачебная практика»: фр. *il est dans la médecine* 'он работает врачом, он медик'; исп. *ejercer la medicina* 'заниматься врачебной практикой'; англ. *to practise medicine* 'заниматься врачебной практикой, быть практикующим врачом'. В английском языке, в отличие от других языков, у слова *medicine* имеются и другие значения: «колдовство, магия», «талисман, амулет». Кроме того, выявлены следующие устойчивые выражения: *give somebody a dose of their own medicine* 'относиться к людям так же, как они относятся к тебе'; *to take one's medicine* а) понести заслуженное наказание; б) покориться неизбежности, стойко пережить что-либо неприятное; в) «принять», глотнуть спиртного.

Таким образом, рассмотрение лексических единиц, обозначающих названия наук, на семасиологическом и ономазиологическом уровнях в разных языках, представляется эффективным и позволяет привлечь «внимание к известному, но часто ускользающему от взглядов исследователя положению о том, что явление не есть сущность» [3. С. 205]. А именно: если названия самих наук соответствуют друг другу в разных языках, то дополнительные значения, имеющиеся у изучаемых слов, могут не совпадать.

Литература

1. Бельчиков Ю. А. Интернациональная терминология в русском языке. М.: Просвещение, 1959.
2. Помпеев Ю. А. Очерки по истории европейской научной мысли. СПб.: Абрис, 2003.
3. Репина Т. А. Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский): Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.

4. *Dauzat A., Dubois J., Mitterand H.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. 5-ème éd. P.: Larousse, 1981.
5. *Galey B. C.* L'étymo-jolie: Origines surprenantes des mots de tous les jours. P.: Tallandier, 1991.
6. *Le Petit Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française.* P.: Le Robert, 1981.

В. М. Дебов

**О НЕКОТОРЫХ СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ
ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ
(На материале французского и итальянского языков)**

В системе образных средств большинства языковых систем, в том числе романских, сравнения занимают важное место, будучи первичной, исходной и потому важнейшей формой языкового образа [4; 7]. Если сравнение как логическая категория представляет собой один из способов познания предметов и явлений действительности, то образное сравнение (ОС) предлагается рассматривать как стилистический прием, сущность которого состоит в сопоставлении одного явления или предмета с другим с целью создать более яркое изображение какого-либо из его характерных признаков [10. С. 5].

Вслед за Ш. Балли, отметившим, что носители языка уподобляют абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо это является единственным способом их познания и ознакомления с ними других [9], В. М. Огольцев [5], а также Л. А. Лебедева [3] и Т. З. Черданцева [8] видят специфику образного сравнения в сопоставлении конкретного индивидуального предмета с понятием.

Попытка сравнительно-сопоставительного исследования образных сравнений, осуществленная на материале словарей близкородственных романских языков, каковыми являются французский и итальянский [11–16], позволила отметить наличие, среди прочих [ср.: 2], довольно значительной группы

компаративных блоков с полным структурно-семантическим тождеством. Сознвая всю необходимость соблюдения внимательного подхода и осторожности при интерпретации сходств [1; 6], в данной категории можно выделить несколько подгрупп ОС, **совпадающих** как по своей структуре, так и по семантическому составу.

Во-первых, модель «*прилагательное + comme / come + существительное с неопределенным артиклем*». Наблюдение над данными ОС, наиболее значительными в количественном отношении, позволяет сделать вывод о том, что имя прилагательное, как правило, выражает признак, характеризующий:

а) внешние (физические качества):

beau comme un ange – bello come un angelo, frais comme une rose – fresco come una rosa, aveugle (myope) comme une taupe – cieco come una talpa и

б) внутренние качества:

caressant comme un chat – carezzevole come un gatto. Признак может также относиться к размеру (*gros comme un elephant – grosso come un elefante*), либо к форме (*droit comme un i – dritto come un'i*), структуре (*maigre comme un clou – magro come un chiodo*) и цвету, прежде всего красному (*rouge comme une cerise – rosso come una ciliegia, rouge comme une fraise – rosso come una fragola*).

Во-вторых, модель «*прилагательное + comme / come + существительное с определенным артиклем*». В этой подгруппе образных сравнений имя прилагательное выражает другие, например эстетические и моральные, качества человека (*beau comme le soleil – bello come il sole, laid comme le péché – brutto come il peccato*), а также интенсивность цвета (*blanc comme la neige – bianco come la neve, noir comme la nuit – nero come la notte*).

В-третьих, модель «*прилагательное + comme / come + существительное (имя собственное) без артикля*». В данных ОС отмечено присутствие имен собственных религиозных персонажей из Библии, например: *nu comme Adam – nudo come*

Adamo, pauvre comme Job – povero come Giobbe, vieux comme Mathusalem – vecchio come Matusalemme, fort comme Hercule – forte come Ercole.

В-четвертых, модель «*глагол + comme / come + существительное с неопределенным артиклем*». В качестве признака здесь могут выступать такие глаголы, как, например, *dormir* (*dormir comme une marmotte – dormire come una marmotta, dormir comme un ange – dormire come un angelo, dormir comme une pierre – dormire come una pietra*) или *pleurer* (*pleurer comme une fontaine – piangere come una fontana*). В качестве опорного слова в этой подгруппе отмечено название одного из домашних животных человека, а именно собаки. С одной стороны, представлено ее основное качество, каковым является преданность (*suivre qn comme un chien – seguire qd com'un cane*), а с другой – отрицательное отношение к ней человека, вероятно, сложившееся и под влиянием религиозных установок: *mourir comme un chien – morire come un cane, être comme un chien du jardinier – essere come un cane dell'ortolano*.

Следует также отметить наличие в двух языках образного сравнения-кальки, позволяющего выразить крайне плохую способность иностранца говорить на французском языке: *parler français comme une vache espagnole – parlare francese come una vacca spagnola*. При отсутствии подобного ОС относительно владения итальянским языком данный факт следует рассматривать, скорее всего, как свидетельство более высокого престижа французского.

В-пятых, модель «*глагол + comme / come + существительное с определенным артиклем*». Подобные образные сравнения могут отражать, например, различные способы передвижения в пространстве от наиболее медленного до самого быстрого (*courir comme le vent – correre come il vento*), либо вводить противоположные признаки (*être comme l'eau et le feu – essere come l'acqua e il fuoco*).

Рассмотренные выше модели устойчивых ОС с полным структурно-семантическим тождеством могут быть, на наш

взгляд, объяснены как общностью их происхождения из латинского языка, так и продолжительным характером контактирования французской и итальянской языковых систем, в результате которого оказался приведенным в действие механизм лексического калькирования.

Наряду с полностью тождественными была выделена и такая группа ОС, где при сохранении лексического и семантического тождества наблюдаются **частичные расхождения** грамматического характера. Прежде всего они связаны с употреблением артикля. Отметим такие случаи, как:

а) *неопределенный* артикль во *французском* языке – *определенный* артикль в *итальянском*. Опорными словами выступают конкретные имена существительные, например: *noir comme un charbon – nero come il carbone, noir comme un corbeau – nero come il corbo, pousser comme une mauvaise herbe – crescere come la mala erba*;

б) *частичный* артикль во *французском* языке – *определенный* артикль в *итальянском*. Опорным словом здесь может выступать название материала или вещества, выраженное неисчисляемым конкретным именем существительным: *dur comme du marbre – duro come il marmo, blanc comme du papier – bianco come la carta, noir comme de la poix – nero come la resce*;

в) *наличие* артикля во *французских* ОС – *отсутствие* артикля в *итальянских* образных сравнениях. При этом отмечено употребление как определенного (*noir comme la suie – nero come paiuolo*), так и неопределенного (*blanc comme un lis – bianco come giglio*) и частичного (*noir comme de l'encre – nero come inchiostro*) артиклей.

Кроме того, отмеченные расхождения в структуре образных сравнений связаны с использованием категории числа существительных. Во *французских* образных сравнениях существительное стоит *в единственном числе*, тогда как в *итальянских* – *во множественном*, например: *s'aimer comme chien et chat – amarsi come cani e gatti*, а также *faire comme*

l'autruche – fare come gli struzzi, noir comme l'aile de corbeau – nero come le ali del corvo. Как видно из последнего примера, кроме расхождения в числе основного слова, присутствует различие и в способе присоединения к нему дополнения: предлог *de* во французском, слитный артикль в итальянском.

Таким образом, анализ исследованного материала, отнюдь не претендующий на решение всех поставленных задач, позволил на начальной стадии изучения отметить многочисленные случаи полных схождений в структуре образных сравнений французского и итальянского языков. Наряду с этим было выявлено определенное количество частичных расхождений, носящих, прежде всего, грамматический характер.

Литература

1. Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал. 2-е изд., доп. М., 2004.
2. Дебов В. М., Калинина Ю. А. Образные сравнения французского и итальянского языков: сходства и различия. Иваново, 2004.
3. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеологии. Краснодар, 1999.
4. Назарян А. Г. Образные сравнения французского языка. М., 1965.
5. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978.
6. Репина Т. А. Сравнительная типология романских языков. СПб., 1996.
7. Черданцева Т. З. Очерки по лексикологии итальянского языка. М., 1982.
8. Черданцева Т. З. Итальянская фразеология и итальянцы. М., 2001.
9. Bally Ch. Traité de stylistique française. P., 1961.
10. Gross G. Les expressions figées en français. P., 1996.

Список словарей

11. Гак В. Г., Ганишина К. А. Новый французско-русский словарь. М., 2000.

12. Гак В. Г., Кунин И. А., Рецкер Я. И. Французско-русский фразеологический словарь. М., 1963.
13. Зорько Г. Ф., Майзель Б. Н., Скворцова Н. А. Большой итальянско-русский словарь. М., 2002.
14. Черданцева Т. З., Рецкер Я. И., Зорько Г. Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь. М., 1982.
15. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P., 2003.
16. Le Robert et Signorelli. Dictionnaire français-italien, italien-français. P., 2002.

Т. И. Зеленина

**ОПОСРЕДОВАННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
(Французские слова в удмуртском языке)**

В постсоветскую эпоху, отличающуюся коренными изменениями в социальной и экономической структуре общества и его демократизацией, наблюдаются процессы возрождения национальных языков и культур, активизации этнического самосознания. Вполне закономерная тревога о судьбе родного языка иногда выливается в стремление полностью оградить его от русских заимствований. Однако при решении этой проблемы, помимо эмоциональной реакции, следует основываться на глубоком научном исследовании взаимодействия исконной и заимствованной лексики и роли русского языка как посредника в этом процессе.

Несколько десятилетий назад в докладе известного венгерского лингвиста Л. Гальди на IV Международном съезде славистов прозвучало следующее: «Что касается влияния русского языка, в частности его наиболее типичных европеизмов, на тюркские, монгольские, финно-угорские, самодийские, кавказские, палеоазиатские и другие языки, то первейшей задачей (к сожалению, довольно сложной) будет установить, какие примерно *романские элементы через посредство русского языка* (выделено нами. – Т. З.) нашли доступ в ряд языков – вплоть до Центральной Азии. Сколь бы невыполнимой ни

казалась эта задача, ее придется разрешить, по крайней мере сначала для отдельных языков и групп языков» [2. С. 79]. В свете этого высказывания предпринятое нами исследование французской лексики, проникшей в удмуртский язык через русский, является одним из этапов решения этой проблемы. Отметим, что удмуртский язык наряду с русским принят в качестве государственного в Удмуртской Республике.

Кроме того, представляется, что изучение языкового материала удмуртского (финно-угорского) языка через призму сопоставительно-типологических исследований, в частности известных российских ученых В. Г. Гака (на материале французского и русского языков [1]) и Т. А. Репиной (на материале романских языков [9]), позволит открыть новые пути исследования национальных языков России.

Проникновение французской лексики в русский язык, а через него – в удмуртский, обусловлено самой историей народов – носителей этих языков. Французский язык, в свою очередь, также в силу исторических обстоятельств, оказался открытым для заимствований из других языков.

Способом сплошной и частичной выборки из различных словарей и научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей был составлен словарь французских по происхождению слов в русском языке, в который включались слова, имеющие хотя бы одно указание на французское происхождение (более 4000 слов). На основе данного языкового материала были выявлены французские по происхождению слова, зафиксированные в удмуртском языке (1435), подготовлен и издан этимологический словарь опосредованных заимствований [3], опубликована монография [4]. Неоценимую помощь нам оказала составленная сотрудниками лаборатории математической лингвистики Удмуртского госуниверситета картотека, фиксирующая употребительность русских заимствований в удмуртских письменных источниках.

В ходе исследования нами была выявлена **динамика фиксации** в русском и удмуртском языках лексики французского происхождения.

Мы выяснили, что свыше 80% французских слов, пришедших в дальнейшем в удмуртский язык, были заимствованы русским языком в течение XVIII–XIX вв. (в XVIII в. более 45% французских заимствований приходится на первую четверть века, в XIX в. процесс проникновения изучаемых слов был более равномерным).

В удмуртском языке пик заимствований из русского языка слов французского происхождения, по нашим наблюдениям, приходится на 20–40-е гг. XX в. (свыше 90%). В дооктябрьский период количество опосредованных русских заимствований французского происхождения в удмуртском языке составило лишь около 8%, и это при том, что в памятниках удмуртского языка в дооктябрьский период, как отмечают исследователи, зафиксировано уже более 4 тыс. русских слов [7. С. 8]. Это объясняется тем, что, во-первых, в языке освоение лексики не происходит стремительно. Русскому языку потребовалось 1,5–2 столетия, чтобы он стал языком-посредником при передаче французских заимствований в удмуртский язык. Во-вторых, коренное население Удмуртии дооктябрьского периода занималось главным образом сельским хозяйством. Благодаря существующему укладу жизни удмуртов русские слова французского происхождения не были востребованными. В-третьих, само русское население, проживающее совместно с удмуртами, было необразованным и соответственно не владело французским языком. Дворянство, которое могло бы способствовать распространению французского языка, практически в крае отсутствовало. Таким образом, слова французского происхождения в дооктябрьский период не употреблялись ни в русском, ни в удмуртском разговорном языках в Вятско-Камском регионе.

В ходе исследования нами были выявлены и систематизированы **приемы адаптации** французской лексики русским

языком и русской лексики французского происхождения удмуртским в области фонетики, грамматики и семантики.

Приспосабливая французскую лексику к особенностям своей фонетической системы, русский язык редуцировал неударные гласные, которые в самом французском языке не подвергаются редукции (*commissaire* [kOmis3:r] > *комиссар* [кUm'исар]), нейтрализовал назализацию гласных (*ensemble* [2s2mbɛl] > *ансамбль* [Унсамбл']; заменил отсутствующие в нем французские звуки имеющимися в его собственной системе звуками и сочетаниями звуков (*régisseur* [reJis7:r] > *режиссёр* [р'жис'ор]); подверг оглушению конечные согласные (*narcoze* [narko:z] > *наркоз* [нУркос]) и т. д.

Удмуртский язык, в свою очередь, приспосабливал русские заимствования французского происхождения к своей собственной фонетической системе путем усечения конечного гласного в русских заимствованиях (фр. *action* > рус. *акция* > удм. *акци*; фр. *enquête* > рус. *анкета* > удм. *анкет*); отказа от скопления группы согласных (фр. *centimètre* > рус. *сантиметр* > удм. *сантиметыр*; фр. *manifeste* > рус. *манифест* > удм. *манифес*); замены фонемы (фр. *passport* > рус. *паспорт* > удм. *пащпурт*) и т. д. В современном удмуртском языке изучаемые слова, за редким исключением, приняли русскую орфографию и произношение, отразив фонетические изменения, произошедшие с французскими словами в языке-посреднике. Адаптации в удмуртском языке подвергались слова не французского, а русского языка, что свидетельствует об *опосредованном* характере заимствованных французских слов удмуртским языком.

В области грамматики заимствованные русским языком французские существительные обнаруживали изменения при передаче рода. Так, например, существительные женского и мужского рода получали в русском языке окончание *-а*, которого не было во французском слове (фр. *mode*, f > рус. *мода*, ж. р.; фр. *casque*, m > рус. *каска*, ж. р.); слова с французским суффиксом *-ette* приобретали дополнительный

русский суффикс *-к* с флексией *-а* (фр. *couchette* > рус. *кушетка*); французские слова мужского рода, имеющие вокалический исход, переходили в разряд русского среднего рода (фр. *bureau* > рус. *бюро*, фр. *tire/t/* > рус. *тире*) и т. д.

На уровне словообразования в русском языке происходили такие процессы, как лексикализация некоторых французских словосочетаний (*avant-scène* > *авансцена*), внедрение иноязычных (*bandage* > *бандаж*, *galanterie* > *галантерея*, *dicter* > *диктовать* *isoler* > *изолировать*) и национальных (*décadence* > *декадентство*, *prétention* > *претенциозность*, *unitaire* > *унитарный*) суффиксов, возникновение заимствованных лексических гнезд (*accoucheur* > *акушер*, *акушерка*, *акушерство*) и т. д.

Грамматический род в удмуртском языке отсутствует. Процесс адаптации удмуртской грамматической системой опосредованных русских заимствований французского происхождения, как выяснилось в ходе нашего исследования, происходил тремя способами: а) заимствованием без каких-либо изменений русского слова (*диагональ*); б) включением заимствованного слова в грамматическую систему удмуртского языка: *-ёс* как показатель множественного числа существительных (фр. *mémoires* > рус. *мемуары* > удм. *мемуаръёс*); *-ыны* как показатель глагольности соответствующей основы (фр. *manière* ‘манера’ > рус. *манерничать* > удм. *манеръяськыны*); в) приданием заимствованному слову особого маркера, подчеркивающего иноязычный характер: *-ой* – у прилагательных (фр. *agressif* > рус. *агрессивный* > удм. *агрессивной*); вспомогательные компоненты: *карыны* – для обозначения глагола (фр. *balancer* > рус. *балансировать* > удм. *балансировать карыны*), *карон* – в качестве показателя субстантивации (рус. *балансирование* > удм. *балансировать карон* ‘балансирование’). Присутствие особых маркеров при заимствованных из русского языка словах французского происхождения свидетельствует о стремлении удмуртского языка формально отделить исконный лексический фонд от

заимствованного. В области грамматики и словообразования, как показало наше исследование, удмуртский язык использует при адаптации заимствованной лексики собственные языковые ресурсы.

В области семантики французские слова, будучи заимствованными русским языком, сохраняли, как правило, значение французского слова (*абрикос, металл, окулист*). Обнаруживаются также сужение значения (фр. *carrière* > рус. *карьер*), изменение значения (фр. *intelligence* > рус. *интеллигенция*), разведение значений по разным словам (фр. *étiquette* > рус. *этикет, этикетка*), калькирование (фр. *touchant* > рус. *трогательный*) и т. д.

Удмуртский язык еще в большей степени сохраняет значение русских слов французского происхождения. В некоторых случаях удерживается лишь прямое значение, а для выражения переносных значений используются собственно удмуртские слова (фр. *bord* > рус. *борт* > удм. *борт* 'боковая стенка, бок судна' / *палэнтэмын* 'за бортом' < *палэтыны* 'устранять, удалять, отчуждать'). Опосредованные русские кальки могли усвоиться удмуртским языком (фр. *journal* > рус. *дневник* > удм. *дневник*), использоваться параллельно с удмуртским вариантом (фр. *raffiné* > рус. *утонченный* > удм. *утонченной* / *туж умой валан*) или не заимствоваться (фр. *aller* > рус. *идти, быть к лицу* / удм. *кельшыны, тупаны*). В удмуртском языке нами отмечено большое число существительных как конкретного, так и абстрактного значения, пришедших через русский из французского и функционирующих наряду с собственно удмуртскими словами (*браслет – покес, колики – хогъян*). Это свидетельствует о том, что лексика, заимствованная удмуртским языком из французского через посредство русского, вступая в сложные отношения с исконной лексикой, находит в лексической системе языка свою «нишу» и что удмуртский язык дает пример реализации универсального закона **избирательности** при освоении заимствованных слов.

В целом систематизация приемов адаптации слов на фонетическом, грамматическом, словообразовательном и семантическом уровнях в удмуртском языке показала, что изменению подверглись слова не французского, а русского языка, что еще раз подтверждает значительную роль языка, выполняющего функцию посредника при заимствованиях из языка-источника, не имеющего прямых исторических контактов с языком-реципиентом.

Далее нами был проведен анализ с целью выяснения того, насколько изучаемый корпус заимствованных слов является интернациональным.

Мы предприняли исследование **этимологии** самих французских слов, пришедших впоследствии в русский, а через него – в удмуртский язык. Анализ материала показал, что значительная часть этих слов (60%) не является исконным пластом лексики французского языка. Среди источников заимствования мы обнаружили (по мере уменьшения количества заимствований) латинский, итальянский, испанский, английский, греческий и ряд других языков, в том числе арабский, турецкий, нидерландский. Впитав в себя разноязычную лексику и адаптировав ее в своей собственной системе, французский язык, в свою очередь, явился источником заимствований другими языками (немецким, польским, итальянским, английским и т. д.), в частности и в большей степени – русским. Мы попытались установить **типологию взаимодействия** французского и русского языков с другими языками. Оказалось, что заимствование французских слов русским языком могло идти параллельно из французского и тех языков, которые заимствовали эти слова из французского, причем формы взаимодействия языков были различными. Что же касается удмуртского языка, то для него во всех случаях единственным языком-посредником при заимствовании слов французского происхождения, независимо от тех отношений, в которые вступал французский язык с другими языками, явился русский язык.

Присутствие одних и тех же слов одновременно во французском, русском и других языках позволяет отнести их к числу интернационализмов. Изучение по данным составленного нами этимологического словаря удмуртской лексики французского происхождения, заимствованной удмуртским языком через посредство русского [3], показало, что подавляющее число входящих в него лексем относится к терминам и носит **интернациональный характер**.

В последние десятилетия удмуртская речь, по мнению удмуртских ученых, стала настолько изобиловать русскими и интернациональными словами [11. С. 112], что появилась опасность утраты национальной самобытности удмуртского языка. В связи с этим удмуртская интеллигенция ведет активную деятельность за чистоту удмуртского языка.

Негативное отношение к неоправданному внедрению заимствований в удмуртский язык не является исключительным явлением. Аналогичные процессы наблюдались в разные эпохи в различных языках и культурах. Это было, например, во Франции (борьба с италянизмами в XVI в.) и в России (борьба с галлицизмами в XIX в.). Ярко выраженная тенденция к регулированию заимствований проявляется в разных странах и сегодня. Общество вплотную подошло к *лингвистической экологии* как сохранению национально-исторических традиций своих культур и охраны этнического менталитета, воплощенного в словах, категориях и формах родного языка [10. С. 25–26].

Особого внимания заслуживает работа Республиканской термино-орфографической комиссии, образованной постановлением Президиума Государственного Совета и Правительства Удмуртской Республики (1995). В задачи комиссии входит, в частности, упорядочение терминотворчества и образование новых терминов [8. С. 58].

Нами был проанализирован словарь удмуртских слов, предложенных взамен употребляемых русских в современном удмуртском языке Республиканской термино-орфографиче-

ской комиссией [6. С. 20–52]. Комиссия проделала очень большую работу при подготовке данного словаря, который включает несколько сотен терминологических единиц. Вне всякого сомнения, это позволит уменьшить существующую русификацию удмуртского языка. Вместе с тем, целесообразность замены некоторых слов представляется сомнительной.

Опираясь на многоязычный словарь, составленный нами на основе французской лексики [5], мы рассмотрели слова, пришедшие в удмуртский язык, и сравнили их с аналогичными словами других языков. Как показало сравнение, некоторые лексические единицы вновь созданного удмуртского словаря употребляются во многих разносистемных языках. Для иллюстрации представим сводную таблицу интернациональных слов в удмуртском языке, воспроизводящих соответствующие русские слова, и те удмуртские новообразования, которые предлагаются им взамен:

<i>фр.</i>	<i>propagande</i>	<i>social</i>	<i>système</i>	<i>phrase</i>	<i>souverain</i>
рус.	пропаганда	социальный	система	фраза	суверенный
удм.	пропаганда	социальной	система	фраза	суверенной
эрс.	пропаганда	социальной	система	фраза	суверенной
тат.	пропаганда	социаль	система	фраза	суверен..., суверенлык...-ы
фин.	propaganda, propagointi	sosiaalinen, sosiaali-	systeemi	fraasi	suvereeni(nen)
венг.	propaganda	szocialis	szisztéma	frazis	szuveren
эст.	propaganda	sotsiaal	süsteem	fraas	suveräänne
исп.	propaganda	social	sistema	frase	soberano
ит.	propaganda	social	sistema	frase	sovrano
рум.	propagandă	social	sistem	frază	suveran
англ.	propaganda	social	system	phrase	sovereign
нем.	Propaganda	sozial	System	Phrase	souverän
удм. новый вар.	<i>валэктон, вёлмытон</i>	<i>мерлыко</i>	<i>сöзнэт</i>	<i>бась- тэмкыл</i>	<i>асэрико</i>

Представляется, что искусственное устранение из удмуртского языка русских заимствований интернационального

характера (в том числе французского происхождения) может привести к обеднению удмуртского языка и затруднить общение с носителями других языков на уровне культуры, науки, экономики, политики, поскольку среди заимствований, о которых идет речь, большое место занимают термины.

Литература

1. *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков: Учеб. пособие для студентов фак. и ин-тов иностр. яз. Л.: Просвещение, 1976.
2. *Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке // IV Международный съезд славистов (Из докладов венгерской делегации). М.: Изд-во МГУ, 1958.
3. *Зеленина Т. И.* Французское слово в русском и удмуртском языках: Этимологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Удм. гос. ун-т; Нац. ин-т вост. яз. и цивилизаций (Париж, Франция). Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002.
4. *Зеленина Т. И.* Опосредованные заимствования в удмуртском языке: Французский пласт. СПб.: Филол. ф-т С.-Петербур. ун-та, 2002. (Филологические исследования)
5. *Зеленина Т. И., Загуляева Б. Ш., Буторина Н. В.* Многоязычный словарь: на основе французской лексики, заимствованной русским и удмуртским языками. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003.
6. Кылвалектос // Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Бюллетень № 1. Ижевск, 1998. С. 20–52.
7. *Насибуллин Р. Ш.* Русские заимствования в удмуртском языке (дооктябрьский период): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 1999.
8. Постановление Президиума Государственного Совета и Правительства Удмуртской Республики о Республиканской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку (от 30 октября 1995 г. № 103/316) // Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Бюллетень № 1. Ижевск, 1998. С. 57–59.

9. *Репина Т. А.* Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский): Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996.
10. *Савельева Л. В.* Современная русская социоречевая культура в контексте этнической ментальности // Язык и этнический менталитет: Сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. С. 25–44.
11. *Тараканов И. В.* Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху // Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Бюллетень № 1. Ижевск, 1998. С. 108–117.

Н. Н. Кириллова

**ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ
С ЭТНОНИМАМИ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Лексико-семантическая группа «этнонимы» относится к числу центральных тем современной лексикологии. В настоящее время она стала особенно актуальной в силу объективных причин – проблем межэтнического взаимодействия, продиктованных расширением сферы межкультурных контактов. В нашей статье мы затрагиваем такую сторону этнонимии, как стандартное представление соседних, родственных народов друг о друге, отраженное в их языках.

Появление этнонимов в каждом языке свидетельствует о формировании этнического самосознания как одного из основных признаков этнической общности людей. Задачей статьи является не изучение структуры внутреннего механизма этнического самосознания, что является предметом исторической типологии этнических самоназваний, но отражение этнического сознания народов западно-романского ареала в оппозиции к своим родственным соседям – для французов это итальянцы и испанцы, для испанцев – французы и итальянцы, для итальянцев – испанцы и французы.

Рассмотрение лексической группы этнонимов в рамках сравнительной типологии трех романских языков позволяет,

как пишет Т. А. Репина, «получить некоторое представление об особенностях языковой реакции носителей романских языков на аналогичные ситуации ...» [8. С. 13]. За аналогичные ситуации в соответствии с нашей темой мы принимаем 1) самоназвание народа и его собственный образ в языке («образ себя». – Н. В. Уфимцева); 2) восприятие соседнего народа (его типичных черт мышления и поведения, обычаев, изобретений и т. д.) и выражение отношения к нему («Чужой»).

Для достижения поставленной цели – выявление указанной языковой реакции – в работе применяется методика сравнительно-типологического исследования разных языков, описанная Т. А. Репиной, в которой постулируется «отказ от подачи языкового материала в строгом соответствии с уровнями языковой системы» [8. С. 16] по причине межуровневой синонимии, существующей не только в одном и том же языке, но и между разными языками [8. С. 16; 3. С. 22]. Ср. синонимичность словосочетания и лексемы в двуязычных парах: рус. – фр. *нуждаться* – *avoir besoin*, *работать в саду* – *jardiner*, фр. – рум. *prendre de l'âge* – *a îmbătrâni*, *prendre froid* – *a răci*; ит. – фр. *dar ceffate* – *gifler*, *malumora* – *mauvaise humeur* и т. п. Этот факт межуровневой асимметрии в межъязыковой синонимии свидетельствует о том, что их структурное противопоставление обусловлено структурой каждого языка и не имеет под собой онтологического основания. Поэтому мы остановились на таком объекте исследования, как эпидигматические связи этнонима, оформившиеся в эпидигматическую парадигму.

Понятие эпидигматики было введено в лингвистику Д. Н. Шмелевым как третий подход к описанию лексем наряду с парадигматикой и синтагматикой [10. С.194]. Деривационные отношения разного типа, а именно полисемичные, аффиксальной и фразеологической деривации, внутри тематической группы этнонимов, в статье называются эпидигматическими. В них отражается способность слова входить одновременно в различные лексико-семантические и фразео-

логические парадигмы (подробнее о фразеологической парадигме см. [4. С. 135–141]). Для изучения указанных двух разделов была составлена матрица условно названных концептуальных моделей. Их восемнадцать: модель 1 «название страны, нации, языка», модель 2 «похожий на + этноним», модель 3 «восхвалять + этноним», модель 4 «свойство + этноним», модель 5 «любовь к + этноним», модель 6 «характер + этноним», модель 7 «любящий и защищающий страну», модель 8 «придание формы + этноним», модель 9 «перенимать обычаи, привычки, черты + этноним», модель 10 «оценка + этноним», модель 11 «оценка языка + этноним», модель 12 «по образу и подобию + этноним», модель 13 «социальное явление + этноним», модель 14 «болезнь + этноним», модель 15 «предмет + этноним», модель 16 «исторический период в жизни страны + этноним», модель 17 «танец + этноним», модель 18 «культурное явление + этноним».

1. Раздел «Образ себя».

Восприятие народа как самого себя и восприятие им соседних народов существует в современном языкознании как проблема когнитивная и лингвокультурологическая под названием «свой – чужой». Данная оппозиция является одной из основных составляющих национальной картины мира, существующей в сознании человека, принадлежащего к определенному социуму.

Рассмотреть «Свое» в романских языках, это значит установить аксиологию ауторефлексивной сферы каждого народа. Самоназвание народа изначально мыслилось полисемичным. Во многих языках, в том числе в рассматриваемых, модель 1 представляет собой деривативную цепочку, включающую одни и те же элементы – название нации, название жителя, название языка, специалист по языку и культуре данной страны – все они являются дериватом от названия страны: *France / Français_m / français_{adj.} / francisant*; *España / español_m / español_{adj.} / españolista*; *Italia / italiano_m / italiano_{adj.} /*

italianista м . В приводимом далее языковом материале мы опираемся на данные словарей [7; 9; 11–13].

Испания в испанском сознании (не участвующие модели далее не представлены).

Модель 2 «похожий на + этноним»: исп. *españolado, -da* ‘похожий на испанца (об иностранце)’;

модель 3 «восхвалять + этноним»: исп. *españolear* ‘восхвалять испанское (в иностранных государствах)’;

модель 4 «свойство, присущее данному народу»: исп. *españolidad* ‘испанское свойство’;

модель 5 «любовь к + этноним»: исп. *españolismo* ‘любовь ко всему испанскому’;

модель 6 «национальный характер»: исп. *españolismo* ‘истинно испанский характер’;

модель 7 «любящий и защищающий страну»: исп. *españolista* (во время войн с Наполеоном);

модель 8 «придание формы + этноним»: исп. *españolizar* ‘придать испанский характер чему-л.’, *españolización* ‘придание испанской формы чему-либо’;

модель 9 «перенимать язык, нравы, подражать + этноним»: исп. *españolizarse* ‘перенимать язык, нравы Испании, подражать’;

модель 10 «оценка + этноним»: ироническое отношение передается фразеологизмом: исп. *la España de pandereta* (букв. ‘Испания с бубнами’) ‘опереточная Испания’, т. е. ложное, далекое от действительности представление об Испании как о стране цыганских плясок и боя быков [5. С. 256–257]; во фразеологизме *lo que hay en España es de los españoles* ‘свои люди – сочтемся’ (букв. ‘тот, кто в Испании, становится испанцем’) заложен концепт национального единства;

модель 11 «оценка языка + этноним»: исп. *en buen español* ‘точно и ясно, совершенно недвусмысленно’;

модель 12 «по образу и подобию + этноним»: исп. *a la española* ‘на испанский манер, как делают испанцы, в ис-

панском духе’, *comer a la española* ‘обедать в полдень, ужинать поздно вечером’;

модель 15 «предмет + этноним»: исп. *españoleta* ‘шпингалет, оконная задвижка’;

модель 16 «исторический период в жизни страны + этноним»: исп. *era española* ‘испанская эра’ (отсчитывается от 38 г. до новой эры);

модель 17 «танец + этноним»: исп. *españoleta* (испанский танец).

Франция во французском сознании

модель 4 «свойство + этноним»: фр. *francité* ‘типично французское свойство’, *Français à part entière* ‘полнокровный француз’;

модель 5 «любовь к + этноним»: см. ниже комментарий;

модель 6 «характер + этноним»: фр. *l'impossible n'est pas français* ‘для французов ничего невозможного нет’;

модель 7 «любящий и защищающий страну»: фр. *l'abeille de France* ‘трудовая пчела Франции’ (о Роллене, ректоре Сорбонны, писателе (Traité des Études) XVII–XVIII вв., яростном стороннике янсенизма в борьбе против иезуитов) – оценка человека сквозь призму национальных заслуг; перифразы *les enfants de la France* ‘французы’, *les fils de la France* ‘французы, сыны Франции’, *le jardin de la France* ‘сад Франции (о Турени)’, живописнейшей исторической провинции Франции, расположенной в долине реки Луары;

модель 8 «придание формы + этноним»: фр. *franciser: franciser l'Alsace, franciser un anglicisme, franciser son mode de vie*;

модель 9 «перенимать обычаи, привычки, черты + этноним»: фр. *se franciser: l'Alsace se francisait peu à peu*;

модель 10 «оценка + этноним»: фр. *le quinze de France* ‘французская национальная сборная команда по регби’; фразеологизация метонимического наименования свидетельствует о косвенном обозначении общественного признания заслуг референта;

модель 11 «оценка языка + этноним»: фр. *parler français* ‘говорить ясно, без обиняков’, *dire en bon français* ‘говорить на правильном французском языке’, *Ce qui n’est pas clair, n’est pas français* ‘что не ясно, то не по-французски’, *parler français comme père et mère* ‘говорить на чистом французском языке’;

модель 12 «по образу и подобию + этноним»: фр. *à la française*;

модель 14 «болезнь + этноним»: фр. *mal français* ‘сифилис’;

модель 16 «исторический период в жизни страны + этноним»: фр. *de France et de Navarre* ирон. ‘повсеместный, самый известный, лучший из всех’ (по титулу французских Бурбонов, королей Франции и Наварры).

Италия в итальянском сознании

модель 3 «восхвалять + этноним»: ит. *bella l’Italia, bella la Spagna, piú bello il paese dove si magna* посл. ‘рыба ищет где глубже, а человек – где лучше’ (букв. ‘хороша Италия, хороша Испания, но лучше тот край, где есть, что поесть’);

модель 5 «любовь к + этноним»: ит. *italianissimo* (adj.) ‘восторженное чувство, вызванное всем тем, что связано с Италией’;

модель 6 «характер + этноним»: ит. *italianità* ‘итальянский характер, темперамент’;

модель 8 «придание формы + этноним»: ит. *italianizzare*;

модель 9 «перенимать обычаи, привычки, черты + этноним»: ит. *italianizzarsi*;

модель 12 «по образу и подобию + этноним»: ит. *all’italiana* ‘по-итальянски’;

модель 13 «социальное явление + этноним»: ит. *le ore italiane* ‘часы от заката до заката’;

модель 14 «болезнь + этноним»: см. ниже комментарий;

модель 18 «культурное явление + этноним»: ит. *segreto all’italiana* ‘секрет Полишинеля’ (букв. ‘секрет по-итальянски’); выражение возникло на основе тесной связи театрального персонажа Полишинеля с комедией дель арте в Италии.

2. Раздел «Чужой».

Противопоставление «свое – чужое» существует с момента возникновения самосознания в естественном процессе сравнения себя с другим или с другими. Поэтому каждый язык содержит множество сравнительных устойчивых оборотов, в которых объектом сравнения служат обозначения различных народов, представителей этнических и национальных меньшинств. Межнациональные связи способствовали появлению и употреблению устойчивых сравнений с этнонимами практически в любом языке. В исследованиях, посвященных данному объекту этнической ономастики, отмечаются как положительные признаки, например: фр. *fort comme un turc* ‘сильный как турок’, рус. *гостеприимный как грузин*, нем. *Wie ein Kümmeltürke arbeiten* ‘работать как тминный турок’ (т. е. очень усердно), нем. *stolz wie ein Spanier* ‘гордый как испанец’, в персидском языке *красивая как арабка, терпеливый как китаец*, – так и отрицательные: фр. *avare comme un Ecosais*, ит. *essere scozzese* ‘быть шотландцем’ (т. е. жадным), нем. *geizig wie ein Schotte* ‘скупой как шотландец’ [1. С. 91]. Наибольшей отрицательной коннотацией обладают устойчивые выражения с этнонимом *турок*. Так, в итальянском языке почти все фразеологические единства имеют отрицательное содержание: *bestemmiare com' un turco* ‘ругаться как турок’, *tirchio come un turco* ‘скупой, мелочный как турок’, *fumare come un turco* ‘курить как турок’. Итальянцы турецкими вещами (*cose turche*) называют нечто несусветное, что-то нереальное, а фразеологизмом *prendere il turco per i baffi* выражают идею «крупного везения», во внутренней форме которого (букв. ‘схватить турка за усы’) скрыт отрицательный подтекст.

С помощью указанной матрицы рассмотрим степень взаимовлияния трех народов, трех культур Западной Европы.

Испания во французском сознании

модель 8 «придание формы + этноним»: фр. *espagnoliser, espagnolisation*;

модель 10 «оценка + этноним»: фр. *espagnolade* (f) имеет два значения: 1) фанфаронство; 2) произведение искусства на испанскую тему, восхваляющее ее природу [14];

модель 11 «оценка языка + этноним»: фр. *parler français comme une vache espagnole* (букв. 'говорить по-французски как испанская корова') 'плохо говорить по-французски';

модель 12 «по образу и подобию + этноним»: фр. *à l'espagnole* 'по-испански';

модель 14 «болезнь + этноним»: фр. *grippe espagnole* 'испанка, испанский грипп';

модель 15 «предмет + этноним»: фр. *espagnolette, targette à l'espagnol* 'испанская задвижка'.

Испания в итальянском сознании

модель 10 «оценка + этноним»: ит. *spagnoleggiare* 'важничать, строить из себя важную персону', *spagnolesco* 'высокомерный', *spagnolismo* 'испанский оборот речи', 'напыщенные манеры';

модель 12 «по образу и подобию + этноним»: ит. *alla spagnola* 'по-испански';

модель 14 «болезнь + этноним»: ит. *febbre spagnola* 'испанка, испанский грипп';

модель 15 «предмет + этноним»: ит. *spagnoletta*, полисемичное существительное, обозначающее не только 'шпингалет', но и 'швейную катушку', 'мантилью', 'орехи (региональное)'.

Франция в испанском сознании

модель 2 «похожий на + этноним»: исп. *afrancesado, -da* 'похожий на француза, на француженку';

модель 4 «свойство + этноним»: исп. *francesada* 'свойство, черта характера французов', исп. *afrancesado* 'человек французской культуры, особенно в XVIII в.', а также 'сторонник Наполеона';

модель 5 «любовь к + этноним»: исп. *francisamiento* 'галломания';

модель 8 «придание формы + этноним»: исп. *afrancesar* ‘сделать / переделать на французский лад’;

модель 9 «перенимать обычаи, образ мыслей, черты + этноним»: исп. *afrancesarse* ‘встать на сторону Наполеона во время войны за независимость Испании’;

модель 12 «по образу и подобию + этноним»: исп. *a la francesa* ‘по-французски’;

модель 13 «социальное явление + этноним»: исп. *despedirse a la francesa* ‘уйти не попрощавшись’ (ср. фр. *filer à l'anglaise*);

модель 15 «предмет + этноним»: исп. *Tortilla a la francesa* ‘натуральный омлет’, *francesilla* ‘лютик’;

модель 16 «исторический период в жизни страны + этноним»: исп. *Francesada* ‘период вторжения наполеоновских войск в Испанию и борьба за ее независимость’ .

Франция в итальянском сознании

модель 9 «перенимать обычаи, привычки, черты + этноним»: ит. *franceseggiare* 1) подражать французам; 2) употреблять галлицизмы;

модель 14 «болезнь + этноним»: ит. *mal francese* ‘сифилис’;

модель 12 «по образу и подобию + этноним»: ит. *alla francese* ‘по-французски’; модель 15 «предмет + этноним»: ит. *francesina* ‘французский хлеб’, ‘обувь по французской моде’.

Италия во французском сознании

модель 8 «придание формы + этноним»: фр. *italianiser, italianisation*;

модель 12 «по образу и подобию + этноним»: фр. *à l'italienne* ‘по-итальянски’.

Италия в испанском сознании

модель 8 «придание формы + этноним»: исп. *italianizar, italianización*;

модель 9 «перенимать обычаи, привычки, черты + этноним»: исп. *italianizarse*;

модель 12 «по образу и подобию + этноним»: исп. *a la italiana* ‘по-итальянски’.

Комментарий некоторых моделей

1. Модель 12 *à la* + этноним, зародившаяся во Франции, употребляется с другими разными этнонимами в других языках, т. е. данная модель стала интернациональной, что свидетельствует о престиже исходной (французской) концептуальной модели. Фразеологизмы, образованные на ее основе «по образу и подобию + этноним», наполнились социальным содержанием ‘уйти не попрощавшись’. Примечательно, что в разных языках они функционируют как «перевертыши»: фр. *filer à l'anglaise*, исп. *despedirse a la francesa*, англ. *to take French leave*. То же можно сказать про болезнь сифилис: итальянский язык использует иноязычный этноним *mal francese*, французский – и «свой», и «чужие»: *mal français*, *mal de Naples*, *mal espagnol*, а испанский обходится без этнонима: *sifilis*.

2. Относительно присутствия образа Испании во французской концептосфере по причине популярности ФЕ *parler français comme une vache espagnole* (букв. ‘говорить по-французски как испанская корова’) ‘плохо говорить по-французски’ (модель 11) следует пояснить, что данная версия не абсолютна, существуют еще две – говорить по-французски как баск – по испански, или говорить по-французски как испанская служанка (*une basse*) [15. С. 908]. Поэтому нет оснований приписывать пейоративную оценку этнониму. Популярность данной версии можно объяснить, как в каждом каламбуре, заложенной в ней иронией.

3. Обращает на себя внимание модель 14 «болезнь + этноним»: болезнь, приведшая к пандемии 1918–19 гг. с числом жертв в 20 млн. жизней, получила название *испанка* в русском и других языках: фр. *grippe espagnole*, ит. *febbre spagnola*. Однако в испанском эта болезнь называется иначе: *gripe*, *trancazo*, производная лексема от *tranca* ‘палка, дубина’;

trancazo – в первом значении ‘удар дубиной’, а во втором, переносном, ‘грипп’ [2. С. 792].

4. Единственный оборот, содержащий критику в адрес иной культуры, по модели 10 «оценка + этноним» встречается в итальянском: *spagnoleggiare* ‘важничать, строить из себя важную персону’, *spagnolesco* ‘высокомерный’, *spagnolismo* наряду с первым значением ‘испанский оборот речи’ имеет второе – ‘напыщенные манеры’.

Вывод. В литературе, изучающей функционирование этнонимии, обычно отмечается отрицательная коннотация, сопровождающая инокультурные этнонимы. По мнению немецкого лингвиста Ю. Лихтенберга, «поляризация своего и чужого направлена на сравнение чужих и других в чрезвычайно отрицательном свете» [6. С. 90]. Проведенное наблюдение над этнической ономастикой трех родственных народов не подтверждает это мнение. Полагаем, что внутри оппозиции «свой – чужой» необходимо выделить дихотомию «родственный – неродственный» и учитывать возможность наличия трех типов отношений: 1) нейтрального, 2) уважительного, 3) иронического.

В тематическом разделе «Чужой» наибольшее присутствие имеет «Франция в испанском сознании» – девять моделей из 17 (первая модель здесь в расчет не принимается), затем, наоборот, «Испания во французском сознании» – шесть из 17. Важно отметить, что термин галломания «слепое подражание всему французскому» имеет хождение в европейских странах, кроме Франции. Ср. рус. *галломания*, исп. *galomanía*, ит. *gallomania* (исходя из двуязычных словарей [7; 9] во французской части данный концепт не отражен).

Литература

1. Ермилова М. Л. Сопоставительный анализ устойчивых сравнений (из опыта преподавания русского языка иностранцам) // Идиоэтническая фразеология романских, германских и славянских языков: Докл. на межвуз. семинаре 10–11 ноября 1999 г. Вып. 3. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. С. 87–95.

2. *Кальво Л.* Испанско-русский словарь. Editorial Ramón Sopena. 1985.
3. *Кириллова Н. Н.* Предмет и методы исследования идиоэтнической фразеологии: Текст лекции. Л., 1988.
4. *Кириллова Н. Н.* Фразеология романских языков, этнолингвистический аспект. Ч. 1: Природа и космос. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
5. *Левинтова Э. И., Вольф Е. М., Мовшович Н. А., Будницкая И. А.* Испанско-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1985.
6. *Лихтенберг Ю.* Устойчивые сравнения в диалоге культур (на материале русского, болгарского, немецкого и итальянского языков) // Русский язык за рубежом. 1994. № 5/6. С. 85–90.
7. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / Гак В. Г., Мурадова Л. А. и др.; под ред. В. Г. Гака. М.: Рус.яз. – Медиа, 2005.
8. *Ретина Т. А.* Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский): Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996.
9. *Черданцева Т. З., Рецкер Я. И., Зорько Г. Ф.* Итальянско-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1982.
10. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
11. Dictionnaire général français-espagnol, espagnol-français. Larousse, 1999.
12. Dizionario Garzanti, francese-italiano, italiano-francese. Bordas, 1988.
13. Dizionario etimologico della lingua italiana. Zanichelli. Bologna, 1999.
14. Lexis, Larousse de la langue française. 1979.
15. *Rey A., Chantreau S.* Dictionnaire des expressions et locutions. P.: Robert, 1984.

Э. Я. Кушкина

О НОВОМ ПЕРЕВОДЕ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»
НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Несмотря на очевидную сложность задач¹, попытки перевести пушкинский роман на французский язык предпринимались неоднократно, как стихами, рифмованными и белыми, так и прозой². До недавнего времени существовало три рифмованных перевода полного пушкинского текста, дававшие о нем лишь весьма приблизительное представление. В 2005 г. вышел в свет новый перевод [VII], краткому обзору которого и посвящается эта статья. Его автором стал известный во Франции переводчик и поэт Андре Маркович (André Markowicz, род. в Праге в 1960 г.). Сын русской и француза польского происхождения, он живет во Франции с четырехлетнего возраста. Его первые переводы с русского относятся к 1977 г. К настоящему времени им заново переведен весь Достоевский, широкой известностью пользуются его переводы Чехова, Лермонтова, Гоголя и многих стихотворений Пушкина.

Как сообщает сам А. Маркович [VII. Р. 310], работа над переводом «Евгения Онегина» заняла у него в общей сложности более двадцати шести лет, начиная с 1978 г., когда он, по просьбе составителя (Е. Эткинда), внес некоторые изменения в перевод Гастона Перо (1902 г.), включенный, за неимением лучшего, в собрание стихотворных произведений

¹ В конце XIX в. французский писатель и дипломат, знаток русской литературы Эжен-Мельхиор де Вогюэ [9. Р. 36] писал, что русские поэты «никогда не будут переведены», что стихи Пушкина и Лермонтова на французском языке становятся «бесцветными лоскутами прозы», выражающими банальную мысль. Владимир Набоков, сделавший прозаический перевод «Евгения Онегина» на английский язык и снабдивший его обширнейшим комментарием, был убежден, что «перевести поэму в стихах и сохранить все тонкости оригинала невозможно» [3. С. 9], что из всех русских писателей Пушкин больше всех теряет в переводе [Там же. С. 12], что неминуемый результат стихотворного перевода – «замученный автор и обманутый читатель» [Там же. С. 1]

² Список основных переводов, пронумерованный римскими цифрами, приводится в конце статьи. В дальнейшем ссылки на него даются в квадратных скобках.

Пушкина на французском языке [Ш]. С тех пор, признается переводчик, подспудная работа не прекращалась, хотя он был убежден, что ему никогда не удастся достичь цели – «заменить» любимый с детства русский текст на французский. Но, постепенно звучащие в его голове пушкинские строки превращались во французские предложения: А. Маркович, по его словам, переводил «на слух» (d'oreille) и записывал только тогда, когда звуковая структура строфы уже была мысленно отработана³ [VII. P. 310–311].

Скажем сразу, что анализируемый перевод представляется нам весьма удачным⁴. Французский вариант адекватен оригиналу как в смысловом, так и в стихотворном плане. Приведем в качестве иллюстрации известную I строфу из 1-й главы:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил,
И лучше выдумать не мог;
Его пример другим наука:
Но, Боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,

Mon oncle, un homme de morale,
Lorsqu'il sentit qu'il trépassait,
Força l'estime générale
Et se tailla un franc succès.
L'exemple, certes, nous inspire;
Mais quel ennui peut être pire
Que de rester, des nuits durant,
Attendre au chevet d'un mourant?
C'est une ignominie perfide
Qu'un presque-mort à égayer,
Lui arranger ses oreillers,
Compter ses gouttes, l'air languide,

³ Мы впервые ознакомились с этим переводом именно в его звучащем варианте, когда А. Маркович читал и комментировал по радио несколько строф из «Евгения Онегина». Звучание перевода показалось нам очень близким к звучанию оригинала. По нашим дальнейшим наблюдениям, французский вариант некоторых широко известных строф романа (письмо Татьяны Онегину, «исповедь» Онегина, раздумья Ленского перед дуэлью, ответ Татьяны Онегину при последней встрече...) легко ложатся на музыку знаменитых арий из оперы П. И. Чайковского.

⁴ Такого же мнения придерживаются некоторые компетентные французские русисты, опрошенные нами.

Вздыхать и думать про себя:
Когда же чёрт возьмёт тебя!

Et, soupirant, penser tout bas:
«Satan ne te prendra-t-il pas?»⁵

Как видим, переводчик сохранил «онегинскую» строфу, содержащую четырнадцать строк и состоящую из трех четверостиший и заключительного двустишия. Не вдаваясь в подробности версификации, напомним, что русскому стиху наиболее свойственно силлабо-тоническое стихосложение, когда в каждой строке ударные слоги чередуются с определенным количеством безударных [7. С. 29–30]. Французскому же языку присуще силлабическое стихосложение, при котором ритм создается повторением строк с одинаковым количеством слогов [8. Р. 44], а расположение ударных и безударных слогов не может быть упорядочено, как в русском, ибо французское ударение фиксировано и всегда падает на последний слог слова или ритмической группы.

«Евгений Онегин» написан четырехстопным ямбом, где в восьмисложной строке ударный слог следует за неударным. Стараясь оставаться как можно ближе к оригиналу, переводчик сохранил количество слогов в строке – восемь, причем для этого, при чтении, в некоторых случаях необходимо произносить *e* «немое», например: *homme* (1-я строка), *estime* (3-я строка), *exemple* (5-я строка) и т. д.⁶ Что касается ударения, в каждой строке имеется три ударных слога: 1-я строка – *oncle*, *homme*, *morale*; 2-я строка: *sentî*, *trépassait* (дополнительное

⁵ Чтобы дать «почувствовать разницу», приведем добротный, но не рифмованный перевод этой же строфы известного французского слависта проф. Ж.-Л. Бакеса [VI. Р. 37]: « Mon oncle a d'excellents principes. / Depuis qu'il se sent mal en point, / Il exige qu'on le respecte. / L'idée est bonne, assurément! / Et l'exemple sera suivi. / Mais, Seigneur Dieu, quelle corvée! / Rester au chevet d'un malade / Nuit et jour sans pouvoir bouger! / Et quelle vile hypocrisie! / On fait risette à un mourant, / On redresse ses oreillers, / On arbore un air lamentable / Pour lui apporter sa potion; / Et l'on pense: qu'il aille au diable!».

⁶ Отметим, что во французских стихах *e* «немое» конечное в строке не произносится и не считается за слог, т. е. *e* конечное в словах *morale* – *générale*, *inspire* – *pire* и т. д. не составляет слога, тогда как в песенных стихах *e* «немое» конечное произносится и составляет слог: *Je t'aimerai toute la vie* [6. Р. 13–14].

ударение на 1-м слоге), 3-я строка – *força, estime, générale* и т. д.

Переводчик сохранил и пушкинский принцип рифмования строфы⁷, при котором используются три типа рифм: перекрёстная (*rime croisée*) – 1-е четверостишие; смежная (*rime plate*) – 2-е четверостишие и заключительное двустишие; охватная / опоясанная (*rime embrassée*) – 3-е четверостишие, по схеме: *abab, wggg, deed, жж*.

Возможности рифмования в русском языке очень широки⁸. Многообразие склонений существительных, прилагательных и местоимений, наличие кратких форм прилагательных, уменьшительные и увеличительные суффиксы и т. п. позволяют Пушкину рифмовать между собой самые различные слова: *Невы – вы, дитя – шутя, пора – двора, решил – мил, понемногу – слава Богу, слегка – знатока, дней – своей* и т. д. Возможности французского языка в этом смысле гораздо более ограничены. В переводе встречаются три вида французских рифм: богатая (*rime riche*) – с тремя и более одинаковыми конечными фонемами (*morale – générale, inspire – pire, irréprochable – affable, lettre – prêtre, titre – épître*); достаточная (*rime suffisante*) – сочетание гласная + согласная (*jour – amour, jeunesse – tristesse, vole – école, coche – proche, mode – méthode*) и бедная (*rime pauvre*) – одна конечная гласная (*beauté – désordonnés, maux – mots, désormais – muet, côneau – hameau*). Относительная «бедность» французских

⁷ В. Набоков считал: «Математически невозможно перевести «Евгения Онегина» на какой-либо иностранный язык с сохранением схемы рифм» [3. С. 809].

⁸ Заметим, однако, что сам Пушкин считал: «[...]со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. [...] Кому не надоели *любовь и кровь, трудный и чудный, верный и лицемерный* и пр.» [цит. по: 5. С. 22]. К счастью, сам Пушкин и дальнейшая история русской поэзии показали, что его пессимизм был необоснован. Не углубляясь в теорию стиха, скажем, что приведенные Пушкиным рифмы – грамматические, объединяющие одну и ту же часть речи. Начиная с XVII в. большое распространение получила разнородная рифма, образованная разными частями речи [Там же. С. 21].

рифм⁹ создает дополнительные трудности для переводчика, который в данном случае, как нам представляется, с честью выходит из положения¹⁰.

Вызывает удовлетворение, что наиболее известные и любимые всеми места из «Евгения Онегина» переведены А. Марковичем с особенным желанием сохранить легендарную точность и легкость пушкинского стиха, как, например, в этом описании наступления осени (глава 4, строфа XL):

Уж небо осенью дышало,	L'automne errait dans les parages,
Уж реже солнышко блистало,	Le ciel se chargeait de nuages,
Короче становился день,	Les jours, déjà, étaient plus courts,
Лесов таинственная сень	Les arbres sombres, tour à tour,
С печальным шумом обнажалась,	Bruissaient, perdaient leurs feuilles sèches,
Ложился на поля туман,	Le brouillard dormait sur les champs,
Гусей крикливых караван	Les oies sauvages, en criant,
Тянулся к югу: приближалась	Partaient au sud – un temps, n'empêche,
Довольно скучная пора;	Assez barbant s'inaugurait:
Стоял ноябрь уж у двора.	Déjà, novembre s'instaurait.

Переводчику удается, в большинстве случаев¹¹, адекватно передать и непринужденную легкость диалогов, как в следующем разговоре Ленского и Онегина (глава 3, строфа II):

– Я тут ещё беды не вижу. –	– Je n'y vois pas encore un drame.
«Да скука, вот беда, мой друг».	– «Le drame, c'est l'ennui, mon vieux».

⁹ Например, полноценной рифмой к слову *siècle* (*век*) является одно лишь слово – имя собственное *Thècle*.

¹⁰ Отметим, что известную пушкинскую рифму **морозы** – **розы** (глава 4, строфа XLII) А. Маркович переводит довольно остроумно, сохраняя авторское шутовское обращение к читателю:

И вот уже трещат морозы	Déjà, les premiers gels déposent
И серебрятся средь полей.	Leur dais d'argent sur les prairies –
(Читатель ждет уж рифмы <i>розы</i> :	(Le lecteur veut sa rime en «rose»,
На, вот возьми ее скорей!)	Mais prenez-la, je vous en prie!)

¹¹ Так, нам представляется, что не совсем удачный подбор лексики в диалоге Татьяны с няней несколько искажает истинное, доброе отношение героини к старушке (глава 3, строфа XXXV):

Ах, няня, няня! до того ли?	Comment tu es, ça m'est égale
Что нужды мне в твоём уме?	Que tu vieillisses bien ou mal.

– Я модный свет ваш ненавижу;
 Милее мне домашний круг,
 Где я могу... – «Опять эклога!
 Да полно, милый, ради Бога.
 Ну что ж? ты едешь? очень жаль.
 Ах, слушай, Ленский, да нельзя ль
 Увидеть мне Филлиду эту,
 Предмет и мыслей, и пера,
 И слёз, и рифм et cetera?...
 Представь меня» – Ты шутишь?
 – «Нет». – «Когда же?» – Хоть сейчас.
 Они с охотой примут нас.

– Votre mondanité sans âme,
 Je la déteste, ah, j'aime mieux
 L'humble foyer où... – «Belle églogue!
 Allez, va, change d'apologue.
 Eh quoi, tu pars? tant pis, mais bon,
 Dis, à propos, Lenski, peut-on
 La voir, cette divine idôle,
 Objet de songes et d'écrits,
 De larmes, de rimaileries?...
 Présente-moi». – Vraiment?
 – «Parole». – «C'est bien. – «Quand donc?»
 – Viens avec moi,
 Nous recevoir sera leur joie.

Переводчик удачно передает и авторскую иронию, как в следующем случае (глава 4, строфа XXXIV):

Случалось ли поэтам слезным
 Читать в глаза своим любезным
 Свои творенья? Говорят,
 Что в мире выше нет наград.
 И впрямь,
 блажен любовник скромный,
 Читающий мечты свои
 Предмету песен и любви,
 Красавице приятно-томной!
 Блажен... хоть, может быть, она
 Совсем иным развлечена.

Messieurs les larmoyants poètes
 Ont-ils déjà, en tête à tête,
 Lu leur poème à leur objet?
 C'est un bonheur, dit-on, parfait.

Et oui, heureux l'amant pudique
 Qui lit le fruit de ses pensées
 A celle qu'ils ont encensée,
 Beauté languide et sympathique...
 Heureux... Mais elle, allez savoir,
 Pense à se voir dans le miroir.

Особо хочется отметить удачное использование переводчиком возможностей французской аллитерации (глава 5, строфа XVII):

Вот мельница вприсядку пляшет
 И крыльями трещит и машет;
 Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
 Людская молвь и конский топ!

Un moulin danse à la cosaque,
 Il bat des ailes, siffle, claque;
 Ça piaule, piaille, jappe, crie,
 Bêtes qui battent, parleries.

По признанию А. Марковича, особые трудности вызвало у него знаменитое *Письмо* Татьяны Онегину, поскольку это был, в некотором роде, обратный перевод: позволим себе на-

помнить, что, по словам Пушкина, Татьяна писала по-французски, а автор, «родной земли спасая честь», приводит *Письмо* в переводе на русский. Существует, однако, общепринятое мнение, что это – авторская мистификация, о чем свидетельствует в первую очередь аутентичный, «непереводной» русский язык *Письма*, хотя в нем налицо и некоторые реминисценции и параллели из текстов французской литературы [2. С. 228–229]. Трудность состояла в том, что непосредственное, живое любовное послание Татьяны, первое в своем роде в русской литературе, нужно было облечь в давно сложившуюся форму распространенного французского жанра с его устоявшейся лексикой, почти штампами [VII. P. 314]. Приведем в качестве иллюстрации отрывок из *Письма* (глава 3):

Другой!... Нет, никому на свете
 Не отдала бы **сердца** я!
 То в вышнем суждено совете,
 То **воля неба**: я твоя.
 Вся жизнь моя была **залогом**
Свиданья верного с тобой;
 Я знаю, ты мне **послан Богом**,
До гроба ты хранитель мой.

Un autre... Non, personne au monde
 N'aurait jamais reçu ma **foi**;
 C'est **le décret des cieux** qui grondent:
 Ils ont tranché – je suis à toi!...
 Ma vie entière fut **un gage**
 De notre alliance dans l'**amour** –
Des dieux tu portes **le message**,
Gardien fidèle de **mes jours**.

Как видим, ключевым словам оригинала – **сердце, воля неба, залог, свидание, послан Богом, до гроба, хранитель** – в переводе соответствуют более абстрактные и «торжественные» **foi, décret des cieux, gage, amour¹², message des dieux, mes jours, gardien**.

Стремясь сохранить ритм и схему рифм оригинала, переводчик использует некоторые приемы, на которых мы вкратце остановимся. Так, довольно часто одно понятие или лицо в

¹² В этой связи нам представляется, что сдержанная Татьяна не могла бы употребить, даже и в любовном признании, само слово *любовь*, слишком откровенное для нее. Напомним, что слово это она произносит в самом конце романа, обращаясь к Онегину и одновременно отказывая себе в праве на любовь (глава 8, строфа XLVIII): «Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана, / Я буду век ему верна.»

переводе заменяется на другое, как, например, в следующих двух случаях (глава I, строфа VII):

Высокой страсти не имея	Privé de la passion sublime
Для звуков жизни не щадить,	D'offrir aux sons ses jours de vie,
Не мог он ямба от хоря,	Il confondait rythmes et rimes,
Как мы ни бились, отличить.	Quoi que chacun de nous y fit.
Бранил Гомера, Феокрита,	Il critiquait Homère, Eschyle,
Зато читал Адама Смита [...]	Mais lisait Smith, car plus utile [...]

В некоторых случаях переводчик отступает от прямого порядка слов (определяемое-определяющее), присущего французскому синтаксису. Приведем некоторые примеры (глава 1, строфа LI):

Отец его тогда скончался.	C'est alors qu'il perdit son père.
Перед Онегиным собрался	Autour de lui s'agglutinèrent
Заимодавцев жадный полк.	Des régiments de créanciers.
[...]	[...]
Большой потери в том не видя,	Il n'y vit pas perte cruelle
Иль предузнав издалика	Ou prévoyant déjà, qui sait ?
Кончину дяди старика.	De son vieil oncle un prompt décès.

В обоих приведенных отрывках мы наблюдаем в переводе инверсию: в первом случае – подлежащего **des régiments de créanciers** по отношению к сказуемому **s'agglutinèrent**, во втором – косвенного дополнения **de son oncle** по отношению к определяемому им прямому дополнению **décès**.

Нередко переводчик эксплицирует те места пушкинского текста, которые иначе были бы непонятны рядовому французскому читателю: например, во вступлении к роману, где Пушкин обращается к П. А. Плетневу, литератору, издателю и другу, не называя его прямо, А. Маркович приводит отсутствующую в оригинале фамилию (снабжая ее кратким комментарием):

Не мысля гордый свет забавить,	Au monde froid inapte à plaire,
Вниманье дружбы возлюбя,	Quand l'amitié m'offre sa voix,
Хотел бы я тебе представить	J'aurais voulu, Pletniou , te faire
Залог достойнее тебя,	Un présent plus digne de toi,
[...]	[...]

Переводчик эксплицирует и следующие строки из 1-й главы II строфы:

Друзья Людмилы и Руслана!	Amis de mes premiers poèmes!
С героем моего романа	Sans préambule, à l'instant même,
Без предисловий сей же час	Présentons-le tout uniment:
Позвольте познакомить вас: [...]	C'est le héros de mon roman.

Но чаще в подобных случаях переводчик снабжает пушкинский текст необходимым комментарием.

Изрядка А. Маркович прибегает и к довольно распространенному средству выражения в современном французском языке – образованию прилагательного от фамилии, по модели *Chirac – chiraquien* (глава 7, строфа IV):

Вот время: добрые ленивцы,	C'est l'heure, chers tourneurs de puces,
Эпикурейцы – мудрецы,	Sages, charmants épicuriens,
Вы, равнодушные счастливцы,	Heureux d'indifférence douce,
Вы, школы Лёвшина птенцы,	Vous, chers disciples liovchiniens,
[...]	[...]

Стремясь сохранить стиль оригинала, А. Маркович передает, где это возможно, лексические архаизмы, например: **пиит** – **aède**. По свидетельству переводчика [VII. P. 312], он широко пользовался в этих целях Академическим словарем французского языка издания 1802 г. Так, работая над строфами XXX–XXXIV 1-й главы, пушкинским лирическим отступлением на тему женских *ножек*, переводчик счел тяжеловесным (lourd) сочетание *petits pieds* и заменил его словом *peton* (*ножка, ноженька*) из названного выше словаря¹³. Следует, правда, заметить, что в одном из девяти случаев использования в этих строфах слова *нога / ножка* речь идет не о *stompe* (фр. *piéd*), а о *голену* (фр. *jambe*), так что перевод строфы XXX неточен и несколько искажает авторский образ:

¹³ Впрочем, современные французские словари приводят слово *peton* без какой-либо стилистической пометы.

Люблю их ножки, только вряд
Найдёте вы в России целой
Три пары **стройных женских ног**.

Et leurs petits petons... Tentez
Pourtant de découvrir sur terre
Trois belles paires de **beaux pieds**...

Таким образом *стройные ноги* превращаются в *красивые ступни*. Отметим, кстати, что А. Маркович решил не «обижать» Россию и придал недостатку дамской внешности, на который указывал Пушкин, универсальный характер.

По нашим наблюдениям, в анализируемом переводе есть строфы и части строф менее удачные, чем приведенные выше, с некоторыми шероховатостями в ритме и рифмах, но мы не будем специально на них останавливаться: возможно, это отчасти субъективное восприятие, и у других читателей будет иное мнение. Позволим себе только привести несколько лексических неточностей:

Глава 6, строфа I:

Постели стелют: для гостей
Ночлег отводят от сеней
До самой **девичьей**.

On fait les lits; partout, en bas,
En haut, jusque **chez Tatiana**.

Очевидно, слово *девичья* – «комната для женской прислуги в помещичьих, барских домах» (Ожегов) – было понято как *комната барышни*, т. е. Татьяны.

Глава 7, строфа XXXVIII:

Описание зимней Москвы, в которую въезжают Ларины, заканчивается так: *И стаи галок на крестах*, что в переводе звучит как *Et sur les croix, volées de freux*. Вероятно, слово *freux* – *грачи* оказалось более удобным с точки зрения ритма и рифмы, чем слово *choucas* – *галки*. Таким образом, в разгар зимы в Москву уже прилетели грачи!

И последнее соображение. В главе 2, строфе III говорится об устройстве Онегина в деревенском доме покойного дяди:

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и **мух давил**.

Couchant là où, l'injure en bouche,
Son oncle, ermite du hameau,
Mit quarante ans à **tuer des mouches**
Et regarder par les carreaux.

Кроме неточности в переводе (отсутствует *ключница*, что меняет картину и делает из дяди «хронического» скверно-слова), А. Маркович дает и спорный, на наш взгляд, комментарий к словосочетанию *мух давил*, трактуя его как устойчивый оборот, обозначающий *выпивать* (фр. *boire des petits verres*), и приводя в качестве доказательства современный фамильярный фразеологизм *быть под мухой* (французское словосочетание *tuer des mouches* не имеет переносного значения). Не углубляясь в дискуссию, скажем, что, очевидно, А. Маркович следует за акад. В. В. Виноградовым [1. С. 85] и некоторыми другими исследователями, интерпретирующими пушкинское словосочетание *мух давил* как фразеологизм. Такая трактовка представляется нам в данном случае неправомерной. Мы думаем, что поэт употребил его в прямом значении (напомним, что Пушкин не любил «лета красного», в частности из-за комаров и мух). Заметим, что и «Словарь языка Пушкина» не трактует это словосочетание как фразеологизм [4. С. 576]. Ни Ю. Лотман, ни В. Набоков, комментаторы «Евгения Онегина», также не видят в этом пушкинском выражении переносного значения. Если принять точку зрения переводчика, то дядя Онегина (напомним, человек «самых честных правил») оказывается пьяницей (он «сорок лет пил»¹⁴).

Высказанные нами соображения не меняют, однако, в высшей степени благоприятного впечатления от перевода А. Марковичем «Евгения Онегина». Это, несомненно, значительное литературное и культурное явление. Своей работой А. Маркович вносит большой вклад в адекватное восприятие великого русского поэта французским читателем.

¹⁴ См. Словарь В. Даля: *Убить муху* – напиться допьяна.

Основные переводы «Евгения Онегина»
на французский язык (в хронологическом порядке)

- I. *Eugène Onéguine* / Trad. Michel Bayat. P.: Ed. J'ai lu, 1956.
- II. *Eugène Onéguine* / Trad. Maurice Colin. P.: Ed. Belles Lettres, 1980.
- III. *Eugène Onéguine* / Trad. Gaston Pérot (1902); revue et corrigée par André Markowicz // Alexandre Pouchkine. *Œuvres poétiques*. Т. II. Lausanne: Ed. L'Âge d'homme, 1981.
- IV. *Eugène Onéguine* / Trad. Nata Minor. P.: Ed. Seuil, 1990.
- V. *Eugène Onéguine* / Trad. Roger Legras. Lausanne: Ed. L'Âge d'homme, 1994.
- VI. *Eugène Onéguine* / Trad. Jean-Louis Backès. P.: Ed. Gallimard, 1996.
- VII. *Eugène Onéguine* / Trad. André Markowicz. P.: Ed. Actes Sud, 2005.

Литература

1. *Виноградов В. В.* О серии выражений: *муху зашибить, муху задавить, муху раздавить, муху убить, с мухой, под мухой* // *Русская речь*. 1968. № 1. С. 83–90.
2. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина *Евгений Онегин*: Комментарий. Л.: Просвещение, 1980.
3. *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина *Евгений Онегин* / Пер. с англ. СПб.: Искусство-СПБ., 1998.
4. *Словарь языка Пушкина*: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. I.
5. *Холшевников В. Е.* Что такое русский стих // *Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха*. 2-е изд. Л.: ЛГУ, 1987.
6. *Aquièr M.* La versification appliquée aux textes. P.: Ed. Nathan, 1993.
7. *Unbegaun B. O.* La versification russe. P.: Ed. Librairie des cinq continents, 1958.
8. *Vaillant A.* La Poésie: Initiation aux méthodes d'analyse des textes poétiques. P.: Ed. Nathan, 1992.
9. *Vogüé de E.-M.* Le Roman russe. Lausanne: Ed. L'Âge d'homme, 1971.

А. П. Макарьева

**ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ
ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТЕ**

(На материале переводов с русского языка на французский)

Термин «таксис», введенный в свое время в обиход Р. Якобсоном, и более чем полвека спустя вызывает оживленные споры. Почти во всех работах, посвященных этой теме, приводится следующая цитата: «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [3. С. 101]. Во главе угла оказываются, таким образом, те отношения, которые существуют между действиями, какова бы ни была проекция этих действий на ось времени.

Многие аспекты таксисных отношений подверглись тщательному анализу на материале различных языков. Широко известны труды А. В. Бондарко, посвященные изучению этого вопроса. Анализируя отношения, возникающие между действиями в рамках полипредикативного комплекса, ученый отмечает: «Ядро семантики таксиса – это значения одновременности / разновременности (предшествования – следования)» [1. С. 235]. Причем и одновременность, и разновременность могут быть реализованы как полностью, так и частично. Общий период сосуществования во времени действий, как отмечает А. В. Бондарко в отношении русских глаголов совершенного вида (СВ), может передаваться «специальными лексическими экспликаторами одновременности типа *при этом, в эту минуту, в то же время, в это мгновение, в одно и то же время* и т. п.» [1. С. 248]. Отношение последовательности также может быть выражено с помощью лексических средств, например, наречий *потом, затем* и др. в русском языке.

Каждый язык обладает своим набором маркеров таксисных отношений. Интересно проследить, в какой степени сохраняется исходная таксисная основа текста при переходе

к иному языковому коду в том случае, когда один из языков обладает особой яркой формой выражения отношений между действиями.

Определенным своеобразием отличается в этом плане русское наречие *тут*, выступающее в функции временного коннектора. При переходе к иному языковому коду, в частности, в случае перевода фрагментов текста, содержащих русское наречие, на французский язык исходная таксисная ситуация может быть передана в полной мере.

Погрозив в бессильной злобе кому-то вдаль кулаком, Иван обмолвился в то, что было оставлено.

Тут его стали беспокоить два соображения: первое, это то, что исчезло удостоверение МАССОЛИТа, с которым он никогда не расставался, и, второе, удастся ли ему в таком виде беспрпятственно пройти по Москве? (Булгаков, 42).

Ivan montra le poing à on ne sait qui, vers l'horizon, et revêtit ce qu'on avait bien voulu lui laisser.

А ce moment, deux considérations vinrent le tourmenter: la première, c'est qu'il n'avait pas sa carte de membre du MASSOLIT, dont il ne se séparait jamais; en second lieu: pourrait-il parcourir sans obstacles les rues de Moscou, dans cette tenue? (Boulgakov, 1968, 100).

Dans un sursaut de haine impuissante, Ivan brandit son poing dans le vide, puis revêtit ce qui restait à sa disposition.

А ce moment, deux considérations commencèrent à le tracasser: premièrement, que l'attestation du Massolit dont il ne se séparait jamais avait disparu; deuxièmement, réussirait-il, ainsi accoutré, à se déplacer dans Moscou sans encombre? (Boulgakov, 2004, 437).

В приведенном примере между действиями наблюдаются отношения контактного следования. Оба переводчика избрали в качестве единицы, соответствующей русскому коннектору, одно словосочетание (*à ce moment*), с одной стороны, указывающее на точку на оси времени, которой соответствует

действие, выраженное глаголами *tourmenter* и *tracasser*, а с другой – служащее знаком появления нового качества.

Соотношение действий в тексте перевода, в том числе и в случае использования в качестве эквивалента коннектора *tout* наречного выражения *à ce moment*, может отличаться от того положения дел, которое наблюдается в оригинале.

– *Прощайте навсегда! Я улетаю, – кричала Маргарита, заглушая вальс. Тут она сообразила, что рубашка ей ни к чему не нужна, и, зловеще захохотав, накрыла ею голову Николая Ивановича (Булгаков, 182).*

– *Adieu à jamais! Je m’envole! Cria Marguerite, dont la voix couvrit la musique.*

Elle s’aperçut à ce moment qu’elle n’avait aucun besoin de sa combinaison bleu ciel et, avec un rire mauvais, elle en couvrit la tête de Nikolaï Ivanovitch (Boulgakov, 1968, 330).

«*Adieu pour toujours! Je m’envole!*» *cria Marguerite d’une voix qui couvrit le bruit de la valse. A ce moment elle se rendit compte qu’elle n’avait nul besoin de sa chemise et, éclatant d’un rire sinistre, elle en coiffa Nikolaï Ivanovitch (Boulgakov, 2004, 637).*

Если в тексте М. А. Булгакова декларативный глагол *кричать* стоит в форме несовершенного вида (НСВ) и обозначаемый им процесс служит фоном для действия, выраженного глаголом мысли (*сообразить*), то в текстах переводов мы вновь сталкиваемся с контактным следованием.

Действие в предложении, за которым следует коннектор *tout*, может быть представлено как длящееся, но имеющее точку отсчета.

Иван впал в беспокойство, растолкал окружающих, начал размахивать свечей, заливая себя воском, и заглядывать под столы. Тут послышалось слово: «Доктора!» – и... (Булгаков, 50).

Ivan tomba alors dans une extrême agitation: il écarta brutalement ceux qui l’entouraient et, brandissant en tous sens sa bougie dont la cire lui coulait dessus, il se mit à chercher sous les

tables. On entendit **alors** crier: «Un médecin!», et ... (Boulgakov, 1968, 114).

*Pris d'une agitation soudaine, Ivan écarta à coups de coude les gens qui l'entouraient, commença à brandir son cierge en se mettant de la cire partout et à regarder sous les tables. **Alors** on entendit les mots «Un docteur!», et ... (Boulgakov, 2004, 449).*

Инхоативность и в оригинале, и в текстах переводов выражена фазовым глаголом (СВ в русском языке и в форме *Passé Simple* во французском), сами же действия облечены в форму инфинитива. И в этом случае речь также идет об одновременности, однако, как и в предыдущем примере, это для одного из действий одновременность частичная, неполная.

Отметим использование и в первом, и во втором переводах наречия *alors*, отражающего не только временной аспект соотношения ситуаций, но и имеющего аргументативную направленность. Это наречие является наиболее частотным соответствием коннектора *tut*, в частности благодаря изначально присущей ему способности передавать исключительно временные отношения.

Напившись, литераторы немедленно начали икать, расплавились и уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной.

Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать, сердце его стукнуло и на мгновение куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нем (Булгаков, 6).

Dès qu'ils eurent bu, les deux hommes de lettres furent pris de hoquets. Ils payèrent et allèrent s'asseoir sur un banc, le dos tourné à la rue Bronnaïa.

*C'est **alors** que survint la seconde étrangeté, concernant d'ailleurs le seul Berlioz (Boulgakov, 1968, 46).*

Les deux hommes de lettres n'eurent pas plus tôt vidé leur verre qu'ils furent pris de hoquet; ils payèrent et allèrent

s'asseoir face à l'étang sur un banc, le dos tourné à la rue Bronnaïa.

Alors se produisit une deuxième anomalie, qui concerna uniquement Berlioz (Boulgakov, 2004, 386).

Таксисная ситуация и в этом случае может быть охарактеризована как нестрогая, частичная одновременность. Глагол первого предложения употреблен в форме СВ, действие состоялось, но достигнутый при этом результат, положение в пространстве, в котором пребывают герои, сохраняется и служит фоном для события, переданного предложением, вводимым коннектором *tout* (в следующем далее пассаже дается его детальное описание). Переводческие решения и в этом случае совпадают, причем во французском тексте появляется глагол движения (*aller*), который отсутствует в оригинале. Активный компонент значения, присущий глаголам движения, способствует тому, что в переводе соотношение действий воспринимается скорее как контактное следование.

Переводческие решения, в том числе и в аспекте передачи таксисных отношений, вариативны. Творческое начало, которое является неотъемлемой составляющей процесса перехода от одного языкового кода к другому, проявляется, частности, в выборе конструкций и лексем, способных передавать смысл, заложенный в оригинале.

– Извините меня, пожалуйста, – заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов, – что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что...

Тут он вежливо снял берет, и друзьям ничего не оставалось, как приподняться и раскланяться (Булгаков, 8).

/.../mais le sujet de votre savante conversation m'intéresse tellement que...

En disant ces mots, il ôta poliment son béret? Et les deux amis n'eurent d'autre ressource que de se lever et de saluer l'inconnu (Boulgakov, 1968, 50).

./.../ mais le sujet de votre docte entretien est si intéressant que...

Là-dessus il ôta poliment son béret, et les deux amis ne purent faire autrement que de se lever et de lui rendre son salut (Boulgakov, 2004, 390).

С точки зрения таксисных отношений ситуация, представленная в оригинале, может быть охарактеризована как «прерывающее следование» [2. С. 42]. Декларативный глагол СВ отражает начальную стадию процесса, сама же реплика героя (Волада) прерывается, остается незаконченной, за ней следует приветственный жест. Граница между действиями обозначена коннектором.

Второй переводчик максимально приблизился к оригиналу, в то время как первый отдал предпочтение конструкции зависимого таксиса, деепричастию НСВ, передающему одновременность. Таким образом, в первой переводческой версии герой снимает шляпу в момент произнесения своей реплики. Нарушается динамика повествования, замысел автора передан не полностью.

Такая же картина наблюдается и в следующем случае:

– *Так. Какие же меры вы приняли, чтобы поймать этого убийцу?* – **тут** врач повернулся и бросил взгляд женщине в белом халате, сидящей за столом в сторонке. Та вынула лист и стала заполнять пустые места в его графах (Булгаков, 54).

– *Bien. Et quelles mesures avez-vous prises pour arrêter cet assassin?*

En disant ces mots, le docteur se retourna, jeta un coup d'oeil à une femme en blouse blanche, assise à une table dans un coin de la pièce (Boulgakov, 1968, 120).

– *Bien. Et quelles mesures avez-vous prises pour capturer cet assassin?* **Là**, le médecin tourna la tête et lança un regard à une femme en blouse blanche, assise derrière une table à l'écart (Boulgakov, 2004, 455).

Деепричастие в первой версии перевода, как и в приведенном ранее примере, «смещает» второе действие относительно первого. Обращаясь к больному, профессор одновременно делает знак медсестре. Вторая версия перевода более соответствует оригиналу в том, что касается передачи таксисных отношений. Короткое и столь же динамичное, как и русский коннектор, наречие *là* маркирует границу перехода к другому действию.

Анализ языкового материала показал, что такой яркий показатель таксисных отношений, как коннектор русского языка *тут* регулярно находит отражение в тексте перевода. Особенность данной языковой единицы состоит в том, что она вводит внезапное, неожиданное действие, всегда выраженное глаголом СВ. Соотношение с предшествующей ситуацией может реализовываться как одновременное или нестрогое одновременное, приобретать очертания контактного, а также прерывающего следования или частичного наложения.

При переводе на французский язык отрезков текста, содержащих данный временной коннектор, используется достаточно широкий набор языковых средств, в большей или меньшей степени передающих динамический характер исходной языковой единицы. Главную роль при выражении таксисных отношений играют формы глагола, однако в ряде случаев, в частности на границе перехода от прямой речи (реплики героя) к авторской, неадекватное переводческое решение может привести к искажению замысла автора. Так, деепричастие декларативного глагола в такой позиции перемещает действие во времени, позиционирует его как одновременное по отношению к действию, выраженному глаголом, непосредственно предшествующим в русском тексте коннектору *тут*.

Французские коннекторы, соответствующие в тексте перевода русскому наречию *тут*, так же, как и исходная русская лексема, знаменуют переход к новому положению дел. *A ce moment, là-dessus, là, alors* не только указывают на точку соприкосновения или наложения действий, они в то же время

служат разграничителями, маркерами разрыва, перехода в иное качество [4. С. 355]. Каждый из этих коннекторов в силу своей природы, чисто временной или временной в сочетании с аргументативной, реализует присущий ему потенциал в определенных контекстуальных условиях.

Литература

1. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 2001.
2. Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2.
3. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
4. Franckel J.-J. Etude de quelques marqueurs aspectuels du français. Genève, 1989.

Принятые сокращения

Булгаков – Булгаков М. А. Избранное. М., 1991.
Boulgakov, 1968 – Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. P., 1968.
Boulgakov, 2004 – Boulgakov M. Le Maître et Marguerite et autres romans suivis du Théâtre. Oeuvres. II. P., 2004.

М. А. Марусенко

ФРАНКОФОНΙΑ: МНОГООБРАЗИЕ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ И ЭПИЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Каждый, кто общался с носителями французского языка, проживающими в разных регионах, мог заметить, что французский язык, которым пользуются в Африке, Бельгии, Швейцарии, Квебеке и т. д., отличается от того, на котором говорят во Франции. В основе этой дифференциации лежат три основные причины:

1. Французский язык на этих территориях находится в контакте с другими языками (субстратами или адстратами), оказывающими на него влияние через интерференцию, кото-

рая бывает разных типов: фонетической, лексической, морфосинтаксической, прагматической. В тех случаях, когда французский язык не является первым языком социализации, можно говорить еще и о реструктуризации, которой язык подвергается, когда он изучается как второй язык.

2. Потребности носителей языка различаются в зависимости от условий их обитания, и каждое языковое сообщество создает для себя языковые средства, необходимые для выражения своих реалий.

3. Неологизмы, которые также являются мощным средством дифференциации. В каждом сообществе носители языка используют одни и те же языковые ресурсы, но по-своему. Именно благодаря креативности носителей французского языка появились такие неологизмы, как *essencerie* (station d'essence) в Сенегале, *motamoter* (apprendre par cœur) в Камеруне, *dépanneur*, *couche-tard* (magasin de produits de consommation courante, ouvert sur d'autres plages horaires que les magasins ordinaires) в Квебеке, *pendulaire* (personne qui travaille dans une autre ville que celle où elle réside et qui fait la navette chaque jour entre les deux) в Швейцарии или *naveteur* (с тем же значением) в Бельгии.

Языковые контакты, интерференция и креативность – важные факторы, объясняющие дифференциацию. Если бельгийское слово *gletter* (baver) происходит от валлонского, это еще не основание считать, что современные носители, использующие это слово, заимствуют его из валлонского языка благодаря французско-валлонскому билингвизму, который у большинства из них отсутствует. Аналогично, если мы можем с определенными основаниями предположить, что сенегальский глагол *fouilleter* (fouiller) был образован носителями, которые не в полной мере владели французским языком, этот упрек не относится к тем, кто употребляет его сейчас, в соответствии с узусом своего языкового сообщества. Тот же самый механизм задействован и при образовании неологизмов: швейцарский термин *pendulaire*, несомненно, является

неологизмом, однако это не значит, что все словоупотребления этого слова каждый раз вызваны механизмами порождения неологизмов. В течение некоторого времени, впрочем, достаточно недолгого, языковые единицы или структуры могут считаться заимствованиями, неологизмами или результатами интерференции, но после этого они становятся элементами языковых инвентарей, общих для всех членов сообщества.

Известно, что вместо французского числительного *soixante-dix* в Бельгии и Швейцарии используется *septante*. Никто, естественно, не возьмет на себя смелость утверждать, что бельгийцы или швейцарцы не могут, из-за субстрата или адстрата, использовать французскую форму. Другой пример: там, где французы произносят увулярное [R], большинство африканцев произносит переднеязычное [r]. Но когда их просят произнести слова с увулярным [R], большинство из них прекрасно справляются с заданием. Какой вывод можно сделать из этих примеров? Такой, что порождение подобных отклонений от нормы не может каждый раз интерпретироваться как ошибка, вызванная контактом разных языков, но как сознательное желание использовать слова, характерные для своей группы. При современной мобильности людей и их охвате средствами массовой информации каждый человек имеет дело сразу с несколькими разновидностями языка, но он проявляет свою принадлежность к той группе, с которой он самоидентифицируется, используя ее языковые обычаи.

Однако в языке, как и в других структурах, многообразие отнюдь не означает равноправного сосуществования разных вариантов, напротив, они явно или неявно образуют иерархические структуры. В структуре Франкофонии имеются специальные организации, которые занимаются выработкой норм и контролем за их соблюдением.

Прежде всего необходимо назвать Французскую академию, которая для большинства публики остается высшей инстанцией во всех вопросах, связанных с французским

языком. Эта, по сути дела, общественная организация, объединяющая 40 выдающихся деятелей французской науки и культуры, пользуется огромным престижем, мало соизмеримым с ее действительным влиянием. Как признавал известный писатель Морис Дрюон, бывший постоянный секретарь Французской академии, между появлением нового слова во Франции и его фиксацией в «Словаре Французской академии» проходит в среднем не менее 30 лет. Еще хуже обстоит дело со словами или значениями, появившимися за пределами Франции. Правда, 9-е издание Словаря Академии, начавшее издаваться с 1992 г., включает некоторое количество слов и значений, активно используемых за пределами Франции и признанных академиками достойными обогатить французский язык. Но, в принципе, Французская академия мало склонна даже обсуждать вопрос о многообразии норм. Характерна в этом отношении позиция Французской академии, выраженная М. Дрюоном по поводу принятия в Бельгии в 1993 г. декрета о феминизации названий профессий. В письме, направленном 15 февраля 1994 г. своему коллеге Ж. Торперу, постоянному секретарю Королевской академии французского языка и литературы, М. Дрюон призвал бельгийских академиков протестовать против этих изменений, вносящих, по его мнению, путаницу в язык и в узус. Когда же аналогичные меры были приняты французским правительством, М. Дрюон и другие академики выступили с серией статей, в которых они высмеивали результаты работы по феминизации названий профессий, уже достигнутые в Квебеке, Швейцарии и франкоязычной Бельгии, иллюстрируя тем самым свое отношение к собратьям по франкофонии: *«Dans les bastions où règne encore le «Grand frère», les mesures normatives adoptées par les «cadets» provoquent sourires hautains, persiflage et mépris. On s'y fait tort de collectionner les anecdotes relatant leurs excès, leurs échecs et leurs impairs, de les raconter à satiété, de les décortiquer avec la suffisance et le détachement des esprits supérieurs»* [4. С. 386].

Такая позиция Французской академии, ставшей препятствием на пути проведения эффективной языковой политики, вынудила французское правительство принять обходные меры. Не имея возможности покуситься на эту «священную корову», оно пошло по пути создания другой организации с функциями, аналогичными Французской академии, – Национального института французского языка (Institut National de la Langue Française – INALF) в структуре Национального центра по научным исследованиям (CNRS) [10].

В Бельгии подобные функции возложены на Королевскую академию французского языка и литературы, которая не всегда придерживается позиций, совпадающих с французскими. В том же конфликте с феминизацией названий профессий Ж. Торпер ответил М. Дрюону, что бельгийская Академия имеет в своем составе достаточно компетентных специалистов, четверо из которых входят в Высший совет французского языка (Conseil supérieur de la langue française), и что Франция – еще не вся франкофония.

В Квебеке в 60-е гг. было создано Управление по французскому языку (Office de la langue française), которое в начальный период своей деятельности полностью ориентировалось на «международный французский». Однако, начиная с 80-х гг. XX в., в его заявлениях по языковой политике звучит поддержка самостоятельного стандартного квебекского языка, не ориентирующегося на французскую норму. Особую известность Управлению принесли работы в области научно-технической терминологии и электронные банки данных.

В течение долгого времени грамматики, фонетические справочники и словари французского языка ориентировались единственно на узус узкой социальной прослойки, называемой «bonne société cultivée de la région parisienne». При этом региональные особенности внутри самой Франции, а также зарубежные варианты совершенно игнорировались. Французский язык мог считаться правильным только в случае, если он

соответствовал французской норме. Кроме того, во всех учебных заведениях господствовала французская норма.

Однако, начиная с последней четверти XX в., ситуация начала меняться. Первый прорыв был осуществлен в 1972 г. в результате публикации словаря издательства Bordas [1], в который были включены канадские, бельгийские и швейцарские элементы. В 1977 г. за ним последовал *Le Petit Robert*, а с 1989 г. – *Le Petit Larousse illustré*.

Это введение зарубежных элементов в справочные издания, что сразу же отметили специалисты, произошло без такой шумихи, которая, например, сопровождала борьбу Французской академии с феминизацией названий профессий в защиту единственной правильной нормы, той, что доминирует во Франции. Кроме того, речь могла идти только о лексических единицах, а фонетический или синтаксический уровни совершенно не учитывались. Так, нигде не отмечается наличие аффрикат зубных согласных в Квебеке или сенегальский вариант [rórk] вместо [rórg], а также бельгийское [wagö] вместо [vagö] [7. С. 4].

В то же время собственно французская лексика не маркирована и по умолчанию считается принадлежащей к общей лексике. Само по себе указание на ареал употребления слова не решает никаких проблем, а иногда может и породить их. Так, если бельгиец говорит *Je dois aller conduire mes gamins à l'école*, можно быть уверенным, что в число *gamins* не входит ни одна девочка. Не так однозначно обстоит дело во Франции, где *gamins* является почти синонимом слова *enfants*. Но неизвестно, насколько это явление распространено во Франции и других франкоязычных странах.

Другие издания демонстрируют более явную ориентацию на всемирную франкофонию. Можно отметить *Dictionnaire universel francophone* [2], изданный группой Hachette совместно с Университетским агенством по франкофонии в 1997 г. и включающий наряду с общим французским большое коли-

чество слов из других франкоязычных стран. На одну только Бельгию в нем приходится более 700 статей.

И, конечно, нельзя обойти вниманием грандиозный проект, начатый в 1987 г. под руководством известного французского лингвиста Б. Кемады, в то время вице-президента Высшего совета по французскому языку, под названием *Trésor informatisé des vocabulaires francophones*, в котором объединяются лексические ресурсы Квебека, Швейцарии, Бельгии, Марокко, Бурунди, Реюньона, Алжира, Камеруна, Акадии и Луизианы.

Можно заметить, что в названиях этих словарей прилагательное *français* (*dictionnaire français, vocabulaire français*) заменено на *francophone*. Однако никому не известны англоязычные, испаноязычные или португалоязычные словари. Может быть, это сделано для того, чтобы отличать людей, говорящих по-французски, от людей франкоязычных?

Тем не менее нужно все-таки отметить, что важный шаг в этом направлении сделан, что особенно важно для Франции, в которой царит дух преклонения перед словарями.

Надежным оплотом сохранения и распространения французской нормы остаются учебные заведения. Практически во всех франкоязычных странах учебники строго соответствуют ей, если не считать немногих лексических единиц, связанных с местными реалиями и вкравшихся на страницы учебников только по недосмотру авторов.

Исключением является Квебек, где учителя французского языка требуют разрешить им преподавать не стандартный французский, а местный французский (квебекский) язык.

В других франкоязычных странах преподаватели французского языка не всегда преследуют употребление партикуляризов, даже когда они четко выделяют их. Так, в Бельгии слова *crolle* (*boucle*) или *bawette* (*lucarne*) находятся в списке не рекомендуемых, а *nonante* (*quatre-vingts dix*) или *chicon* (*endive*) – нет. В Сенегале не рекомендуется слово *garage* (в

значении *gare routière*), а *gouvernance* (*siège, résidence du gouverneur*) допускается.

Что касается звуковой формы, в качестве модели берется французское произношение, хотя оно является чужим для всех преподавателей, причем отклонения от него тем сильнее, чем меньше длительность обучения того или иного преподавателя. Иногда в качестве модели берется местная норма. Так, в аудио-визуальном курсе «*Pour parler français*», разработанном в Центре прикладной лингвистики в Дакаре, использовались записи местных дикторов, произношение которых сразу же указывало на их происхождение [3. С. 115].

В различных национальных франкоязычных сообществах, живущих за пределами Франции, большинство носителей французского языка считают, что «хороший французский» может существовать только во Франции, и эта точка зрения выражается в их рассуждениях о языке, из-за чего этот «хороший французский» кажется им недоступным. При этом они могут дистанцироваться по отношению к французской модели, ценить местные партикуляризмы, придавая им определения *expressifs, chalereux, savoureux*.

В Романской Швейцарии по результатам опроса франкоязычных швейцарцев по поводу целесообразности включения в словари слов диалекта водуа (*le vaudois*), на котором они говорят, 57% респондентов дали отрицательный ответ. В то же время 75% этих же людей считают, что они могут гордиться своим языком [9. С. 126–162].

Аналогичные реакции наблюдались в африканских странах, когда обсуждался вопрос о включении африканизмов в словари [6].

Враждебное отношение публики и специалистов касается не только включения в словари партикуляризов, но и вообще всякого отхода от французской нормы. Это наблюдалось, например, у франкоязычных бельгийцев, когда встал вопрос о феминизации названий профессий. Один из самых веских доводов против этой реформы заключался в том, что бель-

гийцы не могут принимать решения отдельно от французов, причем тем принадлежит решающая роль: «C'est aux Français qu'il appartient de décider». То, что квебекцы и швейцарцы уже давно употребляют формы женского рода названий профессий, не принималось во внимание.

При том, что франкофоны-нефранцузы считают французский узус эквивалентом нормы, в случае, когда кто-нибудь из их окружения начинает подражать ему, эта нормированная разновидность языка начинает вызывать явно негативное отношение. В Бельгии это называется *fransquilloner*, в Швейцарии – *raffiner*, в Квебеке – *parler pointu* или *parler avec la gueule en cul de poule*, в Сенегале – *faire le malin, être un doseur, être ciip-ciip*, в Буркина Фасо – *employer des gros mots*, причем все эти термины выражают негативную оценку [8. С. 45–56].

Таким образом, принципы «Le bon français est celui des Français» и «Il ne faut pas parler comme les Français» приводят к ситуации, которую психологи называют «двойным принуждением»: человек не может применять обе языковые модели, потому что они противоречат друг другу. Поддаваясь одному принуждению, он нарушает другое, что может привести к серьезному психическому заболеванию. В социолингвистике широко применяется понятие «языковая опасность», которое Э. Хауген назвал «шизоглоссией» (*schizoglossia*) [5], хотя она обычно не считается причиной тяжелой патологии.

Подобная ситуация не может не оказывать влияния на языковую политику, которая должна быть направлена на уменьшение языковой опасности в периферийной зоне франкоязычия. Эта политика должна строиться с учетом следующих факторов [7. С. 12]:

1. Усилия по кодификации французской нормы не обеспечили однородности французского языка, отличающегося большой территориальной и национальной изменчивостью, но привели к насаждению идеи о существовании единой нормы. Следствием этого является развитие чувства языковой опас-

ности во всех социальных группах, кроме той, которая во Франции владеет символическим капиталом. Тем более по отношению к периферийной франкофонии норма всегда оказывается локализованной за пределами того сообщества, с которым люди самоидентифицируются.

2. Независимо от того, что люди говорят, когда их спрашивают о том, что такое «хороший французский», практически все национальные сообщества сформировали свою собственную норму, которая отличается от стандартной разновидности французского языка в большей степени лексическими и фонетическими особенностями, в меньшей – синтаксическими.

3. Во всех случаях узусом, за которым закрепляется статус стандартного, является узус группы, расположенной на самом верху социально-культурной иерархии. Поэтому при разработке национальных стандартов необходимо учитывать, что признание национальной или местной нормы не означает автоматической легитимизации всех партикуляризов.

Литература

1. *Davau M., Cohen M., Lallemand M.* Dictionnaire du français vivant. P., 1972.
2. Dictionnaire universel francophone. P., 1997.
3. *Dumont P.* Le français et les langues africaines au Sénégal. P., 1983.
4. *Fishman J. A.* Aménagement et norme linguistiques en milieux linguistiques récemment conscientisés // La norme linguistique. Québec; Paris, 1983. P. 383–394.
5. *Haugen E.* Schizoglossia and the linguistic norm // Georgetown University Monographic Series on Language and Linguistics, 15. 1962.
6. *Kasoro R.* Normes scolaires et normes endogènes en République démocratique du Congo // Une ou des normes? Insécurité linguistique et normes endogènes en Afrique francophone. P., 1988. P. 61–81.
7. *Moreau M.-L.* La pluralité des normes dans la francophonie // www.teluq.quebec.ca/divercite/. P. 1–12.

8. *Moreau M.-L.* «Nous avons la langue trop épaisse» ou Comment être un francophone sénégalais // *L'insécurité linguistique dans les communautés francophones périphériques / Cahiers de l'Institut de linguistique de Louvain*, 1994. P. 45–56.
9. *Singy P.* *L'image du français en suisse romande. Une enquête sociolinguistique en pays de Vaud.* P., 1966. P. 126–162.
10. /www.inalf.cnrs.fr/

А. Х. Мерзлякова

**СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВКУС»
ВО ФРАНЦУЗСКОМ, ИСПАНСКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Вкусовые ощущения и запахи играют в жизни человека важную роль. Как отмечает Э. Кондильяк, вкусовые ощущения действуют на человека сильнее, чем запахи, и определяют его состояние более, чем звуки, ибо потребность в пище делает для человека вкус более необходимым и, следовательно, заставляет его наслаждаться им с большой интенсивностью [4. С. 234].

В современной лингвистике прилагательные вкусообозначения неоднократно становились объектом исследования. Несмотря на большой интерес к данной лексике, до сих пор остается нерешенным ряд вопросов, касающихся структуры и границ описываемого семантического поля (СП), а также терминологии, используемой для обозначения прилагательных этой группы. Авторы прибегают к разным терминам для обозначения прилагательных данной группы: прилагательные с первичным вкусовым значением [8], прилагательные вкусообозначения [5], прилагательные со значениями вкусовых ощущений [1], прилагательные вкусового ощущения [2; 3], прилагательные вкуса [6]. Чтобы избежать разнобоя в терминологии и привести название в соответствие с обозначаемым объектом, мы предлагаем закрепить за членами данного СП следующие термины: «прилагательные, передающие / обозначающие вкусовые признаки» и «прилагательные вкусо-

обозначения». В пользу предлагаемых наименований выступает, прежде всего, сама семантическая сущность этой части речи – прилагательное обозначает / передает какой-либо признак (в данном случае – вкусовой признак). Кроме того, в лингвистике уже существует термин, образованный по данной модели и служащий для названия прилагательных другого поля: «прилагательные цветообозначения». Таким образом, наименование «прилагательные вкусообозначения» представляется более удачным из всех приведенных выше, в дальнейшем мы будем пользоваться именно этим термином.

Другая проблема, которую нам предстоит разрешить, состоит в отсутствии единой классификации исследуемых прилагательных. Лингвисты объединяют прилагательные в одну группу либо исходя из семасиологического принципа – на основе общего семантического компонента, либо на базе ономазиологического принципа – соотнесенности значений слов с определенными понятиями. Они включают в указанную группу как прилагательные, обозначающие вкусовые ощущения, так и прилагательные, характеризующие вкусовые ощущения, что вызвано, прежде всего, отсутствием четких критериев классификации.

Так, например, К. М. Герасимова, проводя дифференциацию группы прилагательных вкусообозначения, исходит из предположения, что если семантически непрерывным и дискретным является само понятие вкуса, то семантически непрерывной и дискретной является вся совокупность прилагательных, характеризующих вкусовые ощущения [3. С. 32]. Дискретность общего семантического признака прилагательных вкусообозначения служит лингвисту основанием для выделения нескольких подгрупп в рамках общей группы. В предложенной автором классификации [3. С. 33-36], которая, вне всякого сомнения, достойна внимания, отсутствует, на наш взгляд, единый критерий объединения прилагательных. Кроме того, в поле вкусообозначения лингвист ввела также прилагательные другой семантики, например, *знакомый*, *незна-*

комый. Таким образом, данная классификация объединяет не прилагательные вкусообозначения, а прилагательные, сочетающиеся с существительным *вкус*.

Наиболее плодотворной представляется классификация прилагательных, предложенная А. В. Куценко, – на основе характера признака, передаваемого прилагательным. Она выделяет шесть групп прилагательных (на материале русского и английского языков): 1) прилагательные, обозначающие норму простого вкуса – *горький, сладкий, кислый* / *bitter, sweet, sour, acid, tart*. 2) прилагательные, обозначающие норму сложного вкуса – *кисло-сладкий, горько-соленый* / *bitter-sweet, sweet-sour*; 3) прилагательные, обозначающие норму дифференцированного осложненного вкуса – *горько-вяжущий* / *acerb*; 4) прилагательные, обозначающие норму недифференцированного осложненного вкуса – выделяется только одно прилагательное английского языка – *pungent* (вкус, осложненный свойствами, вызывающими болевые и обонятельные ощущения); 5) прилагательные, обозначающие ослабленную интенсивность вкуса, передаваемую суффиксами – *солонватый, кисленький* / *bitterish*; 6) прилагательные, обозначающие высокую степень интенсивности вкуса – *приторный* / *luscious* [5. С. 49–68]. В дальнейшем мы будем опираться на данную классификацию.

В настоящей работе основой объединения прилагательных в одно поле служит наличие семы «вкус» в структуре основного значения прилагательных. Ядро поля составляют прилагательные, обозначающие основные вкусовые признаки. Обычно исследователи выделяют четыре главных вкусовых ощущения: *кислый, сладкий, горький* и *соленый*, противопоставляя пары – *сладкий* и *соленый*, *горький* и *сладкий*. Остальные вкусовые ощущения группируются вокруг них.

Исследователи неоднократно отмечали, что вкусовой признак выражается не описанием объективной структуры признака, а через указание на эталонный носитель вкусового признака [6; 7]. Поэтому структура основного значения

прилагательных вкусообозначения имеет следующий вид: «Имеющий вкус + N + [оценка + интенсивность]», где N – эталонный носитель признака. Например, *кислый* – «имеющий вкус лимона, уксуса, клюквы». При этом «...у каждого народа представление о том или ином вкусе связывается с разными «эталонными предметами». Так, горький вкус у русских ассоциируется со вкусом хины, полыни, у литовцев со вкусом перца, у англичан со вкусом корочки апельсина или вкусом кофейного осадка» [б. С. 103]. Семы «оценка» и «интенсивность» могут входить как в ядро лексического значения, так и формировать его периферию, указывая на интенсивность проявления вкусового признака и на квалификативно-оценочное отношение говорящих к обозначаемому признаку.

В поле вкусообозначения мы включили следующие прилагательные:

1) прилагательные со значением «**имеющий вкус N + [оценка + int]**». Этот блок формируют а) качественные прилагательные, для которых данное значение является основным, первичным: фр. *acide, aigre, sur, amer, doux* / исп. *dulce, agrio, ácido, amargo* / ит. *dolce, acido, aspro, agro, amaro*; б) относительные прилагательные, для которых обозначение вкусового признака является вторичным, производным: фр. *sucré, mielleux, épicé, sirupeux etc.* / исп. *azucarado, azucarero, salobre, jugoso, zumoso* / ит. *zuccherino, salato, succoso*. Новые вкусовые признаки могут передаваться предложно-именными группами: фр. *le goût de miel* / ит. *el gusto de miel* / ит. *il gusto di miele* (медовый вкус);

2) прилагательные, имеющие значение «**приобретший вкус N, каузированный A**»: фр. *aigri, rance, ranci* / исп. *agriado, avinagrado* / ит. *inacidito*;

3) прилагательные, в значении которых содержится указание на интенсивность проявления признака вкуса; структура их значения имеет следующий вид: а) «**имеющий вкус N + int**»: фр. *acidulé, doucereux, doucet, doucâtre, aigrelet, suret, verdelet (о вине)* / исп. *acidulo, agrete, saladillo* / ит. *acidulo*,

asprigno, acidulato, salmastro; б) «**имеющий вкус N + int>>**» + [оценка (-)]: во французском языке в этом значении употребляется сложная форма (наречие + прилагательное) *trop sucré* и прилагательное *sirupeux*; в итальянском используется прилагательное *dolciastro* и сложная форма: *troppo dolce*; в испанском – *empalagoso*;

4) прилагательные, обозначающие сложные вкусовые признаки. Этот блок представлен двумя группами: а) прилагательные со значением «**имеющий вкус N₁ + N₂**», где N₁ – первый эталонный носитель признака, N₂ – второй эталонный носитель признака: фр. *aigre-doux, doux-amer*; исп. *agridulce*; ит. *agrodolce*; б) прилагательные со значением «**имеющий вкус N + сопровождающийся осязательным ощущением В**»: фр. *astringent, acerbe, âcre, âpre, piquant* / исп. *astringente, áspero, austero, picante* / ит. *astringente, aspro, piccante*;

5) прилагательные, обозначающие вкусовой признак безотносительно к какому-либо эталонному носителю, со значениями: а) «**имеющий вкус + оценка (+)**»: фр. *savoureux, appétissant, succulent, exquis, goûteux, juteux, délectable* / исп. *delicado, apetitoso, apetecible, apetecedor* / ит. *ghiotto, appetitoso*; б) «**имеющий вкус + оценка (-)**»: исп. *desabrido*; во французском и итальянском языках для передачи этого значения используются словосочетания; в) «**не имеющий вкуса + [оценка (-)]**»: фр. *fade, insipide* / исп. *soso, insípido, insulso* / ит. *insipido, scipito*.

Указанные прилагательные могут быть организованы в блоки по близости значения.

Блок «Сладкий»

Рус. яз.	Исп. яз.	Ит. яз.	Фр. яз.
сладкий	dulce	dolce	doux
сахарный	azucarado,	zuccherino	sucré
сладковатый	azucarero	dolcigno	doucereux
сладенький			doucâtre,

приторный	empalagoso,	dolciastro,	doucet
медовый	dulzón,	smaccato	sirupeux
кисло-сладкий	dulzarrón meloso, melifluo agridulce	mellifluo, melato agrodolce	mielleux aigre-doux

Блок «Кислый»

кислый	agrio, ácido,	acido, aspro,	acide, sur, aigre
кисловатый	acerbo, acedo	agro, acerbo	suret, aigrelet
кисленький	acidulado, agrete	acidulo,	verdelet, acidulé
прокисший	agriado,	asprigno	aigri
квашеный	avinagrado	acidulate,	
кисло-сладкий	fermentado	acidetto	caillé, fermenté
	agridulce	inacidito	aigre-doux
		fermentato	
уксусный,	vinagroso,	agrodolce	acétique
уксуснокислый	acético	acetico,	

Блок «Горький»

горький	amargo	amaro	amer
горьковатый		amarognolo	
прогорклый	rancio	rancido, irrancidito	rance, ranci
горьковато-соленый			saumâtre
горьковато-сладкий			doux-amer

Блок «Соленый»

соленый	salobre, salino, salífero	salato, salso	salé
солонватый	saladillo	salmastro	
малосольный			demi-salé
пересоленный	salado, salífero		
пресный	soso		
горьковато-соленый			saumâtre

Блок «Терпкий»

вяжущий терпкий пикантный острый пряный	astringente áspero, austero picante agudo, acre sazonado, especiado	astringente aspro, acerbo, brusco piccante pungente, acre	astringent acerbe, âpre piquant âcre épîcé
---	---	---	--

Блок «Вкусный»

вкусный аппетитный сочный	sustoso, sabroso, (rico), delicado, goloso, delicioso, exquisito, gustoso apetitoso, apetecible, apetecedor jugoso, zumoso, suculento, caldoso	gustoso, saporito, (buono), ghiotto, saporoso, sapido, squisito appetitoso succoso, sugoso, succulento	savoureux, (bon), doux goûteux exquis, délectable, (délicieux) appétissant juteux, succulent
---	---	--	--

Блок «Невкусный»

невкусный	desabrido, desaborido	–	–
-----------	-----------------------	---	---

Блок «Безвкусный»

безвкусный пресный	soso, insípido, insulso, desabrido	insulso, insipido, scipito	fade insipide
-----------------------	---	----------------------------------	------------------

Одно и то же прилагательное может быть в составе разных блоков, например, *doux* входит в блок «Сладкий» и в блок «Вкусный», *acerbo* означает и «кислый», и «терпкий». Подоб-

ная диффузность в значениях некоторых прилагательных вызвана сложностью различения самих вкусовых признаков, не имеющих четких границ и переходящих один в другой. Определенная грань существует лишь у полярных вкусовых свойств: *сладкий – соленый, сладкий – горький*. Нет большого различия между блоками «Невкусный» и «Безвкусный», хотя они и передают разные понятия. Прилагательные группы «Терпкий» находятся на стыке нескольких семантических полей: «Вкус», «Осязание», «Форма» и «Свойство стягивания». Так, французские прилагательные *acerbe, âcre* располагаются ближе к центру поля «Вкус», в то время как французское *âpre*, испанское *áspero* и итальянское *aspro* тяготеют к центру поля «Осязание». Прилагательные *astringent / astringente / astringente* стремятся к центру поля «Свойство стягивания».

Различные степени проявления признака передаются аналогичным способом в трех языках, при помощи аналитических конструкций «наречие + прилагательное»: фр. *un peu salé* / исп. *poco salado* / ит. *poco salato* (= *солонватый*); фр. *trop salé* / исп. *demasiado salado* / ит. *troppo salato* (= *непесоленный*). Недостаток качественных прилагательных вкусообозначения исследуемые языки восполняют обилием именных конструкций, образованных по модели «существительное + предлог + существительное»: фр. *le goût de miel* / исп. *el gusto de miel* / ит. *il gusto di miele*.

Несмотря на родство языков, мы не можем говорить о полной идентичности поля «Вкус» в трех сравниваемых языках. Семантические поля в этих языках различаются как в количественном плане, так и в дискретности выражения того или иного признака. Вероятно, что и производные значения у прилагательных трех языков хотя и развиваются по общим моделям, будут различаться, причем эти различия проявятся ярче, по мере усложнения семантических структур эквивалентных прилагательных в сравниваемых языках.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
2. *Вайсман Н. Н.* Семантическая природа сенсорных прилагательных французского и русского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980.
3. *Герасимова К. М.* Лексикографическая и семантическая интерпретация прилагательных вкусового ощущения: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
4. *Кондильяк де Э. Б.* Трактат об ощущениях // Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1982. Т. 2. С. 189–400.
5. *Куценко А. В.* Семантическая структура прилагательных вкусообозначений и их лексическая сочетаемость в английском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
6. *Лещицкая Ж. В.* Прилагательные вкуса в современном русском языке (в аспекте номинации): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
7. *Мерзлякова А. Х.* Поле вкуса (на материале прилагательных английского, русского и французского языков) // Лингвистический вестник. № 4. Ижевск, 2002. С. 31–39.
8. *Ширина Л. И.* Прилагательные вкуса в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1971.

Л. Г. Степанова

К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА: О. МАНДЕЛЬШТАМ. «РАЗГОВОР О ДАНТЕ», ГЛАВА I

Позволю себе начать эту заметку с небольшого автобиографического отступления, объясняющего, почему для подношения (*omaggio*) к дню рождения Тамары Александровны Репиной я выбрала отрывок из своей новой работы, которая близка к завершению, но, по сути, не имеет конца, ибо таков сам жанр комментария¹. Я не отношу себя к дантоведам, так

¹ Речь идет о комментарии к «Разговору о Данте» для нового издания прозы О. Э. Мандельштама (СПБ.: Дмитрий Буланин); далее все цитаты из Мандельштама приводятся по тексту, подготовленному А. Г. Мецем (в печати), без указания страниц.

как, по моему глубокому убеждению, чтобы причислить себя к ним, недостаточно написать несколько работ о Данте – изучению такого поэта надо отдать всю жизнь. Круг же моих дантоведческих интересов был ограничен одной темой – Данте как теоретик языка. Я начала заниматься этим с середины 80-х гг., и ключом для прочтения дантовского трактата «О народном красноречии» стала для меня проза Мандельштама – как наглядный пример того, что прозу поэта, независимо от места и времени ее создания, нельзя понять в отрыве от его поэтического (стихотворного) языка. Моя первая дантоведческая работа «К семантике термина *illustre* у Данте» – первый опыт толкования слова ‘сиятельный’ как лингвистически значимой дефиниции языка, а не просто как оценочного эпитета, каким он представлялся многовековой традиции, – была опубликована в сборнике «Древняя и Новая Романия», который тогда редактировала Т. А. Репина [15]. Тамара Александровна внимательно следила за развитием этого сюжета, который, спустя десять лет, оформился в монографическую работу «Лингвистические взгляды Данте» [16. С. 9–140].

Теперь – ровно через сорок лет после опубликования «Разговора о Данте» [13] – пришел черед обратиться к дантовской теме в прозе самого О. Э. Мандельштама. Сплошные круглые даты!

«Разговор о Данте» был написан весной 1933 г. Известно, что Мандельштам читал его сначала А. Белому и А. Мариенгофу (прямо на месте, в Крыму), затем В. М. Жирмунскому и Ю. Н. Тынянову, поэтам Б. Лифшицу, Б. Пастернаку и А. Ахматовой, художнику В. Татлину, но попытки опубликовать эту работу в 30-е гг. в журнале или отдельной книгой не увенчались успехом. Текст «Разговора», подготовленный А. А. Морозовым, удалось издать только в 1967 г.; за два года до этого, в год 700-летия со дня рождения Данте (1265–1321), он уже вышел в английском переводе, а одновременно с русским изданием – и в переводе на итальянский.

Следует отметить, что в обоих случаях обнаружение этого сочинения – и тогда, в 30-е гг., когда его читали и слышали единицы, и потом, в 60-е, когда это сочинение стало доступно широкому читателю (оно вышло тиражом 25 000), – каждый раз приходилось на периоды, знаменательные для истории советского дантоведения. В 1933 г. оно совпало с выходом в свет книги А. К. Дживелегова «Данте Алигьери» в серии «Жизнь замечательных людей» [7], которая считается первой значительной работой о Данте, написанной в советское время, а ее автор – «пионером» и «первопроходцем» советской дантологии². По воспоминаниям Э. Г. Герштейн, «[р]укопись «Разговора о Данте», переданная Мандельштамом в Госиздат, была возвращена ему без единого полемического замечания, но со множеством вопросительных знаков на полях. Если не ошибаюсь, эти пометы были сделаны рукой А. К. Дживелегова» [2. С. 44]. Если мемуаристка и ошибается в своих предположениях, это не меняет существа дела: работа Мандельштама, в которой содержатся критические выпады против традиционного подхода к освещению творчества Данте, не могла прийтись Дживелегову по душе, а от него – как главного специалиста по итальянской литературе – в издательской политике тех лет зависело многое³. В 1967 г. публикация «Разговора» почти совпала с дантовским юбилеем, который в 1965 г. отмечался во всем мире. На волне этого юбилея в рамках академической науки была создана «школа» советского дантоведения.

² Ср.: «Хотелось бы <...> вспомнить о двух пионерах нашей дантологии – С. П. Шевыреве и А. К. Дживелегове. Эти имена по справедливости могут быть поставлены рядом. Шевырев – автор первой русской монографии о Данте, Дживелегов – первой советской. Поистине это два первопроходца <...>» [8. С. 111].

³ Вообще, надо сказать, что с публикацией лучших работ о Данте в Советском Союзе никогда не спешили. Прекрасная статья М. Л. Лозинского (1886–1955), написанная им в декабре 1945 – январе 1946 г. специально как предисловие к полному изданию «Божественной комедии», так и не была использована по назначению ни при жизни, ни после смерти переводчика-лауреата, она пролежала в рукописи в его личном архиве 40 лет [11].

Знаменательно, что Дантовская комиссия как постоянно действующий официальный орган была сформирована не *до*, а *после* юбилея (решением Научного совета по истории мировой культуры АН СССР от 2 декабря 1966 г.) и ее председателем был назначен И. Ф. Бэлза (1904–1994), на счету которого до 1965 г. не было ни одной дантоведческой работы, если не считать двух статей об опере С. Рахманинова «Франческа да Римини» (в которых, естественно, упоминался и Данте – см. библиографию: [б] под №№ 2020 и 2024). Стоит ли удивляться, что ученый с таким скромным багажом, однако хорошо усвоивший главную заповедь советского литературоведения, которое, покончив с формализмом, подменило анализ художественной формы перечнем художественных особенностей, откликнулся на исследование Мандельштама о Данте короткой и бессодержательной заметкой в разделе «Обзоры и публикации» (рядом с чуть бóльшим по объему обзором «Данте в зеркале почтовых марок»), не забыв, однако, расставить нужные акценты: «“Разговор о Данте” нельзя назвать монографией <...> В этой маленькой книжечке мы не найдем рассуждений об этике Данте: на первый план выдвигаются художественные образы, и то, что мы читаем о них, заставляет вновь и вновь задуматься над дантовской поэтикой, над тем, что, как мы чувствуем, больше всего волнует Осипа Мандельштама» [1. С. 214].

Отечественное дантоведение под председательством Бэлзы, который был бессменным редактором «Дантовских чтений» на протяжении четверти века (1968–1994), над поэтикой Данте «задумывалось» меньше всего. С другой стороны, мандельштамоведение, которое, напротив, формировалось в те же годы, в конце 60-х – начале 70-х гг., как подлинно филологическая дисциплина (естественно, вне рамок официального литературоведения и почти подпольно), восприняло эссе Мандельштама исключительно как описание его собственной поэтики. Этому способствовали и отзывы первых читателей, т. е. близких Мандельштаму людей. Ср., например, письмо

С. Б. Рудакова жене от 22 марта 1936 г.: «Занимаюсь “Разговором о Данте” (собственно “о Мандельштаме”, т. е. Данта там нет, очень мало, если есть)» [2. С. 115]. Иными словами, мандельштамоведом текст «Разговора» был понятен и без обращения к Данте и к итальянскому языку⁴, а для дантоведов и итальянистов советской выучки Мандельштам как исследователь Данте не представлял интереса, был темен и непонятен. Искусственно созданная структура, по существу, занималась не столько изучением Данте, сколько бессистемным собиранием свидетельств его присутствия в русской культуре и в культуре славянских стран⁵ (иначе говоря, стран «социалистического содружества»), укрепляя свой международный престиж, о котором все время напоминал Бэлза в победных реляциях на страницах подведомственного ему органа, исключительно по линии культурных связей с обществом «СССР – Италия». В Италии темой «Данте и славяне» (название юбилейного сборника статей под ред. И. Бэлзы, которое и определило круг интересов всей этой «школы») никто особенно не занимался, поэтому для итальянского дантоведения разработка этой темы представляла определенный интерес, а для развития отечественного дан-

⁴ Ср. еще одно свидетельство Рудакова: «И хотя Дант является сюжетом работы, его там меньше всего. Я ее понимаю до конца, не зная итальянского» и ответ Мандельштама, который Рудаков приводит в том же письме (3 апреля 1936): «Да, это все говорят, что это понятно и не знаем Данте» [14. С. 166].

⁵ Примером подлинно систематического обзора и единственного фундаментального компендиума в этом жанре является книга «Творчество Данте и мировая культура» – плод единоличного труда И. Н. Голенищева-Кутузова (1904–1969). Несмотря на то, что покойный Голенищев состоял членом Дантовской комиссии, книга была подготовлена к печати вдовой ученого и вышла в свет под редакцией акад. В. М. Жирмунского [3], а во втором выпуске «Дантовских чтений», вышедших в том же году (1971), памяти ученого, который подготовил первое Полное собрание сочинений Данте на русском языке ([4], [5] серия «Литературные памятники»), была посвящена одна фраза в разделе «Хроника»: «Собравшиеся почтили вставанием память скончавшегося в 1969 г. члена комиссии доктора филологических наук И. Н. Голенищева-Кутузова». Редколлегия у этого периодического издания не было, все выпуски выходили как сборники «под общей редакцией Игоря Бэлзы».

товедения это было чревато «провинциализацией» нашей науки о Данте и ее нарастающим отставанием от мировой науки.

Трактат Мандельштама состоит из одиннадцати глав, и первая глава (как и первая книга дантовского «Пира», заметки к которому остались в черновых записях к «Разговору») является вводной. В ней четко выделяются следующие положения, которые трудно поддаются пересказу, так как мы имеем дело не с привычным для нас научным стилем речи, а с языком поэта, который выражает свои мысли в свойственной ему одному манере, но это никак не затеняет логику движения мысли. Итак, попробую изложить содержание этой главы в виде тезисов.

1. Определение поэтической речи и поэзии как «скрещенного процесса», а не готового результата (в конечном счете – традиция Гумбольдта, *energeia*)⁶; характеристика Данте как поэта, удовлетворяющего данному определению: «Дант – орудийный мастер поэзии, а не изготовитель образов. Он стратег превращений и скрещиваний, и меньше всего он поэт в “общевропейском” и внешнекультурном значении этого слова». Это положение иллюстрируется цитатой из «Комедии» о поединке двух борцов, тела которых переплетаются в схватке (*Inf.* XVI, 22–24).

2. Староитальянская поэзия и итальянский язык. Совмещение понятий ‘старость’ и ‘детство’ в определении поэзии дантовского времени: «Великолепен стихотворный голод итальянских стариков, их зверский юношеский аппетит к гармонии, их чувственное вожделение к рифме – *il disio*». Здесь использованное Мандельштамом слово *il disio* ‘естественное, инстинктивное желание, стремление, влечение, тяга’ имеет цитатную функцию. Слово *disio* – поэтическое,

⁶ О том, что этот подход был новым для самого Мандельштама (вероятно, не без влияния «динамических» идей Ю. Н. Тынянова – см.: [17]), свидетельствует то обстоятельство, что одно из образных воплощений этой мысли («не следует, что <...> текст выдупился готовым, как <...> Афина Паллада из головы Зевса») содержит прямую полемику с каноном поэтики акмеизма – статьей Гумилева «Читатель» (см.: [9. С. 38–39, прим. 9]).

в «Комедии» оно встречается 51 раз (причем по нарастающей: в *Inf.* – 11, в *Purg.* – 14, в *Par.* – 26 раз), а в прозаическом языке (в трактате «Пир») Данте использует общеупотребительное слово *il desiderio* (*passim*), в то время как *disio* встречается там только один раз (*Conv.* III, X, i).

3. Фонетика итальянского языка, ее инфантильность: «прекрасная детскость, близость к младенческому лепету, какой-то извечный дадаизм». Цитата из рассказа прапрадеда Данте – Каччагвиды о патриархальном укладе старой Флоренции: мать воркует над ребенком в колыбели на своем особенном языке, а бабушка рассказывает домочадцам старинные предания (*Par.* XV, 122–123, 125–126).

4. Итальянский язык (в котором «всё рифмует друг с другом») и рифма; «обилие брачующихся окончаний», т. е. парных рифм (ср. итал. термин *rima baciata*, букв. ‘целующаяся рифма’)⁷.

5. Использование у Данте детского языка в контексте рассуждений о времени с глухой ссылкой на *Purg.* XI, 103–108, где понятие ‘детский возраст’ передается не описательно, а при помощи характерных словечек из итальянской детской речи: *parro* (‘хлеб’ и еда вообще) и *dindi* (‘монетки’), ср. подобные слова в русской детской речи: «ням-ням» и звукоподражательное «динь-динь». Мандельштам должен был вспомнить не только работы ОПОЯЗа о зауми (в том числе в детском творчестве), но и, кажется, единственное до «заумников» стихотворение, в котором использовалась детская речь: сонет Инн. Анненского «Человек».

6. Итоговый вывод (две последние фразы I гл.):

а) «Творения Данта есть прежде всего выход на мировую арену современной ему итальянской речи – как целого, как системы»;

⁷ Мотив, присутствовавший уже у раннего Мандельштама: «И дышит таинственность брака / В простом сочетании слов» («Как облаком сердце одето», 1910).

б) «Самый дадаистический из романских языков выдвигается им на международное первое место».

Вот на этом определении – «самый дадаистический из романских языков», – которое является ничем иным, как типологической характеристикой итальянского языка, я и хотела бы остановиться несколько подробнее.

Dada – звукоподражательное слово из французской детской речи, соответствующее русск. «но-но» (как обозначение ‘лошадки’); в переносном значении то же, что ‘любимый конек’; оно же в качестве прилагательного стало определением французской школы современного искусства (*l'École dada* или *dadaïsme*), возникшей около 1916 г. и неоднократно сопоставлявшейся с русской заумной поэзией. «Дадаистический» применительно к характеристике итальянского языка вообще и дантовского в частности можно понимать также в двух смыслах – как самый передовой («авангардный») из средневековых литературных языков и самый детский из всех романских языков.

Близость итальянского языка к латинскому – факт общеизвестный. Не будем забывать, что профессиональное образование Манделштама, хотя и незаконченное, было романистическим, он учился в Сорбонне, Гейдельберге и посещал семинар В. Ф. Шишмарева в Петербургском университете, переводил французский эпос⁸. Однако дело здесь не только в том, что итальянский язык ближе других романских языков к материнской латыни. Если учесть, что детская речь как особая лингвистическая система характеризуется определенным набором признаков: обилием звукоподражательных слов, фонетическими повторами, свободным использованием словообразовательных моделей и словотворчеством вообще, – то следует признать, что манделштамовское определение является довольно точной характеристикой типологических осо-

⁸ См. подробнее: [10], [12].

бенностей итальянского языка. Лингвисты приходят к такому выводу, сопоставляя его с французским.

Примерно в то же время, когда Мандельштам писал свое эссе в Крыму, Вальтер фон Вартбург читал лекцию «Сравнительная характеристика итальянского и французского языков», которую опубликовал вместе с двумя другими под общим названием «Положение итальянского языка в неолатинском мире» [19. С. 30–43]. В ней известный швейцарский романист сопоставляет итальянский и французский языки по нескольким параметрам: фонетика (просодия), словообразование, модальность глагола и др. Вартбург приводит длинные ряды производных слов в итальянском, где множество оттенков значения передается суффиксами, тогда как французский язык выражает те же значения аналитически (сочетанием существительного с прилагательным или несколькими прилагательными): ср. ит. *donna* наряду с *donnetta*, *donnina* / *donnettina*, *donnona* / *donnone*, *donnuccia*, *donnaccia*, *donniciuola* и фр. *femme*: *petite femme gracieuse*, *grande femme majestueuse*, *petite femme d'apparence chétive*, *méchante femme*, *femme naïve*. Несмотря на то, что французский язык никогда не обладал сопоставимым с итальянским богатством словообразовательных моделей, в старофранцузском все-таки встречались такие производные от *femme*, как *femete*, *femelete*, *femote*, но впоследствии французский язык, как образно выражается Вартбург, пресек эту «роскошную растительность» (*vegetazione lussureggiante*), в то время как итальянский позволил ей безгранично разрастаться на своей почве.

Сопоставляя разные периоды развития двух языков, Вартбург приходит к выводу, что итальянский язык пребывает в состоянии непрерывного творчества, которое не сдерживается строгими нормативными предписаниями, он культивирует свою вариативность, тогда как французский редуцирует свои изобразительные возможности, унифицирует их в угоду строгим и непротиворечивым правилам. Эти наблюдения Вартбурга позднее обобщит С. Ульман в статье

«Дескриптивная семантика и лингвистическая типология»: «Изобилие деривационных процессов, особенно для выражения уменьшительных, увеличительных, уничижительных и прочих подобных оттенков является одной из наиболее характерных черт итальянского словаря <...> Итальянский язык значительно шире, чем французский, использует и оноματοпею. <...> свободному и непосредственному характеру итальянского языка противостоит рационализм и сдержанность, свойственные французскому языку» [18. С. 26].

Как нетрудно заметить, вне контекста, в данном случае вне разговора (*discours*) о сопоставлении двух романских языков, такие понятия и определения, как «свободный», «непосредственный», «рациональный», «сдержанный» и другие подобные (для продолжения этого ряда можно взять хотя бы работы Ш. Балли и его школы о стилистике французского языка), для стороннего читателя, наверное, покажутся лишенными научного смысла, потому что их толкований он не найдет в словаре лингвистических терминов – они заведомо нетерминологичны, но это отнюдь не значит, что лингвисты признают подлинно научной только такую типологию, где языки делятся на «флективные», «агглютинативные» и т. д. То же самое и в мандельштамовском определении «дадаистический» – это итоговое определение, пучок смыслов, в котором собраны все те значения, о которых речь шла выше.

Если рассматривать «Разговор о Данте» в контексте романистических штудий и дантоведческих интересов Мандельштама и составить такой же конспект к остальным десяти главам трактата, как к первой, и хотя бы такой же комментарий, как к одному из выводов этой первой главы, то мы получим развернутую программу спецкурса «Поэтика Данте», рассчитанную не на один семестр. Только много ли студентов запишется теперь на этот спецкурс? И велик ли будет список рекомендованной литературы на русском языке к этому гипотетическому спецкурсу?

Литература

1. *Бэлза И. Ф.* Размышления Манделъштама о Данте // Дантовские чтения. 1968. М.: Наука, 1968. С. 213–217.
2. *Герштейн Э.* Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998 (1-е изд.: Р.: Atheneum, 1986).
3. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура. М., 1971.
4. *Данте Алигьери.* Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. Изд. подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1967.
5. *Данте Алигьери.* Малые произведения / Изд. подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1968.
6. *Данченко В. Т.* Данте Алигьери. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке 1762–1972 / Отв. ред. акад. М. П. Алексеев. М.: Книга, 1973.
7. *Дживелегов А. К.* Данте Алигьери. М.: Журнально-газетное объединение, 1933.
8. *Илюшин А. А.* Данте в России (по поводу библиографического указателя В. Т. Данченко) // Дантовские чтения 1976. М.: Наука, 1976. С. 110–118.
9. *Левинтон Г. А.* Манделъштам и Гумилев. Предварительные заметки // Robin Izlewood & Dyana Myers (eds.) Столетие Манделъштама: Материалы симпозиума. Tenafly; N.-J.: Эрмитаж, 1994. С. 30–43.
10. *Левинтон Г. А.* Романия и романистика у Манделъштама // Res Philologica–II. Филологические исследования: Сб. статей памяти акад. Г. В. Степанова. СПб.: Петрополис, 2001. С. 203–213.
11. *Лозинский М. Л.* Данте Алигьери / Подг. к печати С. М. Лозинского и Е. Б. Белодубровского // Дантовские чтения 1985. М.: Наука, 1985. С. 9–35.
12. *Нерлер П.* Осип Манделъштам в Гейдельберге: Записки Манделъштамовского общества. Т. III. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994.
13. *Манделъштам О.* Разговор о Данте / Подготовка текста и примечания А. А. Морозова. Послесловие Л. Е. Пинского. М.: Искусство, 1967.
14. *О. Э.* Манделъштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Публ. и подготовка текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1993 год.

- Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. С. 7–185.
15. *Степанова Л. Г.* К семантике термина *illustre* у Данте // Древняя и Новая Романия. Вып. 4. Романские языки: Семантика, прагматика, социолингвистика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 110–118.
 16. *Степанова Л. Г.* Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб.: РХГИ, 2000.
 17. *Тоддес Е. А.* Мандельштам и опоязовская филология // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 78–103.
 18. *Ульман С.* Дескриптивная семантика и лингвистическая типология // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: ИЛ, 1962. С. 17–44.
 19. *Wartburg W. von.* La posizione della lingua italiana nel mondo neolatino. Leipzig: H. Keller, 1936.

В. И. Томашпольский

**КОНТАКТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИТАЛЬЯНСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ:
МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО**

Под языковыми контактами мы понимаем взаимодействие двух или более языковых систем (языков, вариантов языков, диалектов), в результате которого в контактирующих системах появляются контактные элементы¹. Контактные элементы, таким образом, это следы языковых контактов, т. е. заимствования, относящиеся к разным уровням языковой структуры, и их производные². Какие единицы языковой системы могут заимствоваться? Среди лингвистов распространено мнение, что в результате языковых контактов из одного языка в другой чаще всего переходят лексические

¹ Ср. определение В. В. Иванова в ЛЭС 2002: «Взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние на структуру и словарь одного или многих из них» [5. С. 237].

² Теоретические аспекты выделения контактных элементов подробно рассматриваются в публикациях М. Ф. Кондаковой [4. С. 7–32].

единицы³, реже – синтаксические структуры и фразеологические обороты. Принято считать, что другие элементы либо вообще не проникают в контактирующие языки, либо усваиваются опосредованно, редко и ограниченно⁴. Некоторые ученые, напротив, утверждают, что заимствоваться может любой элемент языка в отдельности и даже весь язык целиком⁵.

В этой небольшой статье мы хотим обсудить языковые контакты на морфологическом уровне и, соответственно, морфологические контактные элементы. Речь пойдет о контактных формах множественного числа (мн. ч.) во французском языке. Вот некоторые вопросы, на которые предполагается дать ответ: Из каких языков во французский проникают показатели мн. ч.? Насколько распространено это явление? Какие формы мн. ч. представлены? Каков статус чужих форм во французской грамматической системе? Разумеется, здесь дается только общий обзор и приводятся некоторые факты. Детальные сведения будут опубликованы отдельно. Исследование выполнено на материале электронной версии французского толкового словаря «Новый Малый Робер» [8], содержащего около 58 тысяч заголовочных слов, или статей⁶. Русские эквиваленты и дополнительная информация взяты

³ Говоря о заимствованиях, А. А. Реформатский обсуждает только заимствование **слов**; см. указатель в его «Введении в языковедение» [6].

⁴ См. замечания И. Г. Добродомова: «Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. Обычно заимствуются слова и реже синтаксические и фразеологические обороты. Заимствование звуков и словообразовательных морфем из других языков происходит в результате их вторичного выделения из большого числа заимствованных слов» [5. С. 158–159].

⁵ «Заимствоваться может как любой элемент языка в отдельности, так и весь язык целиком. Так, этруски на рубеже эр заимствовали латинский язык, меря и мурома (финно-угорские племена, обитавшие на территории современной центральной России) – восточнославянский, многие индейские племена империи инков перешли на кечуа (государственный язык Инкской империи), камасинцы (говорившие на камасинском языке, одном из южно-самодийских) в XX в. – на русский и т. д.» [1. С. 65].

⁶ По данным авторов словаря, в издании 60000 вхождений; по нашим оценкам, их около 58000.

нами из «Нового французско-русского словаря», составленного К. А. Ганшиной и дополненного В. Г. Гаком [3].

Прежде всего отметим, что категория числа затрагивает практически весь словарь изменяемых слов⁷. Среди них в нашем источнике: существительные (34919), существительные-прилагательные⁸ (3626), прилагательные и числительные⁹ (9215), причастия (от 6466 глаголов) и местоимения (140), т. е. приблизительно 55500 единиц из 58 тысяч. Разумеется, в первую очередь используются исконные (французские) способы обозначения мн. ч. В письменной форме обсуждаемая категория выражается, главным образом, в пределах слова, а за пределами слова она дублируется при помощи известных аналитических способов (артиклей, детерминативов, согласования и т. п.). При этом стандартным морфологическим средством в письменной форме французского языка справедливо считается синтетический элемент *-s / x*¹⁰. В устной речи мн. ч. обозначается прежде всего за пределами слова при помощи упомянутых выше аналитических способов.

Наше исследование показало, что, кроме исконных способов выражения, в современном французском языке используются контактные (заимствованные) приемы выражения мн. ч.¹¹ Среди них можно выделить по происхождению:

⁷ См. также параграф, посвященный категории числа в романских языках с типологической точки зрения в «Сравнительной типологии романских языков» Т. А. Репиной [7. С. 41–47].

⁸ Для анализа французского словаря мы вынуждены выделять такой класс, поскольку 3626 слов в нашем источнике, по мнению его авторов, входят в классы существительных и прилагательных одновременно.

⁹ В соответствии с французской грамматической традицией, числительные относятся к классу прилагательных.

¹⁰ В. Г. Гак называет это средство агглютинацией [2. С. 144].

¹¹ «Заимствованы могут быть и некорневые морфемы, например, в вепский язык, а также в иврит, проник русский суффикс *-ник*; в Арнемленде (Австралия) во многие языки (в том числе не являющиеся близкими родственниками) проникли контактным путем показатель аблатива *-wala* и негативный показатель *-?mau?*. По-видимому, словообразовательные показатели заимствуются легче, чем словоизменительные, а аффиксы чисто синтаксических падежей – труднее, чем показатели со значениями типа «вместе с X», «без X», «около X» и т. п.» [1. С. 69].

английские (67 ЛЕ), итальянские (19), латинские (18), испанские (6), русские (5), арабские (3), немецкие (3), бретонские (2), а также болгарский, иврит, маори, румынский, сардинский, шведский (по 1 ЛЕ) способы. Рассмотрим более подробно итальянское мн. ч. во французском языке.

Итальянское множественное число на -o / i (15 ЛЕ)

Carbonaro – carbonari, carbonaros: ед., м. р., 1818; из итал. *carbonaro* ‘угольщик’ «en mémoire d’anciens conspirateurs qui se réunissaient dans des huttes de charbonniers», ‘membre d’une société secrète italienne qui, au début du 19e s., combattait pour la liberté nationale’; мн. *carbonari*: *réunion de carbonari* или *carbonaros* [8]. – Ед. *carbonaro*, мн. *-ri*, *уст.* ‘карбонарий’ [3].

Gruppetto – gruppetti, gruppettos: ед., м. р., 1810; из итал. *gruppetto* ‘маленькая группа, группка’, муз. ‘ornement composé de trois ou quatre petites notes brochant autour d’une note principale’, мн. *gruppetti*: *exécuter des gruppetti* (или *gruppettos*) *avec légèreté* [8]. – Ед. *gruppetto*, мн. *-tti*, *муз.* ‘групетто’ [3].

Impresario, impresario – impresarios, устар. impresarii: ед., м. р., 1753; из итал. *impresario* ‘entrepreneur’, из *impresa* ‘entreprise’; мн. *des impresarios*, устар. *des impresarii* [8]. – Ед. *impresario*, мн. *-rios, -rii*; ‘импрессарио’ [3].

Maf(f)ioso – maf(f)iosi: ед., м. р., 1902; из итал. мн. ч. *mafiosi*, ‘membre de la Mafia’; мн. *maf(f)iosi*: *des mafiosi* [8]. – Ед. *maf(f)ioso*, мн. *-si*, *разгов.* ‘мафиози’ [3].

Pianissimo – pianissimos, pianissimi: ед., м. р., 1775; из итал. *pianissimo*, субстантивированного суперлатива от *piano*; мн. *des pianissimos* или *des pianissimi* [8]. – Ед. *pianissimo*, мн. *-s, -mi*, *муз.* ‘пианиссимо’ [3].

Pupazzo – pupazzi, pupazzos: ед., м. р., 1852; из итал. *pupazzo* ‘куколка’, ‘marionnette italienne à tête et bras de bois, montée sur une gaine où le montreur enfle sa main’; мн. *des pupazzi* или *des pupazzos*: *spectacle de pupazzi* [8]. – Ед. *pupazzo*, мн. *-zzi*, ‘итальянская кукла, марионетка’ [3].

Putto – putti: ед., м. р., засвидет. в XX в.; из итал. *putto* ‘маленький мальчик, амур’, ‘jeune garçon nu représentant l'Amour, dans la peinture italienne’; мн. *putti* [8]. – Ед. *putto*, мн. *-s, -tti, искусство*. ‘амурчик’, мн. ‘путти’ [3].

Scénario – scénarios, редко des scénarii: ед., м. р., 1764; из итал. *scenario* ‘декорации’ от *scena* ‘сцена’; мн. *des scénarios* или редко *des scénarii: prévoir plusieurs scénarios*. [8]. – Ед. *scénario*, мн. *-s*, реже *scénarii*, ‘сценарий’ и др. значения [3].

Solo – solos, soli: м. р., 1703; из итал. *solo* ‘один’, мн. *des solos* ou *des soli*. [8]. – Ед. *solo*, мн. *-s, soli*, ‘соло’ и др. значения [3].

Soprano – soprani, sopranos: м. р., 1768; из итал. *soprano* букв. ‘верхний, высший’, мн. *des soprani* (parfois *des sopranos*). «*les douces voix de soprani chantaient*» (F. Mauriac). [8]. – Ед. *soprano*, мн. *-s, -ni*, ‘сопрано, дискант’ [3].

Staccato – staccatos, staccati: м. р., 1771; из итал. субстантивированного наречия *staccato* ‘отрывисто’, муз. ‘passage joué en détachant les notes’; мн. *des staccatos* или *des staccati* [8]. – Ед. *staccato*, мн. *-s*, ‘стаккато’ [3].

Tempo – tempi, tempos: ед., м. р., 1771, из итал. *tempo* ‘время’; мн. *tempi*, редко *tempos: indication des tempi* или реже *des tempos* [8]. – Ед. *tempo*, муз. ‘темп’; ‘темп, скорость развития действия (в романе)’ [3].

Trullo – trulli: ед., м. р., 1899; из итал. *trullo*, ‘Construction rurale de forme conique en Italie du Sud’; мн. *trulli: les trulli des Pouilles* [8]. – Ед. *trullo*, мн. *-li*, геогр. ‘трулло (коническое сооружение в Южной Италии)’ [3].

Vocero, vocéro – voceri, vocéros: ед., м. р., 1840; из корсиканского (итал.) *vocero*; ‘en Corse, chant funèbre exécuté par une pleureuse pour un défunt’; мн. *des voceri, des vocéros* [8]. – Ед. *vocero*¹² ‘плач по покойнику (на Корсике)’ [3].

Zingaro – zingari, м. р., 1740; из итал. *zingaro*, ‘Bohémien d'Italie’; мн. *zingari* [8]. – Ед. *zingaro*, мн. *-ros, -ri*, цыган [3].

¹² Сведения о мн. ч. в ГГ 2003 [3] отсутствуют.

Итальянское множественное число на *-e / i* (3 ЛЕ)

Condottiere – condottieres, condottieri: ед., 1770; из итал. *condottiere*; ‘au Moyen Âge, chef de soldats mercenaires, en Italie’, мн. *des condottieres* или *des condottieri* [8]. – Ед., мн. *-res, -ri, ист.* ‘кондотьер’, *прен.* ‘авантюрист’ [3].

Lazzarone – lazzarones, lazzaroni: ед., м. р., 1781; из неаполитан. *lazzarone* ‘homme du bas peuple de Naples’, мн. *des lazzarones* или *des lazzaroni* [8]. – Ед., мн. *-oni*, ‘лаццарони, люмпен-пролетарий в Неаполе’ [3].

Ricercare – ricercari: ед., м. р., 1839 (с 1732 г. употреблялось в форме *recherche*), из итал. *ricercare* ‘rechercher’, муз. истор. ‘genre de pièce instrumentale libre en style d’imitations inauguré par les luthistes italiens à la fin du 15e s. et développé surtout par les clavecinistes et les organistes’, мн. *ricercari: les ricercari de Frescobaldi* [8]. – Ед., мн. *-ri*, муз. истор. ‘ричеркар’ (вид полифонического произведения XVI–XVIII вв.) [3].

Итальянское мн. ч. на *-i*, усиленное французским на *-s* (1 ЛЕ)

Ravioli – raviolis: ед., м. р., 1803 (1747 *rafiolis*); из итал. *ravi(u)oli*; ‘petit carré de pâte renfermant de la viande hachée ou des légumes, que l’on fait cuire à l’eau’; мн. *des raviolis à la sauce tomate, plat d’origine italienne* [8]. – Ед. *ravioli*, мн. *-s* или неизмен.; ‘равиоли, пельмени’ [3].

Парадигма итальянского мн. ч.

Ед. ч.	Итал. мн. ч.	Франц. мн. ч.	Гибридное мн. ч.
Итал. существительные на <i>-o</i>	<i>-i</i>	<i>-os</i>	–
Итал. существительные на <i>-e</i>	<i>-i</i>	<i>-es</i>	–
Итал. существительные на <i>-i</i> (мн. ч. вместо ед. ч.)	<i>-i</i>	–	<i>-is (i + s)</i>

Итоги. Наше исследование показало, что, кроме исконных способов выражения, в современном французском языке используются контактные (заимствованные) приемы выраже-

ния мн. ч. (см. выше). 19 итальянских преимущественно книжных лексических единиц (существительных), заимствованных в основном в XVIII–XIX вв., сохраняют в той или иной мере итальянские формы мн. ч. Эта группа не велика, однако, образуя маргинальный морфологический подкласс, она количественно может соперничать на равных с другими исконными маргинальными подклассами числа или даже превосходить их. Ср., например, тип *bail – baux, corail – coraux, travail – travaux* и т. п., который включает всего 10 лексических единиц.

Основное средство – итальянская флексия мн. ч. *-i* конкурирует с французским элементом *-s*, отображаемым на письме, но не воспроизводимым в устной речи. В рамках итальянского подкласса складываются три группы:

1) 15 существительных на *-o*, образующие мн. ч. на *-i* или *-os*, с разной степенью адаптации; слабо адаптированные ЛЕ имеют только итальянские формы, среднеадаптированные употребляются с итальянским и французским показателями при преобладании того или другого или же на равных;

2) три существительных на *-e* с теми же особенностями, что и в предыдущем случае;

3) один морфологический гибрид с выражением мн. ч. при помощи одновременного употребления итальянского *-i* и французского *-s*, не воспроизводимого в устной речи.

Чужое мн. ч. заимствуется не напрямую, а в результате переноса флексий числа вместе с лексикой. Почти все лексические единицы относятся к одному периоду, типу и небытовым сферам общения. При этом заемные показатели мн. ч. соперничают с исконными, а в некоторых случаях ими дублируются. Конечно, число лексических единиц, сохраняющих чужую морфологию, в сравнении с множеством итальянских контактных элементов (1219) невелико, но связано это с тем, что наш источник фиксирует только те ЛЕ, которые стали достоянием общего французского языка. Можно предполагать, что итальянское мн. ч. существенно чаще употреб-

лялось в XVIII–XIX вв. и шире используется в новое время в сферах общения, связанных с музыкой, живописью и искусством вообще.

Литература

1. *Бурлак С. А., Старостин С. А.* Введение в лингвистическую компаративистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М., 2001.
3. *Гак В. Г., Ганишина К. А.* Новый французско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2003 (ГТ 2003).
4. *Кондакова М. Ф.* Испанские контактные элементы во французском языке: Монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2004.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002 (ЛЭС 2002).
6. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М.: Аспект-Пресс, 1996.
7. *Ретина Т. А.* Сравнительная типология романских языков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
8. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition. Version électronique. P.: Dictionnaires Le Robert / VUE, 2004 (PR 2004).

Т. М. Ушакова

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИМПЛИЦИТНОГО СМЫСЛА ЭМОТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В последние годы в связи с открытием переводческих отделений в университетах и созданием новых переводческих институтов, востребованных временем, усилился интерес к теоретическим проблемам перевода. К вопросам, волнующим как теоретиков, так и практиков, относится, в частности, проблема максимального сохранения содержания текста-источника во всей своей совокупности, т. е. информативной, экспрессивной и прагматической его составляющих. Большое

внимание уделяется также передаче эмоциональной окраски переводного произведения, исполнению так называемых эмоциональных лакун, возникающих при межъязыковой асимметрии.

На синтаксическом уровне эмоциональность выражается в использовании восклицательных предложений, представленных двумя разновидностями: собственно-восклицательными и несобственно-восклицательными предложениями, противопоставляемыми по признаку их структурного несовпадения / совпадения с предложениями других коммуникативных типов. Нас интересуют способы перевода собственно-восклицательных или собственно-эмотивных предложений, которые мы, рассматривая разговорную речь, обозначим как эмотивные высказывания. Поскольку они присущи всем или большинству языков, их следует отнести, используя терминологию, принятую в типологическом сопоставлении, к лингвистическим универсалиям. В типологических исследованиях, как показала Т. А. Репина, принципиально важно, сопоставляя языки, обращаться к оригинальным, непереводаемым текстам [4. С. 5]. Для теории перевода естественно обращение к переводным текстам с целью выявления эквивалентности способов передачи различных структурных типов; этот метод оправдывает себя и в учебном плане, являясь основой курса «Критика перевода», входящего в программу большинства переводческих школ, в частности женеvской.

В настоящей статье нам хотелось остановиться на одном явлении, которое обращает на себя внимание при изучении корпуса примеров: переводе французских эмотивных высказываний, не имеющих формального грамматического соответствия в русском языке.

К самому распространенному типу эмотивных высказываний относятся те из них, которые строятся с различными экскламаторами, как, например: *Que c'est beau! Quel homme! Quelle merveille! Que de monde!* В русском языке существуют параллельные структуры, и поэтому трудностей при переводе

не возникает: *Как красиво! Какой человек! Что за чудо! Сколько народу!*

Французский язык располагает и другими структурами, семантически близкими к названным, но относящимися исключительно к разговорному дискурсу. Их экспрессивный потенциал заключен в «стилистическом» использовании неопределенного артикля и / или указательного детерминатива: *Il fait un vent! Какой ветер! Ветрище-то какой! Il fait une de ces chaleurs! Ну и жара! Жарища стоит!* Аграмматичность конструкции, выражающаяся в употреблении неопределенного артикля при абстрактном существительном без определения и указательного детерминатива, не отсылающего ни к контексту, ни к ситуации, создает сильный эмоционально-экспрессивный заряд. Как в высказываниях с экскламаторами, так и в структурах с неопределенным артиклем, экспрессивность выражается диффузно. В первом случае неопределенность заключена в вопросительной природе экскламаторов (какой? что? сколько?), превращающихся в эмотивных высказываниях в носителя некой высокой степени признака, как со знаком минус, так и со знаком плюс: *Какой человек!* – великолепный, чудесный, прекрасный / отвратительный, гадкий, мерзкий. Во втором случае – *Il fait un vent! une chaleur!* расплывчатость оценочной семантики связана с недетерминированным характером неопределенного артикля, который также отсылает к высокой или непривычной степени признака: ветер необычайно сильный, жара невыносимая.

В переводных текстах мы становимся свидетелями различных переводческих решений.

а) *Je te promets une de ces fessées...*(В., 19) / *Ну и задам же я тебе порку!*(Б., 23)

Cette toile est d'une raideur! (В., 451) / *Этот холст до того грубый!* (Б., 434)

J'ai une de ces allures! (Т., 30) / *Ну и вид у меня!* (Т., 25)

Tu en fais une gueule! (М., 142) / *Ну и рожа у тебя!* (М., 194)

Все приведенные переводы абсолютно соответствуют французским высказываниям. Избранный способ, использующий препозитивную частицу *ну* и союз *и* (*ну и...*), имеет более разговорную, более фамильярную форму, чем нейтральное построение с восклицателем «какой» (*какую порку я тебе дам!*). По нашим наблюдениям, высказывания, вводимые частицами *ну и...*, явно тяготеют к выражению неодобрения, отрицательной оценки.

б) *Cet air de Vivaldi est d'un brillant!* (Т., 57) / Какая чудесная мелодия! (Т., 45)

Il avait un de ces pâtés de campagne! (Т., 12) / Там продается чудесный деревенский паишмет! (Т., 11)

В данном случае в качестве эквивалента французской эмотивной конструкции, являющейся носителем высокой оценки со знаком плюс, которая вытекает из речевой ситуации, выступает аффективное прилагательное «чудесный». Является ли оно адекватной заменой?

Аффективные прилагательные содержат интенсивную оценку, а эмоциональный аспект их значения ориентирован на субъекта. Сочетаясь со словами, которые сами по себе оценки не содержат, аффективные определения имеют оценочный смысл [2. С. 44]. Если расположить данные средства по шкале убывания / нарастания признака, то аффективные прилагательные должны занять на ней место, предшествующее восклицателям и выступающему в этой роли неопределенному артиклю. Аффективные прилагательные не имеют четкой семантики, чаще всего они могут использоваться как со знаком плюс, так и со знаком минус. Если провести обратный перевод, то становится очевидным, что семантически высказывания адекватны: *Quelle mélodie merveilleuse! On y vend un merveilleux pâté de campagne!* Однако утрачена стилистическая характеристика, спонтанный характер высказывания, непосредственность возникающей оценки. Изменился «тон», который должен быть воспроизведен в переводе [5. С. 147].

с) *Elle est antiquaire. Elle a un goût, une finesse d'esprit...* (Т. 156) / Она антиквар. У нее тонкий вкус и проницательный ум (123).

Важные составляющие французского высказывания – эмотивность и высокая совокупная оценка – в переводе утрачены. Не случайно знак препинания не совпадает: многоточие текста-источника сменилось точкой в русском тексте. Во французской реплике говорящий в восторге от качеств человека, которого он характеризует: *такой вкус! такой ум!* Эта восторженность исчезла при переводе. Перевод конкретизировал оценку, заключенную в оригинальном тексте в многоточии, которая благодаря своей неопределенности выражает не просто какой-то конкретный признак, а некую совокупную оценку в элативе. При чтении русского текста складывается впечатление, что характеристику дает человек более опытный, который оценивает умом, хотя французское высказывание содержит обратное: молодая девушка просто выражает восхищение, свое преклонение перед качествами тетушки. Почему же возникают подобные неудачи?

В теоретических работах неоднократно осуществлялись попытки объяснить сам процесс перевода, суть переводческой деятельности. Опираясь на труды предшественников, Н. К. Гарбовский использует понятия глубинной и поверхностной структуры текста [3. С. 363].

Согласно этой точке зрения, которой придерживаются многие переводоведы, деятельность переводчика проходит три этапа. На первом поверхностная структура исходного текста преобразуется в ядерные структуры языка-источника. На втором этапе ядерные структуры языка-источника трансформируются в соответствующие структуры языка перевода. На последнем этапе переводчик их преобразует в поверхностную структуру текста перевода. Таким образом, грамматические категории поверхностных структур исходного текста трансформируются в план семантики; значения одного уровня порождаются на основе семантики другого [1. С. 76]. Только

постигнув глубинный смысл, переводчик находит способы его выражения в новой поверхностной структуре переводного текста. Трансформационная модель объясняет и оправдывает недопустимость буквального соответствия между поверхностными моделями оригинала и переводного текста.

Облекая смысл в новую форму, переводчик создает новую поверхностную структуру, не копируя исходный текст. Но, «переформулируя» его, он стремится выразить тот глубинный смысл, который он постиг, и тем самым эксплицирует оценку, нарушая экспрессивный эффект и упрощая содержание высказывания; мы были свидетелями этого в предыдущем примере.

Приведу еще два примера, свидетельствующие о разных переводческих решениях. Речь идет о стереотипных эмотивных структурах, за которыми закрепилось в общественном сознании вполне определенное значение. Они строятся по схеме: междометие общего значения, существительное – объект оценки, оценка имплицитна. Произнесенные с соответствующей интонацией, они означают вполне определенное эмоциональное отношение говорящего – пренебрежение, если оценка относится к третьему лицу или предмету, нарочитое унижение, преуменьшение своей роли, если речь идет о первом лице. Например:

- *C'est tout de même une affaire de famille! Tu as ton mot à dire...*
- *Oh! mon mot à moi... (Т., 45) /*
- *Это касается всех нас, и ты могла бы сказать свое слово...*
- *Неужели мое мнение кому-то интересно... (Т., 37)*
- *Et moi, je compte sur vous, ma mère, pour convaincre papa de la nécessité de notre départ.*
- *Oh! ton père..., conclut brièvement Mme Rezeau (В., 151).*
- *А я рассчитываю на то, что вы, мама, убедите отца в необходимости для нас поехать учиться. – О! Убедить*

отца! – *раздается заключительный возглас мадам Резо* (Б., 149).

В первом примере оценочное суждение не выражено в поверхностной структуре переводного текста, так же, как оно не выражено эксплицитно и в тексте-источнике. Тем не менее найденная форма риторического вопроса «Неужели мое мнение кому-то интересно?» передает общее оценочное содержание высказывания, глубинная структура остается той же. Перевод второго примера почти буквально воспроизводит французскую фразу, но это приводит к искажению смысла. Ее можно толковать как «Убедить отца – несложное дело», тогда как высказывание означает, что мадам Резо и вовсе не собирается к нему обращаться за советом или помощью. Сохранение поверхностной структуры привело к утрате глубинной.

Таким образом, перевод эмотивных высказываний представляет собой определенные трудности, имеющие объективный характер. Во-первых, среди используемых каждым языком эмоционально окрашенных структур есть специфические способы выражения, не имеющие однозначных параллельных соответствий. Во-вторых, наблюдается тенденция к передаче прежде всего предметно-логического содержания языкового знака, что может привести к утрате истинного значения высказывания, вытекающего из коммуникативной ситуации. В-третьих, стремление донести до получателя переводного текста его имплицитное содержание, перевести импликационал в эксплицитную форму приводит к искажению стилистической и стилевой тональности высказывания.

Следовательно, переводческие преобразования эмотивных высказываний можно охарактеризовать двояко. Это либо естественные трансформации, без которых немислима трансляция вообще, либо деформация: искажение смысла, его преобразование в эксплицитную форму согласно общей установке переводчика выразить полно содержание переводимого текста.

Литература

1. *Бондарко А. В.* Уровни семантики // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26–28 октября 2001 г. СПбГУ, 2002.
2. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
3. *Гарбовский Н. К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
4. *Репина Т. А.* Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996.
5. *Тюленев С. В.* Теория перевода: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2004.

Список сокращений

- В. – *Vazin H.* Vipère au poing. La mort du petit cheval. Cri de la chouette. М., 1979. / Б. – *Базен Э.* Семья Резо. Супружеская жизнь. Кишинев, 1977.
- М. – *Merle R.* Week-end à Zuudcoote. Л, 1972. / *Мерль Р.* Уик-энд на берегу океана. М., 1969.
- Т. – *Troyat H.* Les Eygletières. Р., 1965. / *Труайя А.* Семья Эглетьер. М., 1970.

Я. Р. Хайдаров

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ ОДНОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ НЕСКОЛЬКИХ ЯЗЫКОВ

Проблема интенсификации преподавания иностранных языков приобретает особую актуальность в наступившую эпоху всемирной глобализации, для которой характерны высокая динамика развития межкультурных контактов и глубокие интеграционные процессы, затронувшие все сферы человеческой деятельности. Современный человек благодаря информационным и коммуникационным технологиям имеет

широкий доступ к информации и к общественному достоянию и может общаться на различных языках с представителями практически всех стран, не выходя из собственного дома. В связи с этим можно утверждать, что человечество вступает в *эпоху плюрилингвизма*, в эпоху, когда знание одного иностранного языка, каковым чаще всего является английский, становится недостаточным¹.

Европейские лингвисты последние 15 лет активно работают над возможностью одновременного изучения и преподавания нескольких языков. Это связано с постепенным расширением Европейского Союза, жители которого переживают доселе невиданный процесс взаимообмена в областях экономики, межчеловеческих контактов, в средствах массовой информации. Чиновники Евросоюза обеспокоены возрастанием расходов на переводческие услуги, а также тем, что в последнее время наблюдается тенденция к изучению только в основном английского языка, что не лучшим образом отражается на процессе общения между жителями отдельных государств Европы. Английский язык как средство международного общения далеко не всегда помогает устанавливать эффективную межкультурную коммуникацию между представителями других, неанглоязычных, языковых сообществ.

Существующие проекты по одновременному изучению нескольких романских, германских и славянских языков основаны на их генетическом родстве². Их целью является обучить носителя одного из родственных языков в относительно короткий срок читать тексты и воспринимать устную речь говорящих на других родственных языках. Обучение навыкам разговора не предусматривается, ибо предполагается, что каждый при общении будет говорить на родном языке. Основ-

¹ К тому же известно, что более половины пользователей Интернета не владеют английским языком, и число интернет-пользователей, не говорящих по-английски, быстро растет [1. С. 1].

² Самыми известными в Европе на сегодняшний день являются три проекта – Eurogom4 (Франция), Galatea (Франция) и Eurocom (Германия и Австрия) [7; 8; 10; 11].

ная цель, главным образом, сводится к обучению только взаимопониманию (*intercompréhension réciproque*) письменной и устной речи путем привития рецептивных навыков.

Наиболее разработанной является данная методика на материале романских языков (французского, итальянского, испанского, португальского, румынского и даже каталанского). С самого начала учащиеся обучаются выискивать и распознавать в тексте на каждом новом языке уже им известные языковые явления на основании генетического родства этих языков с их родным языком. Освоение языкового материала основывается на методе Семи сит [9], он как бы просеивается через «семь сит»: интернационализмы, панроманизмы, фонетические соответствия, графемы и правила произношения, панроманские синтаксические структуры, морфосинтаксические структуры и список префиксов и суффиксов. С самого начала говорящий на одном романском языке знает заведомо очень многое и в других романских языках. Ему не надо учить язык с нуля, так как он переносит большое богатство языковых знаний из одного языка в другой. Приведем интересные текстовые продукты, представляемые специалистами проекта *Eurocom* романоязычным учащимся на первых занятиях:

Фр. яз.: *La vache a des cornes sur la tête et quand elle ne dort pas, elle est tout le temps en train de manger de l'herbe et des fleurs des prés, elle les prend avec la langue et elle les rompt avec les dents*³.

Ит. яз.: *La vacca ha le corna sul capo e quando non dorme mangia tutto il tempo l'erba e i fiori dei prati che prende colla lingua e rompe coi denti.*

Исп. яз.: *La vaca tiene cuernos en la cabeza y cuando no duerme está todo el tiempo comiendo la hierba y las flores de los prados que toma con la lengua y rompe con los dientes.*

³ У коровы есть рога на голове, и когда она не спит, она постоянно ест траву и цветы на лугах, берет их языком и перетирает зубами (досл. перевод мой. – Я. Х.).

Порт. яз.: A vaca tem cornos ou chifres na cabeça e quando não dorme está comendo todo o tempo a erva e as flores dos prados que prende com a língua e rompe (corta) com os dentes.

Рум. яз.: Vaca are coarne pe cap; când nu doarme mănâncă tot timpul iarba și florile de pe câmp, pe care le prinde cu limba și le rupe cu dinții.

Кат. яз.: La vaca té corns (o banyes) al cap i quan no dorm està tot el temps menjant l'herba i les flors dels prats que pren amb la llengua i romp amb les dents.

Как видно из примеров, тексты построены на панроманизмах, и носитель одного из этих языков относительно легко распознает эквивалентные формы в текстах на других языках: фр. *vache* 'корова', ит. *vacca*, исп. *vaca*, порт. *vaca*, рум. *vaca*, кат. *vaca*; фр. *corne* 'рога', ит. *corna*, исп. *cuernos*, порт. *cornos*, рум. *coarne*, кат. *corns*; фр. *fleurs* 'цветы', ит. *fiori*, исп. *flores*, порт. *flores*, рум. *flori*, кат. *flors*; фр. *tout le temps* 'все время', ит. *tutto il tempo*, исп. *todo el tiempo*, порт. *todo o tempo*, рум. *tot timpul*, кат. *tot el temp*. Учащиеся испытывают чувство удовлетворения от радости находок и открытий при расшифровке незнакомых текстов, что поддерживает их интерес и пробуждает мотивацию для дальнейшего изучения языков.

В отечественной лингводидактике также разрабатывается теория обучения многоязычию, именуемая «мультилингводидактикой, предметом которой является исследование оптимальных методов, приемов, способов обучения нескольким иностранным языкам одновременно или последовательно в различных условиях и при различных целях обучения»⁴.

⁴ Методика последовательного преподавания четырех иностранных языков (английского, немецкого, французского и испанского) применяется в Пятигорском государственном лингвистическом университете [2. С. 5].

В настоящей статье мы рассматриваем возможность одновременного преподавания французского, испанского и итальянского языков для русскоязычной аудитории. Выбор именно этих языков объясняется как их ролью на международной арене, так и особым интересом россиян к Франции, Испании и Италии. Поток туристов и число деловых поездок из России в эти страны постоянно растет. Опыт показывает, что надежды на возможность общения с французами, итальянцами и испанцами на английском языке оправдываются далеко не всегда. Кроме того, Интернет предоставляет широкий доступ к информации на романских языках и огромные возможности напрямую общаться с их носителями. При этом, с другой стороны, приходится констатировать, что в российских школах и вузах сокращается преподавание французского языка, который сохраняет до сих пор статус международного языка и является ярким представителем романских языков. Исправить сильный крен в сторону английского языка в области преподавания иностранных языков можно путем *разработки методик одновременного преподавания нескольких романских языков*. Учащиеся оказываются перед выбором не между английским и французским, а между английским и несколькими романскими языками. Разумеется, целью обучения нескольким романским языкам одновременно является не противостояние доминированию английского языка, а воспитание многоязычных личностей, необходимость в которых возрастает не только в Европе, но и в России.

Основанием и толчком для разработки эффективных методик по одновременному преподаванию романских языков для русскоязычной аудитории являются изыскания отечественных и зарубежных исследователей в области сравнительно-типологического изучения романских языков, работы по сопоставлению русского и романских языков [3; 4; 5]⁵, а также накоп-

⁵ Список литературы по сопоставительному изучению романских языков см. в учебнике Т. А. Репиной по сравнительной типологии романских языков [4. С. 4], а также на сайте [6].

ленный опыт в создании учебно-методической литературы по преподаванию романских языков.

Русский и романские языки, принадлежащие к индоевропейской семье, обнаруживают сходства в генетическом плане (фр. *maternité* ‘материнство’, фр. *fraternité* ‘братство’, ит. *vedere* ‘видеть’, ит. *sedere* ‘сидеть’, ит. *stare* ‘стоять’, ит. *il mio, il tuo, il suo* ‘мой, твой, свой’). В ходе своего развития русский язык впитал огромный пласт интернациональной лексики, которая большей частью является романской. Известно, что для того, чтобы заговорить на хорошем уровне на иностранном языке, достаточно около двух с половиной – трех тысяч слов. Это так называемая частотная или употребительная лексика. Одна треть из этих трех тысяч слов уже известна русскоговорящим: *традиция, профессия, конструкция, иллюзия, университет, факультет, менталитет, лаборатория, аудитория, тенденция, дистанция, документ, момент, организзм, туризм, оптимизм, энергия, география, фотография, континент, президент, директор, профессор, юрист, классический, фантастический, политический, теоретический, климатический, нормальный, специальный, активный, реактивный, пропагандировать, репетировать, организовывать* и др. Многие итало-испанские слова отличаются от русских слов только системой письма: *luna, forma, natura, poeta, biblioteca, opera, problema, sistema, tema, rosa, figura, temperatura, foto, industria, corona, bar, metro, pantera, Asia, América, África, propaganda, política*.

Русский язык, как известно, испытал в свое время огромное влияние французского языка из-за билингвизма русского образованного общества конца XVIII – начала XIX в., что дало большой пласт заимствованной лексики в русском языке и дает возможность узнавать их во французской орфографии: *balcon, spectacle, billet, entracte, abat-jour, atelier, avant-garde, bagage, garage, soupe, lustre, restaurant, roman, saison, raison, flacon, café, cirque, acrobate, paysage, personnage, acteur, portemonnaie, planchette, bouton, fourgon, risque, pirouette, mémoire*,

gesticuler, applaudir, ironiser, improviser, marcher, dresser и многие др.

Предварительно отобранную общеизвестную интернациональную и заимствованную лексику романского происхождения можно использовать при одновременном преподавании романских языков на всех уровнях, начиная с фонетики. С учетом специфики фонетической системы каждого отдельного из рассматриваемых языков последовательность подачи слов будет различной. Так, из трех романских языков наибольшую специфичность обнаруживает французская фонетика, имеющая носовые и лабиализованные передние гласные, отсутствующие в двух остальных. В связи с этим, к примеру, одной испано-итальянской фонеме [u] в словах *turista, musica* во французском языке соответствуют две фонемы – [u] *touriste* и [y] *musique*. Такие испано-итальянские слова, как *método, grandioso, profesor (professore), tradición (tradizione)*, можно рассмотреть параллельно при изучении произношения гласной *o*, в то время как их французские варианты окажутся в **четырёх** разных рубриках: открытая гласная *o* – *méthode*, закрытая гласная *o* – *grandiose*, передняя лабиализованная гласная [œ] – *professeur* и носовая гласная *o* – *tradition*. Это, однако, ни в коей мере не является помехой для параллельного изучения фонетики языков. Меняются местами только слагаемые. К концу вводно-фонетического курса учащиеся способны выводить фонетические соответствия на уровне морфем и слов, прогнозировать их звучание в соответствующих языках:

Рус. яз.	Фр. яз.	Ит. яз.	Исп. яз.
менталитет	mentalité	mentalità	mentalidad
пропорция	proportion	proporzione	proporción
композитор	compositeur	compositore	compositor
момент	moment	momento	momento
континент	continent	continente	continente
пианист	pianiste	pianista	pianista
персонаж	personnage	personaggio	personaje

поэзия	poésie	poesia	poesía
компетенция	compétence	competenza	competencia
организм	organisme	organismo	organismo

Специфика фонетики романских языков может явиться препятствием для синхронности их преподавания на начальном этапе. В частности, для обучения фонетике французского языка требуется больше затрат времени, чем для фонетики итальянского и испанского языков. Если для освоения фонетики последних достаточно 10–12 часов, то для изучения произношения 15 (13) гласных фонем французского языка необходимо как минимум 30 часов. Выходом из положения может быть перераспределение сетки часов на преподавание фонетики – на французскую фонетику отводится в неделю в два раза больше часов. Одновременное преподавание грамматического материала также не вызывает особых трудностей, несмотря на типологические расхождения русского и романских языков. Это объясняется, с одной стороны, тем, что русский и романские языки обнаруживают в целом одинаковый набор грамматических категорий [3. С. 168–169], с другой стороны, тем, что за внешним различием самих романских языков скрывается их глубокое типологическое сходство [4. С. 79, 110, 205]. Структурные расхождения между русским и романскими языками в области грамматики создают сложности главным образом в употреблении артиклей, в согласовании времен и в объяснении употребления условного и сослагательного наклонений. Романские языки в рамках этих тем имеют много общего.

Аналитизм романского имени, выражающийся, в частности, в отсутствии системы склонения существительных и прилагательных, только облегчает его усвоение, так как не надо заучивать флексии, как, скажем, при изучении русского или латинского языков. Значение большинства русских падежей передается в рассматриваемых романских языках однотипно:

Рус. яз.	Фр. яз.	Ит. яз.	Исп. яз.
Это книга Бориса (род. п.).	C'est le livre de Boris.	(Questo) E' il libro di Boris.	(Esto) Es el libro de Boris.
Это книга для Бориса.	C'est le livre pour Boris.	E' il libro per Boris.	Es el libro para Boris.
Даю книгу Борису (дат. п.).	Je donne le livre à Boris.	(Io) Do il libro a Boris.	(Yo) Doy el libro a Boris.
Разговариваю с Борисом (твор. п.).	Je parle avec Boris.	(Io) Parlo con Boris.	(Yo) Hablo con Boris.
Говорю о Борисе (пред. п.).	Je parle de Boris.	(Io) Parlo di Boris.	(Yo) Hablo de Boris.

Начальные речевые образцы также базируются на идентичных синтаксических моделях. Использование глагола-связки и определенного / неопределенного артиклей, к примеру, можно иллюстрировать предложениями типа:

Рус. яз.	Фр. яз.	Ит. яз.	Исп. яз.
Это Борис.	C'est Boris.	Questo è Boris.	Este es Boris.
Борис – студент.	Boris est étudiant.	Boris è studente.	Boris es estudiante.
Борис – русский.	Boris est russe.	Boris è russo.	Boris es ruso.
Борис – русский студент.	Boris est un étudiant russe.	Boris è uno studente russo.	Boris es un estudiante ruso.
Это Олег. Олег – друг Бориса.	C'est Oleg. Oleg est l'ami de Boris.	Questo è Oleg. Oleg è l'amico di Boris.	Este es Oleg. Oleg es el amigo de Boris.

Объяснение грамматических явлений целесообразнее начать на интернациональной лексике:

Фр. яз.	Ит. яз.	Исп. яз.
C'est un document.	Questo è un documento.	Esto es un documento.
C'est une photo.	Questa è una foto.	Esto es una foto.
C'est un disque.	Questo è un disco.	Esto es un disco.
C'est une bibliothèque.	Questa è una biblioteca.	Esto es una biblioteca.
C'est un restaurant.	Questo è un ristorante.	Esto es un restaurante.
C'est un café.	Questo è un caffè.	Esto es un café.
C'est un théâtre.	Questo è un teatro.	Esto es un teatro.

Эти примеры даются на правило употребления неопределенного артикля в репрезентативной конструкции. Как ви-

дим, взята узнаваемая лексика, причем имеющая один тот же род в романских языках.

Постепенно даются и лексические расхождения. Сначала в одном из трех языков:

Фр. яз.	Ит. яз.	Исп. яз.
C'est une maison .	E' una casa.	Es una casa.
C'est une fenêtre.	E' una finestra.	Es una ventana .
C'est une fourchette.	E' una forchetta.	Es un tenedor .
C'est un journal.	E' un giornale.	Es un periódico .
C'est une lettre.	E' una lettera.	Es una carta .
C'est un ordinateur.	E' un computer .	Es un ordenador.
C'est un cahier .	E' un quaderno.	Es un cuaderno.
C'est une ville .	E' una città.	Es una ciudad.
C'est un miroire .	E' uno specchio.	Es un espejo.

Затем во всех трех:

Фр. яз.	Ит. яз.	Исп. яз.
C'est une chaise .	E' una sedia .	Es una silla .
C'est un crayon .	E' una matita .	Es un lápiz .
C'est un stylo .	E' una penna .	Es una pluma .
C'est un magasin .	E' un negozio .	Es una tienda .
C'est une rue .	E' una strada .	Es una calle .
C'est une pomme .	E' una mela .	Es una manzana .

Отдельные грамматические темы одного из языков могут потребовать большего времени для усвоения, чем двух остальных. Так, материал по образованию форм множественного числа существительных и прилагательных более обширен в итальянском языке. Дело здесь не только в типологическом расхождении в средствах образования форм (окончание *-s* или *-es* во французском и испанском языках независимо от рода существительных и окончания *-i*, *-e* в итальянском в зависимости от рода существительных) [4. С. 41–46], но и в разнообразии исключений из правил: *la foto – le foto* ‘фотография – фотографии’, *la mano – le mani* ‘рука – руки’, *la città – le città* ‘город – города’, *il bar – i bar* ‘бар – бары’, *il re – i re* ‘король – короли’, *il braccio – le*

braccia ‘рука – руки’. В первых двух парах видим, что у существительных женского рода на *-o* во множественном числе окончание может сохраняться либо меняться на *-i*. Существительные, оканчивающиеся на ударную гласную или на согласную во множественном числе, не изменяются (*città, bar, re*). Слова типа *il braccio* не только меняют во множественном числе мужской род на женский, но имеют при этом нетипичное окончание *-a* вместо *-e*. Все это требует дополнительного времени для упражнений и тренировки. Соответствующие слова во французском и испанском языках образуют формы множественного числа стандартно, ср.: фр. *la photo – les photos, la main – les mains, la ville – les villes, le bar – les bars, le roi – les rois, le bras – les bras*; исп. *la foto – las fotos, la mano – las manos, la ciudad – las ciudades, el bar – los bares, el rey – los reyes, el brazo – los brazos*.

Подобные случаи расхождения встречаются на всем пути сопоставительного изложения материала. Они ни в коей мере не ставят под сомнение состоятельность метода, а создают базу для творческого поиска в каждом конкретном случае.

Двумя основополагающими принципами данной методики являются принципы «от известного – к новому» и «от сходств – к различиям», предусматривающие тщательный отбор лексического и грамматического материала и определяющие последовательность их подачи с учетом результатов типологического сравнения русского и романского языков на всех этапах преподавания. Такой подход делает увлекательным как процесс преподавания, так и процесс изучения языков, а в конечном итоге приносит удовлетворение от результатов – овладение несколькими прекрасными языками вместо одного за то же количество времени.

В данной статье мы представили лишь некоторые моменты, связанные с возможностью одновременного преподавания романских языков. Предметом отдельного разговора могут быть пути преодоления межъязыковой интерференции, проблема отбора общеупотребительной романской лексики и

использования лингвокультурологического материала в русле мультилингводидактики.

Литература

1. *Абрамова Н. Н., Глобус Е. И.* Формирование многоязычных словарей и их использование при кросс-языковом поиске информации // http://company.yandex.ru/grant/2005/01_Abramova_102704.pdf
2. *Барышников Н. В.* Дидактика многоязычия // Вестник ПГЛУ 3. 2003 // <http://pn.pglu.ru/index.php>.
3. *Гак В. Г.* Сопоставительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1989.
4. *Ретина Т. А.* Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский): Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.
5. *Языки мира: Романские языки.* М.: Academia, 2001.
6. Bibliographie zur Interkomprehension aus: Klein/Stegmann, EuroComRom (2000) // <http://www.eurocomresearch.net/kurs/biblio.htm>
7. *Blanche-Benveniste C.* Compréhension multilingue et connaissance de sa propre langue // <http://ancilla.unice.fr/~brunet/pub/claire.html>
8. Europäische Mehrsprachigkeit. EuroComRom // <http://www.euro-comprehension.de>
9. *Horst G. Klein.* EuroCom – Die sieben Siebe. Die Lehrbücher zum Internetkurs // <http://www.eurocomrom.de>
10. Le programme de recherche Galatea // <http://w3.u-grenoble3.fr/galatea/classic.htm>
11. Modélisation de l'Apprentissage Simultané de plusieurs Langues apparentées ou voisines à partir de la Méthode EuRom4 // <http://ancilla.unice.fr/~brunet/pub/textefranc.html>

**РУМЫНСКИЙ ПЕРЕВОД СКАЗКИ В. М. ШУКШИНА
«ДО ТРЕТЬИХ ПЕТУХОВ»¹**

Произведение В. М. Шукшина «До третьих петухов (Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума)» [12] вышло из печати в 1975 г. (уже после смерти писателя) в журнале «Наш современник». Т. Л. Рыбальченко в статье для энциклопедического словаря-справочника отмечает, что жанровая природа произведения определяется неоднозначно: повесть для театра, сатирическая, философская или гротесковая повесть, литературная сказка. «Суть расхождений, – пишет Т. Л. Рыбальченко, – вызвана различием в понимании замысла автора. Сатирическое моделирование современности с опорой на маски персонажей литературы и фольклора позволяет трактовать повесть как игровое действие, как гротесковое заострение реальности, сатиру, продолжающую традиции Ф. Рабле, Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, М. Булгакова» [6]. В. Ф. Горн замечает, что повесть-сказка «представила Шукшина в новом измерении, в ином масштабе. Долгое время в критике ощущалась даже некоторая растерянность, вызванная причудливостью, сложностью и, разумеется, неожиданностью появления повести-сказки» [1. С. 169]. А. А. Дуров, опираясь на предыдущие анализы жанровой структуры «До третьих петухов», приходит к выводу: «специфика жанровой формы в шукшинском произведении представляет собой органическое единство трех родов литературы: драмы, лирики, эпоса. Каждый из этих родов трансцендирует себя (сказка становится трагедией, лирической поэмой, повестью). Трансценденция эта выводит произведение в область «серьезно-смехового», в жанровое

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ: аналитическая ведомственная программа «Развитие научного потенциала высшей школы».

своеобразие, соединяющее в себе философский универсализм и злободневную современность» [2. С. 16].

Приведенные выше высказывания исследователей показывают, как неоднозначна и сложна для восприятия сказка (будем называть это произведение вслед за автором сказкой) «До третьих петухов» даже для специалистов-литературоведов, не говоря уже о рядовом читателе. Сказка, тем не менее, была переведена на некоторые иностранные языки: немецкий (Берлин, 1976), венгерский (Будапешт, 1977), румынский (Бухарест, 1979), английский (Лондон; Нью-Йорк, 1985) и др. [11]. Театральные постановки данного произведения были осуществлены в Болгарии и Польше [8. С. 98–99].

Румынский перевод сказки был опубликован в сборнике «Un șofer de elită» (название сборнику дал рассказ «Классный водитель», по которому впоследствии был снят первый фильм В. М. Шукшина-режиссера «Живет такой парень»), в сборник вошли также 28 рассказов и киноповесть «Калина красная» [17]. Александру Каланс, осуществивший перевод произведений данного сборника, является и автором предисловия, в котором дана биографическая справка о В. М. Шукшине и несколько коротких зарисовок, характеризующих творчество писателя в целом. Что касается сказки, то она определяется как «необычное современное произведение с причудливым звучанием, в котором сатира Шукшина достигает самых больших высот» [17. С. 10]. Румынские критики считают: «В самом общем смысле «До третьих петухов» – это **гимн русскому народу** (выделено нами. – В. Ч.), простому человеку, утверждение истинных нравственных, духовных и культурных ценностей» [13. С. 8]. Шукшинская сказка, таким образом, представляет собой текст с ярко выраженным национально-культурным компонентом, который транспонируется в иноязычную среду. Болгарская исследовательница А. Лилова справедливо замечает: «Трудности при переводе в значительной степени связаны именно с передачей национального характера того или иного произведения: чем ярче оно

отражает национальную жизнь, чем более характерные ситуации освещает, тем труднее переводчику найти соответствующие адекватные функциональные изобразительные средства» [З. С. 103].

Обращаясь к сопоставительному анализу двух текстов сказки, отметим, что заглавие переводится дословно («*Pînă la al treilea cîntat al cocoșilor*»), так как его аллюзия является интернациональной. Имя главного героя калькируется: *Иван-дурак* – *Ivan-prostovan* (*prostovan* – *глупец, дурак, простофиля*). Меняется подзаголовок текста: в румынском варианте Иван отправляется набираться ума-разума не за тридевять земель, а за девять морей и девять земель (*Poveste despre Ivan-prostovan, cum a plecat el peste nouă mări și nouă țări să prindă minte*), то есть элемент культуры текста оригинала заменен на элемент культуры текста перевода. Помогая своему читателю ориентироваться в самобытном шукшинском тексте, переводчик вводит подстрочные комментарии, где поясняются имена некоторых сказочных персонажей: *Илья Муромец, Василиса, царица Несмеяна*. Комментарии при этом могут быть краткими (*Василиса – персонаж из русских народных сказок*), могут объяснять «говорящее» имя (*царица Несмеяна – царица, которая никогда не смеется, персонаж из русских народных сказок*), могут «высветить» характерную особенность героя (*Илья Муромец – персонаж из русских былин, который, согласно легенде, в молодости не мог ходить*).

В сказке присутствуют и персонажи русской классической литературы, которые, безусловно, знакомы читателям текста оригинала по школьной программе: *некто в цилиндре – не то Онегин, не то Чацкий; тяжелый помещик, похоже Обломов; господин пришибленного вида, явно чеховский персонаж; некто канцелярского облика, лысый; Бедная Лиза; какой-то, явно лишний; гулевой атаман; некий мелкий персонаж, вроде гоголевского Акакия Акакиевича*. Все названные словосочетания переведены дословно, и только лексема *лишний* пояс-

няется следующим образом: «Отсылка к персонажу, не умеющему приспособиться (лишний человек), часто встречается в русской литературе XIX в. (Онегин, Печорин, Рудин и др.)». Сомнительно, что все остальные типажи воспринимаются адекватно иноязычным читателем.

В подстрочных комментариях поясняются транслитерированные названия русских танцев, например: *Kamarinskaia* – *русский народный танец*. Песня «Сухой бы я корочкой питалась» переведена дословно с последующим комментарием: «Жалостливая русская песня».

Следует особо отметить, что важную роль в произведениях Шукшина играет песня. Американская исследовательница творчества писателя Д. Немец-Игнашев одну из своих работ назвала «Искусство В. Шукшина: Воля через песню» [16]. Н. Кристиан пишет, что в сказке «До третьих петухов» через песню обращаются к душе человека [14. С. 393]. В текст сказки включены одиннадцать разнохарактерных песен: это протяжные русские народные («Хаз-булат удалой», «По диким степям Забайкалья»), современные ритмичные («Разве ты мужчина!»), плясовые («Ох вы, сени, мои сени»), частушки («Эх, милка моя»), романсы («Очи черные») и др.² Все песни сохранены в тексте перевода, более того, они переданы практически дословно и в рифму:

Хаз-булат удалой,	Haz-bulat cel viteaz ,
Бедна сакля твоя-а,	Ți-e sălașul <i>sărman</i> ,
Золотою казной	Tot în aur și-altaz
Я осыплю тебя-а!..	Te-oi încinge <i>avan</i> .

Одна из основополагающих для сюжета сказки песня «По диким степям Забайкалья» определена как «Сибирская баллада» («Balada Siberiei»), ср.: – *Какую же они запели?* – «По диким степям Забайкалья»; – *Се i-au cântat?* – «Balada Siberiei». Такой перевод, на наш взгляд, оправдан, так как он

² Полный перечень всех песен, используемых в произведениях В. М. Шукшина, можно найти в статье А. В. Новосельцева [4].

подчеркивает значимость песни для данной сказки и русской культуры в целом.

В шукшинском тексте есть такая реалия, как *кубок «Большого орла»*: – *Кубок «Большого орла» ему! – Тумаков ему! Тумаков!..* Передав дословно данный текст, переводчик дает подстрочный комментарий: *кубок «Большого орла»* – это «огромный кубок, который должны были выпивать «наказанные» придворные Петра I, он и ввел эту традицию». Данная историческая справка может быть полезна не только иноязычному читателю. Всего в переводе сказки десять подстрочных комментариев (своего рода текст в тексте), что свидетельствует о стремлении переводчика помочь своему читателю понять сложное (с точки зрения насыщенности компонентами национальной культуры) шукшинское произведение.

Другой способ адаптации сказки для иноязычного читателя состоит в замене отдельных слов и понятий, ими обозначаемых. Сказочные персонажи *Баба Яга* и *Змей Горыныч* заменены похожими персонажами румынских сказок *Baba Cloanța* (безобразная, злая, беззубая старуха), *Balaur* (сказочное чудовище, которое олицетворяет собой зло, изображается как огромная змея с одной или несколькими головами, часто с крыльями) [15]. *Избушка на курьих ножках* теряет «курьи ножки», становясь *домишкой (o căscioară)*, а снисходительно-фамильярное обращение *Горыныч* отсутствует.

Интересная, но, на наш взгляд, неоправданная замена происходит со словом *вино* в следующем контексте: [Стражник] *Дай вина! <..> – Вина! – рявкнул стражник. – Вина, – покорно повторил изящный [черт].* В тексте перевода во всех случаях используется лексема *водка (votcă)*. Вероятно, данная замена связана с одним из стереотипов восприятия русских, что, исходя из исследования А. В. Сергеевой о феномене российского пьянства, не лишено основания [7. С. 192–197].

Представители «фауны» в речи библиотекариши тоже поменялись: козел стал фазаном, баран – быком, тюлень –

пингвином, филин – ослом: – *Да нет, – говорила библиотекарша. – Я думаю, это пиено. Он же козел. Пойдем лучше потопчемся. А? Нет, ну он же козел. Мы потопчемся, так? Потом пойдем к Владиду... Я знаю, что он баран, но у него «Грюндик» – посидим... Тюлень тоже придет, потом этот будет ... филин-то... Да я знаю, что они все козлы, но надо же как-то расстрелять время! – Ва, ну, zicea bibliotecara. – Cred că s-ar face varză. Ȃla-i un fazan... Mai bine te fac o pînză. Vrei? Nu, dragă, doar țspus că-i fazan. Ȃntîi te fac o pînză, pe urmă mergem amîndouă la Vladik... Știu, tu, că-i bou, da' are măcar un "Grundig"... Vine și Pinguinul, mai vine și... măgarul ȂlȂlalt. Știu, tu, că-s fazani și Ȃștia, da' ne ușchim și noi devreme.* В другой культуре, как видим, другие животные приобретают переносное значение, дословный перевод в таких случаях может привести к сбою в межкультурной коммуникации³.

В процессе перевода происходила вынужденная замена не только слов и словосочетаний, но и более крупных отрезков текста, например: *На языке офеней это называется не прохонжé. – Cum ziceau negustorii "marfa asta n-are cȂtare"* (досл. *Как говорили купцы, данный товар не пользуется спросом*), в переводном тексте использована румынская поговорка; *Несмеяна тихо зверела от скуки*, обратный перевод с румынского выглядит следующим образом: *Несмеяна оцущала, что скука будит в ее душе тысячу свирепых чувств.*

В последние годы в исследованиях по переводу художественных текстов все настойчивее проводится тезис, что переводятся не только языки, но и культуры. Что касается перевода культуры, то здесь существуют разные точки зрения. С одной стороны, считается, что культурная адаптация текста не может быть абсолютной [10. С. 19], с другой стороны, высказывается мысль о том, что «специфические культурные факторы принципиально могут быть переданы в терминах

³ Интересный материал по образным ассоциациям современного румынского языка в сопоставлении с русским и некоторыми западнороманскими языками (французским, итальянским, испанским) представлен в работе Т. А. Репиной [5].

другой культуры» [9. С. 13]. Истина, как нам кажется, находится посередине. На примере перевода сказки В. М. Шукшина «До третьих петухов» мы видим, что полной культурной адаптации текста не происходит, но многие элементы национальной культуры находят отражение (тем или иным способом) в румынском переводе сказки.

Литература

1. *Горн В. Ф.* Василий Шукшин: Личность. Книги. Барнаул, 1990.
2. *Дуров А. А.* Трансформация традиционного образа дурака в прозе В. М. Шукшина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 1996.
3. *Лилова А.* Введение в общую теорию перевода / Пер. с болг. М., 1985.
4. *Новосельцев А. В.* Шукшин и песня // Шукшинский вестник. Вып. 1. Сrostки, 2005.
5. *Репина Т. А.* Представление об объектах реального мира в образных сравнениях румынского языка // Вестник СПбГУ. Серия 2. 1999. Вып. 2 (№ 9).
6. *Рыбальченко Т. Л.* До третьих петухов. Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Т. III (Рукопись).
7. *Сергеева А. В.* Русские: Стереотипы поведения. Традиции. Ментальность. М., 2005.
8. Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Т. 1. Барнаул, 2004.
9. *Хайруллин В. И.* Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.
10. *Швейцер А. Д.* Социолнгвистические основы теории перевода // Вопросы языкознания. 1985. № 5.
11. *Шукшин В. М. (1929–1974):* Библиографический указатель. Барнаул, 1994.
12. *Шукшин В. М.* Киноповести. Повести. Барнаул, 1986.
13. *Sernicova G.* Фольклорные традиции в современной советской прозе (Повести-сказки В. Шукшина) / Universitatea din Timișoara. Facultatea de filologie. Timișoara, 1986.

14. *Christian N. Vasiliu Shukshin and the Russian Fairy Tale: a Study of Until the Cock Crows Thrice* // *The Modern Language Review*. 1997. Vol. 92. P. 2.
15. *Dicționarul explicativ al limbii române*. București, 1984.
16. *Nemec Ignashev D. The Art of Vasilij Šukšin: Volja through Song* // *Slavic and East European Journal*. 1988. Vol. 32. № 3.
17. *Šukšin V. Un șofer de elită*. București, 1979.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Боголюбова Лариса Ивановна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Буторина Надежда Викторовна*, аспирант кафедры романской филологии Института иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Дебов Валерий Михайлович*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии и латинского языка Ивановского государственного университета, г. Иваново
- Дырул Александр Михайлович*, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии Академии наук Республики Молдова, г. Кишинев
- Зеленина Тамара Ивановна*, доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Знаменская Валентина Тимофеевна*, доцент кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, г. Кемерово
- Иванова Екатерина Павловна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Калинина Ирина Юрьевна*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Кириллова Нина Николаевна*, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. С.-Петербург
- Кубасова Анна Олеговна*, аспирант кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург

- Курьянова Лариса Александровна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Кушкина Элла Яковлевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Ламина Ксения Валентиновна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Макарьева Анна Петровна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Марусенко Михаил Александрович*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Мед Наталья Григорьевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Мельничук Ольга Алексеевна*, доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Якутского государственного университета, г. Якутск
- Мерзлякова Альфия Хамитовна*, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романских языков факультета профессионального иностранного языка Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Нарумов Борис Петрович*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН, г. Москва

- Никитина Татьяна Петровна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Попова-Велева Иванка Тодорова*, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Романистика» Великотырновского университета им. Святых Кирилла и Мефодия, г. Велико-Тырново, Болгария
- Пушина Любовь Александровна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии Института иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Рад Илие*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики факультета политики и управления Университета «Бабеш-Бойои», г. Клуж-Напока, Румыния
- Репина Тамара Александровна*, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Сабанеева Маргарита Константиновна*, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Серова Любовь Федоровна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, г. Кемерово
- Становая Лидия Анатольевна*, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. С.-Петербург
- Степанова Лариса Георгиевна*, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, г. С.-Петербург

- Сухачев Николай Леонидович*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, г. С.-Петербург
- Томашпольский Валентин Иосифович*, доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, г. Екатеринбург
- Ушакова Татьяна Михайловна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Хайдаров Язгар Рифович*, кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, г. Кемерово
- Чекалина Евгения Михайловна*, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Чельшева Ирина Игоревна*, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом индоевропейских языков Института языкознания РАН, г. Москва
- Чеснокова Валентина Алексеевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета, г. Барнаул

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА Т. А. РЕПИНОЙ.....	5
О времени и о себе («Исповедь» юбиляра)	8
Библиография трудов Т. А. Репиной	20
Кандидатские диссертации, выполненные под руководством Т. А. Репиной.....	30
Литература о жизни и деятельности Т. А. Репиной	32
I. ИСТОРИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ.....	34
<i>Репина Т. А.</i> Категории диалектики и история языка (Иерархия падежных форм в латыни и старофранцузском языке).....	34
<i>Знаменская В. Т.</i> Отражение гендерных отношений в родовой оценке имен в старофранцузском языке	46
<i>Калинина И. Ю.</i> Дипломатическая лексика как отражение испанско-русских взаимоотношений (На материале одного дипломатического документа XVIII в.).....	54
<i>Курьянова Л. А.</i> G. de Ville-Hardouin // R. De Clari «Conquête de Constantinople» (Отбор и оценка хроникерами описываемых событий и ситуаций).....	63
<i>Ламина К. В.</i> Из истории испанских отрицаний (Наречие <i>tatpoco</i> ‘также не’)	73
<i>Нарумов Б. П.</i> Идея единства языка в румынском языкознании	80
<i>Никитина Т. П.</i> Об особенностях декодирования французских исторических фразеологизмов (XVII–XVIII вв.).....	85
<i>Сабанеева М. К.</i> К проблеме формальных моделей нереального условного периода (От латинского языка к французскому)	93
<i>Становая Л. А.</i> Именное склонение в первых описаниях французского языка.....	102
<i>Сухачев Н. Л.</i> Б. П. Хашдеу и концепция языка в «Etymologicum Magnum Romaniae» (EMR)	112
<i>Чельшева И. И.</i> К вопросу о восприятии языкового разнообразия в романском Средневековье	124

II. СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ.....	134
<i>Боголюбова Л. И.</i> Принципиально не перформативные высказывания во французском языке	134
<i>Дырул А. М.</i> Механизм размещения слов в линейном потоке речи и его отражение в традиционной грамматике (На материале румынского языка)	141
<i>Иванова Е. П.</i> Формирование понятия «дикционарика» в рамках традиционной французской лексикографии	150
<i>Кубасова А. О.</i> Представления о свойствах и поведении животных как фрагмент картины мира носителя румынского языка.....	156
<i>Мед Н. Г.</i> Анималистическая лексика и фразеология как фрагмент оценочной картины мира (На материале испанской разговорной речи)	167
<i>Мельничук О. А.</i> Авторская пунктуация и явление пунктуационной синонимии в произведениях современных франкоязычных авторов	178
<i>Попова-Велева Иванка Т.</i> Франк умер – да здравствует евро! (О слове <i>euro</i> во французском языке).....	188
<i>Пушина Л. А.</i> Курсив как разновидность дискурсивной метонимии во французском языке (На материале французской литературы)	193
<i>Рад Илие.</i> Семантические плеоназмы в румынском языке	201
<i>Серова Л. Ф.</i> Проблема сексизма во французском языке и попытки ее решения	210
<i>Чекалина Е. М.</i> Библейские реминисценции во французском массово-информационном дискурсе.....	221
III. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА	230
<i>Буторина Н. В.</i> Семасиологический и ономасиологический принципы изучения лексики в сравнительной типологии (О названиях наук в романских, германских и русском языках)	230
<i>Дебов В. М.</i> О некоторых сходствах и различиях образных сравнений в романских языках (На материале французского и итальянского языков).....	238

<i>Зеленина Т. И.</i> Опосредованные заимствования (Французские слова в удмуртском языке)	243
<i>Кириллова Н. Н.</i> Эпидигматические парадигмы с этнонимами в романских языках	253
<i>Кушкина Э. Я.</i> О новом переводе «Евгения Онегина» на французский язык	265
<i>Макарьева А. П.</i> Об одном из способов выражения таксисных отношений в тексте (На материале переводов с русского языка на французский).....	277
<i>Марусенко М. А.</i> Франкофония: многообразие языковых норм и эпидигматический дискурс	284
<i>Мерзлякова А. Х.</i> Структура семантического поля «вкус» во французском, испанском и итальянском языках	294
<i>Степанова Л. Г.</i> К типологической характеристике итальянского языка: О. Мандельштам. «Разговор о Данте», глава I	302
<i>Томашпольский В. И.</i> Контактные элементы итальянского происхождения во французском языке: множественное число	313
<i>Ушакова Т. М.</i> Преобразования имплицитного смысла эмотивных высказываний при переводе с французского языка на русский	320
<i>Хайдаров Я. Р.</i> Романские языки как материал для разработки методики одновременного преподавания нескольких языков	327
<i>Чеснокова В. А.</i> Румынский перевод сказки В. М. Шукшина «До третьих петухов»	339
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	347

Научное издание

**РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

*Сборник статей
к 80-летию профессора
Тамары Александровны Репиной*

Ответственный за выпуск *Т. И. Зеленина*
Редактор и технический редактор *Е. Ф. Осипова*
Оригинал-макет: *А. З. Пилина*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 20.04.2007.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,46. Уч.-изд. л. 19,36.
Тираж 200 экз. Заказ №

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в типографии Удмуртского государственного университета.
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1.